И.И. Малышевский

Западная Русь
в
борьбе за веру и
народность.

I 245/257

ЗАПАДНАЯ РУСЬ

ВЪ БОРЬБѢ

ЗА ВѢРУ И НАРОДНОСТЬ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

СОСТАВИЛЪ

И. И. Малышевскій

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1897

ЗАПАДНАЯ РУСЬ

ВЪ БОРЬБѢ

ЗА ВѢРУ И НАРОДНОСТЬ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

СОСТАВИЛЪ

И. И. Малышевскій

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ

1897

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ 12 Августа 1897 г.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Климентъ*.

2007059146

ГЛАВА I.

Западная Россія при Русскихъ Галицко-Волынскихъ Князьяхъ и при первыхъ Литовско-Русскихъ Князьяхъ. Православіе и русская народность въ Литвѣ.

1. *Начальное единство Русской земли или Россіи.*

Съ тѣхъ поръ, какъ, по выраженію преподобнаго Нестора лѣтописца, пошла есть земля Русская, т. е. какъ началось бытіе нашей родной Россіи, возымѣла она, по милости Божіей, твердыя основы своего единства, а съ нимъ и своей силы. Первою основою ея единства послужила однородность того наиболѣе численнаго и сильнаго населенія, изъ котораго главнымъ образомъ составился Русскій народъ. Это населеніе состояло изъ славяно-русскихъ племенъ, каковы: поляне, сѣверяне, бужане или волыняне, древляне, дреговичи, кривичи, полочане, славяне новгородскіе, радимичи, вятичи. Племена эти происходили изъ одного общаго Славянскаго корня, говорили одною, родившеюся изъ славянскаго

языка, русскою рѣчью; и въ этой родной, понятной всѣмъ рѣчи имѣли наиболѣе вѣрный знакъ своего кровнаго родства, своего племенного и всенароднаго единства, т. е. коренного единства всѣхъ славяно-русскихъ племенъ, составившихъ русскій народъ.

Другою основою начальнаго единства Русской земли была единая государственная власть русскихъ князей, положившая въ ней начало единому государству. Силою этой власти славяно-русскія племена, давно осѣвшіяся по далекимъ пространствамъ великой земли русской, но жившія особо своими родами по городамъ и селамъ, приведены въ союзъ государственный; въ этомъ союзѣ и начался для нихъ общій законъ и порядокъ, и ихъ особыя силы стали соединяться въ общую силу всей земли русской, и русскіе славяне стали чувствовать себя людьми единой земли русской, гражданами единаго русскаго государства. При Владимірѣ Святомъ и сынѣ его Ярославѣ Мудромъ государственная власть, какъ единая власть земли русской, простиралась изъ престольнаго Кіева на сѣверъ до Новгорода и далѣе на востокъ въ предѣлы приволжскаго края, на западъ на Волынь и Червонную Русь до Карпатскихъ горъ, и на югъ достигла низовьевъ Дона и Черноморья. Тогда русское государство, какъ говоритъ славный историкъ Карамзинъ, было едва-ли не самымъ обширнымъ изъ государствъ Европы. Послѣ Владиміра и Ярослава государственная власть раздробилась, и кромѣ одного Великаго Князя Кіевскаго настало много удѣльныхъ русскихъ князей, владѣвшихъ по удѣльнымъ городамъ и областямъ. Но всѣ эти князья были одного роду-племени, были изъ потомковъ Владиміра и Ярослава; съ этимъ единствомъ княжескаго рода, властвовавшаго по всей Руси, сохранялось представленіе о ея начальномъ государственномъ союзѣ и единствѣ, о которомъ

напоминаетъ еще долго державшаяся власть Великаго князя Кіевскаго.

Третьею, уже духовною и самою глубокою основою единства земли Русской были единая вѣра христіанская, православная, насажденная при св. Владимірѣ и послѣ него во всѣхъ племенахъ славяно-русскихъ, а съ нею и единая христіанская Православная Церковь съ ея богослуженіемъ на родномъ славянскомъ языкѣ, съ ея святынями, съ ея церковнымъ устройствомъ, во главѣ котораго была единая духовная власть Кіевскаго митрополита. На этой духовной основѣ зарождалось въ русскомъ народѣ чувство единовѣрія, братства въ вѣрѣ, братства христіанскаго, такъ-что русскіе люди обыкли звать себя преимущественно христіанами, а свою землю—русскою христіанскою землею. Чувствомъ единовѣрія освящалось и укрѣплялось въ русскомъ народѣ чувство единоплеменства и единоземства или сограждантва.

Съ самого начала въ предѣлахъ, и особенно на окраинахъ Русской земли, жили и другія не славянорусскія племена, а инородческія, какъ Литва и Латыши на сѣверо-западѣ, разныя финскія племена (Чудь, Корелы, Лопари, Зыряне, Мурома, Мордва) на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, Половцы и другіе на югѣ. Но то были или небольшія племена, или хотя и большія, но слабыя, или же хотя большія и сильныя, но—бродячія кочевыя, не прикрѣплявшіяся къ Русской землѣ. Одни изъ нихъ были подвластны Руси и платили дань ей, какъ говоритъ преподобный лѣтописецъ; другія оставались независимы и даже воевали съ Русью. Но всѣ они были такъ сказать, недоростками на русской землѣ въ сравненіи съ русскими славянами,—не доросли до такого государственнаго союза, какъ послѣдніе. А главное—всѣ они отстали отъ нихъ по вѣрѣ, ибо оставались въ

своей старой языческой вѣрѣ и не знали вѣры христіанской, которая сразу дала превосходство надъ ними Русскому христіанскому народу. Ему-то и суждено было Промысломъ Божіимъ возгосподствовать безраздѣльно на всей русской землѣ и надъ всѣми инородцами ея; просвѣщать ихъ христіанскою вѣрою и чрезъ это роднить ихъ съ собою, воспринимать въ христіанское братство и въ составъ единаго христіанскаго государства Русскаго.

Но какъ въ жизни людей, такъ и въ жизни цѣлыхъ странъ, народовъ и государствъ бываютъ испытанія и превратности, постигающія ихъ по собственной винѣ ихъ, или по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ. Были такія испытанія и превратности и въ исторической жизни Россіи, грозившія поколебать народное, государственное и религіозное единство ея и причинить ей раздѣленіе на двѣ части—Западную и Восточную Россію.

---

2. Начальная подготовка раздѣленія земли Русской на Западную и Восточную.

Древняя Русь отчасти и сама подготовила свое распаденіе на Западную и Восточную. Когда послѣ Ярослава Мудраго, единовластца всей Руси, настало въ ней много удѣльныхъ князей, а потомъ число ихъ болѣе и болѣе прибывало отъ разроставшагося княжескаго рода, то далеко не всегда сохранялись между ними братская любовь и согласіе, какъ-то, къ сожалѣнію нерѣдко бываетъ и во всякихъ людскихъ семьяхъ и людской роднѣ. Дробились княжескіе удѣлы изъ-за удѣльныхъ и разныхъ себялюбивыхъ счетовъ, множились распри и усобицы между князьями, городами и областями, умалилось значеніе Кіевскаго Великаго Князя,

какъ единаго старшаго между князьями и главы ихъ, и значеніе Кіева, какъ старшаго города и главы всей и единой земли русской. Правда, память о главенствѣ Великаго князя и Кіева, о братствѣ князей не пропадала; и не замирало въ народѣ чувство братства по племени, по вѣрѣ, по единой и родной землѣ русской. Бывало, что князья ихъ, бояре и дружины изъ народа, по увѣщаніямъ пастырей, по голосу лучшихъ князей братолюбцевъ (какимъ былъ особенно правнукъ святаго Владиміра Владиміръ Мономахъ) соединялись для защиты земли Русской отъ разныхъ недуговъ, для улаженія домашнихъ распрей и т. п. Этимъ только смягчалось зло розни, но, къ несчастью, не совсѣмъ искоренялось, и необходимо вело къ ослабленію и всей земли русской. Правда и то, что съ умноженіемъ княжескихъ удѣловъ, разросталось число городовъ и поселеній въ русской землѣ, а въ замѣнъ упадавшаго главенства Кіева и Кіевскаго князя, выростали силы князей Владимірскихъ и Суздальскихъ на сѣверо-востокѣ и Волынскаго и Галицкаго на юго-западѣ. Дорогъ былъ для будущаго этотъ запасъ силъ; но пока они не доросли, не могли они ни стянуть къ себѣ силы всей земли Русской, ни замѣнить ихъ; и, дѣйствуя раздѣльно по своимъ областямъ, они подготовили пока лишь почву для раздѣленія Руси на Сѣверо-Восточную и Юго-Западную, иначе говоря: Восточную и Западную. Еще рѣшительнѣе воздѣйствовало на такое раздѣленіе земли Русской, послѣдовавшее съ конца 30-хъ годовъ XIII вѣка, порабощеніе Руси Монголами или Татарами. Изъ далекихъ странъ Азіи нахлынула страшная орда Татарская на Русскую землю,—сперва восточную, потомъ юго-западную часть ея.

Раздробленная на мелкіе удѣлы, ослабленная распрями и усобицами князей, городовъ и областей, раз-

двоившая главныя свои силы по двумъ половинамъ своей земли, Русь христіанская не могла осилить татаръ. Избивъ въ своихъ походахъ по Русской землѣ многихъ князей и несчетное множество народа, разоривъ многіе земли и города, въ томъ числѣ Владиміръ на сѣверѣ и Кіевъ на югѣ, Татары стали надолго властвовать надъ Русью. Благочестивые предки наши сами еще справедливо сознавали, что такія бѣдствія постигли Русскую землю именно за ея же грѣхи, особенно за грѣхи розни и вражды князей и областей. Но они же признавали милость Божію въ томъ, что не погибла Русь отъ татарскаго погрома и ига. Они сохранили свою святую вѣру и церковь, которой не гнали Татаре, своихъ князей и пастырей, уставы гражданскіе и церковные и свой бытъ народный. Мало того: подпавъ власти невѣрныхъ иноплеменниковъ, Русь еще болѣе прикрѣпилась къ своей вѣрѣ, въ которой находила главное отличіе свое отъ поработителей и главное утѣшеніе въ бѣдахъ и тягостяхъ татарскаго ига; и еще болѣе полюбила свою русскую, христіанскую народность, какъ именно народность свою, родную, общую русскимъ людямъ всей земли Русской; пріучалась видѣть въ ней и свое единство и постоянство предъ пришельцами и поработителями. Вразумленная постигшимъ ее испытаніемъ, Русь могла подняться отъ разоренія, собрать свои силы, чтобъ вновь расти и крѣпнуть. Но этотъ новый ростъ ея имѣлъ уже на долгое время совершаться раздѣльно по двумъ полосамъ земли Русской-Восточной и Западной. Монгольскіе властители, примѣтивъ въ землѣ Русской существованіе двухъ сильнѣйшихъ князей, не желали и не могли перечить такому порядку и признали Владимірскаго князя, старшимъ т. е. великимъ княземъ на сѣверѣ, а Галицко-Волынскаго на юго-западѣ. Старшимъ княземъ на сѣверѣ сталъ Ярославъ

Всеволодовичъ, отецъ св. Александра Невскаго, а на юго-западѣ Даніилъ Романовичъ Галицкій—оба потомки славнаго Владиміра Мономаха. Кіевъ же, крайне разоренный и умалившійся, остался безъ своего князя. Такимъ распоряженіемъ Монгольскихъ властителей много подкрѣпилось уже прежде подготовленное раздѣленіе Руси на Восточную и Западную.

---

3. Объединеніе сѣверо-восточной Россіи или Великороссіи подъ властію московскихъ великихъ князей.

Сильнѣе и счастливѣе пошелъ ростъ Сѣверо-Восточной Руси или *Великороссіи*. Она была шире пространствомъ, сильнѣе селеніемъ, навсегда удержала своихъ природныхъ Русскихъ и единовѣрныхъ Великихъ князей, какими были, послѣ Ярослава Всеволодовича сынъ его—мужественный, славный и святой *Александръ Невскій и его потомки*. Изъ разореннаго Кіева перешли въ Великороссію и митрополиты Кіевскіе—сперва во Владиміръ на Клязьмѣ, потомъ въ Москву, и своею духовною властью подкрѣпляли власть Великихъ князей. Союзными стараніями ихъ удѣльныя области и города Великороссіи постепенно собирались подъ одну верховную власть Великихъ князей Московскихъ, которые поэтому и называются *собирателями земли Русской*. Началось такое собираніе особенно со времени внука св. Александра Невскаго, *Іоанна Калиты*, при которомъ поселился здѣсь святой митрополитъ Петръ, укрѣпившій его власть и предрекшій, что его княжескій родъ возвысится надъ всѣми другими княжескими родами, и Москва станетъ главою Русской земли. Дѣло Іоанна Калиты продолжали его преемники, изъ которыхъ особенно славны *Димитрій Донской* и правнукъ его *Іоаннъ III*, довершившій объединеніе Сѣверо-Восточной

Россіи подъ своею властію Московскаго Государя и Великаго Князя. Собраніе Сѣверо-Восточной Руси подъ единою властію было великимъ добромъ и для нея и для всей земли Русской. Стали уменьшаться, а затѣмъ и совсѣмъ прекратились бѣдственныя усобицы князей; начался лучшій порядокъ и болѣе твердый законъ: росла сила Русская, такъ что уже Димитрій Донской соединенными силами сѣверорусскими одержалъ славную Куликовскую побѣду надъ татарами, а правнукъ его Іоаннъ III окончательно свергнулъ Татарское иго: и стала сѣверная Русь свободнымъ, сильнымъ и великимъ государствомъ Московскимъ. Теперь могла она помочь и Западной Руси, судьба которой была иная.

---

4. Объединеніе юго-западной Россіи или Малороссіи подъ властію Галицко-Волынскихъ князей.

Въ Западной Руси, послѣ Монгольскаго нашествія, самою сильною областію была Галицко-Волынская область, гдѣ властвовалъ Велікій князь *Даніилъ Романовичъ* съ братомъ своимъ *Василькомъ*, признанный Великимъ княземъ отъ Монгольскаго хана. Даніилъ, современникъ Александра Невскаго, былъ князь сильный и смѣлый. Его уважали и Татаре и сосѣдніе государи; достойно охранялъ онъ честь русскаго имени и старался расширить и усилить свою область,—строилъ новые города, какъ Львовъ, Холмъ и другіе, украшалъ ихъ храмами, созывалъ населеніе изъ своихъ русскихъ и иностранцевъ, чтобы увеличить силы, ремесла, промыслы и достатки своей области. Послѣ Даніила и Василька еще около 70-ти лѣтъ держалась въ Галицко-Волынской области власть ихъ потомковъ; при послѣднихъ изъ нихъ становится извѣстнымъ для этой области съ сосѣдней южной Русью названіе *Малой Россіи*, въ отли-

чіе отъ Великороссіи. Но этой Малой Россіи теперь не подъ силу было притянуть къ себѣ и собрать подъ одну Русскую власть всѣ области Южной и Западной Россіи. Въ замѣнъ русской явилась здѣсь другая власть— власть Литвы и Польши.

---

5. Литва и начальныя связи ея съ сосѣдней Русью.

Литва была небольшой народъ, главныя поселенія котораго находились въ лѣсной и болотистой странѣ по рѣкѣ Нѣману и его притокамъ, отчасти по Западной Двинѣ и простирались до Балтійскаго поморья между устьями рѣки Вислы, Нѣмана и Западной Двины. Страна эта обнимаетъ нынѣшнія губерніи Виленскую, Ковенскую, отчасти Пруссію на западѣ, Гродненскую губернію на югъ. Небольшой народъ этотъ распадался на многія мелкія племена, каковы: собственно *Литва* (Виленской губ.), *Жмудь* (въ Ковенской губ.), *Пруссы* (въ нынѣшней Пруссіи), *Ятвяги* (въ Гродненской губ.) и другія.

По общему племенному корню и по языку, Литовцы были ближе къ Славянамъ, чѣмъ другіе сосѣдніе народцы, какъ напр. Нѣмцы или Финны. Но живя многіе вѣка особнякомъ на своихъ болотахъ и въ лѣсахъ, Литовцы много поотстали отъ Славянъ въ своемъ развитіи, т. е. въ ростѣ своего быта общественнаго. Не было у нихъ ни городовъ, ни общей государственной власти, общаго союза гражданскаго. Жили они въ первобытной деревенской простотѣ, разсѣянные поселками изъ семействъ и родовъ, имѣвшихъ своихъ старшинъ. А главное—они далеко отстали отъ Славянъ какъ русскихъ, такъ и польскихъ, на пути къ вѣрѣ христіанской. Даже еще въ XIII в., когда Русскіе и Польскіе Славяне болѣе двухъ вѣковъ были уже хри-

стіанами, Литовцы оставались еще при своей языческой религіи. Во многомъ она была сходна съ былою языческою религіею Славянъ. Литовцы обожали солнце, луну, звѣзды; былъ у нихъ главный богъ Перкунъ, богъ грома, подобный Перуну языческихъ славянъ. Были у нихъ священныя рощи, въ которыхъ горѣлъ священный огонь или *зничь*, почитаемый и въ домахъ. Почитали они и нѣкоторыхъ птицъ, особенно аистовъ, даже ужей. А разныхъ суевѣрій, примѣтъ и гаданій было у нихъ еще больше, чѣмъ когда то у Славянъ язычниковъ. Были у нихъ идолы и капища, и особые жрецы, гадатели и гадательницы, называемые *вайделотами* и *вайделотками*. Какъ ни темна и груба была такая религія, но все же она была наболѣе общею связью между разными племенами литовскими, и эта связь могла побудить ихъ и къ союзу государственному, въ виду какой либо общей опасности или общей выгоды.

Живя многіе вѣка особнякомъ и въ безопасности, благодаря трудно проходимымъ лѣсамъ и болотамъ, Литовскія племена не могли однако навсегда остаться неизвѣстными сосѣднимъ народамъ и не войти въ столкновеніе съ ними. Ранѣе встрѣчаются и знакомятся они съ сосѣдними Славянами. Между прочимъ они обращаютъ на себя вниманіе набѣгами изъ своихъ болотъ и лѣсовъ на сосѣднія славяно-русскія поселенія. Съ своей стороны русскіе князья совершаютъ походы на Литовскія племена съ цѣлію усмирить и подчинить ихъ. Уже Владиміръ ходилъ войною на Ятвяговъ и побѣдилъ. Сынъ его Ярославъ не одинъ разъ ходилъ на тѣхъ же Ятвяговъ и на самую Литву, и на границѣ русской и литовской земли построилъ городъ Новгородъ (Новгородокъ) Литовскій. Хаживали на Литву и другіе русскіе князья послѣ Ярослава. Особенную силу надъ Литвой пріобрѣли славные Галицко-Волынскіе

князья: *Романъ Мстиславичъ и его сыновья Даніилъ и Василько.* Значительно расширили они предѣлы своей области, владѣли многими русскими городами на пограничьи съ Литвою, каковы Брестъ-Литовскій, Бѣльскъ, Гродно, Дрогичинъ и др., и непрерывными походами наводили страхъ на Ятвяговъ и Литву, удерживали ихъ отъ разбоевъ и грабежей, пріучали жить мирнымъ трудомъ и промысломъ. Болѣе прежняго чувствовалась Литвѣ палегавшая на нее русская народная сила, съ которою къ этому времени болѣе и болѣе знакомилась Литва и съ другой стороны,—со стороны сосѣдняго княжества *Полоцкаго* и вообще сосѣдней *Бѣлоруссіи.* Но къ этому же времени начинаетъ обнаруживаться въ Литвѣ и собственная сила ея, благодаря начавшему слагаться въ ней государственному союзу.

---

6. Начало Литовскаго государства. Князь Миндовгъ первый основатель его.

Начало государства въ Литовскомъ народѣ положилъ князь *Миндовгъ* (1235—1263 гг.). Княжилъ онъ въ срединномъ изъ Литовскихъ племенъ, т. е. собственной Литвѣ, жившей преимущественно въ нынѣшней Виленской губерніи, имѣя здѣсь уже и свой стольный городокъ Керновъ на рѣчкѣ Вилін, впадающей въ рѣку Нѣманъ. Будучи смышленнѣе, предпріимчивѣе и сильнѣе другихъ Литовскихъ князьковъ, Миндовгъ сталъ собирать подъ свою власть мелкія литовскія владѣнія или земли, чтобы соединеніемъ ихъ въ одно государство создать для Литвы общую государственную силу. Не велика была эта сила, если бы она составилась только изъ силъ небольшой Литовской земли, небольшаго и тогда еще грубаго Литовскаго народа. Но Миндовгъ успѣлъ завладѣть сосѣдними русскими землями,

гдѣ не было своихъ русскихъ князей или же были князья слабые. Самъ онъ занялъ подъ свою власть большую часть такъ называемой *Черной Руси* и въ ней города Новогрудецъ (Минской губ.), Слонимъ и Гродно (въ Гродненской), Волковыскъ (въ Виленской) и др., а подручные ему племянники утвердились въ Полоцкѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ сосѣдней Бѣлоруссіи. Такъ подъ верховной властью Литовскаго князя Миндовга стало складываться обширное уже не литовское, а литовско-русское государство, значительно усилившееся пришедшимъ въ составъ его запасомъ земельной народной силы. Стольнымъ городомъ его сталъ теперь Новогрудекъ, городъ русскій, но названный съ этой поры *Новгородкомъ Литовскимъ*.

---

7. *Борьба его и Литвы съ рыцарями Ливонскаго и Тевтонскаго орденовъ.*

Но Литовскому княжеству и литовско-русскому государству грозили еще опасности отъ сильныхъ сосѣдей. Таковы были прежде всего нѣмцы, основавшіе уже два владѣнія въ предѣлахъ Литовскихъ. На сѣверо-востокѣ, на Балтійскомъ поморьѣ, въ землѣ родственныхъ Литвѣ Ливовъ основался нѣмецкій *Ливонскій* орденъ *Меченосцевъ* съ столицею въ Ригѣ, а на западѣ въ землѣ Пруссовъ— другой орденъ *Тевтонскій*. Ордена эти были воинно-духовныя товарищества или рыцарскія дружины, составившіяся изъ разныхъ пришельцевъ съ запада. По видимости они ставили своей задачей распространеніе вѣры христіанской между литовскими и латышскими племенами. Но, вопреки духу Евангелія, считали законнымъ распространять вѣру мечемъ и огнемъ, вообще военною силою, забирать подъ свою власть земли язычниковъ и порабощать ихъ и властвовать надъ ними

по праву просвѣтителей ихъ. Словомъ, распространеніе вѣры служило для Меченосцевъ и Тевтонцевъ вмѣстѣ и предлогомъ для завоеваній въ литовско-латышскихъ земляхъ. Римскіе папы благословляли ихъ на такія завоеванія. Понятно, что христіанская вѣра, проповѣдуемая съ мечемъ въ рукахъ и грозившая порабощеніемъ власти проповѣдниковъ, не могла особенно привлекать сердца литовскихъ, какъ и латышскихъ язычниковъ. Тѣ и другіе упорно противились нѣмцамъ, стоя и за свою старую вѣру и за свою народную независимость, знаменемъ которой считалась эта вѣра. Но нѣмецкіе Меченосцы и Тевтонцы были образованнѣе нашихъ инородцевъ, искуснѣе въ военномъ дѣлѣ, и потому осиливали ихъ. Ко времени, о которомъ теперь рѣчь у насъ, прибалтійскія племена Литвы, Земгалы, Эсты и другія большею частью уже покорены были Меченосцами, т. е. рыцарями Ливонскаго ордена, а Пруссы, сильнѣйшее на западѣ литовское племя, стали болѣе и болѣе подпадать власти Тевтонцевъ. Было уже не мало и христіанъ изъ прибалтійскихъ и прусскихъ инородцевъ; но очень часто то были христіане вынужденные, которые при первомъ удобномъ случаѣ бросали христіанство, возвращались къ язычеству и поднимались поголовно на бывшихъ просвѣтителей или поработителей своихъ. Такія возстанія устрашали нѣмцевъ, и вотъ съ благословенія папы Тевтонцы и Меченосцы соединились (около 1237 г.), а черезъ это много выросла нѣмецкая сила, ставшая теперь грозной и для сосѣдней Литвы, гдѣ властвовалъ Миндовгъ. Опасность отъ Ливонскихъ Меченосцевъ дѣйствительно наступила для Миндовга, послѣ того какъ одинъ изъ его родичей, считавшій себя въ обидѣ отъ Миндовга, искалъ себѣ защиты отъ Меченосцевъ и съ этимъ расчетомъ принялъ у нихъ крещеніе въ Ригѣ. Меченосцы могли

воспользоваться этимъ, чтобы напасть на Миндовга. Но хитрый Миндовгъ послалъ дары магистру, т. е. начальнику или главѣ ордена, и затѣмъ обѣщалъ и креститься. И онъ дѣйствительно крестился въ г. Новоградкѣ въ 1250 г., а затѣмъ римскій папа прислалъ ему и королевскую корону, какъ уже христіанскому государю. „Но это крещеніе Миндовга было льстиво", говоритъ нашъ русскій лѣтописецъ; „потому что въ тайнѣ онъ приносилъ жертвы своимъ богамъ и сожигалъ мертвыхъ; если же выходилъ на охоту въ лѣсъ и при этомъ заяцъ перебѣгалъ ему дорогу, то уже ни за что не входилъ въ лѣсъ, тамъ и вѣтки не позволялъ сломать". Словомъ, рыцари не позаботились твердо наставить Миндовга въ вѣрѣ при крещеніи его. А между тѣмъ, за свою будто услугу ему, они стали вымогать у него одну за другою земли изъ его владѣній въ Литвѣ и Жмуди. Туземцевъ же Литвы и Жмуди стали угнетать и грабить безъ всякой христіанской и человѣческой жалости. Выведенные изъ терпѣнія Литовцы, Жмудины, а за ними и Пруссы поголовно возстали противъ Нѣмецкихъ рыцарей. Тогда и Миндовгъ отрекся отъ христіанства, сталъ во главѣ возставшихъ литовскихъ племенъ и въ союзѣ съ ними нанесъ жестокое пораженіе Нѣмцамъ.

---

8. Дѣла его съ Галицко-Волынскими князьями. Сынъ его Войшелгъ—православный христіанинъ.

Иначе сложились дѣла Миндовга съ сосѣдними русскими Галицко-Волынскими князьями, во главѣ коихъ былъ Даніилъ Романовичъ Галицкій. Когда этотъ князь съ своимъ братомъ Василькомъ сталъ налегать на Миндовга, чтобы отнять у него русскіе города, то Миндовгъ послалъ своего сына *Войшелга*, княжившаго

въ Новгородкѣ подъ властію отца, къ князю Даніилу для мирныхъ переговоровъ. Переговоры заключились родственнымъ союзомъ между домами русско-галицкаго и литовскаго князей. Дочь Миндовга, сестра Войшелга, послѣ крещенія, была отдана въ замужество за Шварна, сына Даніила, а другому сыну Даніила, Роману, Войшелгъ уступилъ свое Новоградское княженіе, хотя и съ тѣмъ, что оно останется подъ верховною властью Миндовга. Но для насъ особенно важна и назидательна духовная перемѣна, послѣдовавшая въ Войшелгѣ вслѣдъ за этимъ родственнымъ союзомъ. Прежде этого, живя въ Новгородкѣ, Войшелгъ былъ не только истымъ язычникомъ, но и походилъ на звѣря кровожаднаго. Русскій лѣтописецъ говоритъ о немъ такъ: „Войшелгъ каждый день убивалъ по три и по четыре человѣка, и если въ какой день не убивалъ никого, то бывалъ печаленъ и смутенъ, а если убивалъ, то становился веселъ“. Теперь же, когда уступивъ Новогродекъ Роману, поѣхалъ къ отцу его князю Даніилу въ Холмъ и здѣсь зажился, то такъ полюбилъ русскихъ и ихъ вѣру, что и самъ принялъ святое крещеніе въ православіи. Учителемъ его въ святой вѣрѣ былъ, какъ видится, находившійся въ области князя Даніила игуменъ *Григорій*, человѣкъ святой. Слушая этого святого мужа, Войшелгъ такъ сокрушился духомъ, что принялъ монашество, жилъ три года у Григорія, хотѣлъ даже идти на Аѳонъ, но не дойдя туда за большими помѣхами, встрѣченными на пути, возвратился и потомъ основалъ свой монастырь въ Лаврашевѣ близъ Новогродка недалеко отъ р. Нѣмана. Отецъ Войшелга Миндовгъ гнѣвался за все это на сына; но Войшелгъ остался преданнымъ христіанской православной вѣрѣ, которую полюбилъ искренно, всею душой. Таково то было дѣйствіе вѣры православной на бывшаго свирѣпаго язычника Войшелга. Между тѣмъ въ са-

мой Литвѣ настали смуты. Миндовгъ, гордый своими успѣхами, сталъ самоправствовать надъ другими удѣльными князьями Литвы и Жмуди. Тѣ составили заговоръ противъ Миндовга, и онъ былъ убитъ въ г. Керновѣ (1263 г.).

Въ тѣ грубыя времена месть была въ обычаѣ. Поэтому и сынъ Миндовга Войшелгъ, хотя онъ былъ христіанинъ и монахъ, счелъ своимъ правомъ отомстить убійцамъ отца, тѣмъ болѣе, что боялся бѣды отъ нихъ и себѣ. Притомъ въ Литвѣ взяли верхъ язычники, владѣвшіе теперь и русскимъ городомъ Новогродкомъ: а Войшелгъ не хотѣлъ, чтобы Литовская языческая сторона возобладала надъ русскою христіанской. Итакъ, сбросивъ монашескую рясу, Войшелгъ, бѣжавшій передъ тѣмъ изъ своего монастыря въ Пшекъ къ тамошнему русскому князю, съ помощью русскихъ князей и дружинъ завладѣлъ Новогродкомъ, объявилъ себя великимъ княземъ и началъ жестокую расправу съ врагами отца и своими,—многихъ перебилъ, а другіе бѣжали.

---

9. Литовскій удѣльный князь Довмонтъ, въ православіи Тимоѳей, и его княженіе въ Псковѣ.

Въ числѣ послѣднихъ былъ и Довмонтъ. Онъ съ своею дружиною бѣжалъ въ русскій городъ Псковъ, здѣсь принялъ православное христіанство и крестился съ именемъ *Тимоѳея*. Православное христіанство такъ подѣйствовало на его душу, такъ облагородило его, что онъ полюбился всему Пскову, который и призналъ его своимъ княземъ. Тридцать пять лѣтъ княжилъ онъ въ Псковѣ, совсѣмъ обрусѣлъ, доблестною славой подвизался за свое новое отечество, побѣдоносно вмѣстѣ съ Псковитянами отражалъ ихъ недруговъ литовскихъ язычниковъ и ливонскихъ нѣмцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Довмонтъ—Тимоѳей успѣвалъ въ благочестіи и жизни богоугодной, такъ что по кон-

чинѣ былъ причисленъ къ лику святыхъ въ Псковѣ († 1299 г.). Вотъ опять примѣръ духовной силы православія надъ бывшимъ язычникомъ изъ Литовскихъ князей. Не утратило оно силы и надъ Войшелгомъ. Воздавъ дань языческому обычаю мести, онъ опомнился. Вспомнилъ онъ и свой договоръ съ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ. Даніила Галицкаго уже не было тогда въ живыхъ († 1264 г.). Но живъ былъ братъ его Василько, князь Владиміро-Волынскій, и два сына Даніила: Шварнъ и Левъ. Войшелгъ назвалъ своимъ отцомъ Василька Романовича, а себѣ усыновилъ Шварна, какъ мужа своей сестры. Самъ же опять облекся въ монашескую рясу и удалился въ недалекій Даніловскій монастырь. Живя тамъ, онъ говаривалъ: „вотъ здѣсь подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а тамъ господинъ отецъ мой Василько: буду утѣшаться ими“. Такъ утѣшаясь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ плакался о своихъ грѣхахъ.

Казалось, что теперь на мѣстѣ языческой литовской власти утвердится надъ литовской землею русская христіанская власть въ лицѣ вокняжившагося въ г. Новогродкѣ потомства Даніила Романовича Галицкаго. Къ несчастію старое зло, причинившее столько бѣдствій древней Руси, не изсякло: это зло завистн, распрей и ссоръ между русскими удѣльными князьями. Въ одну изъ такихъ ссоръ вовлеченъ былъ и Войшелгъ, и былъ убитъ во Владимірѣ Волынскомъ (1269 г.). Послѣ этого настали смуты въ основанномъ Миндовгомъ литовско-русскомъ государствѣ. Въ Новогродкѣ Литовскомъ вокняжился *Тройденъ* (1270—1282), ревностно преданный язычеству и языческой Литвѣ и врагъ христіанской Руси. Онъ назывался великимъ княземъ, но уже не владѣлъ такимъ числомъ земель, какъ нѣкогда Миндовгъ. Въ Полоцкой и Витебской земляхъ, на которыя въ свое время простиралась власть Миндовга, вокня-

жился особый Литовскій князь Эрдень, независимый отъ Тройдена; явились независимые князьки и въ собственной Литвѣ и Жмуди. Возникавшее литовское русское государство клонилось къ распаденію. Но между литовскими князьями нашлись такіе, которые поняли опасность, грозившую Литвѣ; лучше Миндовга и Тройдена поняли и то, какъ спасти Литву и возсоздать литовское государство.

---

10. Витень и Гедиминъ новые—основатели Литовско-Русскаго государства.

Возстановителями литовскаго или точнѣе литовско-русскаго государства были князья Литовско-Жмудской линіи, братья *Витень* (1293—1316) и *Гедиминъ* (1316—1341). Они успѣли соединить подъ своею властью Литву и Жмудь, а изъ русскихъ земель прежде всего землю, которая называлась *Черною Русью* и была въ свое время подъ властью Миндовга и Тройдена. Съ соединенными силами Литвы, Жмуди и Руси оба они вели упорную борьбу съ нѣмцами Тевтонскаго и Ливонскаго ордена, имѣя въ числѣ главныхъ вождей Давида, Гродненскаго старосту изъ русскихъ или обрусѣвшихъ литовцевъ. Своими побѣдами въ этой борьбѣ они обезопасили свое государство отъ Тевтонцевъ и Ливонцевъ. Витень воевалъ и съ Польшею, такъ что и она познала важность соединенной литовско-русской силы. А Гедиминъ имѣлъ уже Польшу и союзницею въ борьбѣ съ нѣмцами Тевтонскаго ордена, которыхъ сама она побаивалась, какъ сосѣдей, стремившихся къ завоеваніямъ. Но всего важнѣе то, что Витень и Гедиминъ лучше всѣхъ предмѣстниковъ своихъ поняли, что сама Литва, малая пространствомъ, числомъ населенія, притомъ грубая и необразованная, не можетъ составить сильнаго и благо-

устроеннаго государства; что такое государство можетъ составиться только въ соединеніи съ сосѣднею христіанскою Русью, гдѣ больше и земель, и народнаго образованія. Видѣли они, что въ самой борьбѣ ихъ съ Нѣмецкими орденами главною опорою были русскія силы. Поэтому то оба эти умные князья старались присоединить къ своему государству какъ можно болѣе земель и городовъ изъ сосѣдней Западной Руси. Началъ это Витень. Но особенно обширныя присоединенія успѣлъ сдѣлать Гедиминъ, и такой успѣхъ былъ тогда для него не труденъ. Обширны были земли Западной Россіи; но теперь, послѣ Галицко-Волынскихъ князей Даніила, Василька Романовичей и Владиміро-Волынскаго князя Владиміра уже не было въ ней такихъ, какъ они, сильныхъ князей. Вообще земли западной Россіи были раздроблены на многія мелкія княжества и державства, разрозненныя между собою, и потому не могли, каждое порознь, противостоять соединенной Литовско-русской силѣ Гедимина. Имѣя за собою такую силу, умный Гедиминъ умѣлъ присоединять подъ свою власть русскія земли не только войной, но также и даже чаще мирными способами и родственными союзами съ домами русскихъ князей. Такъ, вся Подляхія съ городами Брестомъ, Дрогичиномъ и Бѣльскомъ занята имъ силою войны отъ ослабѣвшихъ Галицко-Волынскихъ князей. Волынь съ городами Луцкомъ, Владиміромъ присоединена имъ частью войной, частью родственнымъ союзомъ черезъ женитьбу Гедиминова сына Любарта на дочери Владиміро-Волынскаго князя. За Волынью досталась Гедимину и часть Подоліи. Княжества Пинское, Туровское и Минское, какъ видится, мирно признали верховную власть Гедимина, какъ уже Литовско-русскаго Великаго князя. *Полоцкая* область, въ одной части своей признававшая уже власть Витепа, теперь вся признала власть Геди-

мина, а *Витебская* область перешла подъ его власть черезъ женитьбу сына его Ольгерда на дочери русскаго Витебскаго князя, не имѣвшаго сыновей. Наконецъ и *Кіевъ съ его областью* подпалъ власти Литовско-русскаго Великаго князя, хотя власть эта нѣкоторое время еще оспариваема была у него татарами. Такимъ образомъ изъ бывшихъ разрозненныхъ земель и княжествъ западной Россіи составилось, въ соединеніи съ Литвою и Жмудью, подъ властью Гедимина, обширное и сильное Литовско-русское государство. Гедиминъ, довершившій основаніе его, основалъ для него и новую столицу— г. *Вильну* при рѣчкѣ Вилейкѣ, впадающей въ рѣку Вилію, которая впадаетъ въ рѣку Нѣманъ. Западная Русь могла теперь мириться съ своимъ положеніемъ въ составѣ новаго государства. Это государство, благодаря соединенію въ немъ Литовско-русскихъ силъ, обезпечивало ей защиту отъ посягательствъ на тѣ или другія земли ея со стороны непріязненныхъ сосѣдей, каковы татары на югѣ, поляки на западѣ и нѣмцы на сѣверо-западѣ. Притомъ новая государственная власть предоставляла русскимъ западной Россіи оставаться при своихъ обычаяхъ, законахъ, правахъ, при своемъ образованіи и своей вѣрѣ. Правда, самъ Гедиминъ не принималъ христіанской вѣры и крещенія: не хотѣлъ онъ расходиться въ вѣрѣ съ своей коренною Литвою, тогда еще языческою, не могъ и самъ оторваться отъ этой старой родной вѣры. Притомъ въ соблазнъ его вводили Тевтонцы, которые, называясь христіанами, очень часто поступали съ Литвой не по христіански, а жестоко и коварно.

---

11. Уваженіе Гедимина къ христіанской вѣрѣ русскихъ; сыновья и дочери его въ православіи.

Но оставаясь при своей старой вѣрѣ, Гедиминъ уважалъ христіанскую вѣру, позволялъ принимать ее

всѣмъ, даже дѣтямъ и роднѣ своей. Три раза былъ онъ женатъ, и двѣ послѣднія жены его были православныя христіанки. Изъ семи сыновей его четыре крещены въ православіи, какъ то Ольгердъ (Андрей), Наримунтъ (Глѣбъ), Коріатъ (Михаилъ), Любартъ (Ѳеодоръ), Явнутъ (Іоаннъ). Всѣ пять дочерей были въ замужествѣ за христіанами и только одна крещена въ латинство (жена короля польскаго), а четыре—крещены въ православіи; въ числѣ ихъ были—Анастасія—жена Московскаго Великаго князя Симеона, и Марія—жена Тверскаго князя Димитрія Михаиловича. Такимъ образомъ въ родѣ основателя литовско-русскаго государства уже прививалось православіе.

---

12. Ольердъ Гедиминовичъ, великій князь Литовско-Русскій: объединеніе подъ его властію областей западной и южной Россіи.

По смерти Гедимина († 1341 г.) въ разныхъ частяхъ его государства стали властвовать его сыновья. Но черезъ четыре года возвысился надъ всѣми ими самый способный изъ нихъ, *Ольгердъ;* поддерживаемый другимъ братомъ и другомъ своимъ, *Кейстутомъ*, Ольгердъ утвердился въ столицѣ Вильнѣ и сталъ Великимъ княземъ (1345—1377).

Братья признали верховную власть Ольгерда, и тотчасъ обнаружилась сила соединеннаго Литовско-русскаго государства. Ольгердъ въ союзѣ съ братомъ своимъ Кейстутомъ выдержалъ нѣсколько тяжкихъ войнъ съ рыцарями Тевтонско-Ливонскаго ордена; не одинъ разъ нападали они на Жмудь и Литву, доходили до самой Вильны, причиняли жестокія опустошенія, но и сами нерѣдко терпѣли пораженія и не смогли сломить силы Литовско-Русскаго государства. Въ 1362 г. Ольгердъ

нанесъ страшное пораженіе татарамъ въ Подоліи и прогналъ ихъ далеко на югъ. Этою побѣдою онъ воспользовался, чтобы окончательно уничтожить притязанія ихъ и ихъ власть надъ Кіевомъ и Кіевской областью. Опираясь на бывшія уже подъ его властью русскія земли, онъ успѣлъ присоединить къ нимъ еще новыя. Такъ, онъ присоединилъ Смоленскую область съ городомъ Смоленскомъ и др., потомъ сѣверскую землю съ городами Черниговомъ, Брянскомъ, Трубчевскомъ, Стародубомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ и др. Подолію онъ присоединилъ къ своей державѣ послѣ побѣды надъ татарами 1362 г. Тогда же онъ окончательно присоединилъ къ своему государству и Кіевъ съ Кіевской областью. На княженіе въ Кіевѣ онъ поставилъ сына своего *Владиміра Ольгердовича*. Такимъ образомъ Литовско-Русское государство значительно расширилось. Оно обнимало теперь всю западную Россію, т. е. нынѣшнія губерніи: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Кіевскую, Волынскую и Подольскую, да сверхъ того Черниговскую и Смоленскую. Теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, выступало на видъ то весьма важное обстоятельство, что собственная коренная Литва, населявшая губерніи Виленскую и Ковенскую, составляетъ самую малую часть Литовско-русскаго государства. Она составляла въ немъ менѣе десятой части въ сравненіи съ коренными русскими землями, въ которыхъ искони жилъ русскій народъ, господствовали русскій языкъ, русская грамота, русская образованность, русская православно-христіанская вѣра и церковь съ своими святыми храмами, монастырями, духовенствомъ и епископами, подъ общею духовной властью, властью православныхъ митрополитовъ. При такомъ господствѣ русской народности и православной вѣры въ Литовско-русскомъ государствѣ, естественно было ожи-

дать, что дѣйствіе этой народности и вѣры будетъ болѣе и болѣе простираться и на коренную Литву, на самыхъ Литовцевъ.

---

13. Православіе и русская народность въ литовскомъ великокняжескомъ родѣ.

Такъ и было, и это видно прежде всего на Литовскомъ княжескомъ родѣ. Изъ всѣхъ князей этого рода только одинъ Кейстутъ, братъ Ольгерда, оставался язычникомъ. Княжилъ онъ въ Жмуди, а она вся еще крѣпко держалась своей старой языческой вѣры, и притомъ вмѣстѣ съ Кейстутомъ вела упорную борьбу съ нѣмецкими рыцарями, которые, воюя съ нею во имя христіанства, причиняли ей много жестокихъ опустошеній и обидъ, и тѣмъ возбуждали недовѣріе и непріязнь къ самому христіанству. Всѣ же остальные князья Литовскаго рода были христіанами и христіанами православными. Самъ великій князь Ольгердъ былъ крещенъ съ именемъ Андрея, когда женился на Витебской княжнѣ Маріи Ярославнѣ. Овдовѣвъ по смерти ея въ 1347 г., онъ вторично женился и опять на русской христіанкѣ Тверской княжнѣ Іуліаніи Михайловнѣ: въ томъ и другомъ бракѣ онъ былъ единой вѣры со своими женами и остался при этой вѣрѣ до самой смерти. Отъ двухъ женъ онъ имѣлъ 12 сыновей и пять дочерей, и всѣ эти сыновья и дочери, съ согласія отца, крещены и воспитаны матерями въ православной вѣрѣ. Извѣстны и христіанскія имена рядомъ съ мірскими литовскими именами нѣкоторыхъ изъ нихъ. Таковы отъ первой жены: Виногольдъ-Андрей, князь Полоцкій, Корибутъ-Дмитрій, князь Брянскій и Сѣверскій, Дмитрій-Трубчевскій, Владиміръ Кіевскій, Кон-

стантинъ Черниговскій, и дочь Агриппина, бывшая замужемъ за русскимъ княземъ Борисомъ Суздальскимъ. Отъ второй жены: Ягейло-Яковъ, бывшій потомъ великимъ княземъ, Вагандъ-Ѳеодоръ-Александръ, князь Керновскій, Киргайло-Василій, Спиргайло-Іоаннъ, Лунгвеній-Симеонъ, Монгайло-Василій, Свитригайло-Левъ, и дочери: Марія, Александра, Елена и Ѳеодора. На Волыни еще живъ былъ братъ Ольгерда, Ѳеодоръ-Любартъ, а на Подоліи княжили сыновья Коріата-Михаила, всѣ вѣрные православію. Всѣ эти православные князья, живя на княженіяхъ въ русскихъ городахъ и областяхъ, состоя въ родственныхъ союзахъ съ русскими княжескими и боярскими родами юго-западной и сѣверо-восточной или Московской Руси, становились и сами русскими, усвояли русскій языкъ, на которомъ говорили, молились, писали грамоты, а нѣкоторые отличались и благочестіемъ, строили и украшали церкви, такъ что по всему этому казались родными русскими князьями и всему русскому населенію.

---

14. Русская народность и православная вѣра въ столицѣ Литовско-Русскаго государства—Вильнѣ.

И въ самой столицѣ Вильнѣ болѣе и болѣе утверждалась русская народность и православная вѣра. Русское населеніе въ Вильнѣ современно самому основанію ея. Даже названіе Вильна было уже не литовское, а русское. Основатель новой столицы Гедиминъ хотѣлъ привлечь въ нее побольше населенія и притомъ такого, при которомъ бы въ столицѣ начались домостроеніе, ремесла, промыслы, торговля, образованіе, и имѣлся бы достатокъ всякихъ служилыхъ людей. Онъ привлекалъ въ свою столицу и чужестранцевъ, даже нѣмцевъ. Но всего подручнѣе и полезнѣе было ему привлекать

населеніе изъ русскихъ земель, какъ ему подвластныхъ и самыхъ близкихъ, потому что Вильна находилась именно на границѣ литовской земли съ русскою. Такъ онъ и дѣлалъ. При сынѣ его Ольгердѣ русское населеніе въ Вильнѣ болѣе и болѣе умножалось, такъ что заполонило лучшую и большую часть города. А гдѣ жилъ русскій православный народъ, тамъ являлись и православные храмы. Древнѣйшимъ изъ нихъ былъ храмъ святаго Николая, построенный первыми русскими поселенцами.

Когда въ 1345 г. прибылъ на великое княженіе въ Вильну Ольгердъ, то православный храмъ нуженъ былъ и великокняжеской семьѣ. Новый великій князь былъ православнымъ христіаниномъ, и съ нимъ прибыла въ Вильну и его первая жена Марія Ярославна, княжна Витебская, дѣти которой отъ Ольгерда были всѣ православные христіане. Этой-то Маріи преданіе усвояетъ построеніе другой древнѣйшей въ Вильнѣ церкви—святой Параскевы. Она построена на мѣстѣ бывшаго языческаго святилища въ той части города, которая называлась нижнимъ замкомъ и имѣла языческое населеніе изъ Литвы и Жмуди. Оно мирилось съ появленіемъ здѣсь христіанской церкви, какъ церкви великой княгини и великокняжеской семьи. При дворѣ и церкви великой княгини былъ духовникъ ея Несторъ.

---

15. Православные христіанскіе мученики въ Вильнѣ: Іоаннъ, Антоній и Евстафій.

Онъ успѣлъ обратить въ христіанство нѣсколькихъ Литовцевъ, въ числѣ ихъ двухъ знатныхъ придворныхъ, родныхъ братьевъ, по имени *Кумецъ* и *Нежило*, въ христіанствѣ *Іоаннъ* и *Антоній*. Они перестали являться къ принесенію жертвъ огню *Зничу* въ язы-

ческомъ капищѣ Перкуна. Это озлобило языческихъ жрецовъ. Между тѣмъ въ 1347 г. умерла княгиня Марія. Жрецы воспользовались этимъ, чтобы подойти къ Ольгерду, оставшемуся безъ той опоры въ вѣрѣ, какую имѣлъ онъ въ женѣ. Они настаивали, чтобы великій князь позволилъ имъ принудить Іоанна и Антонія къ языческому служенію. Ставъ великимъ княземъ при помощи брата Кейстута, князя языческой Жмуди, ревностнаго язычника, и пробывъ на великокняженіи всего два года, Ольгердъ опасался, что озлобленные жрецы поднимутъ противъ него язычниковъ, особенно Жмудь. Поэтому далъ приказъ бросить Іоанна и Антонія въ тюрьму. Годъ томились они здѣсь въ голодѣ и сырости, но остались тверды въ вѣрѣ. На слѣдующій годъ старшій братъ Іоаннъ поколебался и объявилъ, что отрекается отъ христіанства. Ольгердъ сказалъ освободить обоихъ братьевъ. Но младшій Антоній, и живя на свободѣ, громко говорилъ, что онъ остается вѣренъ христіанству. Его опять бросили въ тюрьму и жестоко мучили. Съ ангельскимъ спокойствіемъ переносилъ онъ страданія; а сильныя слова его о вѣрѣ Христовой оглашались въ тюрьмѣ и за тюрьмой. Это удивляло язычниковъ, и многіе стали приходить и слушать его. Совѣсть и истина заговорили въ душѣ Іоанна. Громко объявилъ онъ: „я опять христіанинъ, дѣлайте со мною, что хотите, я уже не измѣню святой вѣрѣ“. На Іоанна надѣли тяжкія оковы и увели въ тюрьму, гдѣ братъ Антоній встрѣтилъ и обнялъ его съ радостію. Теперь къ тюрьмѣ святыхъ братьевъ стали сходиться язычники еще болѣе, чѣмъ прежде, и многіе тайно принимали святое крещеніе. Раздраженные жрецы потребовали отъ Ольгерда, чтобы онъ выдалъ имъ въ руки братьевъ исповѣдниковъ. Ольгердъ сдался и на это. Жрецы страшными мученіями силились

вынудить ихъ къ отреченію отъ вѣры, но напрасно: Тогда рѣшили казнить ихъ смертью. На концѣ города на горѣ росъ большой дубъ, на которомъ вѣшали преступниковъ: на немъ кончили жизнь и святые братья-мученики. Доблестный подвигъ ихъ поразилъ сердце и ихъ родственника, по имени *Кругецъ*. Принявъ крещеніе съ именемъ *Евстафія*, онъ самъ мужественно и громко исповѣдалъ о себѣ, какъ о христіанинѣ. Подвергнутый жестокимъ истязаніямъ, онъ не измѣнилъ вѣрѣ, и запечатлѣлъ ее смертью, бывъ повѣшенъ на томъ же дубѣ. Такъ русское православное христіанство имѣло теперь въ Вильнѣ и Литвѣ своихъ исповѣдниковъ и мучениковъ въ лицѣ *святыхъ Іоанна, Антонія и Евстафія*. Подвигъ ихъ послужилъ къ славѣ вѣры православной, свидѣтельствуя о духовной силѣ ея. Православные христіане Вильны благоговѣйно схоронили мощи святыхъ мучениковъ въ церкви святого Николая, вѣруя въ будущее торжество вѣры надъ язычествомъ въ Вильнѣ и Литвѣ. И оправдалась эта вѣра. Черезъ два года по смерти первой жены Ольгердъ женился на Іуліаніи Михаиловнѣ, дочери сѣверскаго князя. Эта благочестивая и кроткая княгиня оживила чувство вѣры и въ мужѣ. Съ его согласія она на мѣстѣ старой деревянной церкви святаго Николая построила новую каменную. На томъ мѣстѣ, гдѣ пострадали виленскіе мученики, она построила церковь Святой Троицы съ монастыремъ при ней. Сюда перенесены были мощи Іоанна, Антонія и Евстафія. Впослѣдствіи эти литовскіе мученики причислены къ лику святыхъ *). Во время Іуліаніи и Ольгерда основана въ Вильнѣ еще одна церковь въ честь Успенія Божіей Матери, прославившая подъ названіемъ *Пречи-*

*) Св. мощи ихъ находятся въ Виленскомъ Св. Духовскомъ монастырѣ.

стенской. При Іуліаніи бывалъ въ Вильнѣ духовникъ ея Кіево-Печерскій архимандритъ Давидъ. Онъ былъ добрымъ наставникомъ въ вѣрѣ и для самого Ольгерда и его великокняжескаго семейства. Когда въ 1377 г. состарѣвшійся Ольгердъ былъ въ смертной болѣзни, Іуліанія призвала дѣтей и духовника Кіево-Печерскаго архимандрита Давида: отъ него Ольгердъ-Андрей принялъ постриженіе и схиму съ именемъ Алексія, скончался, какъ православный русскій князь, и погребенъ въ Пречистенской церкви.

---

16. Распространеніе православнаго христіанства среди Литовскихъ поселеній.

При Ольгердѣ и въ ближайшее послѣ него время православіе пріобрѣтало послѣдователей изъ среды литовцевъ и въ другихъ предѣлахъ Литовско-русскаго государства. Учителемъ православной вѣры явился здѣсь митрополитъ Кипріанъ. Въ 1376 г. по просьбѣ Ольгерда онъ былъ поставленъ Константинопольскимъ патріархомъ въ санъ митрополита для Западной или Литовской Руси, но съ тѣмъ, чтобы по кончинѣ жившаго въ Москвѣ митрополита, святого Алексія, быть ему единымъ митрополитомъ для обѣихъ половинъ Россіи. Этотъ Кипріанъ, прибывъ въ Кіевъ, отсюда, какъ архипастырь и учитель, странствовалъ и по другимъ мѣстамъ Литовскаго государства. И это странствіе было не безполезно. Въ письмѣ къ преподобному Сергію Радонежскому 1378 г. говорилъ о своемъ учительствѣ въ Литвѣ: „когда я былъ въ Литвѣ, то многихъ литовцевъ, не знающихъ истиннаго Бога, чрезъ святое крещеніе обратилъ въ православіе. Тамъ основалъ много церквей“. Тѣ многіе Литовцы, которыхъ святитель Кипріанъ чрезъ крещеніе обратилъ въ православіе, были,

всего вѣроятнѣе, литовскіе бояре и служилые люди, служившіе при княжескихъ дворахъ сыновей Ольгерда въ разныхъ русскихъ городахъ. Подобно своимъ князьямъ, подобно Іоанну, Антонію и Евстафію, они крестились и познавали Бога истиннаго въ св. православной вѣрѣ; подобно своимъ князьямъ, они роднились съ русскими, усвояли русскій языкъ и народность русскую. Если бы такъ дѣло шло и далѣе, то православіе и русская народность съ теченіемъ времени мирно распространились бы и на всю Литву, и она слилась бы въ одинъ народъ съ русскимъ народомъ Западной Руси. А все это повело бы исподволь къ мирному возсоединенію Западной Руси съ Восточною, во главѣ которой была теперь Москва. Ибо въ Восточной, какъ и въ Западной Руси былъ одинъ и тотъ же русскій народъ, но Восточная Русь была обширнѣе, людиѣе и могучѣе задатками государственной силы, чѣмъ Русь Западная: а естественно, что большее и сильнѣйшее притягиваетъ къ себѣ меньшее и слабѣйшее, если оно родное ему. Правда, между Литовскимъ и Московскимъ государствами бывали и войны и самъ Ольгердъ не разъ воевалъ съ славнымъ Московскимъ великимъ княземъ Димитріемъ Донскимъ. Но если бывали войны, то бывали и мирные и родственные союзы между литовскими князьями и князьями Восточной Россіи и съ самими Московскими князьями. Бывало и то, что Литовскіе князья, потомки Гедимина, сыновья Ольгерда приходили въ Москву служить Московскимъ князьямъ и подвизаться съ ними за общее русское дѣло. Такъ напр. сыновья Ольгерда Андрей и Димитрій были сподвижниками русскихъ князей въ славной Куликовской битвѣ (1380 г.) съ татарами, прославившей Димитрія Донского. За всѣмъ тѣмъ святая вѣра православная продолжала поддерживать чувство единенія между Запад-

ной и Восточной Русью. И теперь объ опъ были и чувствовали себя частями единой Русской Церкви, начавшейся въ Кіевѣ при святомъ Владимірѣ и составлявшей единую русскую митрополію подъ общею властію митрополитовъ Кіевскихъ и всея Россіи.

---

17. Русская митрополія, какъ охранительница союза Юго-Западной и Восточной Россіи.

Но въ пору намъ теперь сказать полнѣе о русской митрополіи, какъ охранительницѣ союза между юго-западной и сѣверо-восточной Россіей. Когда Кіевъ подпалъ страшному погрому отъ татаръ (1240 г.), разорившихъ здѣсь многія церкви, въ числѣ ихъ и Кіево-Софійскій соборъ, то Кіевскіе митрополиты не находили здѣсь безопаснаго и пригоднаго жительства и стали чаще жить въ сѣверо-восточной Россіи. Тамъ въ Москвѣ со времени святителя и чудотворца Петра (1326 г.) основалась для нихъ и митрополичья каѳедра. Мудрые святители уразумѣли, что теперь болѣе надежная опора для церкви въ Руси сѣверо-восточной, гдѣ были только чисто-русскіе православные князья, гдѣ было болѣе сильное православное русское населеніе и гдѣ засіяло благочестіе послѣ славныхъ временъ его въ Кіевѣ. Но живя въ сѣверо-восточной Руси, имѣя каѳедру въ Москвѣ, святители продолжали называться *Кіевскими*, по старинѣ, по памяти о Кіевѣ, какъ начальной столицѣ русскаго православнаго христіанства. Они посѣщали и Кіевъ и разныя области юго-западной Россіи, охраняя своею властью единство церкви русской. Но властители юго-западной и западной Россіи, каковы: галицко-волынскіе князья и потомъ Литовскіе, не разъ пытались имѣть для своихъ государствъ особыхъ митрополитовъ. Этого временами они и достигали. Однакоже память о

единствѣ русской церкви и ея митрополіи не исчезала. Ее охраняли мудрѣйшіе изъ русскихъ первосвятителей, поддерживаемые въ этомъ Константинопольскими патріархами. Такъ было и въ то время, о которомъ теперь рѣчь у насъ, т. е. время Ольгерда и ближайшее послѣ него. Упомянутый выше Кипріанъ по просьбѣ Ольгерда поставленъ былъ патріархомъ въ санъ митрополита для литовско-русскаго государства еще въ то время, когда въ Москвѣ былъ живъ святитель Алексій. Но по заповѣди патріарха онъ назначался преемникомъ святителя Алексія, чтобы опять быть единымъ митрополитомъ для всей Руси. Не легко сбылось это, но сбылось. Первосвятитель Кипріанъ перешелъ въ Москву, откуда посѣщалъ и Кіевъ и Западную Русь, какъ единый митрополитъ Кіевскій, Литовскій и всея Руси. Если бы такъ было и далѣе, если бы сохранилась единая церковная власть для Москвы и Кіева, а съ тѣмъ вмѣстѣ для Восточной и Западной Россіи, то это вело въ будущемъ къ возсоединенію ихъ въ одно государство, какъ странъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ. Но наступили событія, которыя еще болѣе и надолго утвердили государственное разъединеніе обѣихъ половинъ Руси; насталъ новый болѣе рѣшительный поворотъ въ судьбахъ Западной Россіи, поставившій ее на путь почти четырехъвѣковой борьбы за свою вѣру и народность, часто тяжкой, соединенной съ великими страданіями, но и славными подвигами. Начался этотъ поворотъ со времени соединенія Литвы, а чрезъ нее и Западной Руси съ римско-католической Польшею: ибо при этомъ соединеніи послѣдовало отпаденіе Литовско-русскихъ великихъ князей отъ православія въ католичество или латинство.

ГЛАВА II.

Борьба Западной Россіи за свою вѣру и народность при первыхъ Литовско-Русскихъ князьяхъ, отпавшихъ отъ православія въ латинство.

1. Зачатки этой борьбы въ Галицкой Руси еще при Галицко-Волынскихъ князьяхъ и въ ближайшее послѣ нихъ время.

Зачатки борьбы Западной Россіи за свою вѣру и народность открылись еще ранѣе того соединенія ея съ Польшею, о которомъ рѣчь будетъ далѣе. Съ самаго начала христіанства въ Россіи римскіе папы и ихъ римско-католическая церковь искали случаевъ подчинить своей власти православную Россію (которую они съ большимъ грѣхомъ обзывали схизматическою, какъ обзывали и всю Восточную Православную Церковь). Чтобы достичь этого, они дѣйствовали всякими средствами: увѣщаніями черезъ посланія и миссіонеровъ. льстивыми обѣщаніями, а гдѣ можно было, то и насиліемъ при посредствѣ сосѣднихъ съ Россіею государствъ. Чаще стала испытывать на себѣ все это Галицкая Русь, сосѣдняя съ Польшей и Венгріей, гдѣ господ-

ствовала римская церковь подъ властью папъ. Еще тогда, когда Галицко-Волынской Русью владѣлъ славный и сильный Романъ Мстиславовичъ († 1205 г.), гордый римскій папа Иннокентій III прислалъ къ нему своего легата (посла), который льстиво увѣрялъ, что если князь покорится папѣ, то папа мечемъ святого Петра покоритъ князю народы и сдѣлаетъ его королемъ. Князь, указывая на свой мечъ, отвѣчалъ: „такой ли мечъ у папы? Пока мой мечъ при мнѣ, онъ даетъ мнѣ земли; не нуждаюсь въ другомъ". Легатъ ушелъ ни съ чѣмъ. Но когда, по смерти Романа, въ малолѣтство его сыновей настали въ Галиціи смуты, ее поспѣшилъ захватить венгерскій король, посадилъ здѣсь своего сына Коломана; съ нимъ явились латинскіе епископы и ксендзы и стали изгонять русскихъ священниковъ, обращать православные храмы въ костелы, а русскихъ принуждать къ латинству. Къ счастію, на помощь Галицкой Руси явился изъ Новгорода князь Мстиславъ Удалой и выгналъ Венгровъ и Латинянъ. Но вотъ всю Россію, а также и Галицко-Волынскую Русь постигло тяжкое татарское завоеваніе. Смѣлый, уже выросшій сынъ Романа Даніилъ Галицкій задумалъ освободить свою землю отъ татаръ. Но зная ихъ силу, искалъ помощи на Западѣ. Думалъ онъ, что ему поможетъ и папа, и завязалъ съ нимъ сношенія. Папа съ радостію ухватился за этотъ случай: прислалъ своихъ легатовъ къ Даніилу, прислалъ даже ему королевскую корону, но—не прислалъ помощи противъ татаръ. Поэтому Даніилъ Романовичъ и прервалъ сношенія съ папой. Зато папа слалъ проклятія Даніилу и старался вооружить противъ него сосѣдей и, въ числѣ ихъ, Миндовга Литовскаго. Но это не устрашило нашего князя. Онъ остался вѣренъ православію, строилъ и украшалъ православныя церкви, чтилъ православныя

святыни. Такъ, напримѣръ, онъ построилъ церковь Пресвятой Богородицы въ городѣ Холмѣ. Въ вѣрѣ православной и скончался славный Даніилъ († 1264 г). и погребенъ въ Холмѣ, въ той же построенной имъ церкви Пресвятой Богородицы. Вѣрными православію оставались послѣдующіе Галицко-Волынскіе князья, дѣти и внуки Даніила и брата его Василька. Но прошли десятилѣтія и славный родъ Галицко-Волынскихъ князей угасъ въ мужской линіи (ок. 1336 г.). Оставались изъ него двѣ княжны. Одна изъ нихъ была замужемъ за Любартомъ Гедиминовичемъ литовскимъ княземъ, а другая за Мазовецкимъ княземъ Тройденомъ, отъ котораго былъ у нея сынъ Юрій. Любартъ наслѣдовалъ одну часть бывшаго Волынско-Галицкаго княжества, именно Волынь, а Юрій вторую—Галицію. Любартъ былъ вѣренъ православію, которое было вѣрою его матери и жены изъ русскихъ княженъ. Въ православіи былъ воспитанъ матерью и Юрій. Но потомъ, по наущенію польскаго короля, отпалъ въ латинство. Потому, сдѣлавшись княземъ въ Галиціи, сталъ, по наущенію папы и латинскаго духовенства, тѣснить православіе, вводить латинство, вообще оскорблять и обижать русскихъ православныхъ и этимъ такъ вооружилъ противъ себя галицкихъ русскихъ князей, что и самъ погибъ отъ нихъ. Свѣдавъ объ этомъ и папа требовалъ мщенія. Мстителемъ выступилъ король польскій Казиміръ II, вздумавшій теперь захватить Галицію для себя и Польши. Папа усердно помогалъ ему, уступивъ Казиміру на это дѣло часть десятины, которая по обычаю собиралась въ Польшѣ для папы въ видѣ дани. Ибо папы любили собирать дани съ земель и государствъ, признававшихъ главенство папы. И такъ Казиміръ въ 1340 г. вторгся съ войскомъ въ Галицію, захватилъ городъ Львовъ, Перемышль и другіе, замышляя уже подчинить всю

страну римской церкви. Но въ слѣдующемъ году (1341 г.) поднялись противъ Казиміра и поляковъ русскіе Галичане и Волыняне, имѣя во главѣ православнаго, Литовско-русскаго князя на Волыни, Любарта Гедиминовича, храбраго боярина Дѣдка и князя Даніила Острожскаго. Они свергли ярмо Казиміра и Польши, а Волынь и Галиція остались во власти Любарта и союзниковъ. Но черезъ девять лѣтъ (1399 г.), Казиміръ съ новыми, бо́льшими силами опять овладѣлъ Галиціею, захватилъ и значительную часть Волыни. Но Волынь опять отвоевалъ у него Любартъ съ союзниками. Папа всячески силился помочь Казиміру и Польшѣ; даралъ десятины на войну съ русскими, выкликивалъ крестовый военный походъ на нихъ, давалъ индульгенціи (т. е. прощенія грѣховъ) тѣмъ, кто пойдетъ на войну противъ русскихъ. Но все было напрасно. Любарту съ русскими помогали и другіе литовскіе князья и Волынь осталась за Любартомъ и русскими. Не такъ счастлива была Галиція. Она осталась подъ властью Казиміра и Польши. По смерти Казиміра († 1370 г.) Польша признала своимъ королемъ сына сестры его, Венгерскаго короля Людовика. Людовикъ отдалъ Галицію одному польскому князю Владиславу Онельскому. Этотъ Владиславъ, чужестранецъ и латинянинъ, худо обращался съ русскими православными, которые за это и сами не взлюбили его и тревожили его власть. Видя это, Владиславъ самъ ушелъ, но успѣлъ не мало награбить въ Галиціи. Онъ увезъ съ собою изъ Галиціи и древнюю чудотворную икону Божіей Матери, которая по преданію принесена была изъ Греціи еще при святомъ Владимірѣ. Эту-то икону онъ поставилъ въ Ченстоховѣ, гдѣ она и теперь есть. Итакъ эта святыня, чтимая польскими латинянами,— святыня православная, подобно и Виленской святынѣ, Остробрамской иконѣ Божіей Матери. Однакоже и по

уходѣ Болеслава Галиція осталась подъ властью Польши. Папа спѣшилъ теперь насадить въ ней латинство. Онъ учредилъ въ ней латинскія епископства съ тѣмъ, чтобы они вытѣсняли или обращали въ латинство православныхъ, которыхъ по обычаю обзывалъ папа схизматиками. Явились и размножились здѣсь латинскіе ксендзы; особенно монахи доминикане, которымъ поручилъ папа проповѣдывать латинство и распространять его власть. Въ 1381 г. папа учредилъ здѣсь подъ завѣдываніемъ доминиканъ такъ называемую *инквизицію*, т. е. жестокое судилище, которое должно было преслѣдовать, судить и карать противниковъ Римской церкви и папы. Наступило тяжкое время для православныхъ въ Галиціи, время долгой, уже непрерывной борьбы за свою вѣру и народность. Наступило это время и для всей западной Россіи, когда она чрезъ Литву притянута была подъ власть Польши.

---

2. Соединеніе Литвы, а чрезъ нее и Западной Россіи съ Польшею при вел. кн. Ягайлѣ. Отпаденіе ею въ латинство.

По смерти Ольгерда († 1377 г.) великимъ княземъ Литвы и Западной Руси сталъ старшій сынъ его отъ второй жены Ягайло, въ православіи Яковъ. Не отличался онъ умомъ и мужествомъ, но былъ искателенъ, льстивъ и наклоненъ къ предательству. Неблагодарно, предательски и жестоко поступилъ онъ съ своимъ дядей Кейстутомъ, и его родичами; едва не загубилъ и сына его доблестнаго Витовта, котораго спасла только жена его Смоленская княжна. Спасшійся Витовтъ бѣжалъ къ Тевтонцамъ. Тѣ рады были вмѣшаться въ Литовскую смуту и жестоко опустошали Литву. Ягайло струсилъ и послалъ къ Витовту съ льстивой просьбой о мирѣ и съ обѣщаніемъ разныхъ уступокъ. Витовтъ

и самъ пожалѣлъ родной Литвы, ушелъ отъ Тевтонцевъ и помогъ Ягайлу защититься отъ нихъ. Это было въ 1384 г. Велѣдъ затѣмъ онъ задумалъ искать руки польской королевы Ядвиги, а съ нею и польской короны. Ради молодой красавицы Ядвиги и польской короны Ягайло обѣщалъ принять латинство, крестить по латинскому обряду и Литву, соединить ее и Западную Россію съ Польшею. Притомъ же союзомъ съ Польшею онъ надѣялся укрѣпить свою власть въ Литвѣ и Западной Руси, гдѣ его многіе не любили, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей, его братья и родичи. Этимъ же союзомъ онъ надѣялся обезопасить себя отъ усилившагося Московскаго государства, а также отъ Тевтонцевъ, не покидавшихъ своихъ завоевательныхъ замысловъ противъ Литвы. Непріязнь къ Тевтонцамъ была причиною того, что замыслу Ягайлы потакали и нѣкоторые изъ Литовскихъ князей и бояръ. Въ Польшѣ паны и епископы, правившіе государствомъ при молодой королевѣ, обрадовались замыслу Ягайлы. Надо сказать, что не такъ задолго передъ этимъ въ Польшѣ прекратился въ мужской линіи древній королевскій родъ Пястовъ. Послѣ разныхъ замѣшательствъ паны и епископы признали королевой недорослую Ядвигу, племянницу послѣдняго короля изъ рода Пястовъ. Но ей нужно было найти мужа, который сталъ бы черезъ это и королемъ Польскимъ. Наиболѣе выгоднаго для Польши мужа королевѣ паны и ксендзы видѣли теперь въ Ягайлѣ. Принявъ Ягайла себѣ за короля, они разсчитывали уберечь Польшу отъ набѣговъ Литовскихъ, какими пугалъ ее даже Ягайло передъ тѣмъ, какъ свататься; разсчитывали черезъ соединеніе силъ Польши и Литвы устрашить и Тевтоновъ, опасныхъ для Польши. А затѣмъ еще паны польскіе разсчитывали, что черезъ соединеніе съ Польшею Литвы и Западной Россіи имъ

откроется дорога къ власти и владѣніямъ въ литовско-русскихъ земляхъ, которыя были гораздо обширнѣе, богаче и плодороднѣе невеликихъ и большею частью песчаныхъ земель тогдашней Польши. А латино-польскіе епископы и ксендзы прельщались надеждою крестить въ своей вѣрѣ Литву, потомъ подчинить римской церкви и Западную Россію. Сама же королева невѣста совсѣмъ не радовалась найденному жениху. Былъ у нея другой давній женихъ Вильгельмъ, князекъ австрійскій, съ которымъ она, по тогдашнему обычаю, была обручена еще въ дѣтскіе годы. А Ягайло, по тому, что̀ слышала о немъ, пугалъ ее, какъ грубый дикарь. Услужливые придворные Ядвиги помогли ей дать знать Вильгельму, чтобы онъ тайно пріѣхалъ въ столицу Польши—Краковъ. Тотъ прилетѣлъ. Но краковскій каштелянъ (комендантъ) не пустилъ его въ замокъ или дворецъ королевы, и Вильгельмъ со свитою остановился въ гостинницѣ. Тѣ же придворные устроили тайное свиданіе Ядвиги съ Вильгельмомъ въ одномъ римско-католическомъ монастырѣ, гдѣ они со свитой забавлялись танцами и музыкой. А затѣмъ еще дали Вильгельму способъ тайно пробраться и въ замокъ и въ покои королевы, припявшей его, какъ настоящаго мужа. Провѣдали о томъ краковскіе вельможи и, не смотря ни на что, выгнали Вильгельма изъ замка и заперли ворота. Ядвига пыталась опять идти на свиданіе съ мужемъ, нашла ворота запертыми, хватила топоръ и кинулась сбивать замки въ воротахъ. Но куда же ей было разбить замки: такъ бѣдная она и осталась.

Теперь польскіе паны и ксендзы еще сильнѣе стали приставать къ Ядвигѣ, говоря, что согласіемъ на бракъ съ Ягайломъ она избавитъ Польшу отъ многихъ бѣдъ, увеличитъ ея силу, а главное—она совершитъ богоугодное дѣло, ибо Ягайло, ради нея крестится въ римско-

католическую вѣру, а затѣмъ крестится и вся Литва. Набожная королева сдалась на эти слова. А князька австрійскаго пугнули тѣмъ, что Ягайло со многими людьми уже приближается къ Кракову, и тотъ князекъ бѣжалъ домой. И такъ въ февралѣ 1386 г. Ягайло съ большою свитою изъ Литовскихъ князей, бояръ и всякихъ людей въѣхалъ въ Краковъ. Измѣнивъ православію, далъ онъ себя окрестить по латинскому обряду и назвать Владиславомъ. Черезъ три дня повѣнчали его съ Ядвигой, а въ Мартѣ увѣнчали и польской короной. Тутъ пошло шумное веселье въ Краковѣ: пиры, пляски, рыцарскіе турниры (конскіе бѣга и бои), пѣвцы и скоморохи поочередно смѣняли другъ друга. Веселились въ Краковѣ, но не веселились и не радовались на Руси. Но объ этомъ послѣ. Въ началѣ 1387 г. Ягайло съ большою свитою изъ польскихъ пановъ и высшихъ духовныхъ лицъ прибылъ въ Вильну, куда собрались и многіе литовскіе князья и бояре. Положено было крестить въ римско-католичество литовскихъ язычниковъ въ Вильнѣ и потомъ во всей Литвѣ.

---

3. Латинство или римское католичество въ Литвѣ и Жмуди.

Римско-католичество было не безъизвѣстно въ Вильнѣ еще при Гедиминѣ и Ольгердѣ, хотя еще очень слабо. При Ольгердѣ хотѣлъ поднять силу его боярин его Гаштольдъ. Бывши прежде воеводой на Подоліи, онъ женился на дочери сосѣдняго польскаго пана и при этомъ крестился по латинскому обряду. Теперь онъ вызвалъ въ Вильну изъ Польши латинскихъ монаховъ (францискапскаго ордена), устроивъ для нихъ монастырь на своемъ дворѣ. Виленскіе литовцы-язычники терпѣли православіе и православные храмы въ Вильнѣ. Если три Литовца (Іоаннъ, Антоній и Евстафій) пострадали за вѣру

православную, то пострадали по злобѣ языческихъ жрецовъ, а народъ даже жалѣлъ страдальцевъ и сочувствовалъ имъ. Не такъ было дѣло съ латинскимъ монастыремъ и его монахами. Литовцы видѣли въ нихъ носителей той вѣры, во имя которой Тевтоны такъ часто проходили по Литвѣ съ мечемъ и огнемъ. И такъ не жрецы только, а цѣлыя толпы народа злобились на латинскихъ монаховъ. Воспользовавшись временемъ, когда Ольгерда и Гаштольда не было въ Вильнѣ, они напали на латинскій монастырь; семь монаховъ были убиты; другіе семь бѣжали изъ монастыря и пойманы на берегу рѣки Вилін. Язычники пригвоздили ихъ къ крестамъ и пустили вишъ по рѣкѣ, злостно приговаривая: „вы пришли съ запада, ступайте же назадъ“. Возвратившійся Ольгердъ казнилъ за это смертью до 500 участниковъ злодѣйства. Грозная кара эта осталась въ памяти виленскихъ язычниковъ и они присмирѣли. Тѣмъ смирнѣе держали они себя и теперь, когда увидѣли въ Вильнѣ великаго князя и короля Ягайло, который уже самъ сталъ римскимъ католикомъ, а съ нимъ большая свита и сила князей и бояръ литовскихъ, а также знатныхъ польскихъ пановъ и духовныхъ. Смирно глядѣли они, когда затѣмъ по приказу Ягайлы въ нижнемъ замкѣ Вильны погашенъ былъ священный огонь въ капищѣ Зинча или Перкуна, повырублены священные дубы, перебиты священные гады. Слѣдовало теперь наставить язычниковъ въ христіанской вѣрѣ. Латинскіе польскіе ксендзы не умѣли говорить съ литовцами на языкѣ понятномъ для народа. Но имъ помогалъ самъ Ягайло — надо въ томъ правду ему отдать. А ему самому помогъ въ этомъ русскій языкъ, ибо русскій языкъ былъ для него уже природнымъ отъ дѣтства, отъ матери; на немъ отъ нея онъ ознакомился первѣе всего съ начатками христіанскаго ученія. Русскій языкъ уже былъ довольно знакомъ и литовцамъ,

а польскаго они не знали, не зналъ еще его и самъ Ягайло. Но убѣждая литовцевъ словами, Ягайло дѣйствовалъ и подарками. Изъ Кракова Ягайло привезъ большой запасъ бѣлыхъ суконныхъ свитокъ для раздачи тѣмъ, кто приметъ крещеніе въ латинскую вѣру. Литовцы, носившіе дотолѣ самую грубую одежду, охотились на новыя свитки и толпами шли слушать проповѣдь „лядской“ (польской) вѣры. И такъ стали изо дня въ день собирать язычниковъ къ рѣкѣ Вилін, тутъ дѣлили ихъ на группы или кучки, особо мущинъ, особо женщинъ; ксендзы кропили ихъ водою и такъ крестили, давая имена по одному на каждую кучку, такъ что въ одной кучкѣ всѣ назывались Иванами, въ другой Петрами и т. под. Такъ крещена вся языческая половина Вильны. Въ ближайшее затѣмъ время послѣдовало крещеніе Литвы по всей области. Всѣхъ крещеныхъ насчитывали до 30,000. Въ Вильнѣ Ягайло построилъ соборъ св. Станислава и другія церкви. Поставленъ для Вильны и латинопольскій епископъ и при немъ ксендзы. Не такъ скоро и легко совершено крещеніе Жмуди. Дѣло въ томъ, что за эту Жмудь еще шли споры и битвы между рыцарями Тевтонскаго ордена съ одной стороны, Ягайломъ и Витовтомъ съ другой. Рыцари добивались сами крестить Жмудь, чтобы чрезъ это закрѣпить ее подъ свою власть. Но горько и тяжко было несчастной Жмуди отъ такихъ крестителей. Вотъ какъ жаловались на это Жмудины въ своихъ посланіяхъ къ князьямъ и властителямъ всей Европы: „выслушайте насъ угнетенныхъ и измученныхъ! выслушайте насъ, князья духовные и свѣтскіе! Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, онъ ищетъ земель нашихъ для себя. Онъ довелъ насъ до того, что мы должны ходить по міру, или разбойничать, чтобъ было чѣмъ жить. Рыцари хуже татаръ. Всѣ плоды земли нашей и пчелиные ульи рыцари у насъ

побрали, не даютъ намъ ни звѣря убить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями. Что годъ уводятъ дѣтей нашихъ въ заложники; старшихъ нашихъ засадили въ тюрьмы въ Пруссію, а другихъ тутъ же со всѣмъ домомъ сожгли; сестеръ и дочерей нашихъ силою увезли, а еще крестъ святой носятъ! Сжальтесь надъ нами! Вспомните, что мы такіе же люди, какъ и всѣ, сотворены по образу и по подобію Божію, а не звѣри какіе! Отъ всей души хотимъ быть христіанами, но хотимъ креститься водою, а не кровію"! Въ другой разъ они говорили самимъ рыцарямъ, когда тѣ пришли собирать съ нихъ дань: „куда вы идете грабить насъ? У насъ и безъ того много прелатовъ, ксендзовъ и тому подобныхъ людей, которые отбираютъ у насъ шерсть, медъ и молоко, а въ ученіи христіанскомъ не наставляютъ". Прошли годы въ борьбѣ Жмуди съ орденомъ. Наконецъ Ягайло и Витовтъ рѣшились собрать всѣ, какія были у нихъ, силы противъ ордена. Въ 1410 г. они съ громаднымъ ополченіемъ изъ полковъ литовскихъ, русскихъ и польскихъ вступили въ самыя владѣнія ордена въ Пруссію. Большія силы изъ разныхъ странъ Европы собрали и рыцари ордена. 10-го іюля при селѣ Грюнвальдѣ послѣдовала великая битва, подобная битвѣ Куликовской. Рыцари уже стали одолѣвать; но устояли противъ нихъ русскіе, особенно Смоленскіе, полки и дали оправиться литовскимъ и польскимъ. Рыцари понесли страшное пораженіе. Послѣ этого сильно упалъ ихъ орденъ. А Жмудь осталась подъ властью родныхъ ей князей Ягайла и Витовта. Теперь они съ латино-польскимъ духовенствомъ принялись крестить ее. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они успѣли въ этомъ, построили для новыхъ христіанъ костелы и учредили и епископство въ г. Медникахъ. Но увы! и это латино-польское крещеніе Жмуди не обошлось безъ примѣси насилій,

похожихъ на насилія Тевтонцевъ и вообще привычныхъ ревнителямъ и слугамъ римской церкви. Самоуправство новыхъ ксендзовъ еще болѣе раздражало Жмудь. Вспыхнуло возстаніе по всей Жмуди. Народъ набросился на костелы, многіе изъ нихъ разорилъ и разграбилъ, перебилъ многихъ ксендзовъ, и самъ епископъ только бѣгствомъ спасся отъ обезумѣвшаго народа. Тяжко поплатился онъ за это. Витовтъ съ большимъ войскомъ поспѣшилъ въ Жмудь и произвелъ ужасное кровопролитіе. Однихъ старшинъ казнено болѣе 60 и простаго народа до 5,000. Виновныхъ топили, вѣшали, разстрѣливали, рубили, сѣкли. Жмудь усмирена; ксендзы вновь появились, а за ними и епископъ. Такъ кровопролитіемъ ознаменовалось начальное появленіе латинства въ Литовской Вильнѣ при Ольгердѣ и Гаштольдѣ; кровопролитіемъ и завершилось торжество его въ Жмуди! Не такъ водворялось православіе въ Литвѣ. Мирно и тихо была проповѣдь его, какъ проповѣдь истинно-христіанская. Ничья кровь не пролита изъ за этой проповѣди, кромѣ крови святыхъ трехъ мучениковъ Виленскихъ, пострадавшихъ отъ языческихъ жрецовъ.

Крещенныя въ латинство или въ римско-католичество Литва и Жмудь включались черезъ это, подобно Польшѣ, въ составъ Римской церкви и подъ власть римскаго папы. Папа весьма радовался этому. Онъ хвалилъ подвиги Ягайло и Витовта, какъ подвиги апостольскіе, величалъ ихъ самихъ своими апостольскими викаріями. То, разумѣется, хорошо, что язычники Литовцы и Жмудины крещены въ христіанство, хотя бы и латино-римское, ибо и это христіанство—есть христіанство, хотя и не такое чистое, какъ христіанство православное. Но то худо, что Литва, начавшая мирно и тихо принимать православіе, теперь раздвоилась между православіемъ и латинствомъ. Еще хуже было то, что Ягайло, по наущенію латинскаго

духовенства польскаго и литовскаго и римскихъ папъ задумывалъ, даже обязывался привлекать къ латинству или хотя бы къ Уніи подъ власть римскихъ папъ и тѣхъ литовцевъ, которые уже были православными христіанами, и не только ихъ, но и русскихъ въ подвластной ему западной Россіи. Того же домогались и послѣдующіе литовскіе великіе князья и короли польскіе, побуждаемые римскими папами и латино-польскими папами и прелатами. Такъ выросла у нихъ несчастная мысль олатинить и ополячить всю Литву и Западную Россію, слить ихъ въ одно государство съ Польшею—государство латино-польское. Понятно, что эта несчастная мысль не могла сбыться. Западная Россія, составляя болѣе девяти десятыхъ частей въ составѣ литовско-русскаго государства, необходимо вызывалась на борьбу за свою народность и вѣру православную. Цѣлые вѣка длилась эта борьба. Въ теченіе ихъ Западная Россія испытывала многія бѣдствія и утраты, временами изнемогала, но вновь крѣпилась и собиралась съ силами, а затѣмъ находила мощную защиту въ единовѣрной и единоплеменной Восточной Россіи. А Польша, не смотря на временные успѣхи и частичныя пріобрѣтенія, сама подрывала свои силы, увлекаемая въ самоволіе и безпорядокъ, болѣе и болѣе изнемогала и наконецъ пошкла предъ соединенною силой Восточной и Западной Россіи, силою Всероссійской.

---

4. Мѣры Ягайлы (1387—1434 г.) къ подчиненію православныхъ римской церкви и твердость ихъ въ своей вѣрѣ.

Въ 1377 году учредивъ въ Вильнѣ римско-католическое епископство, Ягайло въ Латинской грамотѣ первому виленскому римско-католическому епископу повторилъ обязательства, данныя имъ прежде въ Краковѣ. Въ этой грамотѣ онъ говорилъ, что „далъ обѣтъ и

клятву призвать, привлечь, даже принудить къ повиновенію Римской церкви всѣхъ литовцевъ обоего пола и всякаго званія, *къ какой бы вѣрѣ они не принадлежали*". Съ этой цѣлью онъ запрещаетъ литовцамъ, крещеннымъ въ римско-католичество, *вступать въ брачные союзы съ русскими* иначе, какъ только подъ условіемъ, чтобы сами русскіе передъ этимъ обратились къ римской церкви. Если же русскіе, уже вступивъ въ бракъ съ литовцами, не отказываются отъ своей вѣры, то Ягайло будетъ непремѣнно склонять ихъ къ подчиненію римской церкви, принуждать ихъ къ тому даже *тѣлесными наказаніями*. И были примѣры, что эта угроза исполнялась, особенно надъ православными литовцами, которые черезъ православіе и родственные союзы съ русскими сами дѣлались русскими. Такъ, когда два православныхъ литовца, занимавшіе важныя мѣста при Ягайлѣ, не захотѣли отречься отъ православной вѣры, то онъ предалъ ихъ многимъ мукамъ и наконецъ казнилъ смертью. Такая твердость исповѣдниковъ православія должна была пріостановить римско-католическую ревность Ягайлы. Но прошли годы, и Ягайло, паущаемый польскими панами и прелатами, принималъ новыя мѣры какъ къ скрѣпленію союза Литвы съ Польшею, такъ и къ привлеченію православныхъ литовцевъ и русскихъ къ римской церкви. Такъ онъ издавалъ сеймовыя постановленія, по которымъ права шляхетскихъ смердовъ и чиновной службы усвоялись только тѣмъ, которые принадлежали къ Римской церкви, а православные не допускались до такихъ правъ. Таковы особенно постановленія Городельскаго сейма 1413 г. Болѣе открытымъ насиліямъ со стороны Ягайла и Польши подверглась Галицкая Русь, теперь окончательно присоединенная къ Польшѣ. Здѣсь была упразднена древняя православная епископская каѳедра въ городѣ Галичѣ, и на счетъ ея возвышена и

обогащена латинская каѳедра, перенесенная въ Львовъ, главный городъ Галиціи. Въ Перемышлѣ хотя не упразднена епископская каѳедра, но у нея отнятъ соборный храмъ, обращенъ въ костелъ и отданъ латинскому перемышльскому епископу, причемъ приказано было выбросить изъ бывшихъ при храмѣ гробовъ тѣла русскихъ. А самъ латинскій епископъ перемышльскій разными льготами заохочивалъ переселяться въ свою епархію римско-католиковъ изъ Польши съ тѣмъ, чтобы они сильнѣе подавляли русскихъ, въ ней обитающихъ. Не смотря на всѣ такія мѣры, православные въ Литвѣ и Западной Россіи оставались твердыми въ своей вѣрѣ. Еще тогда, когда Ягайло перекрестился въ Краковѣ въ латинство, примѣру его послѣдовали лишь немногіе изъ удѣльныхъ литовскихъ князей. Всѣ прочіе литовскіе князья, братья и родичи Ягайлы, остались вѣрны православію, какъ то: Андрей Полоцкій, Владиміръ Кіевскій, Димитрій (Корыбутъ) Сѣверскій, Скиргайло Троцкій, Ѳеодоръ Любартовичъ Волынскій и др. Изъ русскихъ князей, потомковъ Святого Владиміра, ни одинъ не отпалъ отъ православія. Изъ бояръ литовскихъ, еще недавно ставшихъ православными, были такіе, которые переходили въ латинство, чтобъ не лишиться льготъ, дарованныхъ Городельскимъ сеймомъ только латинянамъ. Но другіе оставались вѣрными православію, которое твердо стояло и росло въ самой столицѣ Вильнѣ. Объ этомъ съ великимъ сожалѣніемъ сообщилъ самъ латинскій епископъ Вильны Андрей Василло въ бесѣдѣ съ бывшимъ здѣсь посломъ отъ Тевтонскаго ордена (1397 г.). Что касается до чисто русскихъ земель Западной Россіи, то здѣсь повсюду и весь народъ пребывалъ вѣрнымъ православію. А мѣстами и пришлые литовцы-язычники обращались въ православное христіанство. Такихъ литвиновъ успѣвалъ

крестить въ своей епархіи Туровскій епископъ Антоній. Видя такую силу православія во всѣхъ литовско-русскихъ земляхъ своего государства, Ягайло волею-неволею долженъ былъ сдерживаться самъ, сдерживать и другихъ ревнителей отъ насилій православной церкви, такъ что она продолжала существовать во всѣхъ этихъ земляхъ, имѣла своихъ епископовъ, священниковъ, свои храмы, монастыри, видѣла и умноженіе ихъ усердіемъ православныхъ князей, бояръ и народа.

---

5. Витовтъ, защитникъ независимости Литовско-Русскаго государства отъ Польши, но сторонникъ римской церкви.

Соединеніе Литвы и Западной Россіи съ Польшею, причинивъ стѣсненія православной церкви, послужило поводомъ и къ разнымъ другимъ замѣшательствамъ и спорамъ между этими странами, переходившимъ и въ открытую борьбу. Оказывалось, что самое это соединеніе понимается ими неодинаково. Польша домогалась чрезъ это соединеніе привесть литовско-русскія земли въ *полное подданство* польской коронѣ, при которомъ бы польскіе паны и прелаты могли владѣть и править въ нихъ, и польская народность господствовала бы надъ литовско-русскою. Напротивъ, въ Литвѣ и Западной Россіи считали это соединеніе только *союзомъ*, при которомъ-бы польское и литовско-русское государство жили въ мирѣ, взаимно помогали противъ внѣшнихъ враговъ, но оставались каждое при своихъ владѣніяхъ и земляхъ и при своихъ природныхъ властяхъ и вообще при своей народности, какъ особой и независимой отъ Польши. Между православными литовско-русскими князьями были и такіе, которымъ не по душѣ былъ и самый союзъ съ Польшею, достигнутый Ягайломъ цѣною измѣны пра-

вославію. Еще тогда, когда въ Краковѣ шли веселые пиры по случаю вѣнчанія Ягайлы польскою короной, поднялось возстаніе въ области Полоцкой подъ предводительствомъ Андрея князя Полоцкаго (брата Ягайлы) и Святослава Смоленскаго. Возстаніе было подавлено тѣми литовскими князьями, которые были теперь еще союзниками Ягайлы. Но затѣмъ явились противники Ягайла и Польши и среди самыхъ этихъ союзниковъ. Сильнѣйшій изъ нихъ былъ Витовтъ, княжившій теперь въ Гродно. Ягайло долженъ былъ уступить ему: Витовтъ сталъ великимъ княземъ Литовскимъ и въ 1392 г. вѣнчался на великое княженіе въ Вильнѣ, хотя и признавалъ верховенство Ягайлы, какъ польскаго короля. Затѣмъ Витовтъ сталъ забирать подъ свою власть другія литовско-русскія земли, въ томъ числѣ и Кіевъ съ его областью (1396 г.). Къ тому же онъ уже давно былъ въ родствѣ съ сильнымъ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, женатымъ на дочери его Софіи. Въ Польшѣ стали побаиваться, что онъ совсѣмъ оторветъ отъ нея свое государство. Поэтому вздумали они напомнить ему о верховныхъ правахъ польской короны. По наущенію польскихъ пановъ, королева Ядвига отъ имени мужа прислала въ 1398 г. письмо къ Витовту съ требованіемъ дани съ литовско-русскихъ земель. Витовтъ созвалъ въ Вильну литовскихъ бояръ и сказалъ: „считаютъ-ли они себя подданными польской короны такъ, чтобы давать дань королевѣ?“ Бояре отвѣчали: „мы не подданные Польши ни подъ какимъ видомъ: мы всегда были вольны, наши предки никогда не платили дани полякамъ; не будемъ и мы платить, останемся при своихъ вольностяхъ“. Витовтъ радъ былъ этому и отказалъ Польшѣ въ дани. Но будучи защитникомъ независимости литовско-русскаго государства, Витовтъ оставался сторонникомъ римской церкви, къ которой присталъ еще

въ Краковѣ, одновременно съ Ягайломъ. Ради этого, онъ не порывалъ и союза съ Польшею и Ягайломъ. Кромѣ того, союзъ этотъ казался ему полезнымъ въ его смѣлыхъ замыслахъ. Такъ, онъ мечталъ побѣдить татаръ Золотой Орды, но вмѣстѣ съ поляками потерпѣлъ отъ нихъ жестокое пораженіе на р. Ворсклѣ въ 1399 году. Оправившись отъ такой неудачи, онъ замышлялъ покорить Новгородъ, Псковъ, Рязань, началъ войну даже съ своимъ зятемъ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ. Но въ это время нѣкоторые изъ литовско-русскихъ православныхъ князей и бояръ стали выходить изъ-подъ власти Витовта и уходить подъ покровительство и на службу къ Московскому великому князю. Витовтъ испугался и помирился съ зятемъ. Гораздо удачнѣе для него, какъ для Ягайлы и Польши, была совмѣстная война ихъ съ тевтонцами, увѣнчавшаяся славною Грюнвальденскою побѣдою 1410 г. На радостяхъ отъ этой побѣды поляки и литовцы стали опять брататься, и это братанье повело къ возобновленію союза Литвы съ Польшею на Городельскомъ сеймѣ 1413 г. Но братаясь на этомъ сеймѣ, Ягайло и Витовтъ, поляки и литовцы латинской вѣры, забыли припять въ братство съ собою православныхъ литовцевъ и русскихъ, хотя они были сильными пособниками ихъ въ борьбѣ съ тевтонцами, не дали православнымъ тѣхъ правъ, какія даны были на этомъ сеймѣ литовцамъ латинянамъ. Допустивъ такое униженіе православныхъ, составлявшихъ девять десятыхъ населенія въ его государствѣ, Витовтъ допустилъ великую неправду ради угодничества римско-католической церкви. Изъ этого же угодничества ей и ея главѣ римскому папѣ онъ допустилъ основать въ своемъ государствѣ два новыя латинскія епископства, одно въ Луцкѣ, другое въ самомъ Кіевѣ, хотя для Кіева только считался латинскій епископъ, а глазъ сюда онъ не по-

казывалъ за дальностью страны и за пемѣніемъ латинянъ въ Кіевѣ. Угодничество Витовта римской церкви, конечно, не привязывало православныхъ Западной Россіи ни къ Витовту, ни къ латинской Литвѣ. Они видѣли единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ въ сѣверо-восточной Руси. Зная это, Витовтъ задумалъ ослабить ту церковную связь Западной Россіи съ Восточною, видимымъ знакомъ которой была единая власть первосвятителя—митрополита, жившаго въ Москвѣ. Онъ предложилъ епископамъ Западной Руси избрать особаго митрополита Литовско-Русскаго. Позволительно было и по церковнымъ правиламъ имѣть въ особомъ государствѣ особаго митрополита. Потому епископы избрали и посвятили особаго для Западной Россіи митрополита на соборѣ въ Новгородкѣ Литовскомъ въ 1416 г.

---

6. Охраненіе православія Западно-Русскими епископами при Витовтѣ.

Но, сдѣлавъ это, они объявили, что остаются вѣрными православію, не разрываютъ союза со всею Восточною Православною Церковью. А самъ новый митрополитъ Григорій Цамблакъ былъ ревнитель православія и самому Витовту говорилъ: „зачѣмъ ты, князь, держишься вѣры латинской, а не православной“? Витовтъ отвѣчалъ: „если ты желаешь видѣть не только меня одного, но и всѣхъ людей моей земли въ православной вѣрѣ, то поѣди въ Римъ и состязайся съ папою и его мудрецами. Когда побѣдишь, всѣ примемъ православный законъ и обычаи, а если нѣтъ, то я всѣхъ моихъ подданныхъ православной вѣры обращу въ латинство“. Мудрый митрополитъ не испугался этой угрозы. Спустя нѣкоторое время онъ, по желанію князя, отправился съ

нѣсколькими епископами на западъ, но не въ Римъ, а въ Констанцъ (городъ въ Швейцаріи). Въ Римѣ, и во всей Западной римско-католической церкви были тогда большіе безпорядки. Было тогда разомъ три папы, жившіе въ разныхъ мѣстахъ, спорившіе между собою за власть къ соблазну всѣхъ. Въ Констанцѣ составился соборъ, чтобы устранить эти и другіе безпорядки. Соборъ тянулся долго (1414—1418 г.), показалъ большую жестокость надъ двумя священниками изъ чеховъ, которыхъ сжегъ живьемъ за то, что они обличали римскую церковь за ея злоупотребленія. Но соборъ низложилъ и всѣхъ трехъ папъ и избралъ новаго папу, которому однакоже нескоро уступили свою власть всѣ низложенные папы. На соборѣ поднимались рѣчи и объ уніи, т. е. соединеніи Православной Восточной Церкви съ Римскою, причемъ Восточная церковь должна была бы признать надъ собою власть папы. А бывшіе на соборѣ польскіе послы увѣряли, что къ этой уніи пристанутъ и ѣдущіе изъ Литвы, т. е. Западной Россіи, православные литовцы и русскіе съ своимъ митрополитомъ. Они и пріѣхали уже къ самому концу собора. Они не отказывались отъ бесѣдъ о вѣрѣ, но прямо сказали, что уніи, т. е. признанія надъ собою власти папъ Римской церкви, они не желаютъ. На соборѣ посмѣялись надъ поляками, похвалившимися, что приведутъ русскихъ въ унію. А русское посольство благополучно возвратилось домой.

---

7. Преграды Витовту со стороны поляковъ къ пріобрѣтенію короны, какъ знака независимости его литовско-русскаго государства отъ Польши.

Вскорѣ образумился и самъ Витовтъ. Когда скончался митрополитъ Григорій Цамблакъ, то Витовтъ, по совѣту своего зятя, Московскаго великаго князя, при-

зналъ въ своемъ литовско-русскомъ государствѣ власть единаго православнаго митрополита Фотія, жившаго теперь въ Москвѣ. И этотъ Фотій не одинъ разъ посѣщалъ города и области Западной Россіи и повсюду принимаемъ былъ съ честью, какъ единый православный митрополитъ. Впрочемъ отъ латинства самъ Витовтъ не отсталъ и теперь. Почему? Онъ желалъ получить королевскую корону, чтобы, сдѣлавшись королемъ, чрезъ это утвердить полную независимость своего государства отъ Польши. А корону онъ надѣялся получить или отъ папы, или отъ нѣмецкаго императора латинской вѣры. Папа не согласился дать корону Витовту; за то обѣщалъ дать ее императоръ. Въ надеждѣ на это Витовтъ въ 1429 году созвалъ въ городъ Луцкъ (на Волыни) много гостей изъ западныхъ государей и разныхъ князей. Былъ тутъ и Московскій великій князь и митрополитъ Фотій. Былъ и Ягайло съ польскими панами и епископами. Ягайло готовъ былъ согласиться на короноваиіе Витовта. Но польскіе паны и епископы еще прежде упросили папу пригрозить Ягайлѣ, чтобъ не допустилъ онъ этого короноваиія. А теперь въ Луцкѣ они стали еще сильнѣе налегать на Ягайла, говоря: „какъ! ты готовъ согласиться на короноваиіе Витовта? ты хочешь, чтобы Литва стала независимой отъ Польши; хочешь лишить насъ такихъ обширныхъ и богатыхъ земель, какъ земли литовско-русскія“? Но Ягайло все еще колебался. Тогда поляки ночью тайкомъ уѣхали изъ Луцка. Ягайло, боясь, что они надѣлаютъ ему бѣды, уѣхалъ и самъ. Такъ короноваиіе не состоялось, и гости Витовта стали разъѣзжаться. Витовтъ упрашивалъ оставшихся гостей ѣхать за нимъ въ Вильну, надѣясь тамъ короноваться. Шли уже туда и послы императора, везшіе корону. Но поляки перехяли имъ дорогу и не пустили въ Вильну. Огорченный Витовтъ, тогда уже свыше

80-лѣтній старикъ, скончался 1430 г. На всемъ дѣлѣ Витовта ясно сказалось то, что латинство, принятое имъ, навязанное и Литвѣ, не принесло имъ ни полной милости папы, ни искренней дружбы Польши. Польша все-таки думала не о дружбѣ, а о власти надъ Литвой, а чрезъ нее и надъ Русью; и папа угождалъ гораздо болѣе Польшѣ, чѣмъ Литвѣ.

---

8. Борьба Литвы и Западной Руси за свою государственную независимость послѣ Витовта—до Владиміра.

Послѣ Витовта борьба между литовско-русскою и польскою сторонами оживилась съ большимъ ожесточеніемъ. Она продолжалась до смерти Ягайла (1444 г.) и послѣ него. Особенно сильна была борьба за Волынь и Подолію, которыя хотѣли захватить поляки, а литовцы и русскіе защищали отъ нихъ. Въ этой борьбѣ особенно прославился князь Ѳеодоръ Острожскій, сынъ того князя Даніила, который въ свое время защищалъ Волынь и Галицію отъ польскаго короля Казиміра III. Этотъ князь славился также благочестіемъ, такъ что наконецъ сталъ инокомъ, подвизался въ Кіево-Печерской Лаврѣ; здѣсь онъ и скончался, и потомъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Одновременно съ борьбой изъ-за Волыни и Подоліи шла борьба за независимость отъ Польши всего литовско-русскаго государства. Когда въ Польшѣ избранъ былъ королемъ старшій сынъ Ягайла Владиславъ, литовцы и русскіе пожелали имѣть у себя великимъ княземъ младшаго брата его Казиміра (1440 г.). Когда потомъ Владислава не стало (онъ убитъ на войнѣ съ турками подъ городомъ Варною въ 1443 г.), то поляки, боясь, что литовцы и русскіе отпадутъ отъ Польши, стали звать къ себѣ

Казиміра въ Краковъ. Долго отговаривали его отъ польской короны литовцы и русскіе, долго и самъ онъ не соглашался принять эту корону. Но наконецъ полякамъ удалось запугать молодого Казиміра; онъ поѣхалъ въ Краковъ и сталъ королемъ польскимъ, оставаясь и великимъ княземъ литовско-русскимъ. Такимъ образомъ опять соединилась Литва и Западная Русь съ Польшею. Но при этомъ Казиміръ далъ обязательство, что не допуститъ умаленія земель литовско-русскаго государства, не допуститъ захвата поляками Волыни и Подоліи (1447 г.). Но это обязательство не остановило польскихъ замысловъ на захватъ Волынскихъ, Подоліи и другихъ русскихъ земель. Поэтому борьба Литвы и Западной Руси съ Польшею продолжалась.

Флорентійская унія. Съ первыхъ годовъ княженія Казиміра IV православнымъ въ предѣлахъ литовско-русскаго государства причинена новая смута черезъ такъ называемую Флорентійскую Унію. Мысль объ уніи была старою мыслью римскихъ папъ. Черезъ эту унію они домогались подчинить своей власти греко-восточную православную церковь, а съ нею и другія народныя церкви, которыя приняли православное христіанство отъ Греко-Востока, въ числѣ ихъ и русскую церковь. Мысль объ уніи поднималась въ греческомъ Царьградѣ и въ папскомъ Римѣ не одинъ разъ, и каждый разъ именно тогда, когда греческому царству и Царьграду грозили завоеваніемъ турки мусульмане. Цари греческіе, а съ ними и нѣкоторые греки, надѣялись, что Западные христіане, по христіанскому братству, окажутъ имъ защиту отъ невѣрныхъ. Папы обѣщали склонять къ тому Западныхъ христіанъ, но съ тѣмъ условіемъ, если греческіе цари и патріархи, а также и всѣ православные греки примутъ унію, т. е. признаютъ надъ собой власть папы, а съ нею и разныя

римскія нововведенія въ вѣрѣ и церкви. Были такіе цари и патріархи, что соглашались на это; но это причиняло только новыя смуты и распри въ Царьградѣ и греческомъ царствѣ. Попытка уніи падала сама собой тѣмъ болѣе, что папы и западные христіане не хотѣли и не могли оказывать помощь грекамъ противъ турокъ. Въ первыхъ десятилѣтіяхъ XV вѣка греческое царство было уже до крайности стѣснено турками. Они завоевали почти всѣ области его и готовились завладѣть и самымъ Царьградомъ. Царь греческій (Іоаннъ Палеологъ) въ отчаяніи соглашался на унію съ римской церковью, за что папа (Евгеній IV) обѣщалъ ему помощь противъ турокъ деньгами и войскомъ. Обѣщалъ это папа тѣмъ живѣе, что и самъ нуждался въ уніи съ православнымъ Греко-Востокомъ.

Тогда на Западѣ были уже многіе учители и владыки, которые обличали разные соблазны и злоупотребленія въ папствѣ, требовали исправить ихъ, ограничить во многомъ и самую папскую власть и ея приспѣшниковъ. Чтобы дать отпоръ такимъ обличителямъ, папа съ приспѣшниками хотѣлъ опереться на унію съ православнымъ Востокомъ и показать, что этотъ Востокъ, древнѣйшій учитель въ вѣрѣ для всего свѣта, теперь за одно съ Римомъ, признаетъ папскую власть и новыя ученія папскія. И вотъ по такимъ мірскимъ разсчетамъ двигателей уніи въ Царьградѣ и Римѣ, составился въ 1439 г. соборъ въ итальянскомъ городѣ Флоренціи, гдѣ были греческій царь и папа, многіе греки и латиняне, и была провозглашена унія. Но эту унію тутъ же на соборѣ и послѣ него отвергли лучшіе изъ греческихъ святителей, во главѣ съ Маркомъ Ефесскимъ; отвергли ее православные греки и въ Царьградѣ. Они предпочли покориться своей участи, волѣ Божіей, подпасть даже власти турокъ, но не измѣнять

святому православію. Папа же, похваляясь уніею на весь свѣтъ, не защитилъ грековъ и Царьграда отъ турокъ. Въ 1453 г. пало греческое царство, Царьградъ взятъ турками; но православіе сохранилось въ немъ твердо и непзмѣнно. Флорентійскую унію хотѣли навязать и русской церкви. Еще до Флорентійскаго собора въ Царьградѣ поставили и отправили въ Москву на русскую митрополію грека Исидора, сторонника затѣвавшейся уніи. Прибывъ въ Москву, онъ тотчасъ сталъ собираться въ далекій путь на соборъ. Великій князь Василій Васильевичъ съ трудомъ согласился отпустить его, но предостерегалъ, говоря: привези намъ древнее благочестіе, т. е. возвращайся вѣрнымъ древнему православію. Но Исидоръ на соборѣ во Флоренціи совсѣмъ предался на унію. За то бывшіе съ нимъ русскіе духовные и міряне отвергпись отъ него и стали на сторонѣ ревнителей православія. Не смотря на все, самонадѣянный Исидоръ направился обратно въ Россію. Проѣзжая черезъ Польшу и Западную Россію, онъ провозглашалъ унію, и были такіе, что терпѣли и слушали его. Прибывъ затѣмъ въ Москву, онъ отважился въ Соборномъ храмѣ провозглашать объ уніи и папѣ. Но великій князь тутъ же обличилъ его, а русскіе епископы соборомъ осудили его и его дѣло, какъ „дѣло папино". Свели его съ митрополіи въ монастырь, откуда онъ бѣжалъ. Его и не догоняли. Прибѣжавъ въ Западную Россію, онъ замѣтилъ, что и здѣсь, по голосу изъ Москвы, перестаютъ вѣрить ему, и потому бѣжалъ далѣе въ самый Римъ къ папѣ (1441 г.).

Не удалась унія ни въ Восточной, ни въ Западной Россіи. Обѣ онѣ пребыли вѣрными православію. По единству вѣры черезъ нѣсколько лѣтъ возстановлено было и единство высшей церковной власти для обѣихъ половинъ Россіи. Когда въ Москвѣ поставленъ былъ въ

митрополиты (1448 г.) святитель Іона, то скоро затѣмъ власть его признана въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Согласился на это и тогдашній польскій король и великій князь Литовско-русскій Казиміръ, склоняясь на ходатайство Московскаго великаго князя и православныхъ литовцевъ и русскихъ Западной Россіи и ея православныхъ епископовъ. Но, спустя десять лѣтъ, въ Римѣ опять принялись за унію. Тамъ поставленъ былъ уніатъ Григорій Булгаръ въ митрополиты для Литвы и Западной Россіи. Въ 1458 г. папа прислалъ его къ Казиміру съ граматою, въ которой требовалъ, чтобы этотъ Григорій былъ отдѣльнымъ митрополитомъ для девяти епархій въ литовско-русскомъ государствѣ со включеніемъ и Кіева. Папа требовалъ также, чтобы изгнана была изъ этихъ епархій власть жившаго въ Москвѣ православнаго митрополита Кіевскаго и всея Россіи святителя Іоны. „Если этотъ Іона схизматикъ явится въ Западную Русь, то поймать его, сковать и заключить въ тюрьму!“ Такъ грозно, но не разумно и нечестиво писалъ папа о святителѣ Іонѣ, мужѣ великой святости! Казиміръ, принадлежа самъ къ римской церкви, притомъ же находясь подъ давленіемъ польскихъ и литовскихъ пановъ и епископовъ римской вѣры, уступилъ папѣ и принялъ Григорія на митрополію въ свое государство. Засѣвши же въ митрополіи и называясь митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, Григорій властно требовалъ повиновенія себѣ отъ православныхъ епископовъ и мірянъ Западной Россіи, прибѣгая и къ насиліямъ противъ неповинующихся. Горько сѣтовали на это православные, жалобно писали о томъ и въ Москву къ святителю Іонѣ, который утѣшалъ и ободрялъ, обѣщая гонимымъ убѣжище въ Московскомъ государствѣ. Не малое время православные Западной Россіи должны были терпѣть власть митрополита-уніата, въ

надеждѣ, что онъ и самъ опамятуется. И дѣйствительно, подъ конецъ жизни Григорій, видя нелюбовь къ нему православныхъ, сталъ опамятываться, просилъ для себя благословеніе отъ православнаго Константинопольскаго патріарха, отрекаясь отъ уніи. Патріархъ далъ ему благословеніе, и Григорій скончался въ общеніи съ православною церковью въ Новогродкѣ Литовскомъ, гдѣ и погребенъ (1473 г.) Такъ унія опять не удалась и въ самой Западной Россіи. Но она прошла не безслѣдно для всей церкви русской въ обѣихъ половинахъ Россіи.

---

10. Раздѣленіе Русской митрополіи на двѣ: Московскую и Кіевскую.

Ближайшимъ послѣдствіемъ ея было то, что отдѣленная при Григоріи Кіевская митрополія съ своими девятью епархіями въ Западной Россіи уже не возвращалась подъ общую власть митрополита, жившаго въ Москвѣ. И въ самой Москвѣ предпочли держаться своей одной Московской митрополіи, чтобы не допустить происковъ уніи и латинства, возможныхъ въ Западной Россіи и могшихъ вторгаться оттуда въ Московскую Русь. Такъ, по смерти святителя Іоны, въ Москвѣ стали избирать отдѣльныхъ митрополитовъ, которыхъ стали называть *Московскими и всея Руси*; а въ Западной Россіи по смерти Григорія стали избирать тоже своихъ отдѣльныхъ митрополитовъ, называвшихся *Кіевскими и всея Руси*. Такъ послѣдовало окончательно раздѣленіе единой русской митрополіи на двѣ, и продолжалось около двухъ столѣтій.

ГЛАВА III.

Начальное время отдѣльной Кіевской митрополіи въ Западной Россіи или время правленія Польско-Литовскихъ государей Казиміра Ягайловича и Александра Казиміровича (до начала XVI вѣка).

1. Потребность усиленныхъ попеченій со стороны православныхъ Западной Руси о своей церкви.

По окончательномъ образованіи отдѣльной Кіевской митрополіи православнымъ Западной Россіи надлежало усиленнѣе прежняго заботиться объ огражденіи своей вѣры и народности, правъ и благоустройства своей церкви и своей земли. Теперь Западная Россія отдѣлена была отъ восточной не по государственному только управленію, но и по церковному. Затруднительнѣе стали для нея церковныя связи съ Восточною Россіей, которая своею твердою вѣрностію православію служила примѣромъ и помощью въ охраненіи его и для Руси Западной. Православная Церковь въ Западной Россіи теперь болѣе прежняго подпадала зависимости отъ господствовавшей въ ней римско-като-

лической государственной власти. Не могла она ожидать отъ этой власти такого покровительства, какъ церковь Восточной Россіи отъ единовѣрной власти Московскихъ государей. Благо, если иновѣрная власть въ Западной Россіи оказывала терпимость къ здѣшней православной русской церкви. Покровительство же она гораздо охотнѣе являла своей римско-католической церкви, готова была и помогать усиленію ея на счетъ православной церкви. Опираясь на это, польско-литовскіе римско-католики, особенно ихъ бискупы и ксендзы, поощряемые римскими папами, смѣлѣе прежняго могли причинять разныя стѣсненія православной церкви, съ тою же цѣлію усилить на счетъ ея свою римско-католическую церковь и даже подчинить ей нашу православную церковь. Все это видѣли лучшіе люди изъ православныхъ Западной Россіи и прилагали особенныя попеченія о своей православной церкви. Напомнимъ здѣсь нѣкоторыя болѣе общія дѣла такой попечительности ихъ о своей церкви.

---

2. Охраненіе союза ея съ православнымъ Востокомъ и въ частности съ Константинопольскимъ патріархомъ.

Такъ они старались охранить союзъ своей церкви съ православнымъ Востокомъ и удерживали обычай испрашивать для своихъ митрополитовъ благословеніе константинопольскаго патріарха. Памятна въ этомъ дѣлѣ особенно одна грамата къ константинопольскому патріарху, писанная около 1488 г. отъ имени западно-русскихъ князей, бояръ и духовныхъ лицъ съ просьбою о благословеніи для избраннаго ими на митрополію Полоцкаго епископа Іоны Глѣзны. „Живемъ мы, писали они, подъ властію государя великаго князя Литовскаго

Казиміра, но въ православной вѣрѣ пребываемъ твердо, даже до смерти, хотя насъ и стѣсняютъ въ вѣрѣ. Теперь, по кончинѣ бывшаго митрополита нашего Симеона, мы умолили государя Казиміра, чтобы позволили намъ составить соборъ или съѣздъ для избранія ему преемника. Когда то было дозволено, то мы, послѣ долгаго взысканія, избрали на митрополію достойнаго, просвѣщеннаго и благочестиваго Іону, епископа Полоцкаго. Итакъ, святѣйшій отецъ, дай ему свое благословеніе, сдѣлай это для защиты насъ отъ притѣсненій; а избранный нами владыка Іона есть и будетъ у насъ твердымъ возбранникомъ противъ непріязненныхъ намъ и стѣсняющихъ насъ".

Союзъ съ православнымъ Востокомъ и благословеніе константинопольскаго патріарха, даваемое кіевскимъ или Западно-Русскимъ митрополитамъ, были большою помощію православнымъ Западной Россіи. Когда польско-литовскіе латиняне-паписты, или самые папы римскіе чрезъ своихъ дѣльцовъ пытались навязать имъ унію или латинство и подчинить папѣ, то православные могли говорить и говорили: „мы находимся подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха, союзны по вѣрѣ съ нимъ и другими патріархами православнаго Востока. Безъ ихъ согласія не можемъ принять уніи и латинства, да и не нуждаемся во власти римскаго папы, имѣя духовную власть единовѣрнаго патріарха". Вообще союзъ съ православнымъ Востокомъ поддерживалъ въ Западной Руси добрыя и спасительныя преданія далекой старины: это преданія о православіи, какъ святомъ наслѣдіи, доставшемся Западной, какъ и Восточной Россіи отъ времени святого Владиміра, принявшаго вѣру не съ Запада, а съ Востока.

3. Заботливость объ ограждении правъ вѣры и церкви и ея іерархіи.

Заботились православные Западной Россіи объ ограждении правъ своей церкви. Таково было право ея избирать и поставлять своихъ митрополитовъ и епископовъ. чтобы не прекращались въ ней священноначаліе и святительское служеніе. Не подобало православнымъ оставлять это дѣло на волю иновѣрной власти, которая не имѣла охоты заботиться о немъ, или же могла отдавать святительскія каѳедры какимъ-либо искателямъ и угодникамъ (кои бываютъ всегда и вездѣ). Поэтому начальные люди изъ православныхъ, духовные и міряне, сами старались усматривать мужей надежныхъ и достойныхъ на святительское служеніе. Избравъ ихъ, они ходатайствовали предъ государственною властью объ утвердительныхъ граматахъ для своихъ избранниковъ: а потомъ совершалось и поставленіе по церковному чину. Такимъ образомъ въ Западной Россіи непрерывно продолжается рядъ митрополитовъ и епископовъ во всѣхъ епархіяхъ. Это были, кромѣ митрополичьей, епархіи: Полоцкая, Владиміро-Волынская, и Брестская, Луцкая и Острожская, Пинская и Туровская, Перемышльская и Самборская, Холмская и Белзская, а на Востокѣ Смоленская и Черниговская, ибо и эти области въ ту пору принадлежали къ составу литовско-русскихъ государствъ Западной Россіи. Имѣя непрерывное епископство, Западная Русь повсюду въ монастыряхъ, соборахъ и приходскихъ церквахъ имѣла своихъ духовныхъ лицъ для священнослуженія.

Требовалось, далѣе, охранять права церкви по ея духовному суду и управленію на основаніи соборныхъ правилъ и древнихъ русскихъ церковныхъ уставовъ. Понятно, что объ охраненіи этихъ правъ старались

прежде всего сами архипастыри и старшіе изъ духовенства, ходатайствуя о томъ предъ государственною властію. Но имъ помогали въ этомъ лучшіе и болѣе усердные изъ знатныхъ людей; ибо знали они, что это требуется для благоустройства церкви и для лучшаго надзора за благоповеденіемъ вѣрующихъ; знали они, что помощь пастырямъ нужна для защиты церкви не только отъ притѣсненій со стороны иновѣрцевъ, но и отъ злоупотребленій со стороны своихъ самовольниковъ, какіе могли быть и бывали.

---

4. Ктиторство, или патронатство, и благотворенія церкви.

Попечительность православныхъ Западной Руси о своей церкви сказывалась еще на обычаѣ и правѣ *ктиторства*, или *патронатства*. Ктиторъ означаетъ строитель и владѣтель, а патронъ—покровитель, попечитель. Ктиторами назывались тѣ, которые по благочестію и усердію къ церкви строили на своихъ земляхъ, въ своихъ имѣніяхъ храмы и монастыри, обновляли и украшали ихъ, обезпечивали содержаніе ихъ и служащихъ въ нихъ домами, землями, угодьями и разными другими вкладами и пожертвованіями. Они заботились также о томъ, чтобы въ монастыряхъ имѣлись всегда настоятели, въ церквахъ священники съ причтомъ, и такимъ образомъ всегда могли совершаться церковныя службы во славу Божію и святыхъ, молитвы о живыхъ, поминанія умершихъ. Они обязывались и охранять достояніе своихъ монастырей и церквей отъ обидъ и посягательствъ съ чьей либо стороны и имѣть вообще всякое попеченіе о благосостояніи ихъ. По всему этому они назывались также *патронами*, т. е. покровителями, попечителями. За такія добрыя услуги церкви, ктиторы

или патроны получали право для бывшихъ подъ ихъ попеченіемъ монастырей и церквей назначать настоятелей и священниковъ, съ согласія епископовъ, или представлять епископамъ къ назначенію лицъ, найденныхъ ими достойными на настоятельство и священство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ктиторы, или патроны, могли входить и въ судебныя дѣла по бывшимъ на ихъ попеченіи монастырямъ и церквамъ, если дѣла касались, напримѣръ, церковнаго имущества или проступковъ со стороны служащихъ при нихъ, но не вмѣшиваясь въ собственно духовныя дѣла, подлежавшія церковному суду. Обычай ктиторства былъ древнимъ обычаемъ въ церкви вообще и въ русской церкви въ частности. Но теперь въ Западной Руси онъ получилъ большую силу и широту. И это опять потому, что правительство страны было неправославное, и русскіе православные должны были ограждать свое право строить церкви и монастыри, покровительствовать имъ, защищать отъ обидъ и притѣсненій, вообще сами охранять благостояніе своихъ церквей. Отъ правительства же они просили только утверждать за ними право ктиторства, патронатства, въ чемъ болѣе или менѣе успѣвали. Слѣдуетъ сказать, что ктиторами и патронами нерѣдко бывали митрополиты и епископы и другія духовныя лица, строившія церкви и монастыри на своихъ земляхъ и на свои средства. Но чаще бывали міряне, ибо ихъ было гораздо больше. Духовныя же власти Православной церкви допускали право ктиторовъ и патроновъ для мірянъ ради пользы церкви, стараясь только о томъ, чтобы міряне не злоупотребляли своимъ правомъ, не позволяли себѣ излишняго вмѣшательства въ дѣла церковныя. Въ городскихъ, а часто и сельскихъ общинахъ право ктиторства и патронатства принадлежало цѣлымъ общинамъ или приходамъ, съ согласія церковной власти и

правительства. Въ связи съ этимъ правомъ развился потомъ обычай церковныхъ братствъ (о чемъ рѣчь будетъ ниже).

Кромѣ ктиторства и патронатства, держался среди православныхъ Западной Россіи древній обычай *благотворенія* церквамъ со стороны *отдѣльныхъ лицъ*, людей благочестивыхъ, богомольныхъ. Подобно ктиторамъ, они давали вклады въ церкви и монастыри святыми иконами, крестами, церковной утварью, святыми евангеліями и другими священными и богослужебными книгами, а также и всякими другими пожертвованіями для молитвъ о здравіи, на поминъ души и вообще по разнымъ обѣтамъ благочестія.

---

5. Охраненіе русскаго языка какъ государственнаго и народнаго, и Русскихъ земель, какъ отдѣльныхъ отъ Польши.

Съ вѣрностію православію и своей православной церкви, Западная Русь сохраняла вѣрность своей русской народности. Знаменемъ ея былъ *русскій языкъ*. И теперь, какъ прежде, онъ былъ силенъ живою связью съ священнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, который былъ языкомъ церковной и домашней молитвы и всякой книжности. Силенъ онъ былъ своею повсюдностію въ странѣ и общностію его всѣмъ родамъ населенія ея. Одна и та же живая рѣчь русская была рѣчью у поселянъ и горожанъ, крестьянъ, мѣщанъ, бояръ, дворянъ и князей. На русскомъ языкѣ велось всякое письмо, какъ-то: посланія церковныхъ пастырей, письменныя соглашенія, фамильныя записи, договоры, завѣщанія, судебныя дѣла и проч. Русскій языкъ былъ языкомъ Литовской „государевой рады", хотя въ этой радѣ засѣдали литовскіе епископы и паны латинской вѣры.

По-русски говорили сами государи Казимiръ и Александръ, когда бывали въ Литвѣ и Западной Руси, по-русски писали свои приказы и грамоты лицамъ, свои грамоты и уставы городамъ и областямъ Литвы и Западной Россiи. Изрѣдка только писывались грамоты по-латыни, когда назначались для духовныхъ лицъ, монастырей и бискупствъ латинскаго исповѣданiя. За то бывало и такъ, что для литовцевъ латинскаго исповѣданiя переплагались съ латинскаго, вновь слагались или брались у православныхъ молитвы на славяно-русскомъ языкѣ, ибо литовцы (кромѣ не многихъ изъ нихъ) не разумѣли ни латинскаго, ни польскаго. Вообще литовцы, не только православные и совсѣмъ обрусѣвшiе, но и римско-католики были союзниками русскихъ въ охраненiи русскаго языка, какъ государственнаго, такъ и народнаго.

Съ охраною народности соединялось для Западной Руси дѣло охраны своихъ земель со стороны Польши. Въ борьбѣ изъ за этого давняго дѣла теперь, какъ и прежде, литовцы были за одно съ русскими. По прежнему споръ шелъ о Юго-западномъ краѣ, особенно о Подолiи, Волыни и Подлѣсьѣ.

Поляки не одинъ разъ пытались захватить то ту, то другую область, но литовцы и русскiе старались отражать ихъ попытки силою, сопротивленiемъ на своихъ сеймахъ, или жалобами своимъ государямъ Казимiру и Александру, чтобы они, будучи вмѣстѣ и польскими королями, унимали поляковъ отъ захватовъ и наѣздовъ на русскiя земли. Эти государи, особенно Казимiръ, и рады бывали заступиться за права своего литовско-русскаго государства; но, къ сожалѣнiю, сами должны бывали подчасъ гнуться предъ гордыми и своевольными польскими папами и епископами. Поэтому литовцы вмѣстѣ съ русскими не разъ готовы были расторгнуть

союзъ съ Польшей и имѣть своихъ особыхъ государей отдѣльно отъ Польши. Это имъ однакоже не удавалось, и споръ ихъ съ Польшею имѣлъ еще затянуться на долгое время.

---

6. Обиды и притѣсненія православнымъ князьямъ и другимъ со стороны литовскихъ латинянъ при Казимірѣ.

Но если литовскіе латиняне были союзниками православныхъ Западной Россіи въ борьбѣ съ Польшею изъза русскихъ земель, то они были не союзниками, а подчасъ и недругами ихъ въ борьбѣ за права и достоинство своей вѣры и церкви православной. Въ этой борьбѣ православнымъ оставалось искать опоры и защиты въ другомъ союзѣ—союзѣ съ единовѣрною Восточною Россіею. Ранѣе пришли къ этой мысли ближайшіе къ ней русскіе князья, оскорбляемые въ своемъ достоинствѣ князей православныхъ и русскихъ. А началомъ поворота ихъ къ такой мысли было кіевское дѣло. Во время Казиміра Кіевъ былъ еще удѣльнымъ княженіемъ, имѣлъ своего князя, хотя и подъ верховною властью литовскаго великаго князя. Это былъ князь Симеонъ Олельковичъ (1455—1471 г.). Онъ былъ потомокъ православнаго князя Владиміра Ольгердовича, княжившаго здѣсь при Ольгердѣ и Витовтѣ, сынъ Александра или Олелька, отъ котораго и пошло названіе Олельковичей для этого княжескаго рода. Принадлежа къ тому же литовскому княжескому роду, къ которому принадлежалъ и самъ Казиміръ, Симеонъ былъ въ родствѣ съ московскимъ великокняжескимъ домомъ, какъ сынъ Анастасіи, дочери московскаго великаго князя Василія Димитріевича и тетки великаго князя Іоанна III. Подобно предкамъ своимъ Симеонъ былъ

твердо предалъ православію и вполнѣ сроднился съ православными Западной Россіи. Онъ отличался также благочестіемъ и усердіемъ къ церкви, обновилъ великую Лаврскую церковь, бывшую въ разрушеніи со времени татарскаго погрома надъ Кіевомъ. Православные Кіева и всего края утѣшались такимъ княземъ. Онъ былъ въ дружбѣ съ московскимъ великимъ княземъ, своимъ родичемъ. Даже среди литовцевъ были такіе, которые думали, что Симеону подобало бы быть и великимъ княземъ литовскимъ, что онъ лучше Казиміра отстаивалъ бы Литву и Западную Русь отъ Польши. Эта мысль, пугавшая Казиміра, была оставлена. Но осталась у него, а съ нимъ уже и у литовскихъ латинянъ, боязнь, что при княжескомъ родѣ православныхъ Ольговичей, въ нѣкогда славномъ и престольномъ Кіевѣ можетъ устроиться независимое княженіе, отпасть отъ Литвы, а потомъ соединиться съ единовѣрнымъ московскимъ государствомъ. И вотъ задумали Казиміръ и литовцы латиняне унизить и ослабить Кіевъ и его князей. При Симеонѣ они не отваживались на это. Но когда онъ скончался (въ 1471 г.) и погребенъ въ церкви Кіево-Печерской Лавры, Казиміръ уничтожилъ княжеское достоинство въ Кіевѣ, обратилъ его въ воеводскій городъ, а на воеводство прислалъ литовскаго боярина Гаштольда. Кіевляне были сильно обижены, огорчаясь особенно тѣмъ, что воевода неправославный, не хотѣли принять его, но принуждены были покориться силѣ. Но этого мало: тогда же прислапъ былъ въ Кіевъ латинскій епископъ. Кіевскіе латинскіе епископы имѣлись и прежде, еще со времени Ягайла; но они не живали въ Кіевѣ, ибо не имѣли здѣсь паствы, кромѣ какой-либо кучки захожихъ поселенцевъ. Не было этой паствы въ Кіевѣ для латинскаго епископа и теперь; но онъ уже сталъ временами живать въ Кіевѣ съ цѣлію

распространять латинство къ ущербу православія. Причиняя такую скорбь Кіеву, древней столицѣ Руси и колыбели православія, Казимiръ, по совѣту литовско-польскихъ латинскихъ епископовъ и паповъ причинилъ новую скорбь православной церкви въ столицѣ Литвы—Вильнѣ. Въ 1480 г. онъ запретилъ православнымъ строить новыя, поновлять старыя церкви. Хотѣлось латинянамъ, чтобъ русскія церкви падали и уменьшались, а чрезъ это православные переходили въ унію и латинство. Вызваны были потомъ изъ Польши латинскіе монахи бернардины и стали разъѣзжать по Литвѣ и Руси съ латинскою проповѣдью. А все это дѣлалось съ вѣдома и одобренія римскаго папы. Понятно, что православныхъ брала жалость. Болѣе другихъ оскорблялись этимъ сильнѣйшіе русскіе князья, а смѣлѣе изъ нихъ были князья сосѣдней съ Кіевомъ *Сѣверской* земли *), потомки древнихъ русскихъ князей изъ племени святого Владиміра. И стали они совѣщаться о томъ, чтобы въ Кіевѣ возстановить княжеское достоинство съ православнымъ княземъ во главѣ, какимъ хотѣли имѣть Михаила Олельковича, брата Симеонова. Про то развѣдали въ Литвѣ, захватили въ Кіевѣ этого Михаила и другого съ нимъ, и казнили на горѣ.

---

7. *Обращеніе обидимыхъ и притѣсняемыхъ подъ защиту московскаго государя.*

Оставалось одно — обратиться къ единовѣрной Восточной Россіи, подъ защиту московскаго великаго

---

*) Сѣверскою землею назывались земля нынѣшней Черниговской губерніи, названная такъ по одному изъ славянскихъ племенъ, племени Сѣверянъ, занявшихъ ее при начальномъ разселеніи славянскихъ племенъ по русской землѣ.

князя Іоанна III. Это былъ великій государь, собиратель земли русской. Онъ собралъ подъ свою власть всѣ бывшіе удѣлы или области Восточной Россіи, основалъ спасительное единодержавіе, свергъ татарское иго, усилилъ во всемъ свое государство. Слава его прошла далеко по всей землѣ русской и по чужимъ землямъ до самого Рима и Константинополя. Могъ онъ теперь выступить на защиту оскорбляемаго православія единовѣрной и единоплеменной Западной Россіи, нѣкогда единой и съ Восточною Россіею. И вотъ стали отдаваться подъ его власть съ своими владѣніями князья Сѣверской земли: Бѣльскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, Новосильскіе и многіе другіе князья и бояре. Онъ принималъ ихъ, какъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, искавшихъ единенія съ своимъ древнимъ отечествомъ. Такъ онъ объяснялъ свое дѣло въ ссылкахъ-переговорахъ съ Казиміромъ, онъ давалъ ему понять и то, что, именуясь Государемъ всея Россіи, по преемству отъ святого Владиміра, онъ считаетъ русскія земли Сѣверскихъ князей принадлежащими къ своему государству, считаетъ своею отчизною и Кіевъ, еще остающійся подъ властію Казиміра. Казиміръ пробовалъ воевать съ Іоанномъ III, но терпѣлъ неудачи. Ибо Казиміръ никогда не могъ собрать большой силы за слабостію своей власти и изъ за своеволія пановъ. А Іоаннъ III, какъ единодержавный государь, могъ каждый разъ собрать такую силу, какая требовалась для борьбы съ противникомъ. Среди военныхъ замѣшательствъ Казиміръ и скончался въ 1492 г. Замѣчательно, что Западно-русскій лѣтописецъ, говоря о кончинѣ его, выражается: „скончался государь Казиміръ добрый и справедливый“. Добръ былъ и самъ этотъ лѣтописецъ, какъ истый русскій человѣкъ. Казиміръ точно хотѣлъ быть добрымъ и справедливымъ и для русскихъ, и для своего госу-

дарства. Неоднократно склонялся онъ на ихъ просьбы и давалъ граматы даже въ защиту православной церкви. Но слабость его государевой власти, подрываемой польско-литовскими панами и епископами, была причиной того, что онъ допускалъ обиды православныхъ, даже тяжкія. Лѣтопись забываетъ объ обидахъ и помнитъ о добрыхъ дѣлахъ Казиміра для Западной Руси и поминаетъ его добромъ, по-христіански!

---

8. Александръ Казимировичъ, его бракъ съ Еленою Іоанновною и обязательство не стѣснять свободы своей жены и другихъ православныхъ; нарушеніе обязательства.

Александръ I. Сынъ и преемникъ Казиміра, Александръ (1492—1506 г.) видѣлъ, что ему не въ мочь бороться съ сильнымъ и умнымъ Іоанномъ III. И вотъ задумалъ онъ съ своими литовскими панами искать мира и родства съ Іоанномъ. Сталъ онъ и не одинъ разъ засылать въ Москву пословъ и свататься за дочь Іоанна III—Елену. Послы привезли и портретъ своего государя, чтобъ показать отцу и дочкѣ его каковъ-де собой женихъ. Іоаннъ предъ тѣмъ уже согласился отдать Елену за Александра. Но при этомъ онъ поставилъ условіе и взялъ съ будущаго зятя грамату на то, что онъ не будетъ нудить жены къ римскому закону, что онъ построитъ для нея церковь при государевомъ дворѣ въ Вильнѣ съ священникомъ при ней, позволитъ ей имѣть при себѣ русскихъ православныхъ боярынь. Онъ высказалъ надежду, что Александръ будетъ любить и уважать свою жену. Когда все уладилось, Іоаннъ благословилъ дочь святою иконою, отечески заповѣдалъ ей быть твердою въ своей вѣрѣ, жить въ любви съ мужемъ, быть учтивою съ свекровію, по-

мнить и отца; а затѣмъ отправилъ ее въ Вильну съ большимъ московскимъ посольствомъ, съ московскими боярынями и богатымъ приданымъ. Въ февралѣ 1495 г. Елена прибыла въ Вильну, встрѣчена торжественно женихомъ и литовско-русскими панами, повѣнчана съ Александромъ. Радостно было это событіе для Литовцевъ и еще болѣе для русскихъ православныхъ въ Вильнѣ и всей странѣ. Надѣялись они, что теперь, при православной государынѣ, настанетъ льгота имъ и православнымъ въ Литвѣ и Западной Россіи. Но не сбывались эти свѣтлыя надежды. Александръ, какъ мужъ, былъ добръ къ женѣ. Но, какъ государь латинскаго исповѣданія, не хотѣлъ или не могъ исполнить обязательствъ въ дѣлѣ вѣры своей жены. Особой церкви для нея при дворѣ не построили; русскихъ православныхъ боярынь къ ней не приставили, но навязывали ей литовскихъ боярынь римскаго закона. Этого мало: стали домогаться, чтобъ она пристала къ римской церкви, или хотя бы къ уніи, т. е. въ послушаніе римскому папѣ. Такъ приказывалъ Александру римскій папа въ своихъ граматахъ къ нему; этого требовалъ виленскій латинскій епископъ, требовали латинскіе ксендзы и паны литовскіе и польскіе, ибо Александръ былъ и королемъ польскимъ. Къ большему соблазну нашелся потаковникъ всему этому дѣлу и между русскими владыками. Это былъ Смоленскій владыка Іосифъ Болгариновичъ. Видно похожъ онъ былъ на того извѣстнаго уже намъ Григорія Булгара, который затѣвалъ было вводить унію въ Западной Россіи, а потомъ раскаялся и принялъ благословеніе Константинопольскаго патріарха. Іосифу Болгариновичу король Александръ обѣщалъ дать митрополичью каѳедру, и онъ уже назывался нареченнымъ митрополитомъ Кіевскимъ. Но требовалось благословеніе ему и отъ патріарха. Іосифъ по-

слалъ просить благословенія у патріарха, при этомъ писалъ и про унію, говоря, что насъ православныхъ притѣсняютъ латиняне, требуя, чтобы приняли унію. Патріархъ далъ благословеніе, а про унію писалъ Іосифу: „ты можешь имѣть отговорку и извиненіе, когда станешь говорить, что безъ согласія патріарха нельзя намъ принять уніи. Впрочемъ твердо храни отеческую вѣру Восточной церкви, старайся быть въ мирѣ съ противниками и не чуждайся дружескаго общенія съ ними. А своихъ знатныхъ господъ православной вѣры проси, чтобъ ходатайствовали предъ королемъ не притѣснять васъ въ вѣрѣ". Но теперь и это не помогло Іосифу. Король Александръ слушался болѣе папы и своихъ латинскихъ бискуповъ, ксендзовъ и паповъ. По его настоянію бѣдный Іосифъ долженъ былъ уговаривать государыню Елену къ уніи. На обидѣ государынѣ дѣло не остановилось. Виленскій латинскій епископъ получилъ отъ папы *право меча*, т. е. право преслѣдовать и наказывать всѣхъ, несогласныхъ съ Римскою церковію, и тяжко было отъ него православнымъ. А латинскіе монахи бернардины съ новою рьяностію рыскали по Литвѣ и Руси съ проповѣдію своего ученія. На подмогу имъ явились въ Вильнѣ и доминиканцы.

---

9. Заступничество Іоанна III за дочь, война съ зятемъ, переходъ подъ власть Іоанна Сѣверской земли; улучшеніе положенія Елены и православныхъ Западной Руси.

Все это въ свое время узнавалъ Іоаннъ III отъ русскихъ православныхъ изъ Западной Россіи. Не одинъ разъ онъ то письмами, то чрезъ пословъ напоминалъ зятю о его обязательствахъ, строго упрекалъ его за

обиды дочери, а его женѣ, и за обиды православнымъ въ Литвѣ и Западной Россіи. Александръ старался оправдаться. Между прочимъ онъ говорилъ: „мы имѣемъ отъ предмѣстниковъ своихъ законъ, чтобы русскихъ церквей не прибавлять, потому не можемъ построить новой церкви при дворѣ для нашей жены; ея милость можетъ ходить въ городскую русскую церковь, которая находится недалеко отъ двора. Не надо ей и боярынь ко двору изъ русскихъ вашей страны: есть у насъ при дворѣ много и своихъ паповъ и паней. Да и нѣтъ женѣ нашей принужденія въ вѣрѣ; креститься въ нашу латинскую вѣру не требуется отъ нея, требуется только, чтобъ она приняла унію, вошла въ послушаніе римской церкви и папѣ. Этого требуетъ нашъ папа“. Понятно, что такія и подобныя отговорки не уважены умнымъ и сильнымъ московскимъ государемъ. „Ты, братъ и зять, отвѣчалъ онъ не одинъ разъ Александру, говоришь это не дѣло, да и неправду; ибо я вѣрно знаю, что есть дочкѣ моей принужденіе въ вѣрѣ, какъ и другимъ нашимъ единовѣрцамъ“. Добрая и умная Елена въ письмахъ заступалась предъ отцомъ за мужа, не измѣняя своей вѣрѣ. А отецъ, часто писывая ей, приговаривалъ въ письмѣ: „ты дочка, твердо держись своей вѣры“, и обѣщалъ защищать ее. Между тѣмъ какъ велись эти переговоры и переписки, Іоаннъ уже началъ войну съ Александромъ, пріостанавливался, когда тотъ пробовалъ оправдываться, возобновлялъ войну, когда видѣлъ безплодность оправданій. Въ то же время начали переходить подъ власть московскаго государя новыя княженія и боярскіе роды изъ сѣверской земли, отчасти и Бѣлоруссіи, не терпя униженія себѣ и своей вѣрѣ отъ литовскихъ латинянъ. Наконецъ, московскій государь послалъ большое войско въ Литву, и оно нанесло тяжкое пораженіе польско-литовской рати въ

славной битвѣ близъ г. Дорогобужа (Смоленской губ.) при рѣкѣ Ведроши (14 Іюня 1500 г.). Александръ и польско-литовскіе паны примирѣли. Заключенъ былъ миръ (1503 г.), по которому присоединена была къ московскому государству вся Сѣверская земля и нѣкоторыя мѣста Смоленской области. Теперь облегчилось положеніе Елены и православныхъ въ Западной Руси. Стыдно было и римскому папѣ отъ неудачи его дѣла *). Въ досадѣ онъ приказывалъ королю Александру еще попытаться принудить Елену къ уніи, а если откажется, то не имѣть ее женою. Но Александръ уже не слушался паны. Польскіе же епископы и паны выказали свою досаду тѣмъ, что во время коронаціи Александра на Польскій престолъ не допустили короноваться съ нимъ Еленѣ, такъ какъ она не хочетъ покориться римской церкви. Впрочемъ въ самомъ Краковѣ она могла бывать на православномъ богослуженіи въ церкви, имѣвшейся въ королевскихъ палатахъ еще съ давнихъ временъ, когда еще не было большой вражды у поляковъ къ православнымъ. Вообще Александръ сталъ лучше уважать свою жену. Онъ одаривалъ ее имѣніями, а она изъ этихъ имѣній и своихъ домовыхъ средствъ дѣлала пожертвованія на православныя церкви и монастыри въ Вильнѣ, Минскѣ и другихъ мѣстахъ. Православные благословляли ее. Митрополитъ Іосифъ Болгариновичъ уже не говорилъ ей объ уніи, да притомъ же скоро заболѣлъ (можетъ быть отъ горя и раскаянія) и умеръ (1501 г.). На его мѣсто поступилъ избранный Еленой

*) Потерпѣлъ онъ и другую неудачу отъ того же дѣла. Пришелъ въ Вильну его легатъ (посолъ) въ надеждѣ получить обычный въ тѣ времена сборъ денегъ съ Литвы для папы. Но ему сказали, что эти деньги ушли на войну съ Москвой. Легатъ сталъ выговаривать за это виленскому епископу, требуя, чтобъ позаботился о деньгахъ. Но было уже поздно, и денегъ легатъ не получилъ.

Іона, бывшій духовникъ Елены, благочестивый и твердый въ православіи. При немъ православные епископы, духовные и міряне ободрились и укрѣпились въ своей вѣрѣ, подняли голову, какъ поговаривали про то время позднѣйшіе уніаты. Александръ издавалъ рядъ грамотъ въ пользу православныхъ церквей и монастырей. А православные князья, бояре и другіе ревнители спокойно устраивали церкви и монастыри въ своихъ имѣніяхъ съ согласія государственной власти.

---

10. Митрополитъ Макарій священномученикъ.

Было сказано, что Іосифъ Болгариновичъ былъ единственнымъ изъ митрополитовъ, поддавшимся на унію. Всѣ прочіе митрополиты были тверды въ православіи, отличаясь и благочестіемъ. Но между ними одинъ прославился еще, какъ страдалецъ и священномученикъ. Это бывшій предъ Болгариновичемъ митрополитъ *Макарій* (1495—1497). Надо сказать, что хотя западно-русскіе митрополиты назывались Кіевскими, но они во все описываемое время не живали и не бывали въ Кіевѣ. Жили они обыкновенно въ Новогрудкѣ Литовскомъ (Минской губ.), гдѣ былъ для нихъ домъ и каѳедральный соборъ. Это потому, что Новогрудокъ былъ первою столицею литовскихъ князей на русской землѣ, и здѣсь имѣлся митрополичій домъ и каѳедральный соборъ. Временами для торжественныхъ служеній и рукоположеній епископовъ пріѣзжали въ столицу Вильну, гдѣ также имѣлся домъ митрополичій и каѳедральный соборъ Пречистой и Троицкій монастырскій. Вообще митрополитамъ надо было жить въ столицѣ или ближе къ ней, чтобъ отсюда удобнѣе управлять всею митрополіею, и ходатайствовать предъ литовскими государями о нуждахъ православной церкви. Кіевъ же

былъ далеко отъ столицы Вильны. Притомъ онъ все еще не довольно оправился отъ давняго татарскаго разоренія, подпадалъ и новымъ татарскимъ набѣгамъ, во время которыхъ могла быть ограбляема и митрополія. Каѳедральный Софійскій соборъ, бывшій въ немаломъ запустѣніи еще отъ прежнихъ татарскихъ разореній, подпалъ новому разоренію отъ татаръ въ 1482 г. Макарій былъ всегда усердевъ къ церкви. Еще будучи архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря и намѣстникомъ Кіевскаго митрополита въ Вильнѣ, онъ являлъ доброе попеченіе о церкви. Когда съ 1495 года сталъ онъ митрополитомъ, то еще болѣе заботился о благоустроеніи своей митрополичьей каѳедры въ Вильнѣ и Новогрудкѣ. Подумалъ онъ и о Кіевѣ. И вотъ въ 1497 г. собрался онъ въ далекій путь въ Кіевъ, чтобы здѣсь устроить дѣла церкви и обновить каѳедральный Софійскій соборъ. Его предостерегали отъ такой далекой дороги. Говорили, что мѣстами рыщутъ татарскіе загоны, грабятъ и убиваютъ проѣзжихъ и прохожихъ. Но онъ не убоялся, говоря: „я хочу исполнить мой святой долгъ, какъ архипастырь. Да будетъ на мнѣ воля Божія!“ И вотъ на пути около города Мозыря при селѣ Стрыголовѣ настигла его татарская ватага. Святитель былъ въ сельской церкви и молился. Ему говорятъ, что вотъ налетаютъ на насъ татаре. „Спасайтесь, дѣтки, кто какъ можетъ“, сказалъ мужественный святитель, а самъ продолжалъ молиться. На молитвѣ и убили его татаре. Поскорбѣли православные, но утѣшились тѣмъ, что Господь прославилъ подвигъ священномученика. Мощи святого Макарія почиваютъ теперь въ Кіевѣ въ Софійскомъ соборѣ и его чтитъ церковь, какъ священномученика. Такова то была сила вѣры въ православіи!

ГЛАВА IV.

Борьба Западной Россіи за свою вѣру и народность при послѣднихъ Ягеллонахъ Сигизмундѣ I-мъ и Сигизмундѣ II Августѣ.

---

1. Сигизмундъ I или старый.

По смерти Александра литовско-русскіе князья и бояре, собравшись въ Вильнѣ (въ ноябрѣ 1506 г.) провозгласили литовскимъ великимъ княземъ брата его Сигизмунда I. Они хотѣли имѣть его своимъ отдѣльнымъ государемъ и свое отдѣльное отъ Польши литовско-русское государство. Но поляки боялись выпустить изъ рукъ богатое землями и людьми литовско-русское государство, и потому поспѣшили провозгласить Сигизмунда своимъ польскимъ королемъ. Такимъ образомъ союзъ Литвы и Западной Россіи съ Польшею былъ опять скрѣпленъ, и литовско-русскіе паны волею-неволею должны были помириться съ этимъ. Впрочемъ, Сигизмундъ I или, какъ называли его, *Старый*, былъ умный государь и хорошъ для литовцевъ и русскихъ. Много позже одинъ изъ западно-русскихъ земскихъ

людей Мелешко, вспоминая о немъ, говоритъ: „дорога намъ память Сигизмунда Стараго: онъ нѣмцевъ не кормилъ, ляховъ съ ихъ хитростями не жаловалъ, а Литву и нашу Русь любилъ, и при немъ намъ было хорошо“. Похвально то, что этотъ Мелешко добромъ поминалъ своего государя. Но правда требуетъ прибавить къ словамъ его и то, что Сигизмундъ не всегда и не столько могъ дѣлать добра православнымъ Западной Россіи, когда и сколько хотѣлъ. Онъ всетаки находился подъ давленіемъ своихъ единовѣрцевъ по римской церкви, польско-литовскихъ епископовъ, ксендзовъ и пановъ, готовыхъ причинять стѣсненія и несправедливости православнымъ Западной Россіи. Къ счастью и теперь между ними являлись сильные люди, умѣвшіе защищать права своей вѣры и народности. Много помогло имъ то, что они умѣли оказать важныя услуги своему государю и странѣ, пріобрѣсть общее уваженіе у него и общее уваженіе въ странѣ. Первый случай къ тому представился въ начальные же годы правленія Сигизмунда I.

---

2. Война Сигизмунда съ Москвою; присоединеніе Смоленска къ державѣ московскаго государя.

Сигизмундъ сначала готовъ былъ держать миръ съ московскимъ государемъ, сыномъ Іоанна III Василіемъ Ивановичемъ. По вступленіи на престолъ онъ отправилъ польско-литовское посольство въ Москву, чтобы по обычаю извѣстить объ этомъ московскаго государя. Посольство было принято хорошо. Но отпуская пословъ назадъ, московскій государь не преминулъ напомнить о своей жившей въ Литвѣ сестрѣ, вдовой королевѣ Еленѣ: „молвите отъ насъ брату и

свату нашему Сигизмунду, чтобы и пыпѣ сестра наша Елена, а его споха, вѣдала свой православный закопъ во всемъ, а опъ бы ее жаловалъ и берегъ и держалъ въ чести, какъ пригоже, а къ римскому закону ее не пудилъ бы ни въ чемъ". И надо правду сказать, что Сигизмундъ такъ и поступилъ. Елена жила при немъ въ мирѣ и чести, такъ что могла продолжать свои благотворенія русскимъ единовѣрцамъ и православной церкви въ Западной Россіи. Послѣ кончины († 1513 г.) она съ честью погребена митрополитомъ *Іосифомъ Солтаномъ* въ Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ *). И такъ изъ за нея не было размолвки между Сигизмундомъ и Василіемъ.

Но къ размолвкѣ скоро повела затѣмъ самонадѣянность польско-литовскихъ пановъ. Они задумали возвратить города и земли, уступленные Литвою Москвѣ при Іоаннѣ III. Принялись собирать войско, Сигизмунда пастроили отправить въ Москву новыхъ пословъ. Здѣсь эти послы гордо и запальчиво требовали возврата тѣхъ городовъ и земель; въ противномъ случаѣ, говорили они, „панъ всемилостивѣйшій король уповаетъ на Бога", т. е. объявитъ войну. Московскій государь спокойно, но твердо отвѣчалъ: „мы, Божіею милостью, держимъ подъ собою города и волости только тѣ, которыми насъ благословилъ Самъ Богъ и покойный родитель нашъ, а Сигизмундовыхъ не держимъ. Если братъ нашъ Сигизмундъ желаетъ мира, то и мы желаемъ его, но только такъ, какъ намъ будетъ угодно. Въ противномъ случаѣ и мы тоже надѣемся на Бога". Съ этимъ послы

*) Надъ гробомъ ея поставлена и та древняя и святая икона Богоматери, которою благословилъ Елену ея отецъ Іоаннъ, отправляя въ Литву. Православные въ Вильнѣ и Литвѣ благоговѣйно почитали эту икону и утѣшались ею. Сохранилась она и донынѣ и находится въ церкви Свято-Троицкаго монастыря.

отпущены домой въ Литву. И такъ съ обѣихъ сторонъ стали собираться на войну. Но съ литовско-польской стороны, при слабости тамъ государственной власти и маломъ вообще порядкѣ, сборы шли мѣшкотно. А московскій князь, сильный своею властью, живо снарядилъ ратныя ополченія, съ которыми могъ уже не только оборонять свои земли, но и занять пограничныя русскія земли, подвластныя Литвѣ. А тутъ случилась въ Литвѣ и внутренняя смута. Былъ тогда въ литовскомъ государствѣ знатный вельможа Михаилъ Глинскій, потомокъ знатнаго татарскаго мурзы, который, уйдя отъ своихъ татаръ въ Русь, принялъ православную христіанскую вѣру и крестился въ Кіевѣ еще при великомъ князѣ Витовтѣ. Всѣ его потомки были ужъ православными христіанами, обрусѣли, получили за свою вѣрную службу большія владѣнія отъ литовскихъ государей, были въ почетѣ у нихъ. Особенно силенъ былъ Михаилъ Глинскій при предмѣстникѣ Сигизмунда Александрѣ. Но при Сигизмундѣ нѣкоторые литовскіе паны по зависти оклеветали и унизили его, а Сигизмундъ не хотѣлъ или не могъ дать ему управы съ ними. Раздраженный этимъ, Глинскій перешелъ на сторону московскаго государя, набралъ воинскія дружины и сталъ жестоко расправляться съ своими врагами. Война стала вдвойнѣ тяжкою для Литвы и Сигизмунда. Она, съ перерывами, затянулась на цѣлые годы. Московскій государь не только уберегъ свои прежніе города и земли, но отнялъ у Литвы древнерусскій городъ Смоленскъ (1513 г.). Сигизмунду и Литвѣ грозили еще бо́льшія опасности. Кто же выручилъ ихъ? Не литовцы латинской вѣры, ибо ихъ было немного. Не поляки: они любили подзадоривать Литву на войну съ Москвой, но сами плохо помогали ей. Выручили Сигизмунда главнымъ образомъ русскіе православные.

Тогдашній митрополитъ Іосифъ Салтанъ увѣщевалъ ихъ вѣрно послужить своему литовскому государю, даже приводилъ къ присягѣ многихъ изъ нихъ, чтобъ удержать ихъ отъ измѣны, подобной измѣнѣ Глинскаго. А славный князь Константинъ Ивановичъ Острожскій на Волыни, упрошенный стать во главѣ литовско-русскаго ополченія, побѣдою близъ г. Орши (Могилевской губ., 1514 г.) остановилъ дальнѣйшіе успѣхи московскихъ ратей. Послѣ этого къ удовольствію обѣихъ сторонъ заключенъ былъ мирный договоръ, по которому Смоленскъ остался во власти московскаго государя. Но почему же православные Западной Руси вступились за своего государя? Они, какъ видится, разсуждали такъ: „пока Богъ судилъ намъ быть подъ литовскимъ государемъ, мы должны служить ему вѣрой и правдой". Притомъ видѣли они, что тогдашній государь ихъ хочетъ быть добрымъ для православныхъ русскихъ, не притѣснять ихъ въ вѣрѣ, уважать права ихъ. Поэтому своею вѣрною службою они надѣялись поддержать и усилить его благоволеніе къ нимъ для мира и блага своей же вѣры и земли западно-русской. И такія мысли и надежды ихъ были не напрасны, какъ сейчасъ увидимъ.

---

3. Митрополитъ Іосифъ Солтанъ и Виленскій Соборъ 1509 г.

Въ ряду лучшихъ и достойнѣйшихъ митрополитовъ со времени образованія отдѣльной западно-русской или Кіевской митрополіи былъ Іосифъ Солтанъ (1508—1522). Онъ происходилъ изъ знатнаго литовско-русскаго православнаго рода Солтановъ и былъ въ родствѣ съ знатными западно-русскими православными фамиліями князей Чарторижскихъ, Тышкевичей и другихъ. Послу-

живъ съ честью государству, Іосифъ по благочестію принялъ монашество, ревнуя послужить и церкви Божіей въ родной ему Западной Россіи. Съ благочестіемъ соединялось въ немъ просвѣщеніе. Какъ достойнѣйшій между духовными мужами, онъ современемъ взысканъ на высшее церковное служеніе. Былъ онъ Смоленскимъ епископомъ (1502—1507 г.), когда Смоленскъ находился еще подъ властью литовскаго государя, а потомъ возведенъ въ санъ митрополита (1508 г.) по желанію православныхъ, соизволенію государя и благословенію константинопольскаго патріарха. И во время епископства и теперь Іосифъ ознаменовалъ себя твердою вѣрностью и важными услугами государству и государю. Потому государь благоволилъ къ нему. А какъ онъ былъ также во всеобщемъ уваженіи у своихъ православныхъ, былъ извѣстенъ и патріарху, то все это придавало силу его власти. Пользуясь ею, Іосифъ въ самомъ же началѣ своего первосвятительства возревновалъ о возстановленіи въ Западной Россіи добраго церковнаго порядка, ослабѣвшаго отъ разныхъ нестроеній. Для этого онъ созвалъ большой Соборъ въ Вильну къ празднику Рождества Христова 1509 г. На Соборъ прибыли всѣ западно-русскіе епископы и съ ними нѣкоторые архимандриты и игумены и соборные протопопы изъ ихъ епархій. На Соборѣ, послѣ молитвы, митрополитъ обратился съ сильнымъ словомъ къ епископамъ и ко всѣмъ тутъ бывшимъ. „Съ того дня, говорилъ онъ, какъ изволеніемъ Божіимъ, я, недостойный, занялъ престолъ митрополіи Кіевской и всея Руси (Западной) и принялъ обязанность пасти церковь Божію и пресѣкать всякое преступленіе закона нашей православной вѣры и утверждать ея церковные уставы,—видѣлъ я много нестроенія и безчинія въ духовенствѣ и обществѣ и много о томъ слышалъ. Все это мы должны ис-

правлять и очищать по правиламъ святымъ, о всемъ должны скорбѣть и болѣть. Ибо какой прибытокъ получали мы чрезъ умноженіе нашихъ грѣховъ?“ Затѣмъ, указавъ на разныя бѣдствія, постигавшія тогда страну, первосвятитель прибавляетъ: „все это бываетъ намъ за то, что не ходимъ по правиламъ святыхъ Апостоловъ и по заповѣдямъ святыхъ отецъ нашихъ. Посему и составили мы Соборъ съ православными епископами, пречестными архимандритами, игуменами и богобоязненными священниками, чтобы все это исправить и все привесть въ лучшій порядокъ“. Много поучительнаго было сказано и постановлено на Соборѣ. Отмѣтимъ главнѣйшее. Такъ было сказано, что многіе ради мірской славы и властительства покупаютъ себѣ епископскія каѳедры, т. е. мѣста епископскаго служенія еще при жизни епископовъ, безъ совѣта и согласія митрополитовъ, епископовъ и избранія князей и другихъ достойныхъ мірянъ православнаго закона. Многіе покупаютъ такимъ же образомъ мѣста настоятельскія въ монастыряхъ и священническія въ приходахъ. Соборъ строго осудилъ всякіе подкупы и искательства мѣстъ священнаго служенія и постановилъ, чтобы впредь избирать на это служеніе людей достойныхъ, послѣ должнаго испытанія и по установленному на то законному порядку. Еще Соборъ постановилъ, чтобы епископы были послушны своему митрополиту, съѣзжались по его зову на Соборъ, занимались своими церковными дѣлами, не увлекаясь въ мірскія, какъ то бывало, чтобы право правили и право судили подчиненныхъ лицъ монашескаго и бѣлаго духовенства, охраняя достойныхъ, устраняя недостойныхъ. Еще: Соборъ замѣтилъ, что многіе міряне злоупотребляютъ своими правами ктиторства, патронатства, или нерадятъ о его обязанностяхъ. Такъ, напримѣръ, они самоуправно, безъ благословенія епи-

скопа, назначаютъ настоятелей въ церкви и монастыри, или самоуправно удаляютъ ихъ; иногда по долгу оставляютъ церкви и монастыри безъ настоятелей, или же пользуются церковными имуществами для своихъ выгодъ, и тому подобное. Строго, какъ и слѣдовало, осуждая это, Соборъ сдѣлалъ опредѣленія, по которымъ ктиторы и патроны должны были знать и соблюдать мѣру своихъ правъ и важность своихъ обязанностей. Чтобы всѣ эти и другія свои правила и опредѣленія оградить отъ нарушеній и нарушителей, отцы Собора въ концѣ всего постановили: „если господарь (то есть великій князь литовскій) или какіе-либо вельможи и власти будутъ присылать къ митрополиту или епископу, чтобы исполнить ихъ волю и нарушить въ чемъ-либо хотя одно изъ положенныхъ нами соборне опредѣленій, то никому изъ насъ на то не соглашаться, а всѣмъ намъ съѣхаться на собственный счетъ къ митрополиту и бить челомъ господарю и непоколебимо стоять, чтобы законъ нашей православной вѣры не былъ нарушенъ“! Откуда же, какихъ же нарушителей опасался Соборъ? Конечно, прежде всего отъ лицъ не православныхъ, лицъ римскаго закона, начиная съ самихъ литовскихъ и польскихъ государей и вельможъ. Но рѣчи Собора даютъ видѣть, что уже бывали, могли и впредь быть нарушители и изъ своихъ православныхъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, изъ людей самовольныхъ, самочинныхъ или же небрежныхъ и корыстныхъ и тому подобныхъ. Отъ нихъ могла вырости бѣда церкви также, какъ и отъ чужихъ. Ибо чрезъ умноженіе нестроеній, злоупотребленій, безпорядковъ могли ослабѣвать духовныя силы церкви, а тогда она оказалась бы немощной въ борьбѣ за свою вѣру, а иновѣрцамъ было бы легче и удобнѣе притѣснять ее и соблазнять православныхъ на свою сторону. Потому то важенъ подвигъ

славнаго митрополита Іосифа Солтана, пожелавшаго Соборомъ и его правилами сдержать, на сколько можно, вторженіе и ростъ безпорядковъ въ дѣла церковныя и придать больше силъ церкви. Послѣ Собора онъ позаботился, чтобы правила его, а также и вообще всѣ права православной церкви подтвердилъ и государь. Въ союзѣ съ митрополитомъ ходатайствовалъ о томъ и другъ его князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Сигизмундъ, уважая ихъ обоихъ, далъ на все свою утвердительную грамату (1511 г.).

---

4. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и его покровительство православной церкви.

Константинъ Ивановичъ былъ правнукомъ того Ѳеодора, князя Острожскаго, который въ свое время прославился благочестіемъ, подвигами на защиту православной вѣры и русской земли; потомъ жилъ смиреннымъ инокомъ въ Печерской Лаврѣ съ именемъ Ѳеодосія, и по кончинѣ († 1435 г.) причтенъ къ лику святыхъ. Отъ предковъ своихъ князь Константинъ наслѣдовалъ и могущество своего княжескаго рода и благочестіе и ревность по вѣрѣ. Сила и слава его начали расти еще при Казимірѣ и Александрѣ; но особенно возрасли при Сигизмундѣ I. Умомъ, вѣрностью, доблестью, подвигами въ защитѣ роднаго края и государства онъ достигъ при немъ званія „наивысшаго гетмана“ во всемъ литовско-русскомъ государствѣ. Носилъ и другія высокія званія и должности, особенно въ Литвѣ и на Волыни, гдѣ были и обширныя владѣнія его изъ многихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ. Всѣмъ этимъ значеніемъ своимъ князь Константинъ пользовался для покровительства и помощи церкви право-

славной. Сильно помогъ онъ ей и въ самой столицѣ Вильнѣ. Надъ Вильной еще тяготѣло явившееся при Казимірѣ запрещеніе поправлять ветхіе и строить новые православные храмы. Чтобы упразднить это обидное запрещеніе Константинъ Ивановичъ, предъ сраженіемъ при Оршѣ, въ присутствіи многихъ знатныхъ лицъ изъ литовцевъ и русскихъ далъ торжественный обѣтъ построить въ Вильнѣ двѣ каменныя церкви Святой Троицы и Святителя Николая, если сраженіе увѣнчается для него успѣхомъ. Когда это сталось, то всѣ слышавшіе объ этомъ, даже лица римскаго закона, засвидѣтельствовали предъ королемъ о такомъ обѣтѣ. Король охотно дозволилъ князю построить эти двѣ церкви. Сверхъ того онъ обновилъ и главный Пречистенскій соборъ, бывшій каѳедральнымъ. Заново отстроилъ каѳедральный соборъ Бориса и Глѣба въ городѣ Новогрудкѣ (Литовскомъ); строилъ церкви и монастыри или благотворилъ имъ въ Кіевѣ, Минскѣ, а также въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, каковы Туровъ (въ Минской губ. Мозырскій уѣздъ), Дерманъ (Волынскій уѣздъ) и др. Всегда дружный съ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ, онъ помогалъ ему оберегать церковный порядокъ; поддерживалъ его и другихъ епископовъ своимъ ходатайствомъ предъ государемъ, когда требовалось сдержать и унять нарушителей правъ церкви Божіей изъ шовѣрцевъ или своихъ безчинниковъ. Приближаясь къ кончинѣ, митрополитъ Іосифъ съ дозволенія короля, поручилъ попеченію князя Константина самую митрополію, т. е. митрополичью каѳедру въ Вильнѣ и въ Новгородкѣ, а также и все достояніе ея, чтобы не разорили его какіе-либо урядники изъ паповъ. Вѣрно исполнивъ завѣщаніе митрополита Іосифа, благочестивый князь продолжалъ свои услуги церкви и при его преемникѣ Іосифѣ III. При его помощи митропо-

литъ успѣвалъ властью короля защищать православные храмы въ Вильнѣ отъ обидъ со стороны ксендзовъ и пановъ римскаго закона. Бывало, что польскіе и литовскіе паны римскаго закона досадовали на великую силу православнаго князя Константина и великій почетъ ему во всемъ государствѣ. Но король Сигизмундъ не внималъ имъ, сознавая, что князь умомъ и доблестью лучше ихъ. Такъ князь Константинъ сохранялъ свою силу, а съ ней продолжалъ помогать церкви Божіей до самой кончины своей (1530 г.) въ Туровѣ, откуда привезенъ въ Кіевъ и похороненъ рядомъ съ предками въ Кіево-Печерской церкви.

—

5. *Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, ктиторъ Супрасльскаго монастыря.*

Между православными ктиторами, современниками митрополита Іосифа Солтана и князя Константина Ивановича Острожскаго, достопамятенъ *Александръ Ивановичъ Ходкевичъ*. Старинный литовско-русскій родъ Ходкевичей возвысился особенно при Казимірѣ Ягайловичѣ, когда одинъ изъ нихъ *Иванъ Ходкевичъ* былъ уже кіевскимъ воеводой. Сынъ его Александръ Ивановичъ Ходкевичъ былъ Новогродскимъ воеводой и маршалкомъ великаго княжества литовскаго при Сигизмундѣ 1. Вѣрный православію, какъ и его предки, Александръ Ходкевичъ отличался еще особеннымъ благочестіемъ и усердіемъ къ церкви. По этому усердію возъимѣлъ онъ обѣтъ послужить ей дѣломъ ктиторства, создать монастырь съ церковью „ку чти и хвалѣ Богу милому, для богомолья и въ память о моихъ почившихъ родителяхъ и родныхъ, и мнѣ грѣшному на память и для спасенія души моей“. Добрымъ совѣтникомъ и союзни-

комъ ему оказался митрополитъ Іосифъ Солтанъ. Почтительный ктиторъ называлъ его своимъ господиномъ и отцемъ, а любящій архипастырь называетъ ктитора благовѣрнымъ и христолюбивымъ сыномъ. Онъ сталъ и соктиторомъ его по устроенію монастырей, напримѣръ, *Супрасли* (въ 15 верстахъ отъ города Бѣлостока). На устройство и содержаніе этого монастыря и церквей въ немъ, оба соктиторы жертвовали земли, поля и луга, рыбныя ловли—и другія угодья. На земляхъ этихъ было и населеніе. Сейчасъ же началось и строеніе церквей. Сперва построена была деревянная церковь во имя святаго Іоанна Богослова; потомъ каменная въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы съ придѣлами во имя святаго Бориса и Глѣба и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. Пособникомъ при устроеніи монастыря былъ священно-инокъ Пафнутій Сигепь изъ города Бѣльска (Гродненской губерніи); онъ же былъ и первымъ игуменомъ монастыря. Новому монастырю данъ строгій уставъ, основанный на древнихъ правилахъ монастырскаго общежитія. Само собою понятно, что оба соктитора своевременно испрашивали дозволенія литовскаго государя, какъ на устроеніе монастыря, такъ и на пожертвованіе ему своихъ земель. И онъ давалъ свое дозволеніе изъ уваженія къ высокимъ заслугамъ ктиторовъ. Они пожелали еще испросить для своего монастыря благословеніе и у константинопольскаго патріарха въ знаменіе своей вѣрности православію и въ огражденіе его въ своемъ монастырѣ. Устроенный такимъ образомъ *Супрасльскій монастырь* сталъ для всей православной Литвы примѣромъ по духу общежитія и доброму порядку службъ церковныхъ и по строгой трезвости братій. Ктиторы и игумены позаботились украсить монастырь и его церкви святыми иконами, евангеліями, крестами, священными сосудами; собрали

въ монастырь много церковныхъ и святоотеческихъ книгъ на помощь духовному просвѣщенію и церковному учительству. Благочестивые ктиторы заботились и о крестьянахъ, жившихъ на монастырскихъ земляхъ для службы и помощи ему въ хозяйственныхъ работахъ. Такъ митрополитъ Іосифъ Солтанъ заслышавъ, что эти крестьяне терпятъ кривды отъ сосѣдей, писалъ къ соктитору Александру Ходкевичу: „пно, сыну милый, твоя милость вѣдаетъ, что мнѣ пельзя посѣщать туда для разбора всякихъ кривдъ. Потому прошу твою милость, чтобы благоволилъ самъ имѣть рачепіе о тѣхъ людяхъ и боронить ихъ отъ всякихъ кривдъ. Сдѣлай это ради моей просьбы, ради своей обязанности ктитора и ради своего богомолья. А милость Божія и благословеніе нашего смиренія да будетъ съ тобою“. И Александръ Ходкевичъ исполнилъ просьбу митрополита. Основанный и благоустроенный Александромъ Ходкевичемъ и митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ, но преимущественно на средства Ходкевича, православный Супрасльскій монастырь имѣлъ затѣмъ остаться ктиторскимъ въ родѣ Ходкевичей, въ патронатскомъ завѣдываніи ихъ. И вотъ какой-то латинопольскій бискупъ, еще при жизни Александра Ходкевича, замыслилъ смапить его и его родъ подъ власть римской церкви и папы, а вмѣстѣ съ тѣмъ отпять у православія и самый монастырь въ пользу той же своей римской церкви. Но пашелся въ монастырѣ умный и книжный инокъ, который написалъ смѣлое обличеніе тому бискупу. Онъ показалъ ему неправоту его толка, будто папа есть верховный памѣстникъ Христа на землѣ, сказалъ доброе слово въ защиту и восточныхъ патріарховъ, которыхъ унижалъ тотъ гордый бискупъ. Писаніе это было добрымъ предостереженіемъ и Ходкевичамъ, такъ что они теперь еще оставались твердыми въ православіи, не поддавались соблазнамъ чуждыхъ учителей.

Одновременно съ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ и Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ при митрополитѣ Іосифѣ Солтанѣ и его преемникахъ извѣстны и многіе другіе православные ктиторы и патроны. Таковы родичи митрополита Іосифа знатные паны *Солтаны*, основатели славнаго нѣкогда *Жировицкаго монастыря*, Чарторыжскіе, Вишневецкіе, Сапгушки, Четвертинскіе, Сапѣги, Тышкевичи и другіе многіе, многіе ктиторы и патроны церквей и монастырей въ своихъ имѣніяхъ. Ибо тогда еще всѣ князья, паны и бояре въ Западной Россіи и Литвѣ были православными, за исключеніемъ очень небольшой части литовскихъ пановъ коренной Литвы.

---

6. Начальныя братства въ Вильнѣ.

Кромѣ ктиторовъ или патроновъ изъ отдѣльныхъ лицъ и фамилій, княжескихъ и дворянскихъ, въ первой половинѣ XVI вѣка видимъе прежняго проявляютъ свою дѣятельность на пользу родной церкви *особыя общества изъ среднихъ классовъ*, усвоившія себѣ доброе названіе *братствъ*. Зародышъ братствъ коренится въ древнемъ и общемъ всей Руси обычаѣ *братчинъ*. Братчины— это были *праздничныя собранія* или *сходки*, соединенныя съ *складчиной* деньгами или припасами, по братолюбивому уговору на то, между нѣкоторыми изъ прихожанъ мѣстнаго храма, въ большемъ или меньшемъ числѣ ихъ. Часть складчины шла на свѣчу или другія приношенія въ храмъ, часть на праздничный обѣдъ съ медомъ и пивомъ, а часть удѣлялась на милостыню меньшимъ братьямъ, т. е. бѣднымъ въ приходѣ. За братчинными обѣдами велась добрая бесѣда, пѣвались и тропари праздника. Такъ бывало на лучшихъ братчинахъ. Требо-

валось, чтобы на праздничныхъ обѣдахъ участниковъ братчины не было излишества, соблюдалась трезвость, не допускались ссоры, а въ случаѣ ссоръ достигалось тутъ же примиреніе, по суду братчины, въ духѣ братолюбія. Такое право суда предоставлялось братчинамъ и властямъ. Отсюда составилась старинная поговорка „братчина судитъ, какъ судъ“. Людей безпокойныхъ, охотниковъ до ссоры, старались не принимать въ братчину, говоря про такихъ: „съ ними шива не сварить, дѣла не сладить“. Итакъ братчины имѣли видъ *временныхъ праздничныхъ сходокъ и складокъ*, и носили названіе по церквамъ, у которыхъ они устраивались, или по праздникамъ, когда устраивались, напримѣръ, братчина у святой Богородицы, братчина Никольская и тому подобныя.

Обычай братчинъ, какъ древній, общій всей Россіи, долго сохранялся въ восточной части ея, удержался и въ Западной Россіи и тогда, когда она подпала литовско-польской власти. Но здѣсь вмѣстѣ съ этимъ обычаемъ возникъ обычай *болѣе постоянныхъ союзовъ*, бытовыхъ, но вмѣстѣ и церковныхъ, подъ названіемъ *братствъ*. Начали слагаться такіе союзы среди горожанъ, людей торговыхъ и промышленныхъ, имѣя опору въ общихъ порядкахъ бытоваго устройства торговыхъ и ремесленныхъ классовъ. Люди, занимавшіеся однимъ промысломъ или ремесломъ, съ дозволенія власти, устраивали видъ *постояннаго* союза или *товарищества* для взаимной поддержки и бо́льшаго успѣха въ своихъ промыслахъ и трудахъ. Но по чувству вѣры среди лучшихъ изъ членовъ союза слагался добрый обычай освящать свой союзъ *церковною* молитвою для призванія Божія благословенія на свои занятія. По тому же чувству вѣры къ обязанностямъ союза присоединялись дѣла благочестія, попеченія о храмѣ, братолюбія и милосердія. Такой освященный и примыкавшій къ церкви союзъ и

назывался уже *братствомъ*, въ смыслѣ союза не только по промыслу или ремеслу, но и по вѣрѣ. Какъ союзъ *постоянный*, онъ требовалъ уже болѣе прочнаго упорядоченія, которое являлось наконецъ въ видѣ письменныхъ правилъ, *письменнаго чина* или *устава*. Въ видѣ такихъ союзовъ являются впервые начальныя братства въ Вильнѣ и Львовѣ.

Въ Вильнѣ, какъ большомъ и столичномъ городѣ, было и большое населеніе, а въ составѣ его существовало съ своими особыми правами сильное сословіе горожанъ изъ купцовъ, промышленниковъ и ремесленниковъ. На основаніи граматъ литовскихъ государей, оно имѣло свое городское управленіе, (по тогдашнему магистратъ, ратуша) похожее на наши городскія думы, во главѣ котораго были бурмистръ, войтъ, а при нихъ радцы (совѣтники), лавники (засѣдатели). Сверхъ того сословіе горожанъ раздѣлялось на особыя, бытовыя товарищества или *цехи* по разнымъ своимъ промысламъ и ремесламъ. Въ составѣ всего этого сословія горожанъ были православные и римско-католики. Но первыхъ было больше, подобно тому, какъ и самыхъ церквей православныхъ было въ Вильнѣ больше, чѣмъ римско-католическихъ костеловъ. И вотъ между этими-то промышленными и ремесленными товариществами, по памяти о старинныхъ братчинахъ, появляются въ Вильнѣ *первыя братства*. Древнѣйшимъ изъ нихъ было братство *Кушнирское*, такъ названное потому, что его составили между собой кушниры (мѣховщики, скорняки). Возникло оно еще въ 15 вѣкѣ; но явнѣе и прочнѣе становится съ 1538 года, когда оно имѣло уже свой письменный чинъ или *уставъ*, утвержденный въ этомъ году королемъ и великимъ княземъ Сигизмундомъ I. Какъ это *первый* извѣстный въ письменахъ уставъ братства, то въ пору здѣсь познакомиться съ нимъ.

Братство Кушнирское возшкло, какъ сказано, еще въ XV вѣкѣ, а именно въ 1438 году. Кушниры Климъ, Якубъ и съ ними нѣкоторые другіе согласились основать постоянное братство, поставивъ начальнымъ условіемъ его: дѣлать *складчину* къ тремъ праздникамъ въ году: къ Рождеству Христову, къ дню Сошествія Святаго Духа и къ празднику Святителя Николая. На складчину они покупали и варили медъ къ этимъ тремъ праздникамъ. Изъ воска дѣлали свѣчи и раздавали по Виленскимъ церквамъ въ эти праздники, а сыченный медъ распивали въ праздничныхъ собраніяхъ для братской бесѣды. Со временемъ, когда число братчиковъ разрослось, братство выстроило для себя въ Вильнѣ свой братскій домъ, а потомъ составило и письменный уставъ. Уставъ хранился въ Братскомъ домѣ и опредѣлялъ порядки братства, какъ уже постояннаго учрежденія, обязательные для каждаго члена братства. Этотъ-то уставъ братство въ 1538 г. за своею печатью представило государю Сигизмунду I съ челобитною объ его утвержденіи, которое и дано ему.

По этому уставу братство состояло изъ братій „уписныхъ“, какъ уже постоянныхъ членовъ братства, занесенныхъ въ братскій *упись* или списокъ. Оно раздѣлялось на братью *старшую и младшую*. Старшая и младшая братія ежегодно избирали *старостъ*, а въ помощь имъ *ключниковъ*. Всѣ братья обязаны были оказывать имъ послушаніе. А старосты при помощи ключниковъ завѣдывали складчинами или взносами братчиковъ, братскимъ домомъ, братскими деньгами и всѣми достатками и расходами братства, и по окончаніи года давали по всему этому отчетъ въ собраніи братства. Старосты завѣдывали устройствомъ праздничныхъ собраній въ три праздника: Рождества Христова, Сошествія Святаго Духа и день Святаго Николая. Само собою понятно, что

эти собранія устраивались послѣ богослуженія въ церквахъ, на которомъ прислуживали братчики, и горѣли братскія свѣчи, приготовленныя изъ воска, пріобрѣтеннаго на складчину. Собранія происходили въ братскомъ домѣ. Здѣсь устраивался братскій обѣдъ, за которымъ распивали братскій медъ. Разливомъ его для братіи завѣдывалъ ключникъ, а для прислуги при обѣдѣ имѣлись у братства и свои выбранные слуги. Старосты указывали и мѣста за братскимъ столомъ, и потому какое либо соперничество изъ за мѣстъ не допускалось, какъ неприличное и противное духу братства. За обѣдомъ и вообще въ собраніи велась братская бесѣда о предметахъ полезныхъ и назидательныхъ. Требовалась во все время обѣда и братской бесѣды и соблюдалась всѣми трезвость, умѣренность, благопристойность и учтивость. Если кто-либо лишнее выпивалъ, улегался на столъ за обѣдомъ, разливалъ медъ и вообще причинялъ какую-либо шкоду и непорядокъ, то старосты тутъ же дѣлали ему выговоръ, унимали словами, а если онъ былъ упоренъ, не унимался, то подлежалъ „братской винѣ“, обыкновеннѣе всего въ видѣ *пени*, какою облагало его братство. Если въ обѣденномъ собраніи произойдетъ между которыми-нибудь изъ братій звода, т. е. ссора, а отсюда еще и жалоба на неучтиваго и ссорливаго; то жалоба тутъ же выслушивается старостами; а на слѣдующій день братья, собравшись въ братскій домъ, разбираютъ все дѣло, оправдываютъ обиженнаго, а виновному назначаютъ кару—пеню по *суду братскаго собранія*. Если кто въ братскомъ домѣ окажетъ непочтеніе къ старостѣ, позволитъ себѣ охуждать его, таковой тутъ же подвергается братской карѣ. Карается и тотъ, кто укоритъ и ключника, завѣдывающаго разливомъ меда на обѣдѣ. Если ключникъ оказалъ какое-либо непослушаніе старостѣ или вообще небрежность въ сыче-

ніи и разливаніи меду, то онъ сперва карается словами (выговоромъ), а если не исправляется, то карается уже братскою виною (пенею). Если наконецъ и самъ староста учинитъ какой-либо проступокъ предъ братіею, то вся братія старшая и младшая дѣлаетъ ему словесное напоминаніе, и даже можетъ карать его братскою пенею. Судъ братства по проступкамъ, возникавшимъ во время братскихъ собраній, признавался независимымъ отъ всякихъ другихъ судовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которые не могли вмѣшиваться въ братскій судъ, и это признано было за братствомъ и государевою граматою. Кромѣ постоянныхъ или *уставныхъ* братій, на праздничныхъ собраніяхъ могли быть и братья *вкупные*, т. е. такіе, которые вкупались только на данный праздникъ, чтобы участвовать въ братскомъ обѣдѣ и братской бесѣдѣ. Могли быть на обѣдахъ и *гости*, приглашенные и допускаемые по ихъ просьбѣ членами братства. Какъ вкупные братья, такъ и гости могли быть изъ лицъ разныхъ сословій, въ частности изъ духовенства и дворянъ. Но дворяне, присутствуя на братскихъ собраніяхъ и обѣдахъ, не должны домогаться какихъ либо высшихъ мѣстъ за столомъ и въ собраніи, и гордостно пренебрегать мѣстомъ, на какомъ придется имъ сидѣть. Ибо мѣста назначаютъ старосты, знающіе станъ (общественное положеніе) каждаго. Никто также не долженъ входить въ братскую свѣтлицу, въ братское собраніе съ какимъ-либо оружіемъ (тогда дворяне имѣли обычай носить при себѣ оружіе), или съ своими панскими слугами, ибо оружіе не годится въ братскомъ собраніи, а для послуги есть у братства свои слуги. Вообще всякіе гости должны въ братскихъ собраніяхъ подчиняться уставу братства, не допускать неприличныхъ и излишнихъ рѣчей, не разглагольствовать о своихъ дѣлахъ, сторонпихъ для братства, держать себя прилично

и учтиво и оказывать послушаніе старостамъ. Для уписныхъ членовъ братства, кромѣ указанныхъ выше обязанностей, налагалась еще обязанность оказывать христіанскую услугу умершимъ сочленамъ его. Братія обязывалась на средства братства пріобрѣтать бархатъ для гробовъ и покрывало для брата, давать свѣчи для возженія при отпѣваніи, присутствовать при отпѣваніи и провожаніи до могилы. Само собою предполагалась изъ средствъ братства и милостыня для раздачи въ братскій праздникъ и по душѣ умершихъ братій. По всему, что сказано здѣсь о братствѣ на основаніи его устава, видно, что Виленское Кушнирское братство не было только братствомъ промышленнымъ или ремесленнымъ, а было вмѣстѣ съ тѣмъ и братствомъ *религіознымъ*; ибо соединялось съ пожертвованіями на храмы Божіи и съ другими дѣлами христіанскаго благочестія и братолюбія.

Кромѣ Кушнирскаго братства въ первой половинѣ XVI вѣка были въ Вильнѣ и другія братства. Такъ было братство изъ почетнѣйшихъ мѣщанъ или горожанъ, стоявшихъ во главѣ городскаго управленія, каковы особенно бурмистры, радцы и другіе. Оно потому и называлось *панскимъ*, *бурмистровскимъ*, *радецкимъ* или вообще *мѣстскимъ*, т. е. городскимъ. Въ городскомъ управленіи были и православные и римскіе католики. Но братство составилось преимущественно изъ лицъ православныхъ. Какъ православное, оно сосредоточивалось при православномъ каѳедральномъ соборѣ Пречистой Богоматери, потому называлось еще братствомъ *при домѣ Пречистыя Богоматери*. Такъ называясь, оно хотѣло быть братствомъ уже собственно церковнымъ. Братство, въ лицѣ лучшихъ членовъ своихъ, заявило преданность свою православной вѣрѣ и благочестію еще слѣдующимъ дѣломъ. Члены братства по своему жите-

скому быту были люди торговые; цѣлыми дружинами отправлялись они по торговымъ угламъ въ земли польскія, нѣмецкія и другія. Но какъ люди православные и благочестивые, они хотѣли, чтобы и во время своихъ поѣздокъ не оставаться безъ совершенія Божественной литургіи по православному чину. Священника они могли брать и брали съ собою. Но чтобы священникъ могъ служить для нихъ литургію, для этого, по древнему уставу церкви, требовалось имѣть *антиминсъ*, который бы полагался на алтарѣ въ походной церкви или въ домѣ освященномъ для богослуженія. И вотъ обратились они къ православному константинопольскому патріарху и упросили его прислать имъ антиминсъ. Когда патріархъ прислалъ, они просили еще благословенія на свое благочестивое дѣло у своего архипастыря митрополита Іосифа Солтана. Онъ далъ благословенную грамату (1509 г.), въ которой говорилъ такъ: „повѣдали намъ сыны нашего смиренія, виленскіе горожане нашего *православнаго христіанства. братство дома Пречистыя Богоматери*, что господинъ святѣйшій вселенскій патріархъ константинопольскій прислалъ имъ подвижный антиминсъ и просилъ насъ, чтобы мы дозволили— служить на томъ антиминсѣ Божественную службу предъ ними въ странахъ польскихъ, нѣмецкихъ и другихъ, гдѣ случится имъ быть въ дорогѣ. И мы на просьбу и желаніе ихъ, благословили и дозволили имъ то имѣть: посему, когда какому либо священнику придется ѣхать съ ними изъ Вильны въ какую бы то ни было сторону, мы благословляемъ того священника и дозволяемъ ему служить предъ ними Божественную службу на томъ антиминсѣ“.

Было тогда въ Вильнѣ и третье братство—*купецкое—кожемяцкое*. Оно составилось изъ среды торговцевъ и ремесленниковъ кожемяцкаго дѣла или цеха, но опять

тѣхъ имепно, которые были усердны къ вѣрѣ и готовы были „радѣть о потребахъ церквей Божіихъ". Оба новыя братства, какъ русскія православныя, наблюдали во всемъ братскіе обычаи старины и хотѣли еще украсить ихъ. Такъ у нихъ были праздничныя складчины, но еще чаще, чѣмъ въ первомъ братствѣ. Такъ братство городское или братство дома Пречистыя Богоматери устраивало складчины къ *шести* праздникамъ, каковы: Троицынъ день, Успеніе Пресвятыя Богородицы, Воздвиженіе, Николинъ день, Рождество Христово и Пасха. Братство кожемяцкое къ *восьми*, каковы: Пасха, седьмая суббота по Пасхѣ, Петровъ день, Успеніе, Покровъ, Николинъ день, Рождество Христово, Благовѣщеніе. Братства имѣли свои дома, гдѣ устраивались братскія собранія и обѣды съ братскимъ медомъ. Въ этихъ собраніяхъ соблюдались всѣ добрые обычаи и строгіе порядки братскіе. Изъ своихъ складчинъ и вообще доходовъ и достатковъ, братства дѣлали пожертвованія на свѣчи, церковно-строеніе, на слугъ церковныхъ, на госпиталь, на милостыню бѣднымъ, на погребеніе замерзшихъ и другихъ покойниковъ, которыхъ некому было хоронить. Братство пашское, какъ болѣе достаточное, имѣло и содержало еще на свои средства *особую богадильню* при Спасской церкви въ городѣ Вильнѣ. Ко всему, что уже сказано о начальныхъ Виленскихъ братствахъ, надлежитъ досказать еще слѣдующее. Хотя всѣ эти братства составились преимущественно изъ православныхъ, но въ составѣ ихъ бывали и римскокатолики. Бывали они и членами и уписными и вкупными и гостями. И это, замѣчаетъ архипастырь нашей церкви *), дѣлаетъ честь тогдашнимъ православнымъ

*) Бывшій архіепископъ Литовскій и Виленскій, потомъ митрополитъ Московскій Макарій.

города Вильны, что они принимали въ свои братства и римско-католиковъ. Они хотѣли жить въ мирѣ и добромъ согласіи съ согражданами-христіанами, хотя и другого исповѣданія. Чувствуя доброту и достоинство своего братскаго дѣла, они не скрывались съ нимъ и готовы были дѣлать участниками его сограждань инославныхъ. Притомъ тогда и болѣе разумные римско-католики въ Вильнѣ, Литвѣ и Западной Россіи наклонны были къ дружному сожительству съ православными. Они видѣли, что за русскими православными перевѣсъ числа и силы. Они чувствовали свое родство съ ними по народности, по русскому языку, общему тогда и православнымъ и римско-католикамъ Литвы; они и семьями роднились съ православными русскими, а нѣкоторые при этомъ присоединялись къ православію и дѣтей своихъ крестили въ православіи.

---

7. *Начальное братство въ Львовѣ.*

Кромѣ Вильны раннимъ образованіемъ братствъ прославился Галицкій главный городъ Львовъ. Но положеніе православныхъ братствъ здѣсь было не во всемъ сходно съ положеніемъ Виленскихъ братствъ. Галицкая Русь ранѣе Литвы и Западной Россіи подпала подъ власть Польши; да и осталась она всецѣло подъ этой властью, какъ область коропы Польской. Поэтому то сюда ранѣе и сильнѣе стали вторгаться поляки, ихъ паны, епископы, и ксендзы и тѣснить здѣсь русскихъ православныхъ. Православныхъ князей тамъ уже не было, русскихъ православныхъ бояръ и дворянъ оставалось мало, на мѣстѣ ихъ усаживались польскіе паны и шляхтичи, получившіе имѣнія отъ польскихъ королей. Православіе и русская народность сильнѣе держа-

лись въ городахъ среди мѣщанъ, купцовъ, ремесленниковъ, и въ селахъ среди крестьянъ. Польскіе короли, волею или неволею оказывавшіе терпимость, нерѣдко даже благосклонность къ православнымъ русскимъ и ихъ церкви въ областяхъ литовско-русскихъ, иначе поступали съ православными Галицкой Руси. Здѣсь охотно поддавались они наговорамъ латино-польскихъ бискуповъ и ксендзовъ, которые прозывали православныхъ схизматиками, а ихъ церкви даже синагогами, и всячески стремились брать силу надъ ними и тѣснить ихъ, чтобъ покорить ихъ власти своей римской церкви и ея папѣ. Особенно дѣломъ неправды и насилія было то, что въ Галиціи уже давно (около 1420 г.) упразднена была православная епископская каѳедра въ городѣ Львовѣ, а учрежденная здѣсь латино-польская епископская каѳедра надѣлена большими правами и средствами къ обидѣ православныхъ. Тяжело было православнымъ безъ своего епископа. Для поставленія себѣ священниковъ и діаконовъ они должны были обращаться къ сосѣднимъ епископамъ или къ кіевскому митрополиту. Но для епархіи, хотя и оставшейся безъ своего епископа, нужно было управленіе для надзора за церковнымъ порядкомъ. И вотъ польская власть свѣтскимъ чинамъ предоставила право назначать намѣстниковъ для завѣдыванія православнымъ духовенствомъ и православными приходскими храмами. Эти намѣстники считались будто бы намѣстниками кіевскаго митрополита, а между тѣмъ ихъ назначали безъ его вѣдома свѣтскіе чины, да еще большею частью польскіе латиняне. Понятно, каковы были эти намѣстники, могшіе быть притомъ и изъ неправославныхъ. При Сигизмундѣ I послѣдовала перемѣна въ дѣлѣ намѣстническомъ, но не къ утѣшенію православныхъ. По домогательству львовскаго латинскаго бискупа, Сиги-

змундъ предоставилъ ему было право назначать отъ себя намѣстника галицкой епархіи, одного взамѣнъ многихъ. Это сдѣлано для того, чтобы дать почувствовать православнымъ Галицкой Руси власть и силу латинскаго епископа, а чрезъ это расположить ихъ къ отпаденію отъ православія и къ покорности римской церкви.

Такъ выражался въ своей граматѣ по этому дѣлу и самъ Сигизмундъ I, позволявшій даже, чтобы въ его граматахъ называли православныхъ схизматиками, а церкви ихъ—синагогами. Союзникомъ латино-польскаго бискупа и ксендзовъ въ притѣсненіи православныхъ являлся львовскій городской магистратъ, состоявшій здѣсь изъ однихъ латинянъ-поляковъ. Онъ присвоилъ себѣ право назначать православныхъ священниковъ, взимая за то плату. Священникамъ запрещено было ходить въ городѣ съ Святыми дарами къ больнымъ, а также провожать покойниковъ въ облаченіи со свѣчами и звономъ. Русскіе православные не допускались быть свидѣтелями предъ судомъ, а если въ какихъ либо дѣлахъ требовалась для нихъ присяга, то они должны были приносить ее въ латинскомъ костелѣ, а не въ своихъ церквахъ, которыя притомъ обзывались у латинянъ синагогами. Въ виду такихъ и подобныхъ обидъ и стѣсненій православные горожане Львова стали объединяться для защиты правъ своей вѣры и церкви. Плодомъ этого явилось *братство*, имѣвшее свое средоточіе при Соборной Успенской церкви. Оно возникло еще въ XV вѣкѣ, но впрочемъ становится въ XVI, когда ему пришлось стать во главѣ всего общества православныхъ мѣщанъ и горожанъ львовскихъ для защиты правъ своей вѣры и церкви. Помощниками ему въ этомъ были митрополитъ Іосифъ Солтанъ и князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Благодаря ихъ стара-

ніямъ и ходатайствамъ предъ Сигизмундомъ I, Галицкая епархія поставлена въ ближайшую зависимость и подъ ближайшее попеченіе кіевскихъ митрополитовъ, такъ что съ этой поры (съ 1509 г.) они и стали титуловаться кіевскими *и галицкими*. Вслѣдъ затѣмъ митрополичьи намѣстники въ галицкой епархіи изъяты изъ подъ власти латинскаго епископа и стали назначаться по выбору православныхъ и благословенію митрополита и быть только подъ его властью. Еще далѣе установленъ былъ одинъ общій намѣстникъ въ санѣ *архимандрита* для большей чести и силы его, для большаго огражденія его независимости отъ притязаній латинскаго епископа. А князь Константинъ Ивановичъ Острожскій помогъ братству достичь того, что Сигизмундъ I отмѣнилъ или по крайней мѣрѣ ослабилъ упомянутыя выше стѣсненія православнымъ. Но львовскій латинскій епископъ, ксендзы, съ своими союзниками въ магистратѣ и среди польскихъ властей, не оставляли своихъ домогательствъ на власть надъ православными. За то и русскіе православные, во главѣ съ братствомъ, рѣшились довершить свое дѣло возстановленіемъ въ Львовѣ *епископской каѳедры*, чтобы такимъ образомъ имѣть полное церковное устройство и устранить всякія притязанія латинскаго епископа на власть надъ ними.

---

8. Возстановленіе православной епископіи въ Львовѣ.

Былъ у нихъ митрополичьимъ намѣстникомъ архимандритъ Макарій Тучапскій, родомъ изъ своихъ же львовскихъ мѣщанъ, мужъ благочестивый и достойный. И вотъ православные Галичане львовскіе и сосѣдніе задумали ходатайствовать предъ королемъ о дозволеніи на то, чтобы Макарій посвященъ былъ въ епископа

львовскаго. Въ этомъ ходатайствѣ помогали имъ кіевскій митрополитъ (Макарій II) и православные князья и паны Подоліи и Волыни. За то латинскій львовскій епископъ и его латино-польскіе союзники прилагали всевозможныя усилія, чтобы ходатайство православныхъ не сбылось. Дѣло это потребовало отъ православныхъ велпкихъ трудовъ и жертвъ. Измучились они на поѣздки въ Краковъ и хожденія тамъ по своему дѣлу. Сотни добрыхъ воловъ были розданы ими на подарки королю, королевѣ и придворнымъ панамъ. Больше всѣхъ настрадался и измучился самъ Макарій. И онъ долженъ былъ ѣздить въ Краковъ къ королю и на сеймъ, подолгу живать, помногу тратиться и бѣдствовать въ Краковѣ, чтобъ добыть отъ короля грамату на епископство. Король не разъ готовъ былъ дать ее: но латинопольскіе архибискупы и бискупы кричали на сеймѣ, чтобъ не давалъ. Король, а по его совѣту и Макарій, должны были ждать, пока крикуны разъѣхались. Тогда наконецъ король далъ грамату Макарію. Съ нею возвратился онъ въ Львовъ. Узнавъ о томъ, львовскій архибискупъ прислалъ Макарію грозный приказъ явиться къ нему съ граматой. Макарій не пошелъ къ нему. Тогда архибискупъ въ сильномъ гнѣвѣ говорилъ предъ шляхтою римскаго закона: „я этого не оставлю, пока живъ: Русь должна быть въ моей власти, король безъ меня не могъ того дать“. И затѣмъ послалъ жалобу въ Краковъ, требуя, чтобъ Макарій съ граматой вызванъ былъ на шляхетскій сеймъ: этимъ сеймомъ архибискупъ думалъ не только погубить дѣло Макарія, но притрозить и королю. Король все это предвидѣлъ; потому еще прежде, при передачѣ граматы Макарію, посовѣтовалъ спутникамъ его изъ галицкихъ русскихъ поскорѣе ѣхать съ нимъ къ митрополиту и просить, чтобы поставилъ его во епископа: тогда, прибавлялъ

король, архибискупъ и бискупы уже не смогутъ устранить Макарія. Русскіе Галичане такъ и сдѣлали: быстро снарядили въ дорогу своего Макарія, а сами большою дружиной провожали его до границы, опасаясь, чтобъ его не убили или не отняли у него королевской граматы: ибо львовскій архибискупъ уже не разъ давалъ подобные приказы на счетъ Макарія. Счастливо доѣхалъ онъ къ митрополиту въ Новогродокъ, былъ посвященъ во епископа (въ октябрѣ 1539 г.) и возвратился въ Львовъ уже владыкою-епископомъ. Рады были православные. Теперь возстановилось у нихъ полное церковное устройство съ епископомъ во главѣ. Не смотря на всѣ притѣсненія отъ латинянъ, въ Львовѣ оказывалось еще девять церквей съ духовенствомъ при нихъ. Были и два монастыря. Изъ старшихъ священниковъ владыка-епископъ учредилъ, по старому обычаю, *соборный клиросъ*, т. е. каѳедральныхъ соборянъ для помощи ему въ церковномъ управленіи и судѣ. А братство львовское по прежнему осталось при своихъ правахъ и обязанностяхъ попеченія о нуждахъ Божіихъ церквей, призрѣніи бѣдныхъ и такъ далѣе. Такъ православіе и русская народность надолго укрѣпились въ Львовѣ и Галицкой Руси.

---

9. Русская народность въ Литвѣ и Западной Россіи и борьба ихъ за свою государственную независимость отъ Польши при послѣднихъ Ягеллонахъ.

Русская народность въ Литвѣ и Западной Россіи была еще сильна и при послѣднихъ Ягеллонахъ Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ II Августѣ. Теперь, какъ и прежде, къ этой народности принадлежало громадное большинство населенія литовско-русскаго государства

и всѣхъ сословій его. Это населеніе православное, имѣвшее въ своей вѣрѣ и родной церкви и главную опору своей народности. Но эта же народность продолжала теперь, какъ и прежде, держаться и въ средѣ литовцевъ римско-католиковъ, которые, хотя и были соединены съ поляками въ вѣрѣ, но считали себя соотечественниками и собратіями русскихъ православныхъ по единому литовско-русскому государству, хотя и союзному съ Польшею, но отдѣльному отъ нея и по русскому языку, какъ народному и государственному языку для областей и земель всего великаго княжества литовско-русскаго. Потому теперь, какъ и прежде, при первыхъ Ягеллонахъ, православные Литвы и Западной Россіи, православные литво-руссы, въ борьбѣ съ Польшею за свою государственную независимость и за свою русскую народность имѣли союзниками и литовцевъ римско-католической церкви. Но эта борьба съ годами и десятилѣтіями становилась труднѣе. Ибо чѣмъ долѣе тянулся союзъ Литвы съ Польшею, тѣмъ болѣе поляки усиливались увлекать на свою сторону Ягеллоновъ, какъ общихъ государей Литвы и Польши, затѣмъ усиливались прикрѣплять къ Польшѣ литовско-русскія земли, дѣйствуя всякими способами, какіе открывались для нихъ въ самомъ этомъ союзѣ, особенно при послѣднихъ Ягеллонахъ.

Король и великій князь литовско-русскій Сигизмундъ I былъ, какъ сказано выше, благосклоненъ къ Литвѣ и Руси. Полагаясь на это, высшіе литовско-русскіе чины въ 1526 г. просили его дать имъ и короновать на великое княжество литовско-русское сына Сигизмунда Августа. Они говорили: „когда великое княжество будетъ имѣть свою корону, тогда нельзя будетъ присоединить его къ коронѣ польской, потому что та корона не можетъ быть *вплетена*, то есть вклю-

чена въ другую корону. Тогда панамъ полякамъ нельзя будетъ домогаться, чтобы это наше государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь за одно противъ каждаго непріятеля". Сигизмундъ исполнилъ эту просьбу, но настолько, насколько это позволяло ему его положеніе, какъ короля польскаго, или точнѣе, насколько позволили польскіе его паны.

Въ 1529 г. онъ привезъ 9-лѣтняго королевича Сигизмунда-Августа въ Вильну, гдѣ онъ торжественно провозглашенъ великимъ княземъ. Но на корону для него король не согласился, даже не оставилъ его въ Вильнѣ, гдѣ его именемъ могла бы управлять велико-княжеская, литовско-русская рада, а самъ онъ могъ бы обрусѣть. Король взялъ сына съ собою въ Польшу, гдѣ поляки тотчасъ провозгласили его наслѣдникомъ Польской короны, чтобы обезпечить себѣ выгоды имѣть въ своихъ рукахъ будущаго общаго государя Польши, Литвы и Западной Руси. Болѣе успѣли литовско-русскіе представители въ другомъ важномъ дѣлѣ. Они постарались составить общій сводъ законовъ для всѣхъ земель литовско-русскаго государства. И этотъ сводъ былъ въ томъ же 1529 г. утвержденъ государемъ подъ названіемъ *статута*. Этотъ литовско-русскій статутъ, какъ общій и единый законъ для всѣхъ земель государства, ограждалъ его единство и самостоятельность. Подобно старому судебнику Казиміра, онъ составленъ по русскому праву и на русскомъ языкѣ, и этимъ свидѣтельствовалъ о продолжающемся господствѣ во всѣхъ земляхъ государства русской народности какъ главной и основной. Польшу этотъ статутъ представлялъ страной чужой, поляковъ—иноземцами, не имѣвшими права на уряды и общественныя должности и земельныя пріобрѣтенія въ Литвѣ и Западной Руси. По статуту не

допускались для поляковъ такія пріобрѣтенія ни покупками, ни пожалованіями, ни даже черезъ браки. Если бы полякъ женился на дѣвицѣ или вдовѣ изъ Литвы или Руси, то онъ могъ получить приданое только деньгами, но не родовыми имѣніями литовско-русскихъ фамилій. Когда, не смотря на статутъ, поляки захватывали должности или земли въ Литвѣ и Руси, то литовско-русскіе чины и дворяне жаловались королю на сеймахъ, которые бывали то въ Брестѣ (Литовскомъ), то въ Вильнѣ. Они требовали даже, чтобы польскіе чиновники, сопровождавшіе короля во время поѣздокъ его въ Литву и Западную Россію, останавливались на границѣ; а если въѣзжали съ королемъ въ Литву и Западную Россію, то считались бы здѣсь только гостями-чужеземцами.

Наконецъ, уступая просьбамъ литовско-русскихъ чиновъ, король Сигизмундъ въ 1544 г. сдалъ управленіе литовско-русскимъ государствомъ сыну Сигизмунду II Августу, который пріѣхалъ и сталъ жить въ Вильнѣ. Здѣсь при немъ взяли силу князья Радзивиллы, Николай Черный, потомъ Николай Рыжій, которые хотя не были православными, но были горячими защитниками независимости и отдѣльности литовско-русскаго государства отъ Польши, дѣйствуя за одно съ русскими православными. Молодой великій князь литовскій, по желанію литовско-русскихъ пановъ, поручилъ пересмотрѣть и улучшить литовско-русскій *Статутъ*. Надъ этимъ стали трудиться совмѣстно и русскіе православные и литовскіе римско-католики, но и тѣ и другіе трудились, какъ люди *русскіе*, и составленный ими статутъ изданъ потомъ также *на русскомъ языкѣ, какъ общемъ народномъ языкѣ для всѣхъ ихъ*. Само собою понятно, что этотъ языкъ господствовалъ во всѣхъ судахъ и урядахъ, какъ и во всякой рѣчи устной и письменной въ пре-

дѣлахъ Литвы и Западной Россіи. Самъ король Сигизмундъ I почти всегда соблюдалъ законъ, по которому его граматы и указы по дѣламъ Литвы и Западной Россіи писались на русскомъ языкѣ. Этотъ же законъ соблюдалъ и сынъ его Сигизмундъ II, когда еще при жизни отца сталъ государемъ Литвы и Западной Россіи, хотя и подъ верховной властью отца. Правда, долго живя въ Польшѣ, самъ онъ поотвыкъ отъ русскаго языка и свыкся съ польскимъ. Но въ Литвѣ надѣялись, что, теперь, зажившя въ Вильнѣ, онъ склонится на сторону своего литовско-русскаго государства и народа. И онъ сталъ склоняться. За то и поляки надѣялись со временемъ опять перетянуть его на свою сторону. И вотъ, когда скончался его отецъ, поляки привезли его въ Польшу и провозгласили своимъ королемъ. Такъ Сигизмундъ II Августъ сталъ теперь общимъ государемъ Польши и Литвы и Западной Россіи. Живалъ онъ то въ Польшѣ, то въ Литвѣ, и въ первое время любилъ жить даже болѣе въ Литвѣ, чѣмъ въ Польшѣ. Поляки не дозволяли ему долго заживаться въ Литвѣ, боясь, что онъ станетъ радѣть о ней больше, чѣмъ о Польшѣ. Въ это время созрѣвалъ у нихъ важный замыселъ. Дѣло въ томъ, что Сигизмундъ II былъ уже послѣдній Ягеллонъ на состоявшихъ въ союзѣ государствахъ польскомъ и литовско-русскомъ. Онъ былъ три раза женатъ, но не имѣлъ дѣтей и не было надежды, что будутъ у него дѣти наслѣдники престола. Поляки стали болѣе и болѣе побаиваться, что съ его смертью прекратится союзъ Литвы и Западной Руси съ Польшей. Поэтому они съ удвоенными усиліями домогались закрѣпить этотъ союзъ при послѣднемъ Ягеллонѣ съ помощью его власти. Всею силою стали они налегать на Сигизмунда Августа, чтобы онъ привлекъ и принудилъ литовцевъ и западно-рус-

скихъ къ согласію на *унію*, то есть такое соединеніе Литвы и Западной Россіи съ Польшею, которое было бы уже не простымъ и временнымъ союзомъ, а полнымъ и вѣчнымъ объединеніемъ, сліяніемъ ихъ въ одно государство, государство именно польское. Въ этомъ государствѣ главное господство должно было бы уже принадлежать Польшѣ, полякамъ и польской народности, а литовско-русскія земли были бы только областями Польши, и литовско-русскій народъ былъ бы только частію польскаго народа и слился бы съ нимъ. Съ своей стороны представители Литвы и Западной Россіи продолжали противиться такимъ замысламъ поляковъ. Много разъ заходили большіе споры по этому дѣлу между польскими панами и литовско-русскими представителями на разныхъ съѣздахъ то въ Польшѣ, то въ Литвѣ и Западной Россіи. Король Сигизмундъ II былъ человѣкъ непостоянный. Онъ склонялся то на ту, то на другую сторону, стараясь угодить той и другой. Но запугиваемый поляками, боясь также, чтобы Западная Русь не перешла подъ власть московскаго государя, онъ сталъ мало по малу, но все болѣе и болѣе поддаваться на сторону поляковъ и Польши. На варшавскомъ сеймѣ 1564 г. онъ въ своемъ потворствѣ полякамъ дошелъ уже до крайней степени: объявилъ, что онъ, какъ государь Ягеллонова дома, отрекается отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на литовское-русское государство въ пользу польскаго государства. Горько было это литовцамъ и русскимъ. Одинъ изъ литовцевъ еще во время сейма писалъ своему другу: „паны ляхи давними и разными способами хотятъ записать Литву въ кабалу и взять насъ въ полную неволю“. А послѣ сейма Николай Радзивилъ писалъ самому королю: „теперь Литвѣ грозитъ двоякая бѣда: съ одной стороны мечъ непріятельскій (отъ войны съ Москвою) и съ другой (отъ Польши) —

аркапъ живой и вѣчной неволи". Король успокоивалъ Радзивилла отвѣтомъ: „я веду Литву не къ неволѣ, а (будто бы) къ большей свободѣ и къ братскому согласію съ Польшею". Чтобъ польстить этою свободою и русскихъ православныхъ, король еще прежде на Виленскомъ съѣздѣ (1563 г.) издалъ грамату, которою литовско-русскіе православные дворяне уравнивались въ правахъ съ дворянами королевства римско-католическаго исповѣданія. Однакоже ни теперь, ни послѣ король не изволилъ уравнять православныхъ епископовъ въ правахъ съ римско-католическими епископами литовскими и польскими. Когда на съѣздѣ въ Гродиѣ (1568 г.) просилъ о томъ короля кіевскій митрополитъ Іона Протасовичъ, то король отвѣчалъ, что это дѣло онъ „отлагаетъ на иной часъ". Этого иного часу и не дождались отъ короля православные епископы. Видно, что о правахъ ихъ и вообще о правахъ православной церкви не особенно радѣли и тѣ литовскіе паны, которые не принадлежали къ православной церкви, а между тѣмъ были наиболѣе сильны при королѣ. А все это показывало, что въ борьбѣ съ поляками по дѣлу замышляемой ими уніи не будетъ полнаго согласія между литовцами и русскими. Понимали это поляки. Умѣли они воспользоваться и тѣмъ новымъ затрудненіемъ, въ какое поставлена была Литва тогдашнею войною ея съ московскимъ государствомъ. Поляки, какъ то бывало и прежде, поджигали литовцевъ къ этой войнѣ, но сами не помогали имъ. Они разсчитывали, что ослабѣвъ отъ войны, литовцы станутъ податливѣе на унію. „Война, говорили они, пригонитъ литовцевъ къ уніи съ нами". И такъ, когда все было подготовлено, король и поляки задумали устроить большой съѣздъ представителей изъ Польши, Литвы и Западной Россіи, чтобы довершить дѣло объ уніи.

10. Люблинскій съѣздъ 1569 г. и состоявшаяся на немъ политическая (гражданская) унія Литвы и Западной Россіи съ Польшею.

Съѣздъ по дѣлу уніи открылся 10 января 1569 года въ городѣ Люблинѣ въ присутствіи самого короля Сигизмунда Августа. Поляки, напередъ сговорившись по городамъ и уѣздамъ, собрались на съѣздъ въ весьма большомъ числѣ. Въ полномъ сборѣ были польскіе сенаторы и во главѣ ихъ латино-польскіе бискупы. Еще сильнѣе числомъ были послы изъ земельной шляхты, которой притомъ и легко было съѣзжаться въ близкій ко всѣмъ польскимъ землямъ Люблинъ. Хотя у поляковъ бывало вообще немного согласія и порядка на ихъ съѣздахъ, но на этотъ разъ съѣхавшіеся польскіе сенаторы и послы позаботились дѣйствовать въ бо́льшемъ согласіи, чтобы ослить представителей Литвы и Западной Руси. Эти представители собрались, сравнительно съ поляками, въ меньшемъ числѣ. Одни изъ нихъ ѣхали неохотно и опаздывали; другіе и совсѣмъ не являлись, потому что не желали уніи, боялись, что ихъ станутъ принуждать къ ней, а иные просто затруднялись ѣхать изъ русскихъ земель въ далекій Люблинъ. Къ сожалѣнію, между литовско-русскими представителями не было крѣпкаго согласія. Виною были преимущественно литовскіе знатные паны. Они держали себя гордо съ меньшимъ русскимъ дворянствомъ, затрогивали подъ часъ и знатныхъ пановъ коренныхъ русскихъ земель, какъ Волынской, Кіевской областей и др., потому и сами не встрѣчали сильной поддержки со стороны послѣднихъ. Не было на съѣздѣ и западнорусскихъ православныхъ епископовъ, тогда какъ латино-польскіе бискупы были и могли говорить, сколько имъ хотѣлось. Выгоды поляковъ на съѣздѣ доверша-

лись важнѣйшею — увѣренностью, что король на ихъ сторонѣ. По всему этому они надѣялись, что дѣло уніи пойдетъ на съѣздѣ легко и скоро. Но они ошиблись. Съ первыхъ же дней съѣзда открылось, что не смотря на красныя рѣчи поляковъ и громкія похвалы ихъ съѣзду и уніи, литовцы не рады ему, не хотятъ уніи. Одинъ изъ польскихъ епископовъ пустился винить тутъ и короля, говоря ему въ глаза: „причиной, почему литовцы не хотятъ уніи съ нами,—наше дурное управленіе и то, что, по ихъ словамъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго“. Поляки стали даже опасаться, что непостоянный король, какъ скоро замѣтитъ неудачу и трудность дѣла уніи, то самъ ускользнетъ отъ дѣла, и потому постановили, чтобы переговоры съ литовцами объ уніи велись въ присутствіи короля, чтобы, значитъ, онъ не убѣжалъ изъ Люблина, и король оставался на все время съѣзда. Начались затѣмъ самые переговоры польскихъ сенаторовъ съ литовскими объ уніи. Первые требовали признать полное сліяніе Литвы съ Польшею; послѣдніе соглашались только на братскій союзъ, но съ сохраненіемъ независимости и правъ литовско-русскаго государства. Пошли споры, пререканія, а затѣмъ попреки и угрозы съ обѣихъ сторонъ. Литовскіе сенаторы и послы перестали и являться на засѣданія съ польскими сенаторами и послами. Прошелъ слухъ, что литовцевъ хотятъ силою забрать по домамъ и тащить въ засѣданія. По этому поводу, при свиданіи съ королемъ, смѣлый литовскій панъ Иванъ Ходкевичъ сказалъ: „если бы до того дошло, то и мы будемъ защищаться силою въ нашихъ домахъ“. Бѣдный король не зналъ, что̀ дѣлать. Прошло два мѣсяца (январь и февраль) въ засѣданіяхъ и спорахъ, а дѣло не двигалось впередъ. Наконецъ литовцы рѣшили совсѣмъ прервать это дѣло. Ночью на 1 марта литовскіе сенаторы Радзи-

виллъ Рыжій, Иванъ Ходкевичъ и многіе другіе уѣхали изъ Люблина, поручивъ немногимъ оставшимся просить извиненія у короля въ этомъ поступкѣ своемъ.

Отъѣздъ литовцевъ былъ плохо обдуманъ. Онъ раздразнилъ поляковъ, но смутилъ ихъ не надолго. Въ рукахъ ихъ былъ король, повторившій теперь, что отдаетъ Польшѣ русско-литовскія области. Поляки ободрились и задумали самымъ отбытіемъ литовцевъ воспользоваться для своего дѣла. Именно: задумали они присоединить къ Польшѣ сперва ближайшія русскія области и притомъ каждую по одиночкѣ. Повели они дѣло хитро, пуская въ ходъ и лесть, и угрозу и даже неправду. Начали съ самой малой и слабой области Подлѣсья. Послы съ Подлѣсья русскіе православные дворяне были на съѣздѣ. На нихъ то налегли теперь поляки, требуя присяги на унію. Чтобъ уклониться отъ нея, одни изъ подлѣсянъ спѣшили уѣхать изъ Люблина. Другіе, хотя и остались, но не соглашались на требованія поляковъ. Согласились на присягу только трое. Даже изъ этихъ троихъ одинъ раздумалъ и бѣжалъ (нѣкто Ижиковичъ); по его догнали и воротили въ Люблинъ. Итакъ эти три подлѣсяне начали за свое Подлѣсье присягу на унію его съ Польшею. Жалкое начало дѣла! Но оно громко восхвалялось польскими говорунами, какъ дѣло великое. Присягнувшимъ даны или обѣщаны награды, а уклоняющимся высказаны угрозы, чтобы современемъ и ихъ привлечь къ присягѣ. Отъ Подлѣсья перешли къ Волыни, потомъ къ восточной Подоліи или брацлавскому воеводству. Присягу по Волыни началъ не кто либо изъ коренныхъ русскихъ волынцевъ, а одинъ польскій панъ (Альбертъ Ласкій), недавно предъ тѣмъ съ великою неправдою захвативший большое имѣніе на Волыни. Его то присягу и сочли началомъ присоединенія Волыни! Конечно, нашлись затѣмъ и между ко-

ренными русскими волынцами, готовые покориться волѣ короля и присягнуть на унію. Но ихъ было мало въ Люблинѣ и еще менѣе осталось. И вотъ король строгимъ указомъ по уѣздамъ Подлѣсья, Волыни и Подоліи требовалъ, чтобы съѣзжались въ Люблинъ по дѣлу уніи. Волею-неволею стали съѣзжаться подлѣсяне, волыняне и подоляне. Послѣ не малыхъ пререканій возобновилась присяга ихъ на унію. Пришлось, скрѣпя сердце, присягать и такимъ знатнымъ людямъ, какъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, князья Вишневецкіе, Черторыжскій, Сангушко и другіе. Надъ ними была власть короля. Одни просто не хотѣли ослушаться его; другіе опасались, что властію короля поляки лишатъ ихъ должностей и имѣній.

Дошла очередь до Кіева и Кіевской области. Опять начались споры. Но при помощи короля и они кончились объявленіемъ и присоединеніемъ ихъ къ Польшѣ. Послѣ того, какъ въ Люблинѣ удалось привлечь къ присягѣ на унію бывшихъ тамъ знатныхъ русскихъ людей, король уже смѣло разослалъ своихъ чиновниковъ по городамъ и уѣздамъ присоединенныхъ русскихъ областей съ указами о томъ, чтобы всѣ присягали на унію съ Польшею, грозя въ этихъ указахъ, что несогласные на унію и присягу будутъ лишены должностей и имѣній. Такъ и пошла вольная и невольная присяга по городамъ и уѣздамъ. Между тѣмъ шелъ уже шестой мѣсяцъ отъ начала люблинскаго съѣзда, а онъ еще не кончался. Не кончилось дѣло съ литовцами, уѣхавшими изъ Люблина. Горько было слышать имъ, что въ отсутствіе ихъ поляки присоединяютъ одну за другою русскія области, предъ тѣмъ принадлежавшія къ литовско-русскому государству. „Никогда еще не было столь тяжелыхъ ударовъ нашему отечеству: видно, за грѣхи Богъ караетъ Литву!“ такъ

писалъ тогда въ Литву одинъ изъ литовскихъ пановъ, оставшихся въ Люблинѣ, чтобы слѣдить за дѣломъ уніи и сообщать землякамъ. Подобные скорбные голоса слышались и отъ другихъ въ Литвѣ. Они и понятны. Послѣ отдѣленія отъ Литвы Подлѣсья, Волыни, Подоліи и Кіевской области и присоединенія ихъ къ Польшѣ, Литва оказывалась слабою и безпомощною. Бороться съ поляками литовцамъ было уже не въ моготу. Понимая это, польскіе паны уже грозились силою усмирять ихъ, какъ бунтовщиковъ. Терпѣливѣе былъ король, но и онъ давалъ имъ понять свою немилость къ нимъ за несговорчивость на унію. Итакъ волею-неволею литовскіе сенаторы и послы стали прибывать въ Люблинъ. Тутъ прежде всего они высказали горькіе упреки полякамъ за отнятіе отъ литовскаго государства упомянутыхъ русскихъ областей, считая это величайшею неправдою со стороны поляковъ. „Богъ такой неправды съ нами не попуститъ: рано или поздно, но расчетъ будетъ!“ Такъ, отъ имени литовско-русскихъ собратій своихъ, говорилъ смѣлѣйшій изъ нихъ Иванъ Ходкевичъ, неустанно ратовавшій за независимость Литвы отъ Польши. Поляки озлились на литовцевъ и донесли слова ихъ королю. Король сказалъ, что и самъ порицаетъ поступокъ литовцевъ, но добавилъ: „сказать правду, литовцы не могутъ не огорчаться; невзгоды ихъ велики; у нихъ оборваны крылья *), но вы, паны, добивайтесь своего“. Паны польскіе и добивались. Отбиваться отъ нихъ литовцы были уже не въ силахъ. Они рѣшились сдаться на унію, но такъ, чтобы и при уніи спасти долю независимости бывшаго литовско-русскаго государства. Собрались они въ засѣданіе сейма, гдѣ былъ и король, и здѣсь Ходкевичъ держалъ длинную

*) То есть, отняты русскія земли, составлявшія главную силу Литвы.

рѣчь, которую закончилъ такъ: „намъ уже не къ кому обратиться за помощью, развѣ только къ Богу и къ Вамъ, всемилостивѣйшій Государь нашъ, какъ защитнику нашихъ правъ и Божію помазаннику. Нижайше просимъ мы Васъ привести дѣло къ концу такъ, чтобы оно не влекло за собою порабощенія и позора намъ и потомкамъ нашимъ. Мы теперь доведены до того, что должны съ покорною просьбою пасть къ ногамъ Вашего Величества". Всѣ литовцы съ плачемъ пали на колѣна, и Ходкевичъ продолжалъ: „именемъ Бога умоляемъ тебя, Государь, помнить нашу службу, нашу вѣрность тебѣ и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи такъ устроить насъ, чтобъ всѣмъ намъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя государева честь". Король, надо правду сказать, отвѣчалъ литовцамъ милостиво, обѣщая не дать ихъ въ обиду и устроить унію въ духѣ любви и братства. 1-го іюля послѣдовала и присяга литовцевъ на унію. А вскорѣ затѣмъ наступилъ и конецъ сейма. Польскіе паны ликовали. Много и красно говорили они о своей люблинской уніи. Съ великими похвальбами говорили о ней, какъ о такомъ единеніи, которое состоялось свободно, непринужденно, на правахъ равенства и братства соединившихся народовъ польскаго и литовско-русскаго, и которое обѣщаетъ миръ, могущество, славу и счастіе обоимъ народамъ. Такою была эта унія на словахъ, но не такою на дѣлѣ. На дѣлѣ она велась лестію и насиліемъ, съ угрозами отнятія должностей и имѣній тѣмъ, кто не соглашался бы на унію.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что литовцы и православные Западной Россіи, волею неволею соглашаясь на унію съ Польшею, дѣлали все, что могли, въ огражденіе своей вѣры и народности. Не разъ они на-

помнили о томъ во время съѣзда. Такъ, напримѣръ, когда шла рѣчь о присоединеніи Волыни, то одинъ изъ знатнѣйшихъ православныхъ русскихъ князей Константинъ Вишневецкій говорилъ польскимъ панамъ: „Мы люди иной съ вами вѣры, особенно мы, люди восточной церкви; просимъ, чтобы насъ не унижали за вѣру, и чтобы никого не принуждали къ другой вѣрѣ“. А когда составлялись такъ называемыя *привилеіи* (особыя постановленія) на унію по каждой изъ областей, то во всѣ эти привилегіи занесено было и то, чтобы и православные имѣли одинакія права съ римско-католиками, и чтобы русскій языкъ, какъ знамя народности, оставался языкомъ государственнымъ во всѣхъ литовско-русскихъ земляхъ. Но послѣ Люблинской уніи уже труднѣе станетъ православнымъ Западной Руси отстаивать права своей вѣры и народности. А между тѣмъ открылись предъ ними новыя опасности.

ГЛАВА V.

Новыя опасности вѣрѣ и народности православныхъ западно-руссовъ, возникшія при послѣднихъ Ягеллонахъ и первыхъ корояхъ польскаго избирательнаго правленія.

---

1. Реформація и сектантство въ Польшѣ, Литвѣ и сосѣднихъ съ ними областяхъ Западной Россіи.

Къ опаснымъ сторонамъ союза Западной Россіи съ римско-католическою Польшею и Литвой принадлежало и то, что разныя, возникшія тамъ, смуты и нестроенія могли, какъ повѣтріе, заноситься въ Западную Россію. Таковы были *смуты религіозныя*, появившіяся въ Польшѣ и Литвѣ при послѣднихъ Ягеллонахъ, усилившіяся особенно при самомъ послѣднемъ изъ нихъ, Сигизмундѣ Августѣ. Эти смуты начались впрочемъ не въ Польшѣ, а далѣе въ Западной Европѣ, составлявшей область римской церкви, подластной папамъ. А тамъ произошли онѣ по винѣ прежде всего самихъ же римскихъ папъ и ихъ римской церкви. Старое лжеученіе римское,

будто папа есть глава всей христіанской церкви, верховный владыка всего христіанства, единый намѣстникъ Божій и Христовъ на землѣ, это ученіе принесло свои плоды. Власть папъ, какъ духовное иго, стала въ тягость многимъ и среди западныхъ христіанъ, то есть римско-католиковъ или латинянъ. А между тѣмъ въ римской церкви наплодилось много злоупотребленій. Выдающимся изъ нихъ была продажа *индульгенцій*, то есть папскихъ грамать на отпустъ грѣховъ. Папскіе монахи расхаживали по разнымъ римско-католическимъ странамъ и торговали этими грамотами, увѣряя, что кто заплатитъ и купитъ ихъ, тотъ избавитъ себя отъ вины за грѣхи, или же высвободитъ изъ какого-то чистилища своихъ умершихъ родителей, родныхъ и тому подобныхъ. Легковѣрные покупали такія граматы. Но нашлись и такіе, которые стали поговаривать, что это дѣло неразумное, что папы уже слишкомъ забылись отъ своей неумѣрной власти. Самовластіемъ стали называть и то, что въ римской церкви богослуженіе совершается не на понятномъ народу языкѣ, какъ въ церкви восточной, а на латинскомъ, далеко не всѣмъ понятномъ, что на этомъ же языкѣ читается и само Слово Божіе, которое поэтому недоступно народу, незнающему по латыни. Все это и многое другое вызвало у многихъ римскихъ католиковъ недовольство, потомъ ропотъ, наконецъ и возстаніе противъ папы, Рима и римской церкви, какъ церкви папистической, а не подлинной христіанской церкви. Вожаками возстанія стали болѣе отважные изъ среды самихъ латинскихъ ксендзовъ и монаховъ, каковы: нѣмецъ *Лютеръ*, французъ *Кальвинъ* и многіе другіе. Сторону ихъ приняли и многіе сильные люди изъ князей и владѣтелей, особенно германскихъ или нѣмецкихъ, а потомъ и другихъ. Но были, конечно, и защитники папъ и римской

церкви, и во главѣ ихъ стоялъ тогдашній германскій императоръ. А изъ этого возникли великіе споры, смуты и кровавыя войны на много лѣтъ. Кончилось это тѣмъ, что многія страны съ своими князьями и государями отпали отъ папской или римской церкви и образовали свои *христіанскія общества или исповѣданія*. Это дѣло свое они назвали *реформою, реформаціею*, то есть *преобразованіемъ* бывшей у нихъ дотолѣ римской церкви, исправленіемъ ея отъ злоупотребленій и ложныхъ ученій. Называли они свое дѣло и *протестантствомъ*, а себя *протестантами*, то есть противниками, обличителями неправдъ римской церкви. Къ величайшему сожалѣнію, эти вожаки-реформаторы и протестанты и сами впали въ тяжкую ошибку. Они не подумали, что кромѣ Западной или римской церкви, есть Восточная православная церковь, которая вѣрно сохранила истинное ученіе Господа Іисуса Христа, святыхъ Апостоловъ и святыхъ отцевъ, изъясненное и опредѣленное на святыхъ вселенскихъ соборахъ въ тѣ свѣтлыя времена, когда въ единеніи съ нею была римская церковь, уже потомъ отпавшая отъ нея. Правда, нѣкоторые изъ протестантскихъ учителей начали-было сноситься съ архипастырями Восточной церкви, желая разъяснить свои споры съ римскою церковью и свои собственныя недоразумѣнія въ ученіи вѣры. Но уже было поздно, и ничего изъ этого не вышло. А не вышло особенно потому, что эти протестантскіе учители и сами-то, по наслѣдію отъ Рима, свысока смотрѣли на Восточную церковь и слишкомъ уже увлеклись своими успѣхами въ борьбѣ съ Римомъ, слишкомъ довѣряли своему уму-разуму и не умѣли съ должнымъ вниманіемъ и смиреніемъ выслушать голосъ старѣйшей Восточной церкви. Вмѣсто разума древней, христіанской церкви, которому они могли бы научиться у вѣрной наслѣдницы ея Право-

славної церкви Восточної, пришлось имъ пробавляться своимъ разумомъ въ выработкѣ вѣроученія для своихъ новыхъ протестантскихъ обществъ. Правда, они думали держаться при этомъ слова Божія, евангелія, почему называли себя еще и *евангеликами*. И то хорошо, что они, по подобію Восточной церкви и въ противность римской, старались распространить въ народѣ знаніе Слова Божія, перевели его на народные языки, ввели и богослуженіе на народныхъ языкахъ. Но то забыли они, что Слово Божіе предано Богомъ Его святой церкви, которая, какъ говоритъ и само Слово Божіе, есть *столпъ и утвержденіе истины*, что истинное толкованіе Слова Божія, а потому и истинное, православное опредѣленіе содержащагося въ немъ ученія вѣры утверждается на священномъ преданіи и разумѣ Вселенской церкви, а не на разумѣ всякаго умствователя и самозваннаго учителя. Иначе всякій станетъ толковать, судить, мудрить и рядить по своему. Такъ и вышло у реформаторовъ, протестантовъ или мнимыхъ евангеликовъ. По различію учителей, явились у нихъ и разные толки и секты, на которыя и распались новыя христіанскія общины на западѣ. Отъ Лютера пошли *лютеране* и *лютеранское* вѣроисповѣданіе; отъ Кальвина—*кальвинисты* и *кальвинское* исповѣданіе; отъ Социна (въ Италіи) *социніане*, которыхъ называли также *аріанами*, потому что, подобно древнему еретику Арію, они (страшно сказать!) отвергали таинство Святой Троицы и Божество Господа нашего Іисуса Христа. Изъ общаго омута сектъ возникли еще *анабаптисты* или *перекрещенцы*, дерзнувшіе перекрещивать своихъ послѣдователей. Были и другія секты, перечислять которыя нѣтъ надобности. А то надобно сказать, что духъ реформаціи, повѣтріе сектантства не замедлили проникнуть въ Польшу и Литву. Изъ разныхъ странъ Западной Европы понахо-

дили въ Польшу и Литву учители и проповѣдники новыхъ ученій и толковъ. Нашлись здѣсь у нихъ слушатели и послѣдователи среди поляковъ и литовцевъ, принадлежавшихъ дотолѣ къ римской или латинской церкви. А нашлись потому, что и въ Польшѣ многимъ стали въ тягость иго папской власти и соблазнъ злоупотребленій римской церкви. Иные же увлекались новыми ученіями и толками просто по ихъ новости и заманчивой вольности, льстившей панской вольности. Все это зачалось еще при Сигизмундѣ I, но особенно усилилось при сынѣ его Сигизмундѣ II Августѣ, который въ молодости и самъ дружилъ съ протестантами. Какъ въ Западной Европѣ, такъ въ Польшѣ и Литвѣ протестантство оказалось въ разныхъ толкахъ или сектахъ. Сильнѣе всѣхъ былъ кальвинскій толкъ. Къ нему пристали многіе изъ польскихъ и литовскихъ пановъ, бывшихъ латинянъ. Знатнѣйшіе паны Радзивиллы (Николай Черный и Николай Рыжій) были главными покровителями кальвинизма въ Литвѣ и Вильнѣ. Были въ Польшѣ и Литвѣ и лютеране, преимущественно среди городскихъ мѣщанъ. Былъ еще особый толкъ *Моравскихъ братьевъ,* выходцевъ изъ Чехіи и Моравіи. Были социнiане или аріане, также имѣвшіе послѣдователей и покровителей среди польскихъ и литовскихъ пановъ, а рядомъ съ ними появились *перекрещенцы* и даже *полужидовствующіе.* Польско-литовское сектантство представляло собою опасный соблазнъ и для православныхъ сосѣдней Западной Россіи. Правда, сами же поляки, помиая то бурное время, замѣчаютъ, что русскіе православные съ благородною твердостію стояли при своей праотцовской вѣрѣ и не поддавались соблазну съ такою легкостію, какъ римско-католики польскіе и литовскіе. Но надо сознаться, что и между русскими православными панами нашлись соблазнившіеся, хотя ихъ

было и не много. Такъ напримѣръ, въ Литвѣ знатный панъ Янъ Ходкевичъ, внукъ основателя православнаго Супрасльскаго монастыря, далъ себя увлечь въ кальвинизмъ. А на Волыни нашлись и такіе легкомысленные паны изъ русскихъ, которые пристали даже къ аріанству, по примѣру своихъ польскихъ знакомцевъ. Прискорбны были для церкви православной такія отпаденія отъ нея хотя бы и немногихъ пановъ. Но въ связи съ польско-литовскимъ сектантствомъ возникли для нея еще другія бѣды и напасти.

2. Іезуиты въ Польшѣ, Литвѣ и Западной Россіи. Борьба ихъ съ сектантами; замыслы противъ церкви православной.

Въ то время какъ въ Западной Европѣ была въ самомъ разгарѣ борьба между римскими папами и ихъ римско-католическою церковію съ одной стороны, и съ реформаторами или протестантами съ другой, на помощь папамъ и римской церкви въ этой борьбѣ выступилъ новый римско-католическій монашескій *орденъ іезуитовъ*. Орденами въ Западномъ латинскомъ монашествѣ назывались такія монашескія сообщества, которыя, кромѣ общихъ монашескихъ обѣтовъ, одинаково свойственныхъ и восточному и западному монашеству, поставляли для себя еще особенные обѣты и правила. Назывались они обыкновенно по именамъ основателей ордена, каковы, напримѣръ: францискане отъ Франциска, доминикане отъ Доминика и тому подобное. Орденъ іезуитовъ основанъ (въ 1540 г.) испанцемъ *Игнатіемъ Лойолою*. Но онъ и его послѣдователи усвоили себѣ названіе *іезуитовъ* въ той горделивой мысли, будто они какіе-то особенные общники или товарищи Христа Іисуса (по латыни Іезуса). Главнымъ обѣтомъ ихъ было бо-

роться за папу и римскую церковь по всему свѣту, распространять и растить по всему свѣту ихъ власть, а съ тѣмъ вмѣстѣ и могущество своего ордена. Они любили говорить, что подвизаются *для большей славы Божіей*. Но слава Божія сливалась для нихъ съ славою и величіемъ папства и ихъ ордена. Между тѣмъ, прикрываясь своею поговоркою „для большей славы Божіей“, іезуиты приняли въ свою орденскую вѣру ту страшную мысль, что можно не разбирать средствъ въ достиженіи той цѣли, какою задались они, что тутъ позволительны и добрыя и худыя средства. Рядомъ съ такими, по виду добрыми средствами, какъ наука, проповѣдь, благотворительность и тому подобное, допускались у нихъ всякіе хитрые происки, продѣлки, обольщенія, насилія. Они говорили „цѣль освящаетъ, оправдываетъ средства“. Скоро римскіе папы и многіе латинскіе епископы примѣтили, что въ іезуитахъ римская церковь пріобрѣтаетъ сильное и искусное воинство для борьбы съ отпадшими отъ нея протестантами и для новыхъ завоеваній въ средѣ православныхъ, другихъ христіанскихъ и нехристіанскихъ народовъ въ мірѣ.

Къ помощи іезуитовъ прибѣгли папа и латинскіе епископы въ своей борьбѣ и съ польско-литовскимъ разновѣріемъ и сектантствомъ. Устрашаемый слухами объ этомъ сектантствѣ, папа прислалъ въ Польшу чрезвычайнаго посла (нунція), одного изъ своихъ кардиналовъ, то есть старшихъ епископовъ, числившихся при папскомъ дворѣ. Этотъ посолъ сперва напугалъ короля Сигизмунда-Августа за его потворство разновѣрцамъ. „Отъ нихъ, говорилъ онъ королю, пойдутъ мятежи и войны, а отсюда великія бѣды государству“. Король испугался, сталъ чуждаться разновѣрцевъ-протестантовъ и обѣщалъ стоять за возстановленіе въ его государствахъ господства единой римской церкви. Это было въ 1564 году. А въ

1569 году, въ послѣдній день люблинскаго съѣзда, король въ своей рѣчи па закрытіи съѣзда сказалъ: „теперь, когда па съѣздѣ утверждена политическая унія, то есть государственное единство нашихъ странъ, хочу я подумать о возстановленіи и единства вѣры, единства религіознаго, то есть господства единой римской церкви". Въ этп же годы состоялся вызовъ и іезуитовъ въ Польшу и Литву. Въ Польшѣ, по совѣту съ тѣмъ же папскимъ посломъ, вызвалъ іезуитовъ въ свою епархію одинъ изъ польскихъ бискуповъ (Осія епископъ Варминскій), отличавшійся наибольшею ревностію въ борьбѣ съ разновѣріемъ и въ защитѣ папы и римской церкви. Примѣру его стали слѣдовать и другіе польскіе бискупы. А въ 1569 г., ровно черезъ мѣсяцъ послѣ люблинскаго съѣзда, по совѣту того же польскаго бискупа, вызвалъ іезуитовъ въ Литву, въ Вильну виленскій латинскій епископъ (Валерьянъ Протасовичъ). Тотъ же польскій бискупъ и прислалъ ему первыхъ пятерыхъ іезуитовъ. На встрѣчу имъ виленскій бискупъ послалъ свою крытую телѣгу и отрядъ вооружепныхъ слугъ, боясь, чтобы виленскіе сектанты не учинили нападенія па непріятныхъ имъ пришельцевъ. Такъ іезуиты и въѣхали въ Вильну и смиренно явились къ бискупу. Съ радостію принявъ ихъ, бискупъ далъ имъ на житье свой большой домъ, а потомъ и другіе два дома съ разными доходами къ нимъ. Затѣмъ, по ихъ просьбѣ, отнялъ у своихъ мѣстныхъ ксендзовъ и отдалъ іезуитамъ костелъ святаго Яна, одинъ изъ важнѣйшихъ костеловъ въ Вильнѣ *). Вскорѣ къ первымъ іезуитамъ, бывшимъ большею частію изъ иностранцевъ, присоединились и другіе, уже изъ поляковъ, — ксендзовъ, приставшихъ къ ордену іезуитовъ въ Польшѣ.

*) Всѣ эти дары утвердилъ за іезуитами и король Сигизмундъ-Августъ.

Такъ устроившись, іезуиты начали свои подвиги. Надобно правду сказать, что и между виленскими іезуитами были люди весьма ученые, рѣчистые, искусные, и всѣ были горячіе ревнители своего дѣла. Завели они торжественныя службы костельныя, привлекавшія народъ. Въ проповѣдяхъ на этихъ службахъ сейчасъ принялись они громить сектантовъ, какъ заблудшихъ и отступниковъ, и защищать римское вѣроученіе и папство. Смѣло выступали они и на устныя пренія (диспуты) съ сектантами. Замѣтили сектанты, что не легко препираться съ іезуитами и стали уклоняться отъ преній. Тогда іезуиты устраивали подобіе этихъ преній. Дѣлалось это такъ; одинъ іезуитъ представлялъ собою лютеранина, другой кальвиниста, третій социніанина или аріанина, а четвертый—римско-католика или паписта. Пренія велись предъ толпой любопытныхъ, и выходило такъ, что іезуитъ римско-католикъ-папистъ побѣждалъ и лютеранина и кальвиниста и социніанина. Оно и не трудно было побѣждать. Ибо въ сектантствѣ было много заблужденій и неправды. А въ ученіи римской церкви было и есть больше истины, оставшейся въ немъ отъ ученія древней, вселенской православной церкви и послѣ отпаденія ея отъ послѣдней. Жаль только, что не вся эта истина сохранилась въ римской церкви, что защищая ту часть истины, которую она унаслѣдовала отъ древней вселенской и православной церкви, іезуиты еще съ большимъ усердіемъ ратовали за новоизмышленныя ученія римской церкви, каково напримѣръ ученіе о главенствѣ папы. Но какъ скоро іезуиты на подобныхъ лицедѣйныхъ преніяхъ казались толпѣ побѣдителями въ одномъ, въ чемъ были они правы, то толпа думала, что они правы и во всемъ остальномъ. Такъ стали они слыть побѣдителями и посрамителями сектантовъ. Еще болѣе сильное оружіе на-

или іезуиты въ своихъ школахъ, которыя назывались *коллегіями*, то есть сотовариществами. Были уже такія коллегіи въ Польшѣ. Основали іезуиты свою коллегію и въ Вильнѣ. Будучи сами хорошо обезпечены, они принимали въ нее даромъ. Впрочемъ они старались заманивать въ нее дѣтей особенно изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, которыя и безъ просьбы хорошо вознаграждали за ученіе своихъ дѣтей. Притомъ они и задались мыслію овладѣть чрезъ свое ученіе дѣтьми, а чрезъ нихъ и родителями знатныхъ и богатыхъ пановъ, чтобы чрезъ все это увеличить свою силу въ обществѣ. Они умѣли льстить своимъ питомцамъ изъ знати, давали имъ первыя мѣста въ школѣ, дѣлали потачки въ шалостяхъ, чтобы тѣ больше любили ихъ. Учили же они разнымъ наукамъ, особенно латыни, которая считалась тогда великою мудростію, учили красно говорить, тонко и хитро разсуждать и спорить. А все это годилось тогда для блеска въ свѣтѣ, для успѣха на службѣ, въ собраніяхъ пановъ на сеймахъ, судахъ и тому подобное. Само собою разумѣется, что въ своихъ питомцахъ іезуиты старались и умѣли воспитать непріязнь къ иновѣрцамъ и ревность къ римской церкви и папству. Такъ пріобрѣтали они въ своихъ питомцахъ будущихъ союзниковъ себѣ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе способныхъ, заманивали прямо въ свой орденъ, такъ-что къ старымъ іезуитамъ прибавилось немало молодыхъ. Умѣли также іезуиты дѣйствовать чрезъ исповѣдь, какъ искусные духовники. Умѣли проникать въ семьи и какъ духовники и какъ вообще учители и совѣтники, и пользовались этимъ для возбужденія непріязни къ разновѣрцамъ и ревности по вѣрѣ своей римской церкви. Такъ укрѣпившись въ римско-католическомъ обществѣ, іезуиты могли уже смѣлѣе, рѣшительнѣе направить свои силы и на польско-литовскихъ

разновѣрцевъ, сектантовъ. И тутъ начали они прежде всего съ знатныхъ фамилій, чтобы отнять у сектантовъ сильныхъ покровителей. Одною изъ первыхъ блестящихъ удачъ ихъ было пріобрѣтеніе старшей линіи изъ фамиліи Радзивилловъ. Послѣ старшаго изъ Радзивилловъ Николая Чернаго, бывшаго главнаго патрона кальвинистовъ, остались четыре молодыхъ сына, которымъ отецъ передъ смертію завѣщалъ твердо держаться кальвинистовъ. Теперь, по внушенію іезуитовъ, они одинъ за другимъ отреклись отъ кальвинизма, стали ревнителями римской церкви и папства, а одинъ изъ нихъ (Юрій) сталъ современемъ латинскимъ бискупомъ и кардиналомъ и жестоко преслѣдовалъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Подобную удачу имѣли іезуиты и съ нѣсколькими другими изъ знатныхъ сектантовъ. Примѣръ и успѣхи іезуитовъ оживили ревность къ борьбѣ съ сектантами и въ прочихъ польско-литовскихъ, латинскихъ ксендзахъ, монахахъ съ бискупами во главѣ. А ко всѣмъ имъ стали болѣе и болѣе примыкать папы и шляхта. Одновременно съ этимъ болѣе и болѣе рѣдѣли ряды польско-литовскихъ разновѣрцевъ. Правда, ихъ оставалось еще много, и борьба съ ними іезуитовъ и ихъ пособниковъ затянулась на многія десятилѣтія. Но надѣясь современемъ осилить и остальныхъ польско-литовскихъ разновѣрцевъ, іезуиты и союзные съ ними польско-литовскіе ксендзы, монахи и бискупы, направили свои сплоченныя силы и на православныхъ Западной Россіи, чтобы и ихъ привесть подъ власть римской церкви, а чрезъ это сильнѣе прикрѣпить къ Польшѣ.

Сильною помощію имъ въ этомъ замыслѣ была уже сама люблинская государственная унія, открывшая пути къ усиленію власти Польши и поляковъ въ Литвѣ и Западной Россіи. А вскорѣ затѣмъ на подмогу замы-

самъ ихъ явилось новое обстоятельство. Когда послѣдній изъ Ягеллоновъ Сигизмундъ Августъ скончался (1572 г.) бездѣтнымъ, то послѣ полугодичнаго безкоролевья, настало въ Польшѣ избирательное правленіе. Оно состояло въ томъ, что въ Польшѣ уже не было одного королевскаго рода, какъ прежде родъ Ягеллоновъ, не было королей по праву законнаго наслѣдства, а были короли избираемые на сеймахъ, которые могли брать такихъ королей изъ разныхъ родовъ чужихъ и своихъ польскихъ. Понятно, что когда, послѣ люблинской уніи, Польша считала себя главною властительницею въ соединенныхъ съ нею земляхъ, то и самое избраніе королей происходило уже въ Польшѣ и зависѣло главнымъ образомъ отъ польскихъ пановъ, бискуповъ съ польскою шляхтою и польскими сеймами. Понятно, что и самою властію такихъ избираемыхъ королей польскіе паны и бискупы могли заправлять, какъ хотѣли, и потому могли пользоваться ею для выполненія іезуитскихъ и своихъ собственныхъ замысловъ противъ православной вѣры и русской народности въ Западной Россіи. Правда, на сеймахъ, бывшихъ во время безкоролевья, въ виду еще сильнаго числа разновѣрцевъ, ради мира и спокойствія постановлено было для выборныхъ королей. въ числѣ другихъ обязательствъ, и то обязательство, что они будутъ уважать свободу вѣроисповѣданія и права всѣхъ жителей своего государства. Это могло бы быть полезно и православнымъ. Но дѣло въ томъ, что латино-польскіе бискупы и союзные съ ними паны умѣли не дозволять королямъ исполнять такое обязательство, или же избрать такихъ королей, которые и сами въ угоду имъ не захотятъ исполнять его. Такъ и сталось.

Перваго избраннаго короля польскіе бискупы и паны въ сговорѣ съ папскимъ посломъ добыли себѣ

изъ Франціи въ лицѣ брата тогдашняго короля французскаго. Устроили они это дѣло, какъ сами говорили, во славу *римско-католической церкви*. Ибо тогда во Франціи, въ Парижѣ, при дворѣ короля верховодили іезуиты и паписты, и еще недавно съ его вѣдома устроили страшную рѣзню протестантовъ будто бы для защиты и во славу римской церкви *). Надѣялись поэтому, что и братъ французскаго короля покажетъ себя въ Польшѣ рьянымъ ревнителемъ римско-католической церкви и врагомъ несогласныхъ съ нею. Новый король и прибылъ въ Польшу, въ ея столицу Краковъ. Оказался онъ вѣтрепикомъ. Да и побылъ недолго—не болѣе полгода. Узнавъ о смерти своего брата короля въ Парижѣ, онъ ночью тайкомъ бѣжалъ туда изъ Кракова на посмѣхъ польскимъ панамъ и бискупамъ (1574 г.). Пришлось теперь искать другого короля. Нашелся охотникъ и былъ избранъ въ короли князь небольшой страны Седмиградіи или Трансильваніи (принадлежащей теперь Австріи). То былъ *Стефанъ Баторій* (1575—1587 г.). Былъ онъ способный король. Поляки рады были ему. Не могли радоваться ему русскіе православные. Ибо онъ благоволилъ гораздо болѣе полякамъ, чѣмъ русскимъ и готовъ былъ потакать замысламъ папы и латино-польскихъ бискуповъ, ксендзовъ и пановъ противъ церкви Православной. Былъ онъ усердымъ покровителемъ и польскихъ и литовскихъ іезуитовъ. При немъ они стали такъ сильны, что самъ онъ не то въ шутку, не то въ правду, говаривалъ: „если-бы я не былъ коро-

*) Была въ Парижѣ придворная свадьба, на которую съѣхалось много протестантовъ. И вотъ, во время свадебныхъ празднествъ, въ ночь предъ днемъ святаго Варѳоломея (25 авг. 1572 г.), паписты внезапно кинулись на ничего неподозрѣвавшихъ протестантовъ и перебили множество ихъ. Когда слухъ о кровавомъ подвигѣ изувѣровъ дошелъ въ Римъ, то во славу его устроили иллюминацію.

лемъ, то былъ-бы іезуитомъ". Много обогатилъ и возвысилъ онъ Виленскихъ іезуитовъ и ихъ коллегіи. А въ Полоцкѣ, тогда чисто русскомъ городѣ, насильно отнялъ у православныхъ и отдалъ іезуитамъ большую часть церквей и монастырей съ ихъ имѣніями. Это была вопіющая несправедливость, но іезуиты воспользовались ею ради пользы и славы римско-католической церкви, держась своего правила: цѣль оправдываетъ средства.

Послѣ Стефана Баторія († 1587 г.) сталъ королемъ Сигизмундъ III (1587—1632), избранный изъ шведскихъ королевичей. То былъ уже прямо питомецъ іезуитовъ; они же орудовали имъ, какъ польскимъ королемъ, имѣя опору въ его духовникѣ іезуитѣ. Съ нимъ совѣтовался король во всемъ, и безъ его совѣта не предпринималъ ничего, даже въ дѣлахъ общественныхъ. Ревнуя о господствѣ и славѣ римско-католической церкви въ земляхъ своего государства, Сигизмундъ III готовъ былъ всячески стѣснять свободу и права христіанъ другихъ исповѣданій, особенно православныхъ, и готовъ былъ вообще на всякія средства къ тому, чтобы привлечь ихъ подъ власть папы и римской церкви. При этомъ то королѣ созрѣлъ у іезуитовъ замыселъ о *церковной уніи*, о чемъ они стали высказываться еще при Стефанѣ Баторіи.

Мысль объ этой уніи была старою мыслію римскихъ папъ. Образецъ ея имѣлся у нихъ въ извѣстной уже намъ Флорентійской уніи, бывшей за полтораста лѣтъ предъ симъ. Не удалась имъ тогда эта унія ни на Востокѣ, ни въ Россіи. Но они не забывали о ней. Теперь она казалась имъ особенно желанною и возможною. Реформація отняла у папъ и у римской церкви цѣлые народы и страны въ Западной Европѣ. Не смотря на всѣ усилія папъ и іезуитовъ не чуялась надежда

на скорое возвращеніе этихъ потерь. И вотъ возникло усиленное желаніе пополнить эти потери новыми завоеваніями въ средѣ православнаго міра. Чаще прежняго стали появляться отъ папы или союзныхъ съ нимъ государей послы и миссіонеры въ Россіи Восточной и Западной. Въ Восточной или Московской Руси пытались они дѣйствовать на самихъ царей, склоняя ихъ на унію, то есть на признаніе главенства папы и римской церкви. Чрезъ царей надѣялись они привлечь въ унію и весь народъ. Нѣкоторые изъ такихъ пословъ, возвратясь изъ Московской Россіи, говаривали между своими: „если бы папамъ удалось привлечь подъ свою власть такую великую страну и такой многочисленный и набожный народъ, то они могли бы не жалѣть о своихъ потеряхъ среди народовъ Западной Европы“. Но надежды на подчиненіе папѣ Восточной Руси оказались напрасными. Въ этомъ имѣлъ случай убѣдиться даже самый искусный іезуитъ Антоній Поссевинъ, бывшій папскимъ посломъ у царя Ивана Васильевича Грознаго. Задумалъ онъ повести съ царемъ рѣчь о вѣрѣ. Сначала царь совсѣмъ не хотѣлъ и говорить съ нимъ о вѣрѣ. Но іезуитъ усиленно напрашивался, и царь позволилъ ему повести рѣчь о вѣрѣ. Сейчасъ услышалъ царь отъ него старыя и подповленныя рѣчи о Флорентійской уніи, которую будто бы приняли и греки, о главенствѣ папы, какъ намѣстника Христова по преемству отъ святаго апостола Петра, бывшаго будто бы единымъ верховнымъ намѣстникомъ Христа въ церкви Божіей. Царь сперва терпѣлъ, потомъ заговорилъ сильно противъ рѣчей іезуита. Про Флорентійскую унію сказалъ: „знаемъ мы про ту унію и про тотъ соборъ неправый, который отвергли и греки и наши предки. А хотя бы и были нѣкоторые греки когда нибудь принявшіе ту унію, то мы вѣримъ Христу и Евангелію, а не тѣмъ грекамъ. Зна-

емъ мы и то, что были въ Римѣ и папы—епископы правовѣрующіе, благочестивые и даже святые; тѣхъ и мы почитаемъ. Но потомъ папы съ своею римскою церковью отпали отъ единой православной Вселенской церкви, стали выситься и самовластвовать, ввели разныя свои новыя ученія, противныя вѣрѣ православной. Этихъ папъ мы не признаемъ истинными намѣстниками святаго апостола Петра, власти ихъ не подчинимся". Іезуитъ позволилъ себѣ криво толковать нѣкоторые изъ благочестивыхъ обычаевъ, замѣченные имъ въ Москвѣ. Царь сказалъ ему: „называешься ты ученымъ. а теперь вижу, что ты невѣжа. Если бы ты читалъ наши церковныя книги, то нашелъ бы тамъ истинное толкованіе этихъ обычаевъ". Послѣ всего царь сказалъ іезуиту: „Антоній! побывай ты завтра въ нашей соборной церкви Успенія Божіей Матери. Тамъ увидишь ты, какъ мы молимся по православному. Тамъ будешь имѣть утѣшеніе видѣть чудотворную икону Божіей Матери". Іезуитъ обѣщалъ побывать, но не былъ. Такъ ни съ чѣмъ онъ и уѣхалъ изъ Москвы. На пути изъ нея въ Римъ, онъ остановился въ Вильнѣ и тутъ держалъ совѣтъ съ другими іезуитами о томъ, чтобы унію ввести пока только въ Западной Россіи. Онъ говорилъ: „нечего теперь думать объ уніи въ Восточной или Московской Россіи. Тамъ царь и народъ одной вѣры. Надежнѣе эта унія въ Западной Россіи. Она подвластна польскому королю, который принадлежитъ къ римско-католической церкви, и потому его властью и можно воспользоваться для этой цѣли; нужно еще дѣйствовать на русскихъ князей и господъ, чтобы ихъ склонить къ уніи. А для этого нужно усиленно издавать и пускать въ оборотъ книжки съ наставленіями о римской церкви, какъ единой истинной и объ уніи съ нею." Такія книжки польско-литовскіе

іезуиты начали издавать еще и прежде. Одинъ изъ славнѣйшихъ въ Польшѣ и Литвѣ іезуитовъ Петръ Скарга, издалъ (въ 1577 г.) такую книжку подъ заглавіемъ „*о единствѣ церкви Божіей*“, доказывая, будто единая истинная церковь есть только римско-католическая, что соединиться съ нею, то есть принять унію, должны и русскіе православные. Эту книжку онъ посвятилъ славнѣйшему изъ православныхъ князей Константину Константиновичу Острожскому, надѣясь совратить его въ унію, а именемъ его подѣйствовать и на другихъ; но это ему не удалось! Теперь по общему совѣту и дружной работой іезуитовъ пущены въ оборотъ уже многія книжки съ рѣчами объ уніи, о которой усиленнѣе стали голосить они и въ своихъ проповѣдяхъ. Будущую унію они описывали такъ, что это будетъ только братское единеніе съ римскою церковью подъ главенствомъ или властію папы, что затѣмъ и при уніи въ западно-русской церкви останется все по прежнему: останутся свои русскіе епископы, священники, церкви, монастыри, обряды, таинства и все богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ. А про себя говорили: „унія эта будетъ только *мостомъ къ латинству*, средствомъ къ переводу, то есть къ превращенію русскихъ православныхъ въ латинянъ такихъ же, какъ и поляки“. Это-то и было особенно угодно папѣ, біскупамъ, ксендзамъ и панамъ. Поэтому они вмѣстѣ съ королями и оказывали всякую поддержку іезуитамъ въ ихъ замыслѣ объ уніи. Впрочемъ іезуиты не опускали случая теперь же, не дожидаясь уніи, совращать отдѣльныхъ лицъ изъ русскихъ пановъ прямо въ латинство, и это еще болѣе нравилось полякамъ, потому что такіе совращенные уже становились поляками.

3. Опасности для православной вѣры отъ умноженія безпорядковъ въ церковномъ управленіи.

Велики были тѣ опасности, которыя грозили вѣрѣ и народности западно-руссовъ отъ чужихъ, то есть отъ польско-литовскихъ разновѣрцевъ и отъ іезуитовъ, поддерживаемыхъ польскими бискупами и королями. Но къ опасностямъ отъ чужихъ присоединились бѣды *отъ сродниковъ*, отъ своихъ русскихъ той же Западной Руси. При послѣднихъ Ягеллонахъ и первыхъ корояхъ избирательнаго правленія множились въ ней нарушители церковнаго порядка и нерадивцы о благочестіи. Отъ этого множился и безпорядокъ въ церкви, это же грозило умалить духовныя силы ея, такъ нужныя ей для борьбы съ соблазнами и напастями отвнѣ. Святое дѣло правда. И вотъ, по этой правдѣ, надо сказать, что были нарушители церковнаго порядка и нерадивцы о церкви и между тѣми русскими панами, которые считались ктиторами и патронами церквей и монастырей. Бывало напримѣръ, такъ: начальный ктиторъ построитъ или обновитъ церковь, монастырь, заботится о благосостояніи ихъ и о добромъ порядкѣ въ нихъ, старается, чтобы при церквахъ были добрые священники, въ монастыряхъ добрые настоятели. А затѣмъ дѣти, потомки или родичи его начинаютъ нерадѣть о своихъ обязанностяхъ, а больше думаютъ о своихъ правахъ, даже злоупотребляютъ ими. Они расхищаютъ церковное имущество, захватываютъ церковныя или монастырскія земли, отдаютъ ихъ въ аренду, закладываютъ, и тому подобное. Они отдаютъ настоятельскія мѣста въ церквахъ и монастыряхъ людямъ не по вниманію къ ихъ достоинству, а за плату и какъ бы въ аренду. Бывало еще и такъ, что паны выпрашивали или покупали себѣ у короля право ктиторства и

патронатства на тотъ или другой монастырь. Хотя и между такими бывали лучшіе люди, исполнявшіе свои обязанности ктиторства, но бывали и худшіе, которые только для того и пріобрѣтали право ктиторства надъ церквами и монастырями, чтобы пользоваться доходами съ принадлежавшихъ имъ земель и угодій. Подобныя злоупотребленія начались давно: съ жалостію указывалъ на нихъ, какъ мы говорили, еще митрополитъ Іосифъ Солтанъ на Виленскомъ Соборѣ 1509 г. Но къ концу правленія Ягеллоновъ, особенно при послѣднемъ изъ нихъ Сигизмундѣ Августѣ и его преемникахъ, такія злоупотребленія видимо умножились. И это потому еще, что Сигизмундъ Августъ, хотя и король, нуждался въ деньгахъ, никогда не выходилъ изъ долговъ. и потому радъ былъ продавать ктиторскія и патронатскія права на церкви и монастыри, то есть на ихъ имѣнія. Это нѣсколько извиняетъ русскихъ пановъ, но отнюдь не оправдываетъ. Но было еще нѣчто худшее. Бывало такъ, что бывшія русскія имѣнія, въ которыхъ находились православныя церкви или монастыри, попадали въ руки польско-литовскихъ разновѣрцевъ или римско-католиковъ, чрезъ покупку или чрезъ бракъ съ русскими. Понятно, что такіе владѣльцы уже совсѣмъ не радѣли о православныхъ церквахъ и монастыряхъ, а то и обращали ихъ въ свои костелы и кирки.

Та же святая правда обязываетъ сказать, что были нарушители церковнаго порядка, безчинники и нерадивцы о церкви и благочестіи даже среди епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ и вообще духовныхъ лицъ. Тутъ надо прежде всего помнить, что въ появленіи такихъ лицъ на служеніи церкви не сама она была виновата. Уставы церкви святы; образъ истиннаго порядка и благочестія есть въ ней всегда, охраняемый духомъ вѣры, при помощи благодати Божіей.

Виноваты люди и та мірская среда, изъ которой выходили они на служеніе церкви. Въ епископы и настоятели монастырей поступали большею частью міряне изъ дворянъ, чиновниковъ и другихъ лицъ, и притомъ такихъ, которыя часто почти совсѣмъ не были приготовлены къ церковному служенію, мало и думали о немъ. Епископства и настоятельства привлекали ихъ только большими имѣніями, которыя въ теченіи многаго времени накопились при каѳедрахъ и монастыряхъ отъ пожертвованій людей благочестивыхъ. Понятно, что такіе люди достигали епископствъ и настоятельствъ не по церковному порядку, не по церковномъ испытаніи и не по церковному избранію, а путемъ искательствъ, платежей, подкуповъ. Но такой вредный обычай еще болѣе усилился чрезъ вмѣшательство польскихъ королей и придворныхъ. Короли усвоили себѣ неограниченное право раздавать епископства и настоятельства; въ этомъ смыслѣ они называли себя „верховными подателями столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ“. Короли стали раздавать епископіи и монастыри своимъ служилымъ дворянамъ и чиновникамъ вмѣсто награды за бывшую военную или гражданскую службу ихъ, или же за службу ихъ дѣтей и родичей. Между получившими такимъ путемъ епископства и настоятельства могли еще попадаться и люди недурные, даже достойные, но чаще попадались просто искатели покойной и безпечной жизни въ богатыхъ имѣніяхъ церковныхъ. Но было гораздо хуже. Завелся при королевскомъ дворѣ настоящій торгъ епископіями и настоятельствами. При предпослѣднемъ Ягеллонѣ Сигизмундѣ I широко торговала ими его жена, королева Бона, жадная на деньги. Торговалъ потомъ и сынъ ихъ Сигизмундъ II Августъ, который изъ-за своей расточительности, какъ было уже сказано, всегда былъ въ долгахъ и потому нуждался

въ деньгахъ. Держался этотъ торгъ и потомъ. И вотъ бывало такъ, что свѣтскія лица, желавшія захватить имѣнія епископій, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги и получали право вступить въ управленіе епархіею еще при жизни стараго епископа. До посвященія они назывались *наречеными* епископами. Точно также и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству придворныхъ, сенаторовъ, за деньги же, отдавались мірянамъ шляхетскаго сословія, будущимъ яко-бы игуменамъ, архимандритамъ. Такія же раздачи епископій и монастырей дѣлались и по смерти епископовъ и настоятелей. Бывало и такъ, что получившіе, то есть купившіе право на епископію или монастырь, перепродавали его другимъ; бывало и такъ, что короли продавали право на одну епископію или одинъ монастырь двумъ лицамъ въ одно и то же время. Тогда эти лица вели тяжбы, а то и драки и настоящіе военные бои между собою за епископію или монастырь. Понятно затѣмъ, каковы были всѣ подобные епископы и настоятели монастырей по своимъ нравамъ и дѣламъ. Они прежде всего старались нажиться съ епископій и монастырей, обогатить свою родню и пріятелей, раздавая имъ церковныя земли и доходы; о церковныхъ дѣлахъ, о добромъ воспитаніи и поведеніи духовенства, о школахъ, о добромъ назиданіи народа они не думали, да и неспособны были думать. Иные изъ нихъ жили просто какъ буйные и распущенные паны, какими они были прежде до епископства и настоятельства. Понятно, каково было духовенство и монашество при такихъ епископахъ и настоятеляхъ. Лучшіе изъ духовенства и монашества страдали и болѣли душами: другіе, глядя на своихъ начальниковъ, старшихъ, и сами распускались. Надобно прибавить, что все это въ свое время было и въ римско-католической церкви и

въ римско-католическомъ или латинскомъ духовенствѣ, какъ и въ другихъ странахъ, такъ и въ Польшѣ и Литвѣ. Но теперь, въ виду опасностей отъ разновѣрцевъ и укоровъ благомыслящихъ людей изъ своихъ же духовныхъ и мірянъ, римско-католическое духовенство въ Польшѣ и Литвѣ старалось исправиться, возстановить церковный порядокъ. Думали и у насъ о томъ лучшіе люди, ревнители вѣры и церкви. Но рядомъ съ этимъ, сторона замышлявшая овладѣть Западно-русскою церковью, подчинить ее римской церкви, выдвигала разныя стѣсненія и обиды православнымъ, въ числѣ ихъ епископамъ, съ тѣмъ расчетомъ, что они вмѣсто того чтобы опомниться, исправиться, трудиться надъ возстановленіемъ церковнаго порядка, предпочтутъ поддаться римской церкви ради новыхъ какихъ-либо выгодъ. Этотъ расчетъ отчасти оправдался, но далеко не такъ, какъ надѣялись искусители. Рядъ опасностей, угрожавшихъ вѣрѣ, церкви и народности русской, вызывалъ лучшихъ русскихъ людей православныхъ на новыя усилія и мѣропріятія къ охраненію и защитѣ своей вѣры и церкви, а чрезъ нихъ и народности.

ГЛАВА VI.

Новыя мѣропріятія со стороны православныхъ Западной Россіи къ охраненію и защитѣ своей вѣры и церкви.

---

1. Труды для предостереженія отъ соблазновъ сектантскихъ и іезуитскихъ и для обличенія неправославныхъ ученій.

Между первыми ревнителями православія, принявшими на себя подвигъ предостерегать православныхъ собратій отъ сектантскихъ соблазновъ и іезуитскихъ обольщеній, были московскіе пришельцы въ Западную Русь.

Труды старца Артемія.

Таковъ прежде всего старецъ инокъ *Артемій*. Жилъ онъ теперь въ городѣ Слуцкѣ въ Троицкомъ монастырѣ, ктиторами и патронами котораго были сильные князья Олельковичи, потомки бывшихъ кіевскихъ князей Олельковичей, благотворителей и Кіево-Печерской лавры. Былъ онъ старецъ книжный и благочестивый, пользо-

вался великимъ уваженіемъ у тогдашняго Слуцкаго князя Юрія Олельковича и у многихъ знавшихъ его. Возскорбѣлъ благочестивый старецъ о соблазнахъ польско-литовскаго сектантства, заражавшихъ и его собратій по вѣрѣ и племени, православныхъ Западной Руси. Сильное посланіе написалъ онъ самымъ сѣятелямъ соблазна, учителямъ сектантовъ и тѣмъ, которые слушали ихъ. Слезною молитвою начинаетъ свое посланіе: „Укрѣпи мя, Боже, въ томъ, что даровалъ Ты намъ вѣрующимъ по неизреченной глубинѣ судебъ твоихъ! Подателю истинной премудрости христіанамъ! вразуми меня, даруй устамъ моимъ словеса истинныя, ради братій моихъ и ближнихъ моихъ! Услыши молитву мою, слезъ моихъ не премолчи!“ Обращаясь къ разновѣрческимъ учителямъ, воображавшимъ себя умными, онъ говоритъ: „хотя я по вашимъ словамъ грубъ, но думаю, что могу предложить вамъ нѣчто въ ученіе, ибо не на себя полагаюсь, а на Бога, въ Немъ полагаю довольство мое въ ученіи, собираю ученіе изъ апостоловъ, пророковъ и богоносныхъ отцевъ. А вы, други мои, неправо разумѣете Священное писаніе, божественное ученіе извращаете своими помыслами, не пріемлете толкованій богоносныхъ отцевъ“. Обращаясь далѣе и ко всѣмъ добрымъ христіанамъ, онъ взываетъ: „Увы мнѣ, окаянному! Кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источникъ слезъ! Или кто поставилъ бы меня въ мѣстѣ безмолвномъ, гдѣ нѣтъ мятежей, ни кликовъ, ни голосовъ людскихъ, а гдѣ только тишина! И плакалъ бы я къ Богу моему въ горести души моей и рекъ бы Ему со слезами: Ты, Господи, по великому милосердію Твоему, смирилъ и уничижилъ Себя до образа раба. Ты, будучи сіяніемъ славы Отчей, благоволилъ низойти на землю, чтобы Собою совершить очищеніе грѣховъ нашихъ. Ты не только словомъ, но и дѣломъ показалъ намъ

образъ любви и смиренія. А мы, неблагодарные, нечувствующіе Твоихъ благодѣяній, уклоняемся въ превратныя ученія. Дай мнѣ, Христе, слезы умиленія, чтобы мнѣ вдоволь оплакать отпаденіе любимыхъ моихъ". Послѣ такихъ молитвенныхъ и скорбныхъ воззваній, благочестивый старецъ переходитъ къ обличенію одного за другимъ лжеученій и заблужденій разновѣрцевъ сектантовъ, указывая имъ прежде всего на самое разногласіе ихъ толковъ, какъ знакъ ихъ неправды, „ибо истина вѣры Христовой—одна хранится Святою церковью по писаніямъ и преданіямъ отъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ и учителей церкви". Было бы долго излагать здѣсь мудрыя и сильныя обличенія и вразумленія старца. Прибавимъ только, что онъ же писалъ посланія къ отдѣльнымъ лицамъ изъ князей и пановъ, обращавшимся къ нему съ вопросами и недоразумѣніями по поводу сектантскихъ ученій. И вразумлялись они и многіе другіе наставленіями мудраго старца. И памятенъ былъ этотъ подвигъ старца Артемія въ Западной Руси. Близкій къ его времени свидѣтель писалъ о немъ: „преподобный инокъ, споспѣшествующу ему Господу, въ Литвѣ отъ ереси аріанской и лютеранской многихъ отвратилъ, а чрезъ него Богъ содѣлалъ то, что и весь народъ русскій въ Литвѣ не испортился отъ этихъ ересей".

Труды князя Курбскаго.

Другомъ старца Артемія и Слуцкаго князя былъ другой москвичъ, князь Андрей Курбскій, поселившійся на Волыни. Артемій ратовалъ главнымъ образомъ противъ сектантскаго разновѣрія. А Курбскій ревновалъ оградить православныхъ какъ отъ сектантскихъ

соблазновъ, такъ и отъ іезуитскихъ обольщеній. Онъ писывалъ дружескія, увѣщательныя письма къ разнымъ волынскимъ русскимъ панамъ, которые знавались съ сектантами, или даже увлекались ихъ ученіями, и своимъ знакомымъ въ Волыни, гдѣ сильны были замыслы обольщенія со стороны іезуитовъ. Онъ имѣлъ радость видѣть, что увлекавшіеся сектантскимъ ученіемъ вразумлялись и возвращались къ православію. Одному изъ такихъ (пану Ѳеодору Бокѣю), писавшему ему о своемъ раскаяніи и возвращеніи къ православнымъ, Курбскій отвѣчалъ такъ: „пишешь мнѣ, возлюбленный братъ, съ доброю и благопріятною вѣстію: оставилъ ты горшее, возлюбилъ наилучшее. Оставилъ ты новые вымыслы еретическихъ бредней, оставилъ нынѣшнюю, никѣмъ не освидѣтельствованную, многословную ересь и опять возлюбилъ священные догматы (истины православнаго ученія), преданные отъ святыхъ апостоловъ и отъ семи великихъ вселенскихъ соборовъ Святой церкви. Этимъ порадовалъ ты не только своего родителя, мужа доблестнаго и знатнаго, но и всѣхъ насъ, которые дышемъ прововѣріемъ къ Богу. Ты порадовалъ и небесныхъ ангеловъ; ибо Самъ Сынъ Божій сказалъ: *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. 15, 17). Но и теперь надлежитъ тебѣ старательно остерегаться отъ козней темнаго врага, который обольстилъ и нашихъ праотцевъ въ раю, а нынѣ силится уловить правовѣрныхъ чрезъ лживыя ученія. А какъ остерегаться? Надобно читать священныя книги и писанія великихъ учителей нашихъ, какъ учитъ и Господь: *испытайте Писанія, яко въ нихъ обрящете животъ вѣчный* (Іоан. 5, 39); надо молиться, да отверзетъ тебѣ Господь сердечныя очи, чтобъ уразумѣть глубину священныхъ Писаній. Надо слѣдовать за благочестивыми мужами, искуснымъ въ писаніяхъ

святыхъ и дѣлать все это со смиренномудріемъ, ибо и самъ Христосъ далъ намъ образъ смиренія. Не надобно вдаваться въ разглагольство съ людьми нечестивыми, дышущими еретичествомъ, ибо *худыя сообщества* развращаютъ добрые нравы (1 Кор. 15, 33)... Блюдись, возлюбленный братъ, отъ сектантовъ, раскольниковъ, разновѣрниковъ, хулителей истины Божіей; а люби, по Богѣ, друзей Божіихъ, какъ сказалъ и пророкъ: *зѣло честни быша мнѣ друзи Твои, Боже* (Пс. 148, 17). А кто эти други Божіи? Это святые избранные, которыхъ души на небесахъ, у престола Божія: они непрестанно молятся о насъ Христу Богу нашему, а намъ оставили на память образъ святаго житія своего, а нѣкоторые изъ нихъ сверхъ того оставили намъ и книги, ими написанныя. Въ ихъ ученіи пребывай, въ нихъ полагай основаніе твоей вѣры, соединяя ее съ добрыми дѣлами. Прошу тебя, посѣщай и меня, твоего пріятеля, въ домѣ моемъ, чтобы найти нѣкое утѣшеніе отъ чтенія священныхъ книгъ, имѣющихся у меня для твоего утвержденія въ вѣрѣ“. Друзья продолжали и потомъ переписываться для общаго назиданія себѣ и другимъ; ибо дѣлились тогда православные ревнители подобными письмами ради общаго назиданія и утвержденія въ вѣрѣ своихъ знакомыхъ и друзей. Предостерегая виленскихъ православныхъ отъ іезуитскихъ соблазновъ, князь Андрей писалъ къ почтенному и разумному мѣщанину виленскому Кузьмѣ Мамоничу: „Господину и брату моему милому, пану Кузьмѣ, обычное и доброхотное поздравленіе, съ женою, съ чадами и со всѣмъ домомъ. Слыхалъ я отъ нѣсколькихъ почтенныхъ людей, также и отъ твоей милости объ іезуитѣ, который много и ядовито говорилъ на нашу святую, непорочную вѣру, называя насъ схизматиками. Нѣтъ! сами-то они сущіе схизматики, напившіеся отъ мутныхъ источниковъ, истекающихъ отъ ихъ

новомудренныхъ папъ: ибо они явные преступники и противники седми вселенскихъ соборовъ, которыхъ держались не только восточные епископы, но и западные, и сами папы древніе и святые. Но объ этомъ, дастъ Богъ, поговоримъ шире потомъ не только съ своими, но и съ ихними. А теперь упомяну лишь о томъ, чѣмъ они устрашаютъ нашихъ, несовершенно вѣдущихъ священныя писанія. Они говорятъ: „не могутъ надѣяться на спасеніе тѣ, которые не повинуются римскому папѣ“. Но это не болѣе, какъ лживое пугалище, которое легко изобличается. Еще: они смѣшиваютъ насъ съ лютеранами, цвингліянами, кальвинами и другими разновѣрцами. Но это только ихъ хитрость: чрезъ нее они хотятъ насъ правовѣрныхъ, утвержденныхъ на апостольскихъ догматахъ и вселенскихъ соборахъ, отвесть къ своему полувѣрію, къ своему новоизмышленному богословію отъ нашего истиннаго богословія. Хорошо навыкать словесному искусству, чтобъ оборопять правду. А въ ихъ богословіи — краснoглаголаніе, смѣшанное съ хитрымъ умничаньемъ. Они хвалятъ и превозносятъ своего грознаго и вельможнаго папу, препоясаннаго оружіемъ и окружающаго себя полками вооруженныхъ воиновъ; и хулятъ нашихъ убогихъ патріарховъ, по Божію попущенію, мученически страдающихъ среди безбожныхъ турокъ, но твердо хранящихъ вѣроученіе и благочестіе... Впрочемъ прошу и вторично прошу вашу милость, совѣтуйте своимъ, чтобъ не хаживали слушать ихъ казаній (проповѣдей), не вдавался въ пренія съ ними, ибо и Апостолъ сказалъ: *худыя бесѣды развращаютъ добрые нравы.* А мы, если Богъ восхощетъ, поспѣшимъ къ вамъ съ тремя свидѣтелями, святыми Діонисіемъ Ареопагитомъ, святымъ Іоанномъ Златоустомъ, святымъ Іоанномъ Дамаскинымъ и другими древними святыми учителями, которые ясно

обличаютъ ихъ новоизмышленные догматы о происхожденіи Святаго Духа, о папѣ и прочее *).

Если заблагоразсудите, ваша милость, то прочтите это мое писанійце въ домѣ пана Зарецкаго **) и всѣмъ въ правовѣріи стоящимъ виленскимъ мѣщанамъ; а меня многогрѣшнаго въ любви и въ молитвѣ предъ Богомъ не забывайте!“ Въ другомъ письмѣ къ тому же Кузьмѣ Мамонпчу князь Андрей, упомянувъ о книжкѣ, которую іезуитъ написалъ въ похвалу новыхъ римскихъ ученій и для привлеченія православныхъ подъ власть папы, продолжаетъ: „о, Благодать Божія! какъ разъ въ это же время подана на помощь намъ книга, принесенная отъ святой Аѳонской горы, которую, получивши ее князь Константинъ Острожскій далъ на перепись и мнѣ; она уже и переписана у меня.“ Эта книга заключала въ себѣ твореніе славныхъ православныхъ учителей Григорія и Нила, митрополитовъ Солунскихъ, писанныя въ обличеніе латинянъ-папистовъ, особенно ихъ ложнаго ученія о происхожденіи Святаго Духа. Объ этой книгѣ князь Андрей справедливо говоритъ, что въ ней явно и сильно изобличены и теперешніе и прежніе вымыслы и хитрые доводы и разсужденія папъ, кардиналовъ и пресловутыхъ латинскихъ богослововъ. „И такъ, говоритъ онъ далѣе, прочтите это мое письмо всему Виленскому собранію православныхъ, да возревнуютъ они ревностію Божіею по родномъ праотеческомъ правовѣріи, да наймутъ добраго писаря, который бы переписалъ эту книгу. А когда будетъ переписана, то пусть читаютъ ее трезвенно и со вниманіемъ... Такъ, любимый мой, второй и третій разъ напоминаю вамъ по духовной

*) Разумѣются творенія этихъ святыхъ отцевъ и учителей, полученныя недавно предъ тѣмъ княземъ Курбскимъ съ Аѳона.

**) Зиновій Зарѣцкій былъ тогда Виленскимъ бурмистромъ.

любви: не ужасайтесь хитросплетеній іезуитскихъ, не отчанвайтесь, не унывайте. Изберите себѣ добраго священника, а хотя бы и міряпина, но искуснаго въ писаніи, и съ нимъ, пріявъ въ руки ту книгу, отражайте ею, какъ непреоборимымъ оружіемъ, іезуитскіе полки, призывая на помощь Святую Троицу; ибо противъ нея грѣшатъ папы и іезуиты, полагая въ Божествѣ два начала или два источника животворящаго Духа, вопреки ученію Самого Господа и святыхъ отцевъ церкви" *). Остерегалъ князь Андрей отъ іезуитскихъ соблазновъ и своихъ сосѣдей на Волыни. Жила тамъ тогда вдова княгиня Чарторыжская съ своими дѣтьми изъ старшнаго и славнаго рода русско-литовскихъ православныхъ князей Чарторыжскихъ. Къ этой княгинѣ писывалъ и старецъ Артемій съ предостереженіями отъ латинскихъ соблазновъ. Теперь князь Андрей узналъ отъ нея, что ея молодой сынъ, получившій доброе домашнее воспитаніе, утвержденъ въ правовѣріи, что однакоже княгиня хочетъ послать его въ Вильну для нѣкоторыхъ наукъ въ іезуитской школѣ. По этому поводу князь Андрей писалъ ей: „Честнѣйшей госпожѣ, вельможной и свѣтлой въ родѣ, а свѣтлѣйшей въ правовѣріи, сіяющей чистотою вдовства,—покорное отъ насъ поклоненіе твоей честности: да будешь здрава съ возлюбленными чадами своими. Много благодаримъ тебѣ за то, что твоя честность писала намъ о своемъ сынѣ: что онъ утвержденъ въ страхѣ Божіемъ и праотече-

---

*) Господь Іисусъ Христосъ говоритъ въ Святомъ Писаніи о Святомъ Духѣ: *Иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26). Такъ учили и Святые Отцы, учила Вселенская Церковь, внесшая слова Господа и въ символъ вѣры, то есть, что Духъ Святый исходитъ отъ Единаго Отца, какъ и Сынъ Божій раждается отъ Единаго Отца. А папы и паписты позже начали учить, что Духъ Святый происходитъ отъ Отца *и Сына*, такъ что полагаютъ въ Богѣ два начала.

скомъ правовѣріи и охоту имѣетъ къ священнымъ писаніямъ. Прекрасно видѣть, что въ юномъ возрастѣ онъ слушаетъ Христа: *испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный* (Іоан. 5, 39). Тѣ, въ комъ съ молодости подъ пантіемъ священныхъ писаній вселится благодать Божія, бываютъ великими и знатными въ совершенномъ возрастѣ. Господи Іисусе Христе, Боже нашъ! соверши это въ Твоемъ младенцѣ! Но вотъ твоя милость пишетъ мнѣ, что хочешь послать его въ Вильну, въ школу отцовъ іезуитовъ. Похваляю и это. Но, какъ слуга и пріятель твой, со всѣмъ благожелательствомъ, не хочу утаить отъ тебя слѣдующее: многіе родители изъ княжескихъ, дворянскихъ и горожанскихъ родовъ отдавали туда своихъ дѣтокъ. Но тѣ отцы іезуиты, еще и не уча, прежде всего силятся почти всѣхъ дѣтей, какъ малоразумѣющихъ, заговаривать хитростью, чтобъ отлучить ихъ отъ правовѣрія и перекрестить въ свое полувѣріе. Были уже и совращенные ими. Поэтому многіе родители опять поотнимали своихъ дѣтей отъ іезуитовъ. Ибо іезуиты называютъ насъ схизматиками, будучи сами схизматиками съ ихъ папою и кардиналами. Пишу я это опять не по ненависти и не по зависти къ нимъ, а пишу въ правду, остерегая вашу честность. Я знаю, что великіе святые учители Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ посылаемы были изъ своихъ родительскихъ домовъ въ Аѳины слушать свободныя мірскія науки у поганскихъ (языческихъ) философовъ, но правоты душевной и отеческаго правовѣрія они не утеряли, а возвратились чистыми, съ запасомъ полезныхъ знаній, подобно кораблямъ изъ дальнихъ плаваній. Впрочемъ, отдаю это на мудрое разсужденіе вашей милости и вашихъ пріятелей. А пока посылаю мои листы, писанные одному изъ собратій въ обличеніе іезуитовъ. Затѣмъ прошу

вашу милость не забывать меня въ святыхъ молитвахъ своихъ."

Были ревнители и среди самыхъ западно-русскихъ православныхъ, предостерегавшіе близкихъ себѣ отъ соблазновъ сектантскихъ и іезуитскихъ. Одинъ изъ волынскихъ знатныхъ пановъ, Василій Загоровскій, былъ раненъ въ битвѣ съ татарами и уведенъ былъ ими въ плѣнъ (1576 г.). Опасаясь тамъ за свою жизнь, онъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ между прочимъ дѣлаетъ распоряженія и о сыновьяхъ, еще недорослыхъ. Наказавъ, чтобы они сперва учились дома по церковному у дьяка, а потомъ, если можно, были бы отданы и въ виленскую школу, онъ однако прибавляетъ: „но мои сыновья никогда не должны забывать и пренебрегать своего русскаго письма и своей русской рѣчи, а также добрыхъ и покорныхъ обычаевъ русскихъ. Особенно же святой вѣры своей, въ которой призвалъ ихъ Богъ на свѣтъ, и богослуженія нашего церковнаго никогда не должны они опускать; должны они также хранить священное писаніе и заповѣди, описанныя въ святомъ Евангеліи, молиться Богу, своему Творцу, любить каждаго ближняго, какъ самихъ себя, а всякой ереси, какъ заразы тѣлесной и душевной, крѣпко остерегаться и отвращаться отъ нея. Именемъ Бога, единаго въ Троицѣ и милосердаго, обязываю ихъ не имѣть общенія съ тѣми людьми, которые, отступивши достойныхъ преданій церковныхъ, своевольно вдались въ ереси; и тѣмъ болѣе не входить въ пріязнь съ ними и не держать ихъ въ домѣ своемъ никогда, исключая развѣ какіе-либо крайне вынужденные случаи".

Къ наиболѣе знаменитымъ ревнителямъ и защитникамъ православія принадлежалъ тогда, по наслѣдію отъ своего отца, князь Константинъ Константиновичъ Остроякій. Онъ въ своемъ городѣ Острогѣ собиралъ

разумныхъ и книжныхъ мужей духовныхъ и свѣтскихъ и поручалъ имъ писать листы и книжки въ защиту православія и въ обличеніе сектантства и латинства или папства. И было издано въ городѣ Острогѣ нѣсколько такихъ книгъ. Запомнимъ здѣсь одну изъ нихъ.

Трудъ Острожскаго священника Василія.

Это книжка Острожскаго священника *Василія.* Ея заглавіе краткое: *О единой вѣрѣ,*—полное: *о единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуду начало приняла и какъ повсюду распространилась.* Въ предисловіи къ своей книгѣ Василій такъ заявляетъ о ея цѣли: „тѣ изъ насъ, которые, по милости благаго Бога, по благодати Господа нашего Іисуса Христа и по дѣйству Святаго Духа, сами избѣгли лукавыхъ сѣтей и лестей еретическихъ, должны предостерегать отъ нихъ и другихъ, несвѣдущихъ или малосвѣдущихъ. Потому и предлагаемъ эту книгу". Защищая въ этой книгѣ ученіе православной вѣры и церкви, писатель обличаетъ ложныя ученія и толки сперва латинянъ-папистовъ. Тутъ указываетъ онъ особенно на тѣ книжки іезуита Скарги о единствѣ церкви, и другихъ іезуитовъ, которыя пущены ими были въ оборотъ на обольщеніе православныхъ. Потомъ обличаетъ и тѣ ученія протестантскихъ или сектантскихъ толковъ, которыя были тогда болѣе ходячими у нихъ на соблазнъ православнымъ. Книга Василія весьма обширная, разумная и основательная, ибо хорошо зналъ онъ и Священное Писаніе и писанія святыхъ Отцевъ, церковныхъ учителей и повѣствователей. Приведемъ здѣсь лишь два—три примѣра на то, какъ разсуждаетъ этотъ ревнитель православной вѣры и церкви и обличитель противниковъ ея.

Начиная свое разсужденіе *о единой вѣрѣ и церкви*, онъ говорилъ такъ: „апостолъ глаголетъ: *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ. Иже надъ всѣми, и о всѣхъ и во всѣхъ насъ* (Ефес. 4, 5—6). Если такъ, если единъ Господь, едина вѣра, то значитъ всѣ другія вѣры или ложныя, вымышленныя или съ примѣсью обмана. Ложныхъ вѣръ много между невѣрными. Но есть неправыя вѣры и между именуемыми христіанами. Теперь намъ нужно показать единую истинную вѣру и изобличить неправыя, чтобы намъ, по слову Апостола, избавиться отъ безпорядочныхъ и лукавыхъ человѣковъ; *ибо не во всѣхъ вѣра, но вѣренъ Господь* (2 Солун. 2, 2—3)“. Единая истинная вѣра есть вѣра той церкви христіанской, которая основана начально на Востокѣ въ Іерусалимѣ, Сіонѣ святомъ. Тамъ основалъ ее Самъ Господь Іисусъ Христосъ, образно называемый камнемъ церкви. О такомъ основаніи предрекъ Самъ Онъ чрезъ пророка: *се Азъ полагаю въ основаніе Сіону камень многоцѣненъ, избранъ, честенъ, краеугольенъ въ основаніе ему, и вѣруяй въ онь не постыдится* (Исаія 28, 16). Но вотъ римскіе учители толкуютъ, будто камень вѣры и церкви есть блаженный, верховный апостолъ Петръ, ссылаясь на слова къ нему Господа: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою* (Матѳ. 16, 18). Такъ толкуютъ они для того, чтобы возвысить свою римскую церковь, которую, какъ увѣряютъ они, основалъ апостолъ Петръ во главу всѣмъ церквамъ. Но такое толкованіе ихъ похоже на то плотское (то есть отъ человѣческаго недомыслія) мудрованіе, которое обличалъ святый апостолъ Павелъ въ коринѳскихъ христіанахъ, когда узналъ, что у нихъ говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ (1 Коринѳ. 3, 10—11; 4, 1). Господь не сказалъ: на тебѣ, Петръ, а сказалъ: *на семъ камени*, то есть на томъ исповѣданіи вѣры, которое

предъ тѣмъ отъ лица всѣхъ апостоловъ произнесъ святый Петръ, сказавъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго.* Это то исповѣданіе, о которомъ говоритъ и святый Іоаннъ Евангелистъ: *иже аще исповѣсть, яко Іисусъ есть Сынъ Божій, Богъ въ Немъ пребываетъ и Онъ въ Бозѣ* (Іоан. 4, 15). Римскихъ мудрователей обличаетъ самъ святый апостолъ Петръ, который воспоминая пророчество о камнѣ въ Сіонѣ, называетъ камнемъ только Самого Господа: *вы вкусили, что благъ Господь. Приступая къ Нему, камню живому, человѣками отверженному, но Богомъ избранному, драгоцѣнному, и сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный* (1 Петр. 2, 3—5). Обличаетъ ихъ и святый Павелъ, когда говоритъ, что всѣ апостолы только *слуги* и *строители таинъ Божіихъ*, и что *иного основанія никто не можетъ положить, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Коринѳ. 4, 1, 10—11). Основанная Господомъ на Востокѣ, въ Іерусалимѣ, церковь, начиная отъ Іерусалима (Лук. 24, 47) распространилась по всему міру. И по этому-то единому основанію и началу своему она прежде всего и есть единая. Ближайшая къ этому началу Восточная церковь была и осталась хранительницею единой истинной вѣры. Съ ней и мы пребывали и пребываемъ въ единеніи. Въ единеніи съ нею была и римская церковь, доколѣ не отдѣлилась отъ нея, усвоивъ себѣ нѣкоторыя новыя ученія. Таково особенно ученіе о главенствѣ римскаго епископа или папы надъ всею церковью, неразлучное съ упомянутымъ уже ученіемъ о святомъ апостолѣ Петрѣ, какъ камнѣ вѣры и церкви. Іезуиты, по обычаю и прочихъ латинянъ или папистовъ, говорили: апостолъ Петръ глава и князь апостоловъ; основавъ римскую церковь, онъ передалъ римскому епископу главенство или власть надъ всею церковью, потому и римскій папа, какъ преемникъ того епископа и послѣдующихъ епископовъ есть глава всей

церкви. Обширно изобличаетъ это ложное ученіе нашъ Василій. А мы здѣсь передадимъ его мысли кратко. „Первый епископъ, говоритъ онъ, былъ въ Іерусалимѣ,—блаженный апостолъ Іаковъ, съ которымъ вначалѣ пребывали апостолъ Петръ и прочіе апостолы. Прежде чѣмъ въ Римѣ, явились епископы и въ другихъ городахъ, поставляемые апостолами. Святый верховный апостолъ Петръ называется такъ по первенству въ ликѣ двѣнадцати апостоловъ, а не по главенству и не по власти. Ибо всѣ святые апостолы были равны по благодати и власти апостольства, дарованнымъ имъ Господомъ. Потому, когда требовалось дѣлать важныя опредѣленія въ Церкви, то они дѣлали это соборнѣ, говоря: *изволися Духу Святому и намъ* (Дѣян. 15, 25, 27, 28). Потому и всѣ епископы равны по благодати и власти, переходящимъ къ нимъ по преемству отъ апостоловъ. И послѣ апостоловъ, въ первые вѣка христіанства также были соборы, на которыхъ и рѣшались важнѣйшія дѣла церкви. Зачѣмъ бы и быть такимъ соборамъ, если бы римскій епископъ имѣлъ власть рѣшать такія дѣла своею властью для всей церкви, какъ ея глава? Если нѣкоторые епископы получили потомъ старшинство между собратіями, то это ради чести и старшинства тѣхъ городовъ, гдѣ они епископствовали. Но это старшинство не было главенствомъ надъ всею церковью, а только главенствомъ или вѣрнѣе первенствомъ между епископскими престолами въ странахъ. Такъ римскій епископъ былъ старѣйшій и первенствующій на Западѣ ради столицы тогдашняго римскаго царства—Рима. Это призналъ и первый Вселенскій Соборъ при царѣ Константинѣ, признавшій тогда же старшими и другихъ епископовъ великихъ городовъ, какъ Антіохія, Александрія. А второй Вселенскій Соборъ, бывшій въ Константинополѣ, призналъ такое старшинство за епи-

скопомъ Константинополя или Царьграда, ставшаго новою столицею царства при святомъ Константинѣ. Но соборы имѣли власть надъ всѣми епископами и всѣми старѣйшими изъ нихъ; судили и низлагали ихъ, когда они оказывались въ чемъ виновными. Судили они и римскихъ епископовъ или пашъ. Какъ могли бы они судить ихъ, если бы папы были главами, верховными владыками всей церкви? Чтобы быть такими главами, римскіе епископы должны бы быть непогрѣшимыми. Но то, что соборы судили и папъ, впадавшихъ въ ереси, что между папами были и недостойные—то уже показываетъ, что не въ нихъ верховное главенство надъ всею церковью. Единая Глава церкви Самъ Основатель ея Господь Іисусъ Христосъ, какъ училъ и святый апостолъ, говоря: *того даде главу выше всихъ церкви* (Ефес. 1, 22). Паписты хвалятся мірскимъ господствомъ и величіемъ папъ, подобнымъ царскому и княжескому; но Самъ Господь заповѣдалъ и апостоламъ не искать такого велпчія мірскаго: *вы знаете, что почитающіеся князьями народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи ихъ властвуютъ ими; но между вами да не будетъ такъ; а кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ слугою* (Марк. 10, 42—43).

Величаясь могуществомъ своихъ папъ, латинскіе учители укоряютъ патріарховъ и епископовъ Восточной церкви тѣмъ, что они находятся подъ властью невѣрныхъ турокъ. Но епископы церкви христіанской въ первые вѣка ея также находились подъ властію невѣрныхъ языческихъ царей. А были они истинные епископы, какъ истинна была и тогдашняя церковь христіанская. *Царство Мое*, сказалъ Господь, *не отъ міра сего*. Не мірскимъ величіемъ и могуществомъ измѣряется достоинство церкви и ея представителей, а благодатію Божіею, чистотою ученія и святостію жизни. Вос-

точные патріархи и епископы и подъ властью турокъ сохранили чистоту вѣры древней Вселенской церкви. Впрочемъ, есть православныя церкви, дщери Восточной церкви и не подъ властію невѣрныхъ, а въ странахъ христіанскихъ, въ свободныхъ государствахъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы. Попустилъ Господь восточнымъ святителямъ страдать отъ невѣрныхъ, терпѣть убожество, бывать иногда и мучениками. Но могущіе и богатые папы латинскіе и епископы грѣшатъ, когда укоряютъ ихъ и пренебрегаютъ ими за это. Помнить бы имъ слова Господа: *горе вамъ богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе* (Лук. 6, 14). *Блаженны изгнанные правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное* (Матѳ. 5, 10), еже буди получити и всѣмъ намъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Аминь". Впрочемъ, изобличая ученіе о главенствѣ папы и другія ученія римскія въ предостереженіе отъ нихъ своихъ единовѣрцевъ православныхъ, Василій говоритъ, что православные рады были бы миру и единенію съ римскою церковію, если бы она желала истиннаго единенія вѣры и любви, а не власти и господства съ принуждепіемъ принять новоизмышленныя ея ученія. Ибо православная церковь всегда молится о мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ церквей.

Изъ разсужденій и обличеній Василія на лютеранъ кальвинистовъ и другихъ сектантовъ, передадимъ кратко лишь то, что говорилъ онъ въ защиту почитанія святыхъ иконъ и святыхъ Божіихъ, которое они отвергли. „Въ Ветхомъ Завѣтѣ Господь повелѣлъ пророку Моисею устроить скинію и въ ней образы двухъ херувимовъ, которыхъ и въ Новомъ Завѣтѣ святый апостолъ Павелъ благоговѣйно называетъ *херувимами славы* (Евр. 9, 5). Уже этимъ онъ осуждаетъ суемудровъ, хулящихъ святые образа. Хулители называютъ святыя

иконы идолами, кумирами, говоря, что Богъ въ десятословіи запретилъ творить ихъ и служить имъ. Но то были кумиры чужихъ, ложныхъ боговъ, какими считались у язычниковъ вымышленныя чудища, какъ Ваалъ и тому подобное, и даже животныя, какъ напримѣръ телецъ. Евреи, соблазняясь язычниками, впадали въ такое кумирослуженіе, какъ напримѣръ устроили для себя золотого тельца. Потому Господь и предостерегалъ ихъ и запрещалъ имъ такое кумирослуженіе. А наши святые образа совсѣмъ иное. У насъ образа Господа, явившагося на земли во плоти, въ образѣ человѣческомъ. У насъ его Крестъ святой, на которомъ Онъ распятъ и умеръ ради нашего спасенія. У насъ образъ Пресвятой Богородицы, честнѣйшей херувимъ, достойной *величанія и ублаженія отъ всѣхъ родовъ* (Лук. 1, 48). У насъ образа Святыхъ Божіихъ, о которыхъ говоритъ слово Божіе: *дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, Богъ Израилевъ* (Пс. 67, 36). Чрезъ своихъ Святыхъ Онъ творилъ чудеса. Святой пророкъ Илія своею милотію раздѣлилъ Іорданъ и прошелъ по нему, какъ по суху (4 царствъ 2, 8). Кости пророка Елисея единымъ прикосновеніемъ оживили мертваго (4 Царствъ 13, 21). Убрусцы съ лица святаго апостола Павла оживляли мертвыхъ и изгоняли духовъ нечистыхъ (Дѣян. 19, 12). Неисчислимы чудеса и другихъ святыхъ. Намъ ли не почитать ихъ, когда Самъ Богъ прославляетъ ихъ? Потому и пишутся у насъ образа ихъ, и мы почитаемъ ихъ. Почитаемъ въ святыхъ образахъ или иконахъ не дерево или камень, какъ то было у язычниковъ идолопоклонниковъ, а тѣхъ невидимыхъ святыхъ, которые изображены на нихъ. Ибо честь воздаваемая образу святаго восходитъ на первообразъ, какъ говоритъ святый Василій Великій. Сильны у Бога молитвы Божіей Матери и святыхъ Его, потому мы и молимся имъ, призывая ихъ на помощь

нашимъ молитвамъ къ Богу. Образъ Господа нашего Іисуса Христа напоминаетъ намъ о Самомъ Господѣ, Его ученіи, о тайнахъ спасенія нашего. Образа святыхъ напоминаютъ намъ о ихъ житіи, чтобы мы подражали имъ. Образа Господа и святыхъ были издревле въ церкви Божіей. Есть святочтимое преданіе, что Господь Самъ послалъ на убрусѣ изображеніе лица Своего Авгарю, царю Едесскому. Если въ первые вѣка церкви мало было образовъ, то потому, что тогда бывшіе вездѣ во множествѣ язычники могли бы смѣшивать ихъ съ кумирами, или простецы изъ христіанъ могли бы не разумѣть истиннаго почитанія святыхъ иконъ. Но потомъ церковь по всему свѣту стала украшать свои храмы святыми иконами во славу святыхъ и въ помощь и назиданіе вѣрующимъ. А на святомъ Никейскомъ, седмомъ Вселенскомъ Соборѣ, она осудила нечестивыхъ иконоборцевъ, которымъ подобны и нынѣшніе образоборцы—сектанты. А если они говорятъ, что объ иконахъ не написано въ Евангеліи, то надо помнить слѣдующее: въ церкви святой есть многое, служащее къ устроенію церкви, которое не описано въ Евангеліи, а дошло къ ней чрезъ преданіе. Не все святые апостолы предали въ письмена, а многое и устно въ живой проповѣди и ученіи. Это-то и разумѣетъ святый апостолъ Павелъ, когда говоритъ: *хвалю васъ, братіе, что вы все мое помните и держите преданія такъ, какъ я предалъ вамъ* (1 Коринѳ. 11, 2). И еще: *братіе! стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Сол. 2, 15).

Заканчиваетъ нашъ Василій все свое писаніе слѣдующимъ смиреннымъ обращеніемъ къ тѣмъ, въ наставленіе и предостереженіе которыхъ онъ потрудился въ семъ писаніи: „надѣюсь отъ вашей любви, что не погнѣваетесь на мое писаніе, а примете его съ благодушною

милостію, и, если бы въ чемъ я погрѣшилъ, исправите духомъ кротости. Не отъ своихъ умышленій написалъ я вашей любви, а то написалъ, что собралъ отъ святыхъ писаній. Самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ да просвѣтитъ васъ и посѣщитъ всякому желающему спасенія, и ноги ваши направитъ на путь мирен. Многогрѣшный и худшій въ христіанахъ, убогій Василій".

Книгу убогаго Василія читалъ и велѣлъ напечатать и князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; читали ее и другіе, и была она въ помощь имъ противъ соблазновъ разновѣрія и папизма. Кромѣ нарочитыхъ посланій и книгъ въ предостереженіе отъ такихъ соблазновъ и на помощь церкви Православной, ревнители ея принимали другія духовныя мѣры и средства.

---

2. Средства къ оживленію и подъему общаго просвѣщенія и въ особенности просвѣщенія духовнаго или образованія религіознаго.

Таковы средства къ умноженію и распространенію книгъ священнаго писанія, книгъ святоотеческихъ и церковноучительныхъ, чрезъ ихъ списываніе, а потомъ и печатаніе. Одни изъ православныхъ помогали этому дѣлу своими жертвами, другіе и сами трудились въ этомъ дѣлѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ на это. Уже извѣстный намъ волынскій дворянинъ, кастелянъ Брацлавскій, Василій Загоровскій, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, въ числѣ многихъ пожертвованій на церкви, занесъ пожертвованіе и на переписку книгъ.

Списываніе книгъ.

Онъ назначилъ особое содержаніе дьяку при своей ктиторской церкви святаго Иліи пророка, чтобы онъ не только читалъ и пѣлъ въ ней, училъ дѣтей въ церковной школѣ, но и переписывалъ книги по три тетради каждую недѣлю, а переписывалъ бы съ добрыхъ „изводовъ“, то-есть—списковъ, и старательно, безъ ошибокъ. Надъ перепискою священныхъ книгъ трудились и лица княжескаго рода. Такъ Слуцкій князь Юрій Юрьевичъ Олельковичъ переписалъ собственноручно, краснымъ почеркомъ, напрестольное Евангеліе и пожертвовалъ его въ Троицкую церковь Слуцкаго монастыря—„для вѣчнаго богомолья и спасенія души своей, во незабытную память своихъ прародителей, родителей и самого себя“. Были уже и такіе трудолюбцы, которые при перепискѣ книгъ трудились надъ переложеніемъ древняго церковно-славянскаго языка на новую тогдашнюю южно-русскую рѣчь.

Пересопницкое четвероевангеліе.

Таковъ былъ Григорій, архимандритъ Пересопницкаго монастыря (на Волыни), трудившійся съ сыномъ одного протопопа Михайломъ Васильевичемъ. Трудами ихъ было переложено и переписано четвероевангеліе. Пять лѣтъ трудились они. Григорій посвящалъ этому труду не дни только, но и ночи. Предназначали они свой трудъ „для чтанія въ церквахъ Божіихъ и для науки люда христіанскаго“. Разновѣрцы хвалились, что имѣютъ и священныя книги въ новыхъ переводахъ на свои народные языки. Они могли хвалиться этимъ предъ папистами, у которыхъ употреблялись священныя книги

на латинскомъ языкѣ, а не на народныхъ. Предъ православными имъ нечего было хвалиться, ибо у нихъ изстари имѣлись и читались священныя книги на славянскомъ языкѣ, родномъ всѣмъ народамъ славянскимъ. Но все же было полезно приблизить древнюю славянскую рѣчь къ живой народной рѣчи, чтобы могли понимать священныя книги и простые люди, для большаго просвѣщенія себя въ ученіи вѣры. Для этихъ то особенно людей и потрудились пересопницкіе труженики. А помогала имъ въ издержкахъ потребныхъ въ трудѣ одна знатная княгиня (Анастасія Юрьевна Гольшанская), являющая собою примѣръ покровительства книжному дѣлу среди тогдашней знати женскаго пола. Были тогда и другія подобныя ревнительницы.

Книгопечатаніе.

Но кромѣ книгописанія, настало въ Западной Руси уже и *книгопечатаніе*. То было новое, но существенное средство къ умноженію и распространенію книгъ и чрезъ сіе и къ оживленію просвѣщенія. Началось книгопечатаніе въ одной изъ нѣмецкихъ странъ и быстро распространилось и по другимъ христіанскимъ странамъ. Назидательно то, что первые труды по книгопечатанію повсюду посвящались именно священнымъ и богослужебнымъ книгамъ, какъ первый даръ Богу и людямъ отъ этого великаго искусства. А первые книгопечатники понесли въ святомъ дѣлѣ великіе труды, а иногда бѣды и огорченія отъ трудности самаго дѣла, какъ новаго, и отъ неразумѣнія и зависти невѣждъ. Ихъ поддерживала ревность къ святому дѣлу, надежда на Бога и на участіе къ нимъ лучшихъ и разумныхъ людей. Какъ было повсюду, такъ было и у насъ. Но славянское книгопечатаніе явилось сперва не у насъ,

а у родственныхъ намъ славянъ: чеховъ, черногорцевъ, сербовъ. Заведено было печатаніе нашихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ и въ польскомъ Краковѣ (въ 1491 г.), гдѣ были тогда и православные жители и храмы, и откуда пріобрѣтали потомъ эти книги и православные Западной Россіи.

Трудъ Григорія Скорины по книгопечатанію.

Наконецъ явился книгопечатникъ и въ Западной Руси. Это былъ Григорій Скорина, родомъ русскій, изъ Полоцка, изъ купеческой семьи. Былъ изначала православнымъ; но потомъ, когда учился въ высшихъ школахъ заграницею, особенно въ Прагѣ, то сталъ римскимъ католикомъ съ именемъ Франциска. Однакоже онъ сохранилъ память о православіи и любовь къ родному отечеству и родному русскому народу. И это одинъ изъ примѣровъ на то, что до люблинской уніи и до іезуитовъ, литовскіе или западно-русскіе римско-католики, были ли они такими издавна (это собственно въ Литвѣ) или становились ими по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ,— все еще сохраняли любовь къ своей русской народности. Трудился онъ надъ книгопечатаніемъ сперва въ Прагѣ, потомъ въ Вильнѣ. Въ Прагѣ напечаталъ онъ „*Русскую Библію*“, собственно книги Ветхаго Завѣта, а въ Вильнѣ *Апостолъ* и *Подорожникъ*, то есть—слѣдованную Псалтирь съ молитвословомъ. Церковно-славянскій языкъ печатаемыхъ книгъ онъ приближалъ къ народной рѣчи тогдашней Западной Россіи. Все это онъ дѣлалъ „для пользы своего отечества, для науки своему родному русскому народу“. Но тутъ надобно прибавить, что онъ имѣлъ добрыхъ покровителей и пособниковъ

его трудамъ. Это были вилепскіе купцы, мѣщане, люди важные: старшій бургомистръ Яковъ Бобичъ и членъ магистрата Богданъ Оньковъ. Они своими средствами помогали его трудамъ и въ Прагѣ, и потомъ въ Вильнѣ, гдѣ въ домѣ Бобича была и книгопечатня и живалъ самъ Скорина. Оба эти честные мужи были православные и члены вилепскаго братства; очевидно сами они были прежде всего ревнителями вѣры и народности русской, духовныхъ благъ церкви и народа русскаго, потому и помогали труженику Скоринѣ.

Но вотъ явились на помощь Западной Руси труженики печатнаго дѣла изъ москвичей, явились и покровители имъ уже изъ западно-русской знати православнаго исповѣданія. Московскій царь Іоаннъ Грозный съ митрополитомъ Макаріемъ учредилъ типографію (книгопечатню) въ Москвѣ.

Книгопечатники Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславцевъ.

Первыми книгопечатниками были здѣсь діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и міряпинъ Петръ Мстиславцевъ. Съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ напечатали они (въ 1563—1564 гг.) книгу *Апостолъ*, а потомъ *Часословъ*. Но возстали на нихъ невѣжи и завистники, особенно изъ тѣхъ, которые занимались книгописаніемъ не столько изъ усердія къ дѣлу, сколько ради промысла и заработка. Труженики, какъ печатники, должны были бѣжать въ Литву и прибыли въ Вильну. Здѣсь принялъ ихъ подъ свое покровительство литовскій гетманъ Григорій Ходкевичъ, сынъ основателя Супрасльскаго монастыря Александра Ходкевича. Подобно отцу, онъ былъ усерденъ къ православной церкви и къ благу и чести своей русской народности.

Типографія графа Ходкевича въ Заблудовѣ; Учительное Евангеліе.

Трудами Ѳедорова и Мстиславцева, а своимъ иждивеніемъ, учредилъ онъ въ своемъ имѣніи Заблудовѣ (близъ Бѣлостока, въ Гродненской губерніи) типографію для печатанія книгъ духовнаго содержанія. Здѣсь Ѳедоровъ и Мстиславцевъ напечатали *Евангеліе учительное* (1568—1569), то есть избранныя изъ святыхъ отцевъ и учителей церкви поученія на евангельскія чтенія воскресныхъ и праздничныхъ дней. Какое сердечное участіе принималъ самъ Ходкевичъ въ этомъ изданіи, это даютъ намъ видѣть слова изъ предисловія его къ изданію. „Восхотѣлъ я, говоритъ онъ, чтобы Слово Божіе размножалось, и чтобы ширилось ученіе людямъ нашего православнаго закона; ибо оскудѣли учительныя книги во многихъ мѣстахъ у насъ. Не пощадилъ я богодарованныхъ мнѣ сокровищъ на это дѣло. Къ тому же нашелъ я людей ученныхъ въ книгопечатномъ дѣлѣ, Ивана Ѳедоровича Москвитина, да Петра Тимофеевича Мстиславцева. И повелѣлъ я имъ устроить книгопечатный станокъ и напечатать это учительное евангеліе: во-первыхъ—на честь и похвалу Господу Богу въ Троицѣ единому, и во вторыхъ—въ ученіе христіанамъ нашего православнаго закона. Хотѣлъ было я эту книгу, для большаго разумѣнія людей простыхъ, переложить на простую рѣчь и много старался о томъ. Но потомъ люди мудрые, ученые въ письмѣ, посовѣтовали мнѣ, что при переложеніи давнихъ реченій на новыя бываютъ иногда ошибки, какъ то и видится въ нѣкоторыхъ книгахъ новаго перевода. Поэтому я велѣлъ печатать эту книгу такъ, какъ она издавна писана. Да и въ этомъ давнемъ языкѣ своемъ, она не

закрыта и не трудна къ уразумѣнію, а къ чтенію полезна. Тѣ, которые съ прилежаніемъ и со вниманіемъ будутъ искать въ ней наученія себѣ, найдутъ искомое. И вы, любимые собратія, примите эту книгу съ любовію. Я же, съ помощію Божіею, буду промышлять объ изданіи другихъ книгъ, потребныхъ церкви Божіей, не жалѣя на это средствъ. Благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа да будетъ посреди всѣхъ насъ нынѣ и въ день вѣка. Аминь". Сами же книгопечатники обращаются къ православнымъ съ такими смиренными словами: „мы, трудившіеся, недостойные и худые, молимъ васъ, которые будете читать или переписывать эту книгу, будьте милостивы къ намъ и не зазрите немощи и недостатку нашего ума: ибо и сами вы—человѣки и подлежите человѣческимъ немощамъ. И какъ сами требуете милости отъ Бога и прощенія отъ человѣковъ, такъ сподобите и насъ прощенія". По отпечатаніи Евангелія учительнаго, одинъ изъ трудниковъ, П. Мстиславцевъ перешелъ въ Вильну. А Ѳедоровъ еще остался, напечаталъ *Псалтырь* (1569—1570). Въ начальномъ листѣ этого изданія благочестивый книгопечатникъ воздаетъ славу, честь и поклоненіе Богу, давшему ему начать и совершить этотъ трудъ: признательно поминаетъ покровителя своего Григорія Ходкевича, а затѣмъ говоритъ: „трудившійся многогрѣшный и непотребный рабъ Иванъ Ѳедоровичъ Москвитинъ молю всякаго благочестиваго православнаго христіанина изъ читающихъ сію книгу псалтырь: если окажется что либо погрѣшное въ ней, по моему небреженію, то, Бога ради, исправляйте, благословите, а не кляните: ибо печаталъ сіе не Духъ Святый, и не ангелъ, а рука грѣшная и бренная. Да и сами вы обрящете такое же благословеніе отъ Бога нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь".

Но то былъ уже послѣдній трудъ Ѳедорова въ Заблудовѣ у Ходкевича. Старость, болѣзнь, огорченія по случаю крайне противной Ходкевичу люблинской уніи, приблизили этого ревнителя вѣры и народности русской къ могилѣ. Съ скорбію сказалъ онъ Ѳедорову закрыть книгопечатню, но въ награду за бывшіе труды его подарилъ ему малую весь (сельцо съ землею) близъ Заблудова, говоря, что онъ можетъ теперь отдохнуть отъ усиленныхъ трудовъ книгопечатанія и спокойно отдаться трудамъ земледѣлія въ этой весн. И Ѳедоровъ былъ уже не молодъ, имѣлъ при себѣ и дѣтей. Казалось бы ему и въ пору теперь отдохнуть и спокойно зажить, занимаясь земледѣліемъ въ собственномъ сельцѣ. Не то было на душѣ трудника Ѳедорова. „Подумалъ я, говоритъ онъ, что мое призваніе трудиться не раломъ пахатнымъ, а своимъ художествомъ книгопечатника, и не житныя сѣмена сѣять, а духовныя сѣмена разсѣвать во вселенной чрезъ книгопечатаніе“. Итакъ, поблагодаривъ своего покровителя за милость, онъ, по его кончинѣ, оставляетъ Заблудовъ и данное ему сельцо и отправляется въ городъ Львовъ (въ Галицкой Руси), чтобы тамъ взяться за свое излюбленное дѣло.

Книгопечатникъ Ѳедоровъ въ Львовѣ.

Труденъ былъ путь его. Много бѣдъ и скорбей потерпѣлъ онъ на этомъ долгомъ пути; но въ началѣ 1573 г. былъ уже во Львовѣ. Не легко далось ему здѣсь приступить къ своему дѣлу. Сталъ онъ съ мольбою и поклонами обращаться къ разнымъ лицамъ, чтобы помогли ему устроить книгопечатню. Но въ однихъ встрѣчалъ равнодушіе, невниманіе, у другихъ и недоброже-

лательство. Наконецъ нашлись добрые люди — не изъ знатныхъ и богатыхъ, говоритъ Ѳедоровъ, а изъ простыхъ (между ними былъ и іерей), которые помогли ему. Итакъ устроилъ онъ свою книгопечатню. Какъ радъ былъ онъ, когда въ 1573 — 1574 г. напечаталъ первую книгу—Апостолъ, точь въ точь такой, какой за десять лѣтъ предъ симъ напечаталъ онъ въ Москвѣ! Печаталъ затѣмъ и другія книги. Разрослось его печатное дѣло, хотя и въ борьбѣ съ затрудненіями и невзгодами.

Типографія въ городѣ Острогѣ, основанная княземъ Константиномъ. Ѳедоровъ и другіе сотрудники. Острожская Библія.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, ревнуя помочь церкви православной въ дѣлѣ просвѣщенія духовнаго, задумалъ основать въ своемъ городѣ Острогѣ типографію и въ ней печатать священныя, богослужебныя и учительныя книги. Призвалъ онъ Ѳедорова къ себѣ на Волынь и поручилъ ему устроить типографію въ городѣ Острогѣ. Первою мыслію князя было издать въ печати всю Библію, то есть всѣ книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта въ одномъ объемѣ, притомъ на церковно-славянскомъ языкѣ, на какомъ имѣются и читаются онѣ въ православной русской церкви. То была великая мысль, но и нелегкая къ исполненію. Ибо такой полной *печатной* Библіи до того времени еще не было у насъ. Великія старанія приложилъ просвѣщенный и благочестивый князь, чтобы задуманное новое дѣло исполнить съ наибольшею исправностію. Помощь въ этомъ дѣлѣ дана ему изъ той же православной Москвы, откуда имѣлъ онъ уже у себя и книгопечатника. По просьбѣ князя, царь московскій

Иванъ Васильевичъ, по совѣту съ митрополитомъ, прислалъ ему полный списокъ Библіи. Посылалъ онъ и въ разныя мѣста православнаго Востока и въ самый Константинополь къ патріарху, чтобы пріобрѣсть оттуда и списки священныхъ книгъ и людей, могущихъ быть пособниками ему въ святомъ дѣлѣ. Когда все было приготовлено, князь и сотрудники его съ молитвою приступили къ дѣлу, и трудились съ величайшимъ усердіемъ. Сперва изданъ былъ имъ *Новый Завѣтъ съ Псалтирью* при немъ (1580 года), а потомъ издана и вся *Библія* (1580—1581 годовъ). Выпускъ ея въ свѣтъ, они напутствовали „Предисловіемъ къ благовѣрному православному всякаго чина, возраста и сана читателю". Здѣсь они мудро и благоговѣйно размышляютъ о томъ, какъ полезно и спасительно чтеніе священныхъ книгъ; ибо оно служитъ къ духовному просвѣщенію, къ утвержденію насъ въ вѣрѣ и благочестіи и къ предохраненію отъ ложныхъ ученій сектантскихъ, еретическихъ, чуждыхъ церкви Божіей. А что чувствовалъ и думалъ главный виновникъ дѣла самъ князь Константинъ, когда трудился надъ нимъ и увидѣлъ совершеніе его,—о томъ сказываютъ его молитвы къ Богу и его обращеніе къ православнымъ русскимъ христіанамъ. „Боже Отче, Вседержителю, превѣчный, пребезпечальный, всесильный, единъ имѣяй безсмертіе, во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, вѣдущій вся прежде бытія его... Ты вѣси, Господи Боже мой, яко въ Твое пресвятое имя я умыслилъ и началъ сіе пречестное дѣло, которое нынѣ, благоволеніемъ и щедротами Твоего милосердія, сподобился я увидѣть совершеннымъ. Сего ради благодарю и величаю Твое пресвятое имя и, воздѣвая руцѣ мои, преклоняю колѣна къ подножію престола страшныя Твоея власти. Предлагаю теперь сіе дѣло величію Твоея пензреченныя славы. Ибо дерзнулъ я на сіе дѣло, уповая на

Твое милосердіе, и вѣдая, что невозможно человѣку спастись ипаче, токмо вѣрою и храненіемъ Твоихъ заповѣдей, которыя благоволилъ Ты возвѣстить роду человѣческому въ Своемъ божественномъ Писаніи. Благоволи же нынѣ пріять его отъ меня грѣшнаго и умаленнаго раба Твоего: Твое бо отъ Твоихъ вопстину Тебѣ приносится. Ибо и все, что далъ Ты мнѣ, Боже мой,— Твое, какъ и я Твой. А если по немощи моихъ прегрѣшеній или по недоумѣнію трудившихся при мнѣ въ семъ дѣлѣ, что нибудь оказалось бы неисправнымъ, самъ исправи Твоимъ благоволеніемъ, дѣйствомъ Пресвятаго Духа Твоего и чрезъ тѣхъ людей, которые сподобились отъ Тебя большихъ дарованій: да всѣми согласно славится Твое великолѣпное и пречистое имя, купно съ единородным Сыномъ Твоимъ и Всесвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Духомъ Твоимъ. Аминь".

„Вамъ же о Христѣ избраннымъ въ народѣ русскомъ сыномъ церкви Восточной и всѣмъ согласующимся въ славянскомъ языкѣ и соединеннымъ въ православіи той же церкви, всякаго чина христоименитымъ людямъ, братіи моей возлюбленной не только по плоти, но и по духу святыни, я, Константинъ, наречетный во святомъ крещеніи Василій, благостію Божіей князь Острожскій, воевода кіевскій, маршалокъ земли волынской, — съ любовію извѣщаю сіе: благоволеніемъ, щедротами и человѣколюбіемъ Божіимъ сподобился я положить начало и видѣть совершеніе сего великаго дѣла, которое теперь и предлагается вамъ, то есть книги Ветхаго и Новаго Завѣта, называемыя по гречески Библія. Пріимите ихъ не какъ вещь человѣческую, но какъ свыше сходящее дарованіе. Обрѣтайте въ нихъ правый путь къ спасенію, а Богу, изволившему даровать вамъ вѣдать сіе, воздавайте хвалу и благодареніе. Я же, ради любви и душевной пользы вашей, хочу еще, чтобы вы

уразумѣли и мое особенное намѣреніе въ семъ дѣлѣ. Помянулъ я слова Господа и Спаса нашего Іисуса Христа: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33). Потому возжелалъ я, прежде чѣмъ отойду отъ сей жизни, оставить вамъ нѣкое дарованіе духовное, въ которомъ можете обрѣсти царствіе Божіе и правду Его, если восхощете. Видѣлъ я, что церковь Христова, искупленная честною Кровію Его, отовсюду навѣтуется врагами, противящимися ей, угрожается волками, пришедшими пожирать ее. Вспомнилъ я слова пророческія, которыя произнесъ нѣкогда и Самъ Христосъ: *жалость дому твоего снѣсть мя* (Іоан. 2, 17). Ибо кто изъ правовѣрныхъ и благоразумныхъ не подвигнется къ жалости, видя церковь Христову клонящуюся долу, видя Богомъ насажденный виноградъ, обступаемый пришельцами, хотящими разорить ограды его? Кто не умилится сердцемъ и не восплачется, видя, что тяжкіе волки силятся распудить и расхитить овчее стадо Христово? Потому и возревновалъ я совершить сіе дѣло, то есть издать для всѣхъ въ печати книги Священнаго Писанія, чтобы отъ нихъ свѣтъ Божій возсіялъ въ сердцахъ вашихъ къ просвѣщенію разума вашего, и къ оградѣ васъ отъ враговъ церкви Божіей. Но не я, рабъ Господа моего, содѣлалъ сіе, а содѣлалъ сіе Самъ Господь Богъ Своею благодатію, даровавъ вамъ сіе сокровище, цѣннѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ міра". А къ этимъ словамъ князя одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ его приложилъ и свое воззваніе къ православнымъ. Онъ призываетъ молиться о князѣ за его добрый подвигъ, „да напишется имя его въ книгахъ живота вѣчнаго, купно съ его благочестиво усопшими родителями и прародителями"; проситъ читать священныя книги съ усердіемъ и размышленіемъ и, утверждаясь чрезъ нихъ въ вѣрѣ и добрыхъ дѣ-

лахъ, показать свѣтъ ихъ еретикамъ и невѣрующимъ, чтобъ и они, видя наши добрыя дѣла, прославили Отца Небеснаго. А въ концѣ Библіи приложилъ свою благодарственную слезную молитву къ Богу и свое смиренное слово къ христіанамъ и самъ книгопечатникъ москвичъ Ѳедоровъ.

Съ такою ревностію, любовію, смиреніемъ и благоговѣніемъ трудились надъ изданіемъ первой печатной церковно-славянской Библіи лучшіе люди Западной Руси! На всемъ трудѣ ихъ видно пламенное желаніе—послужить просвѣщенію собратій и помочь имъ въ борьбѣ съ удручавшими ихъ и церковь Божію папастями отъ ея противниковъ, соблазнителей и обольстителей православнаго народа. Много и другихъ книгъ издано было имъ въ городѣ Острогѣ въ той же типографіи на пользу церкви Божіей.

Трудились въ этомъ же дѣлѣ и другіе ревнители, особенно въ Львовѣ и Вильнѣ. Въ Львовѣ трудились въ этомъ дѣлѣ люди изъ львовскаго братства и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ. Тамже въ Львовѣ, послѣ своихъ трудовъ въ Острогѣ, поселился опять и Иванъ Ѳедоровъ, трудился до конца жизни, но умеръ въ бѣдности, ибо думалъ не о земныхъ пріобрѣтеніяхъ, а о духовной пользѣ собратій по вѣрѣ и племени. Его типографію, которая попала было въ руки жида, выкупилъ съ помощью львовскихъ братчиковъ и другихъ православныхъ архипастырь Гедеонъ и заново устроилъ, благодарно поминая при этомъ почившаго основателя ея. А въ Вильнѣ основали типографію тоже члены тамошняго братства Мамоничи, у которыхъ пріютился и трудился бывшій сподвижникъ Ѳедорова Иванъ Тимоѳеевичъ Мстиславцевъ. Да будетъ дорога намъ память всѣхъ этихъ тружениковъ, ревнителей духовнаго просвѣщенія, вѣры и благочестія! Издательскими трудами

ихъ умножились священныя, церковныя и учительныя книги въ тогдашней Западной Россіи, и дана великая помощь ей въ то трудное для нея время.

---

3. Новыя училища.

На помощь православной церкви и обществу въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія и борьбы съ разновѣріемъ явились въ Западной Руси *новыя училища*. Простыя начальныя училища были въ ней, какъ и во всей Руси, издавна, и не прекращались. Поучившіеся въ такихъ училищахъ сами потомъ восполняли и ширили свое образованіе чтеніемъ книгъ, размышленіемъ, бесѣдами съ книжными людьми. То было образованіе *грамотѣевъ и начетчиковъ*, между которыми могли быть и бывали люди очень свѣдущіе и разумные, умѣвшіе, съ Божіею помощью, воспитать въ себѣ и высшее благочестіе, какъ мы все это видимъ на многихъ изъ древнихъ русскихъ архипастырей, священниковъ, иноковъ и мірянъ. Но теперь чувствовалась потребность въ новыхъ, лучше и прочнѣе устроенныхъ училищахъ, чтобы чрезъ нихъ множилось и высилось образованіе и просвѣщеніе. Нужны были имъ свои добрыя училища, чтобы не нуждались они въ училищахъ чужихъ, іезуитскихъ и сектантскихъ, чтобы умалить соблазны православныхъ отъ такихъ училищъ. Нужно было, чтобы въ новыхъ лучшихъ училищахъ воспитались болѣе сильные учители, проповѣдники, защитники вѣры. Множились книги, но нужно было, чтобы множились и люди, способные разумно и благомысленно пользоваться ими для себя и другихъ. Понимали это лучшіе люди Западной Руси и позаботились объ училищахъ.

Острожское училище.

Первый основалъ такое училище тотъ же князь Константинъ Острожскій въ своемъ городѣ Острогѣ. То было правильно устроенное училище, имѣвшее нѣсколькихъ учителей съ начальникомъ училища во главѣ и съ нѣсколькими классами учащихся. Подобное, хотя и меньшее училище основалъ въ городѣ Слуцкѣ тогдашній князь Слуцкій Юрій Олельковичъ. А въ Львовѣ и Вильнѣ основаны училища усердіемъ тамошнихъ братствъ, которыя устраивали школьные дома, пріискивали учителей, содержали ихъ и училища, то на счетъ братской скрынки (кружки), то платою отъ родителей за обученіе дѣтей ихъ. Во всѣхъ этихъ училищахъ предметы и порядокъ обученія были сходны, а всего лучше поставлено было дѣло ученія въ училищахъ Острожскомъ и Львовскомъ, помогавшихъ и другимъ училищамъ. Обученіе начиналось съ букваря и молитвъ. Потомъ учили твердому и разумному чтенію, доброму письму, начаткамъ православно-христіанскаго ученія, или катехизиса, упражняли въ чтеніи церковнославянскихъ священныхъ, богослужебныхъ и другихъ книгъ; учили также языкамъ греческому, какъ такому, на которомъ начально писаны наши священныя, богослужебныя и святительскія книги, а въ нѣкоторыхъ школахъ учили и латинскому, который былъ тогда въ силѣ въ польскомъ обществѣ, и въ иновѣрческихъ школахъ и у иновѣрческихъ учителей, и могъ годиться ученымъ православнымъ при защитѣ своей вѣры отъ толковъ иновѣрческихъ. А учителями въ новыхъ школахъ были и русскіе, и греки. Русскіе—изъ тѣхъ, которые, научившись въ прежнихъ начальныхъ школахъ, потомъ сами дополнили и расширили свои знанія усиленнымъ трудомъ, или же учились заграницею

въ греческихъ школахъ, а хотя бы и въ другихъ иностранныхъ школахъ, но пребыли твердыми въ своей вѣрѣ и народности. Греки-учители были какъ изъ осѣдлыхъ въ Россіи, каковы были особенно во Львовѣ, такъ и изъ пришлыхъ. Въ львовской братской школѣ былъ учителемъ даже одинъ греческій архіерей, пришедшій за милостынею въ Россію, но удержанный львовскимъ братствомъ для учительства въ школѣ. Слѣдуетъ еще сказать, что въ школахъ, особенно братскихъ, старались пріучать учащихся къ чтенію и пѣнію въ церкви, такъ что явились потомъ и братскіе пѣвческіе хоры и стало славиться братское пѣніе; само собою понятно, что начальники и учители школъ старались воспитать въ дѣтяхъ благонравіе и благочестіе. Новыя школы только начинали свое благое дѣло въ послѣдшія десятилѣтія XVI столѣтія. Но уже видно было, что опѣ дадутъ, какъ уже и начинали давать, церкви людей съ большимъ образованіемъ, просвѣщеніемъ, способныхъ и къ церковному учительству, проповѣдничеству, могущихъ защищать православную вѣру и церковь отъ соблазновъ іезуитскихъ и сектантскихъ. Это замѣтили даже іезуиты. Съ досадою проговорился о томъ славившійся между ними Антоній Поссевинъ, тотъ самый, который такъ неудачно спорилъ о вѣрѣ съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ Москвѣ, и потомъ сѣялъ замыслы объ уніи въ Литвѣ. Онъ говорилъ: „нѣкоторые изъ русскихъ, особенно князья Острожскій и Слуцкій, имѣютъ свои типографіи и школы, въ которыхъ широко и далеко поддерживается схизма“. А схизмою этотъ злоумный іезуитъ называлъ наше святое православіе. Досадно и завистно было ему, что оно подкрѣпляется просвѣщеніемъ, которое стало подниматься въ Западной Руси, благодаря типографіямъ и школамъ.

4. Заботы православныхъ объ огражденіи благоустройства церквей.

Но для подкрѣпленія православія требовалось еще оградить благоустройство церкви, много пострадавшее отъ безпорядковъ и злоупотребленій. Заботились православные и объ этомъ. И теперь, какъ прежде, лучшіе изъ знатныхъ православныхъ мірянъ помогали митрополитамъ и епископамъ испрашивать королевскія граматы или указы противъ тѣхъ своевольныхъ нарушителей церковнаго порядка, которые самоуправно распоряжались церквами и монастырями, вмѣшивались въ церковные суды, расхищали церковное добро и тому подобное. Но какъ теперь чаще прежняго являлись нарушители церковнаго порядка и среди духовныхъ лицъ и даже епископовъ, то православные міряне въ совѣтѣ съ лучшими изъ духовныхъ лицъ, ревновали напоминать и самимъ духовнымъ лицамъ, даже епископамъ и митрополитамъ, о ихъ духовныхъ обязанностяхъ и ихъ пастырскомъ долгѣ. Такъ напримѣръ, подольско-галицкіе православные дворяне въ своемъ посланіи къ митрополиту Онисифору (1579—1588), указавъ на разные безпорядки и безчинія въ епископскихъ епархіяхъ его митрополіи, заканчиваютъ свое посланіе слѣдующимъ почтительнымъ, но сильнымъ увѣщаніемъ: „Мы, по своему долгу, предостерегаемъ вашу милость, и молимъ и просимъ: Бога ради осмотрись, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кіевскихъ и возревнуй ихъ благочестію. Не прогнѣвайся на насъ: намъ жаль души твоей. Ты за все долженъ дать отвѣтъ Господу Богу“. Еще примѣръ: православные перемышльской епархіи въ Галиціи узнали, что нѣкій тіунъ (прикащикъ) знатнаго пана перемышльскаго, по ходатайству его, получилъ отъ польскаго короля грамату на

право быть епископомъ перемышльскимъ. И вотъ они пишутъ къ митрополиту Онисифору: „Перемышльская епископія отдана нѣкоему тіуну Стефану Брылинскому, подданному пана старосты перемышльскаго. Панъ-староста, взявъ въ свою власть это епископство и привиллегію на монастырь святаго Спаса въ Горахъ, распоряжается церковными имѣніями, какъ ему угодно; а тотъ негодный нареченный епископъ не смѣетъ противъ него ничего сказать, ни сдѣлать, какъ подданный... А что тотъ тіунъ не годенъ къ епископскому служенію, какъ человѣкъ неученый въ Словѣ Божіемъ, и по другимъ причинамъ, объ этомъ мы всѣ знаемъ и дасмъ свидѣтельство, посему и просимъ усердно, чтобы твоя милость не производилъ его въ епископскій санъ до другаго сейма, на которомъ обыватели земли перемышльской и сомборской покажутъ предъ королемъ и панами радами о негодности того тіуна. Если бы же твоя милость имѣлъ о томъ негодномъ нареченномъ епископѣ листы отъ короля и пановъ радъ, не спѣши производить его во епископа...“ Но, правду сказать, отъ такого митрополита, какимъ былъ Онисифоръ, мало было надежды православнымъ. Требовалась помощь высшей іерархической (священно-начальной) власти для возстановленія порядка церковнаго управленія, разстроеннаго въ Западной Руси. А такою властію была для нея власть константинопольскаго патріарха, которую въ свое время благоразумно удержала для себя Западная Русь, чтобы съ помощью ея устранять попытки королей на подчиненіе Западно-русской церкви своей римской власти, а также оберегать и порядокъ церковный. И вотъ въ теперешнее тяжкое время для Западно-русской церкви дѣйствительно явилась для нея помощь отъ константинопольскаго патріарха и вообще православнаго Востока.

5. Посѣщеніе Западной Россіи восточными патріархами.

Въ 1586 году посѣтилъ Западную Россію антіохійскій патріархъ Іоакимъ, а въ 1588 и 1589 годахъ константинопольскій патріархъ Іеремія II. Оба они ѣздили въ Москву для испрошенія пособій своимъ патріархіямъ, ограбленнымъ турками. Но на пути въ Москву и обратно останавливались въ Западной Россіи и здѣсь, по просьбѣ православныхъ, потрудились для благоустройства Православной церкви.

Патріархъ Іеремія.

Особенно потрудился патріархъ Іеремія, какъ имѣвшій высшую духовную власть въ ней. При содѣйствіи патріарховъ, послѣдовало новое, лучшее устройство и умноженіе православныхъ братствъ. Патріархъ Іоакимъ и Іеремія утвердили уставъ львовскаго Успенскаго братства, а патріархъ Іеремія утвердилъ уставъ вновь устроеннаго виленскаго Свято-Троицкаго братства, благословилъ учреждать по примѣру этихъ братствъ и другія братства въ предѣлахъ Западной Руси.

Новыя церковныя братства въ Вильнѣ, Львовѣ и др.

Новыя братства эти были уже въ подлинномъ смыслѣ *церковныя братства.* Сохраняя въ своихъ уставахъ и на дѣлѣ лучшіе обычаи и порядки братствъ прежняго времени, они, по духу тѣхъ же уставовъ, имѣли теперь главною цѣлію духовную помощь церкви, содѣйствіе ея благосостоянію, духовному просвѣщенію чрезъ упомянутыя уже братскія типографіи, училища, окн-

вленіе церковной проповѣди и вообще церковнаго учительства, для чего старались имѣть при братствахъ просвѣщенныхъ учителей и проповѣдниковъ. Сообразно съ такимъ духомъ новыхъ братствъ, въ самыхъ собраніяхъ ихъ усиленъ обычай духовныхъ, назидательныхъ бесѣдъ, введено чтеніе священныхъ и учительныхъ книгъ. Болѣе прежняго обращено вниманія на поддержаніе благочестія и христіанскаго благоповеденія въ средѣ братствъ. Расширилась и христіанская благотворительность братствъ чрезъ болѣе прочное устройство *шпиталей* (то есть богадѣленъ—больницъ) и другіе способы помощи собратіямъ и бѣднымъ. По благословенію патріарховъ, старшія братства (особенно львовское) получили право и приняли обязанность заботиться объ охраненіи христіанскаго благочестія и церковнаго благочинія не только въ средѣ своихъ членовъ, но и посторонихъ лицъ изъ православнаго общества, облпчать нарушителей христіанскаго закона, подвергать ихъ духовному суду властію братскихъ пресвитеровъ или епископа. Такой духовный подъемъ повыхъ братствъ, имѣвшихъ опору въ высшей патріаршей власти, привлекъ къ нимъ уваженіе среди православныхъ. Составъ братствъ возросталъ. Притомъ, кромѣ горожанъ изъ мѣщанъ и купцовъ, въ составѣ ихъ умножилось число духовныхъ лицъ, поступали въ братства и православные дворяне Западной Руси и нерѣдко самые знатные изъ нихъ. Такъ въ виленское Свято-Троицкое братство въ ближайшіе годы вписались лица изъ рода Скуминовъ-Тышкевичей, Сапѣгъ, Сангушекъ, Мстиславскихъ, Соколинскихъ, Полубенскихъ, Масальскихъ и множество другихъ, такъ-что къ 1594 году число братчиковъ простиралось уже до 368. Въ дружескомъ общеніи съ братствами бывалъ и князь Острожскій. Благодаря всему этому, братства, особенно старшія, могли теперь

участвовать въ церковныхъ соборахъ, ходатайствовать предъ королемъ по дѣламъ не только своимъ, но и всей церкви, а главное—теперь могли они выступить сильными защитниками и поборниками православія, угрожаемаго замыслами папистовъ и соблазнами сектантовъ.

Дѣйствія патріарха Іереміи для благоустройства Западно-Русской церкви.

Оказавъ услугу Западно-Русской церкви въ дѣлѣ лучшаго устройства братствъ, патріархъ Іеремія, по просьбѣ православныхъ, озаботился возстановленіемъ общаго благоустройства въ ней. Небрежный митрополитъ Онисифоръ былъ устраненъ отъ власти. На его мѣсто патріархъ посвятилъ новаго митрополита, бывшаго архимандрита Михаила Рагозу, котораго представили ему православные, какъ мужа достойнаго. „Если вы увѣряете, сказалъ патріархъ, что онъ достоинъ, то да будетъ онъ достоинъ“. Такъ говорилъ патріархъ, потому что не зналъ Михаила и опасался поставить недостойнаго. Это было въ Вильнѣ, куда собрались къ патріарху почти всѣ западно-русскіе епископы и много православныхъ изъ мірянъ. Здѣсь въ Вильнѣ патріархъ держалъ соборъ съ новымъ митрополитомъ и епископами, а потомъ переѣхалъ въ Брестъ-Литовскій, держалъ такой же соборъ и здѣсь, а также совершилъ и соборное служеніе въ день Преображенія Господня (въ августѣ 1589 года). На этихъ соборахъ патріархъ производилъ духовный судъ, касавшійся и епископовъ, которые старались очиститься предъ нимъ, обѣщали исправленіе, и патріархъ простилъ. Онъ издалъ нѣсколько грамотъ съ обличеніемъ безпорядковъ, заведшихся въ жизни

духовенства и народа, и наказалъ исправить ихъ, а митрополитамъ и епископамъ заповѣдалъ устраивать церковные соборы и порадѣть на нихъ о благоустроѣствѣ церкви.

---

6. Брестскій соборъ 1590 года.

По отбытіи патріарха въ свой путь, новый митрополитъ Михаилъ Рагоза и епископы дѣйствительно озаботились мѣропріятіями къ возстановленію благоустроѣства въ церкви. Въ іюнѣ 1590 года собрались они съ этою цѣлію на соборъ въ Брестѣ. Здѣсь епископы говорили о великихъ безпорядкахъ и нестроеніяхъ, заведшихся въ духовенствѣ и народѣ, о бѣдахъ и напастяхъ, терпимыхъ церковію отъ сторонникъ недруговъ и своихъ безчинниковъ, выражали глубокую скорбь свою о такомъ плачевномъ положеніи дѣлъ, свое желаніе исправить его и все привести въ стародавній порядокъ. Они постановили позаботиться о правильномъ избраніи лицъ на церковныя служенія, о недопущеніи къ церковному служенію людей недостойныхъ; о защитѣ церкви и ея достоянія отъ своевольниковъ и обидчиковъ; объ исправленіи правовъ духовенства и народа; похвалили учрежденіе братствъ, школъ, типографій, госпиталей; говорили и о поднятіи церковнаго учительства. Наконецъ соборомъ постановлено, чтобы всѣ епископы ежегодно собирались на церковные соборы въ Брестъ, подъ строгою отвѣтственностью и карою для тѣхъ епископовъ, которые вознерадѣли бы о такой обязанности. А на соборы епископы обязывались брать съ собою архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и священниковъ, въ письмѣ Божіемъ ученыхъ; а если кто изъ нихъ не явится на соборъ, тотъ не-

медленно будетъ лишенъ сана. На Брестскомъ соборѣ присутствовали и представители отъ нѣкоторыхъ братствъ и другіе православные міряне. Оставалось бы теперь радоваться въ надеждѣ, что митрополиты и епископы, въ союзѣ съ православными мірянами, возревновали о благоустройствѣ церкви. Но увы! Этой надеждѣ не дано было сбыться. Видя, что въ православной Западно-Русской церкви началось движеніе къ лучшему благоустройству, имѣвшему укрѣпить духовныя силы православія, недруги его, особенно іезуиты и ихъ пособники, удвоили свои усилія къ тому, чтобы помѣшать благимъ намѣреніямъ православныхъ, а чрезъ это успѣшнѣе привесть въ исполненіе свой давній замыселъ объ уніи. Союзникомъ іезуитовъ и пособниковъ ихъ былъ самъ король Сигизмундъ III.

ГЛАВА VII.

Унія и отверженіе ея православными всей Западной Россіи.

1. *Усиленіе преслѣдованій православныхъ, особенно епископовъ, послѣ Брестскаго собора 1590 г.*

На Брестскомъ соборѣ 1590 г. митрополитъ и епископы постановили занести королю жалобы на обиды и притѣсненія православнымъ отъ римско-католическихъ пановъ и чиновниковъ, и поручили это исполнить отъ ихъ имени Кириллу Терлецкому, епископу луцкому и острожскому. И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ жалобы и просьбы, начались усиленныя преслѣдованія и обиды православнымъ, обрушившіяся прежде всего на Кирилла Терлецкаго. Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ на это. Былъ тогда луцкимъ старостою (т.- е. правителемъ) дворянинъ Александръ Семашко, потомокъ древняго русскаго православнаго рода, но совратившійся въ латинство и возымѣвшій теперь

жестокую непріязнь къ православію. Этотъ Семашко, въ отсутствіе Кирилла изъ Луцка, поставилъ у воротъ луцкаго замка, въ которомъ находились православная соборная церковь и архіерейскій домъ, своего привратника съ гайдуками и приказалъ имъ брать по грошу и по два со всѣхъ православныхъ, духовныхъ и мірянъ, идущихъ въ церковь, а иначе никого не пропускать. Когда возвратился епископъ, то гайдуки пропустили въ замковыя ворота только его одного съ мальчикомъ, а всѣхъ прочихъ слугъ и всего имущества его не пропустили, отъ чего оно, находясь подъ дождемъ цѣлую ночь, частію перепортилось, частію же было расхищено. Въ Страстную Субботу и Свѣтлое Воскресеніе, 20 и 21 апрѣля, въ соборной церкви не было богослуженія, потому что некому было служить. Все духовенство Луцка, въ эти дни, толпилось у воротъ замка, но никто изъ духовныхъ не былъ пропущенъ ни въ церковь, ни къ епископу. Самъ епископъ въ оба дня сидѣлъ въ заключеніи, не ѣлъ и не пилъ, иззябъ отъ холода и отощалъ, потому что къ нему не пропускали ни съѣстныхъ припасовъ, ни слугъ, а иныхъ даже вытолкали изъ замка. Между тѣмъ Семашко, потѣшаясь надъ епископомъ, въ оба дня приходилъ въ его соборную церковь и въ притворѣ ея заводилъ танцы и другія игры съ музыкой, приказывалъ своимъ гайдукамъ стрѣлять изъ своей комнаты въ золоченый крестъ и куполъ собора, потомъ и въ церковныя стѣны, и гайдуки отбили отъ креста двѣ цѣпи, повредили куполъ и, на стѣнѣ церковной, образъ святого Іоанна Богослова, во имя котораго былъ освященъ соборъ. Напрасно владыка Кириллъ обращался въ суды низшіе и высшіе: обидчикъ остался непаказаннымъ и не унялся. Напротивъ, самъ онъ, какъ староста, найдя предлогъ, позвалъ епископа на судъ и здѣсь обходился съ нимъ грубо,

а епископскаго повѣреннаго изъ русскихъ назвалъ презрѣннымъ псомъ русиномъ. Тотъ же Семашко сдѣлалъ нападеніе и на владѣніе львовскаго епископа Гедеона Болобана—Жидичинскій монастырь. Во время происходившей при монастырѣ ярмарки сюда прибылъ, по приказанію Семашки, луцкій подстароста съ отрядомъ вооруженныхъ людей, насильно вторгнулся въ Жидичинскій монастырь и, поселившись въ немъ, разсылалъ по ярмаркѣ своихъ слугъ и гайдуковъ собирать, отъ имени луцкаго старосты и въ его пользу, торговыя пошлины и всѣ прочіе доходы, какіе до того времени собирались на монастырь, приблизительно на тысячу польскихъ злотыхъ. Земяне князя Альбрехта Николаевича Радзивила, литовскаго маршалка, два раза нападали на церковное имѣніе Радиловичи, принадлежавшее пинскому и туровскому владыкѣ Леонтію Пельчицкому, и каждый разъ разгоняли изъ того села всѣхъ жителей, угоняли ихъ скотъ и разграбляли все ихъ имущество. А когда епископъ принесъ на это жалобу и въ назначенное время лично явился на судъ въ городецкій замокъ Радзивила, то намѣстникъ князя, безъ всякой причины, не захотѣлъ производить судъ въ назначенный день, такъ-что епископъ отъѣхалъ ни съ чѣмъ. Безчинники изъ польскихъ паповъ не останавливались предъ оскорбленіями святого православія въ имѣніяхъ даже такихъ лицъ, какъ князь Острожскій. Въ концѣ декабря 1590 г. два ротмистра королевскіе, съ отрядомъ конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ людей, напали на имѣніе князя Острожскаго, село Крупное. Прежде всего они бросились въ церковь, выбили церковныя двери, разграбили церковную утварь, посвященную службѣ Божіей, ограбили алтарь и, выбросивъ изъ чаши святое тѣло Христово на землю, топтали его ногами. Разграбивъ церковь и наругавшись надъ свя-

тыней, ротмистры королевскіе напали на жителей, ограбили ихъ и все награбленное имущество отправили въ Луцкъ, на руки тому же злому старостѣ Александру Семашкѣ. А вотъ еще примѣръ наглаго оскорбленія Львовскому братству и ученикамъ его школы. Въ 1592 г. король, по ходатайству князя Константина острожскаго и новогрудскаго воеводы Скумина-Тышкевича, далъ братству грамату, которою утверждалъ его права и въ частности право содержать типографію и школу. Озлился за это на братство ректоръ львовской іезуитской школы. По его приказанію ученики его толпами нападали на учениковъ братской школы, собиравшихъ себѣ по городу милостыню, отнимали у нихъ собранную милостыню, а самихъ подвергали тяжкимъ побоямъ; иныхъ же увлекали въ свою школу и безчеловѣчно сѣкли, или заключали въ желѣзныя оковы и продерживали цѣлыя ночи. Братство принуждено было два раза приносить на это, чрезъ своихъ уполномоченныхъ и ректора своей школы Стефана, жалобы въ львовскій замковый судъ; но судъ ни къ чему не привелъ. Подъ часъ трудно было православнымъ найти защиту даже отъ обидъ со стороны жидовъ. Въ 1590 г. Мелетій Хребтовичъ, епископъ владимірскій и брестскій, совершалъ крестный ходъ въ городѣ Владимірѣ, со всѣмъ соборомъ и духовенствомъ владимірскимъ. Когда процессія дошла до церкви св. Николая, на Жидовской улицѣ, то два жида бахурчика (то-есть молодые жидки) начали бросать камнями въ епископа и прочее духовенство. Священники и прихожане соборной церкви отъ имени епископа Мелетія подали жалобу въ судъ. Но позванные на судъ жиды заперлись, принеся свою присягу въ своей будто-бы невинности, и судъ оправдалъ ихъ.

2. *Усиленіе обольщеній.*

Одновременно съ усиленіемъ преслѣдованій усилились и обольщенія православнымъ со стороны іезуитовъ, латино-польскихъ бискуповъ и самого короля. Въ самый годъ Брестскаго собора (1590) іезуитъ Петръ Скарга вторично издалъ свою книжку „*О единствѣ церкви Божіей*“. Здѣсь онъ съ особеннымъ усиліемъ твердилъ, что церкви западно-русской не удастся возстановить свое благоустройство; что не помогутъ ей въ томъ ни патріархъ, ни свои епископы, ни міряне; что единственное спасеніе ея въ уніи съ римскою церковью. Ее, по обычаю, превозносилъ онъ, обѣщая отъ уніи съ нею разныя блага Западно-Русской церкви, какъ-то: лучшій порядокъ, просвѣщеніе, спокойствіе отъ притѣсненій и тому подобное. О томъ же стали усиленнѣе голосить и другіе іезуиты и бискупы латино-польскіе, заводя сношенія съ епископами православными. Между прочимъ нѣкоторые изъ нихъ вели съ ними такія искусительныя и обольстительныя рѣчи: „вотъ вы зависите отъ восточныхъ патріарховъ, убогихъ и подвластныхъ туркамъ: не приличнѣе ли зависѣть отъ папы сильнаго и славнаго? У васъ патріархи дали слишкомъ много воли міряпамъ въ дѣлахъ церковныхъ, а у насъ римскихъ католиковъ не такъ, у насъ власть церковная въ рукахъ бискуповъ и ксендзовъ. Вы теперь терпите разныя нападки и стѣсненія, а соединясь съ нами, избавитесь отъ нихъ. Да притомъ король и папа придадутъ вамъ почестей и богатствъ. Такъ напримѣръ митрополиту отдадутъ Кіево-Печерскую лавру съ ея богатыми имѣніями“. Самъ король Сигизмундъ III, въ первое время послѣ Брестскаго собора 1590 года, казался, надо правду сказать, какъ будто готовымъ уважить жалобы и просьбы собора по поводу притѣсненій православной

церкви и епископамъ ея. Онъ даже издалъ грамату въ ограждение правъ ихъ. Но не было пользы отъ этой граматы, нисколько не страшной обидчикамъ и своевольникамъ. Да вскорѣ затѣмъ и самъ король, чрезъ своихъ іезуитовъ и бискуповъ, давалъ знать русскимъ епископамъ, что лучше имъ принять унію; тогда-то они избавятся отъ бѣдъ и преслѣдованій и заслужатъ уже настоящую милость отъ него. Епископовъ король льстилъ надеждою даже на такой почетъ, что они, принявъ унію, будутъ засѣдать въ сенатѣ наравнѣ съ латино-польскими бискупами. Итакъ, положеніе западно-русскихъ епископовъ было теперь очень трудное: съ одной стороны обиды и преслѣдованія, съ другой искушенія и обольщенія. Конечно, если бы всѣ они были на высотѣ своего священнаго званія, были сильны духомъ вѣры и благочестія, то, съ помощію Божіею, могли бы устоять въ преданности своей вѣрѣ и церкви. Но мы уже знаемъ, что тогдашніе епископы большею частію выходили изъ пановъ и панковъ, безъ должнаго приготовленія къ духовной жизни, мало помышляли о ней и о санѣ епископскомъ, болѣе радѣя о мірскихъ выгодахъ и почестяхъ, чѣмъ о подвигахъ своего духовнаго служенія; а про нѣкоторыхъ изъ нихъ шла и худая слава. И вотъ не въ моготу стало имъ тяжелое положеніе ихъ. Настало для нихъ время колебанія между вѣрностію православію и предательствомъ на унію, кончившееся для большей части ихъ печальнымъ отпаденіемъ въ эту унію.

---

3. Тайныя и явныя соглашенія нѣкоторыхъ епископовъ на унію, при понужденіяхъ со стороны короля Сигизмунда III.

Согласно постановленію Брестскаго собора 1590 года митрополитъ Михаилъ Рагоза созывалъ соборы въ бли-

жайшіе за симъ годы въ томъ же Брестѣ. Такихъ соборовъ было еще три (въ 1591, 1593 и 1594 г.). Но на эти соборы собирались уже не всѣ епископы. Здѣсь еще поднимались рѣчи о защитѣ и благоустройствѣ церкви, о братствахъ, о школахъ и тому подобное. Но мало пользы было отъ такихъ рѣчей, притомъ уже и неискреннихъ. Видимѣе заботился о всемъ этомъ митрополитъ: онъ благоволилъ къ братствамъ, списывался и съ патріархомъ; обличалъ недобрыхъ священниковъ, но отъ нихъ послышался такой отзывъ: „пусть прежде епископы послушаютъ закона, тогда и мы послушаемъ“. И дѣйствительно, епископы въ большинствѣ уже не слушали ни митрополита, ни закона, не думали о возстановленіи благоустройства церкви собственными силами, теряя, по малодушію, надежду на эти силы. Вмѣсто этого они во время соборовъ и между соборами стали устраивать тайныя соглашенія на унію. Вожаками въ этомъ темномъ дѣлѣ стали два изъ нихъ: Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій, и Ипатій Поцѣй, недавно изъ папа ставшій епископомъ владимірскимъ и брестскимъ (на мѣсто умершаго Мелетія Хребтовича). Они-то и сносились и сговаривались съ латино-польскими бискупами о томъ, какъ лучше оборудовать это дѣло. Они втягивали въ это предательское дѣло и другихъ епископовъ. Въ первое время велось это дѣло тайкомъ. Епископы списывались на унію не всѣ разомъ, а почастично—то одни, то другіе, собираясь для сего то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, чтобы скрыть свой предательскій замыселъ отъ православныхъ. Труднѣе было втянуть въ дѣло митрополита Михаила. Какъ голова между ними по своему сану, онъ тревожился, чувствуя, что онъ-то прежде всѣхъ будетъ въ отвѣтѣ за это темное дѣло предъ Богомъ и церковію. А между тѣмъ король, которому главные во-

жаки доносили о ходѣ дѣла, не умедлилъ хвалить и поощрять ихъ, обѣщалъ милости и награды въ видѣ богатыхъ монастырей и тому подобное, обѣщалъ защищать ихъ своею властію на тотъ случай, если бы восточные патріархи и ревнители православія въ самой Западно-Русской церкви призвали предателей къ суду, или приняли какія-либо другія мѣры противъ нихъ. Но, прибавлялъ король, необходимо, чтобы на унію согласился еще митрополитъ съ остальными епископами. Тяжко было митрополиту. Подъ часъ онъ говорилъ, что готовъ лучше отказаться отъ митрополіи, чѣмъ быть отступникомъ отъ своей церкви на соблазнъ православнымъ и погубу своей душѣ: „если весь міръ пріобрѣту, а душу свою погублю, чѣмъ выкуплю?“ Онъ даже прятался отъ главныхъ вожаковъ дѣла. Но они сильнѣй и сильнѣй налегали на него, смущая то страхами, то льстивыми обѣщаніями отъ короля, латино-польскихъ епископовъ и пановъ. Изнемогъ несчастный и далъ согласіе на унію. Это было уже въ 1594 г. Но требовалось еще обдумать, какова-то будетъ сама эта унія, на какихъ условіяхъ принять ее? Рядили и такъ, и сякъ. Но къ чести митрополита и лучшихъ изъ епископовъ надо сказать, что они отнюдь не желали чрезъ унію олатиниться и ополячиться, а желали и въ уніи сохранить многое изъ того, что было въ православіи и въ русской православной церкви. Потому постановили, между прочимъ, слѣдующія условія уніи: литургіи святаго Василія Великаго, Іоанна Златоуста и преждеосвященная и всѣ церковныя службы, таинства, священнодѣйствія, обряды и праздники и богослужебныя книги останутся и въ уніи, какъ было въ православіи; останется у ней и православный символъ вѣры; епископы и всѣ священнослужители будутъ всегда изъ русскихъ: римскіе католики не должны забирать себѣ русскихъ

монастырей и церквей, ни совращать будущихъ русскихъ уніатовъ въ латинство; русскія братства и школы останутся неприкосновенными и въ уніи, если примутъ ее, и тому подобное. Съ своей стороны епископы соглашались признавать власть римскаго папы, какъ главы церкви, римскую церковь—истинною церковью, пребыть въ союзѣ съ нею, отвергши союзъ съ Восточною православною церковію, какъ будто-бы схизматическою. За это они требовали, чтобы уніатской церкви даны были всѣ права и льготы, чтобы за ними, епископами, удержаны были и всѣ каѳедры и имѣнія ихъ, чтобы они во всемъ уравнены были съ латино-польскими бискупами и, подобно имъ, засѣдали въ королевской радѣ или сенатѣ. Написали епископы свое посланіе и къ папѣ съ изъявленіемъ готовности на унію. Обо всемъ этомъ доносилось королю и папскому послу въ Краковѣ, куда ѣздили Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй, предназначенные ѣхать въ Римъ съ опредѣленіемъ объ уніи и посланіемъ къ нашѣ. Король и папскій посолъ одобрили все это въ надеждѣ, что прочее сдѣлается само собою; король же поощрялъ епископовъ новыми милостями, а митрополиту прислалъ уже и грамату, которою отдавалъ ему во власть Кіево-Печерскую лавру съ ея богатыми имѣніями. Между тѣмъ слухи о подготовленіяхъ къ уніи уже давно разошлись между православными. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно же князь Константинъ Острожскій, не разъ допрашивали митрополита и епископовъ о начатомъ ими дѣлѣ уніи. Они то отпирались, то заговаривали, что ничего противнаго православной церкви не будетъ въ ихней уніи и тому подобное. Такъ хитря, главные вожаки дѣла надѣялись исподоволь, съ помощью того же короля, завлечь въ свое согласіе и знатнѣйшихъ представителей изъ православнаго общества. Но не

такъ вышло. Чѣмъ болѣе оглашалось уніатское дѣло, тѣмъ болѣе росла тревога въ средѣ православныхъ. Началось въ средѣ ихъ сильное движеніе противъ согласниковъ на унію, какъ предателей церкви. Отстали отъ нихъ два епископа, колебался митрополитъ. Король, боясь, что можетъ пропасть дѣло, погналъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя въ Римъ къ папѣ; а самъ издалъ манифестъ (объявленіе) съ оповѣщеніемъ, что митрополитъ и епископы согласились на унію, что два изъ нихъ уже отправляются по этому дѣлу въ послахъ къ римскому папѣ, что это дѣло великое и благое, и что всѣ его русскіе подданные должны послѣдовать голосу и примѣру своихъ архипастырей.

---

4. Поѣздка двухъ епископовъ въ Римъ по дѣлу уніи и объявленіе ея въ Римѣ.

Въ половинѣ ноября 1595 г. Поцѣй и Терлецкій прибыли въ Римъ. Здѣсь они смиренно представились папѣ и объявили, съ чѣмъ прибыли. Понятно, что папа былъ радъ и принялъ пословъ милостиво; а на отпускѣ сказалъ: „отдохните получше съ такой дороги“. Имъ отвели отличное помѣщеніе, дали всего въ изобиліи и жилось имъ хорошо. За день до Рождества Христова во дворцѣ папы состоялось торжественное собраніе по дѣлу уніи. Папа Климентъ VIII сидѣлъ на высокомъ тронѣ въ пышномъ облаченіи, подъ балдахиномъ. Поодаль засѣдали 33 его кардинала, а далѣе стояли арцибискупы и бискупы и многіе мірскіе знатные люди изъ Рима и другихъ странъ, въ томъ числѣ изъ Польши и Литвы. Введены были владыки: Терлецкій и Поцѣй съ бывшею при нихъ свитою духовныхъ и мі-

рянъ изъ Западной Руси. Свита осталась позади, а владыки, три раза припавъ на колѣна, подошли къ папѣ, повалились ему въ ноги и цѣловали ихъ, а потомъ, стоя на колѣнахъ, опять сказали о своемъ дѣлѣ и подали декретъ (опредѣленіе) западно-русскихъ владыкъ объ уніи и посланіе ихъ къ папѣ. Онъ приказалъ прочитать декретъ, и посланіе и они были громко прочитаны по-русски и по-латыни. Затѣмъ, по приказу папы, секретарь его сказалъ отъ имени папы рѣчь посламъ, въ которой красно изображалъ радость папы и похвалу уніи и западно-русскимъ владыкамъ, принявшимъ ее. „А теперь, заключилъ секретарь, произнесите еще исповѣданіе римско-католической вѣры". Предъ владыками поставили Евангеліе, дали въ руки готовое написанное и очень длинное исповѣданіе. Поцѣй прочелъ его сперва по-латыни, а затѣмъ ксендзъ изъ Литвы, знавшій русскій языкъ, прочелъ его по-русски, а латинскій ксендзъ—по-латыни. Въ оба раза владыки по прочтеніи исповѣданія клали обѣ руки на Евангеліе и клялись. Потомъ опять цѣловали ноги папы. Папа сказалъ въ утѣшеніе имъ нѣсколько словъ, закончивъ: „я не хочу господствовать надъ вами, хочу носить на себѣ тягости ваши". Какъ же то иначе и говорить было папѣ на радости? Затѣмъ папа громко объявилъ, что принимаетъ въ лоно католической церкви всѣхъ русскихъ владыкъ, всѣхъ духовныхъ и всѣхъ православныхъ, живущихъ въ державѣ короля польскаго, и разрѣшаетъ ихъ отъ всѣхъ эпитимій и наказаній, какимъ они могли подвергнуться за бывшую схизму. Скоро затѣмъ и кончилось торжество объявленія уніи предъ папою. Много неправды было во всемъ этомъ дѣлѣ! Владыки Поцѣй и Терлецкій дурно исполнили свое порученіе: приняли унію не на тѣхъ условіяхъ, какія постановлены были митрополитомъ и прочими епископами. Они произнесли такое испо-

вѣданіе, по которому совсѣмъ отреклись отъ православія, во всемъ приняли ученіе римской церкви со всѣми его новшествами и вымыслами. Правда, папа обѣщалъ имъ сохранить для уніи всѣ бывшія въ православіи церковныя службы и обряды, но съ оговоркою, что сохранитъ ихъ настолько, насколько это будетъ не противно римской церкви. А это значитъ, что въ Римѣ оставили за собою право измѣнять эти службы и обряды и навязывать латинскіе (какъ и было потомъ). Погрѣшилъ противъ правды и самъ папа, когда говорилъ, что принимаетъ въ лоно римской церкви всѣхъ православныхъ Западной Руси: какъ будто они просили его о томъ! Еще хуже то, что опъ, не прошенный имп, разрѣшалъ ихъ отъ наказанія за схизму: такъ-то называлъ онъ наше святое православіе! Да! послѣ такихъ папскихъ непрошенныхъ милостей нельзя было православнымъ Западной Руси ждать мира и добра отъ уніи. Тяжко обойдутся имъ и эти милости, и эта унія! Но предатели Поцѣй и Терлецкій въ своихъ письмахъ изъ Рима въ Западную Русь превозносили папскія милости, кое-что и прилыгая на обольщеніе православныхъ. Около двухъ мѣсяцевъ ихъ ублажали въ Римѣ, наконецъ отпустили, а въ мартѣ они уже были въ Западной Руси. Прибыли они съ цѣлою кипою папскихъ посланій къ митрополиту и епископамъ и православнымъ Западной Руси, къ королю и многимъ латино-польскимъ бпскупамъ и папамъ, которыхъ папа увѣщевалъ оказывать всякую поддержку въ дѣлѣ насажденія и утвержденія уніи во всей Западной Руси. Но не такъ приняла она привезенную изъ Рима унію, какъ на то надѣялся папа и какъ сулили ему и себѣ предательскіе зачинщики ея.

---

5. Усилія православныхъ Западной Руси не допустить введенія уніи.

Еще при первыхъ слухахъ о тайныхъ соглашеніяхъ владыкъ на унію началось среди православныхъ Западной Руси движеніе противъ этого предательскаго дѣла и въ защиту православія. Во главѣ движенія выступили ревнители православія изъ знатныхъ людей, каковъ особенно князь Константинъ Острожскій, а также церковныя братства съ своимъ священствомъ, каковы особенно львовское и виленское. Могли они выступить противъ владыкъ потому, что имѣли за собою власть православныхъ восточныхъ патріарховъ, а также и всю православную церковь съ ея святителями въ разныхъ странахъ, въ томъ числѣ и единовѣрной Восточной Россіи. Князь Константинъ Острожскій, когда узналъ о затѣяхъ уніи, писалъ одному изъ западно-русскихъ владыкъ (Ипатію Поцѣю): „дѣло единенія церквей само по себѣ дѣло доброе и желанное, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло великое и важное. Нельзя вести его легко и въ одиночку, то-есть одной Западной Руси и ея владыкамъ. Это дѣло Вселенской церкви. Нужно напередъ снестись съ патріархами и патріаршими церквами, церквами и святителями другихъ православныхъ странъ, съ церковью и святителями Восточной Россіи. Надо бы дѣло вести чисто и свято, чтобы единеніе церквей было истиннымъ единеніемъ вѣры и любви, съ сохраненіемъ православнаго ученія Вселенской церкви“. Когда тотъ владыка и его сообщники не послушали благого совѣта и повели дѣло сами одни и по-своему въ сообществѣ только съ пособниками ихъ изъ римской церкви: то, еще разъ скажемъ, наши ревнители православія имѣли полное право выступить противъ такого дѣла ихъ. Они хорошо знали волю о томъ Восточныхъ патрі-

арховъ, ибо уже не одинъ разъ писывали къ старѣйшимъ изъ нихъ о дѣлахъ западно-русскихъ владыкъ, а нѣкоторые и сами помчались на Востокъ просить совѣта и помощи въ тяжкихъ затрудненіяхъ по этимъ дѣламъ. Впрочемъ, пока дѣйствія владыкъ были еще не совсѣмъ явны, православные Западной Руси сдерживались открыто выступать противъ нихъ, старались лучше развѣдать объ этихъ дѣйствіяхъ у нихъ же самихъ, уважая духовную власть ихъ. Но когда владыки стали уклоняться отъ прямыхъ отвѣтовъ, а между тѣмъ предательскія дѣйствія ихъ стали уже совсѣмъ явными; тогда православные духовные и міряне, памятуя завѣты прежнихъ православныхъ святителей, зная волю православныхъ патріарховъ Востока, движимые любовію къ праотеческой вѣрѣ, ревновали единодушно возвысить свои голоса на защиту православія и противъ уніи. Изъ первыхъ возвысилъ свой мощный голосъ благочестивый князь Константинъ Острожскій. Онъ обратился (24 іюня 1595 года) съ слѣдующимъ воззваніемъ ко всѣмъ православнымъ Литвы и Западной Руси, духовнымъ и свѣтскимъ: „Съ молодости моей я воспитанъ моими преименитыми благочестивыми родителями въ истинной вѣрѣ, въ которой, съ Божіею помощію, и доселѣ пребываю, и надѣюсь непоколебимо пребывать до конца жизни. Я наученъ и убѣжденъ благодатію Божіею, что кромѣ единой истинной вѣры, насажденной въ Іерусалимѣ, нѣтъ другой вѣры истинной. Но въ нынѣшнія времена, злохитрыми козпями вселукаваго діавола, сами главные начальники нашей истинной вѣры, прельстившись славою свѣта сего и помрачившись тьмою сластолюбія, наши мнимые пастыри, митрополитъ съ епископами, претворились въ волковъ и, отвергшись единой истинной вѣры святой Восточной церкви, отступили отъ на-

шихъ вселенскихъ пастырей и учителей, и приложились къ западнымъ, прикрывая только въ себѣ внутренняго волка кожею своего лицемѣрія, какъ овчиною, они тайно согласились между собою, окаянные, какъ христопродавецъ Іуда съ жидами, отторгнуть благочестивыхъ христіанъ здѣшней области, безъ ихъ вѣдома, и вринуть съ собою въ погибель, какъ и самыя сокровенныя писанія ихъ объявляютъ. Но человѣколюбецъ Богъ не попуститъ въ конецъ лукавому умыслу ихъ совершиться, если только ваша милость постараетесь пребыть въ христіанской любви и повиновости. Дѣло идетъ не о тлѣнномъ имѣніи и погибающемъ богатствѣ, но о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, которой дороже ничего быть не можетъ. Весьма многіе изъ обитателей нашей страны, особенно православные, считаютъ меня за начальника православія въ здѣшнемъ краѣ, хотя самъ я признаю себя не бо́льшимъ, но равнымъ каждому, стоящему въ правовѣріи. Потому, опасаясь, какъ бы не остаться виновнымъ предъ Богомъ и предъ вами, и узнавъ достовѣрно о такихъ отступникахъ и явныхъ предателяхъ церкви Христовой, извѣщаю о нихъ всѣхъ васъ, какъ возлюбленную мою о Христѣ братію, и хочу вмѣстѣ съ вами стоять за одно противъ враговъ нашего спасенія, чтобы, съ Божіею помощью и вашимъ ревностнымъ стараніемъ, они сами впали въ тѣ сѣти, которыя скрытно на насъ готовили... Что можетъ быть безстыднѣе и беззаконнѣе? Шесть или семь злонравныхъ человѣкъ злодѣйски согласились между собою, и, отвергшись пастырей своихъ, святѣйшихъ патріарховъ, отъ которыхъ поставлены, осмѣливаются властно, по своей волѣ, отторгнуть всѣхъ насъ, православныхъ, будто безсловесныхъ, отъ истины и низвергнуть съ собою въ пагубу. Какая намъ можетъ быть отъ нихъ польза? Вмѣсто того, чтобы быть свѣтомъ міру,

они сдѣлались тьмою и соблазномъ для всѣхъ... Если татарамъ, жидамъ, армянамъ и другимъ въ нашемъ государствѣ сохраняются, безъ всякаго нарушенія, ихъ законы: не тѣмъ ли болѣе намъ, истиннымъ христіанамъ, будетъ сохраняться нашъ законъ, если только всѣ мы соединимся вмѣстѣ и за одно усердно стоять будемъ? А я, какъ доселѣ, во все время моей жизни, служилъ трудомъ и имѣніемъ моимъ непорочному закону святой Восточной церкви, въ размноженіи священныхъ писаній и книгъ и въ прочихъ благочестивыхъ вещахъ, такъ и до конца, при помощи Божіей, обѣщаюсь служить всѣми моими силами на пользу моихъ братій, правовѣрныхъ христіанъ, и хочу, вмѣстѣ со всѣми вами, правовѣрными, стоять въ благочестіи, пока достанетъ силъ". Чрезъ шесть дней послѣ сего, къ радости православныхъ, послышался голосъ и лучшаго изъ западно-русскихъ владыкъ Гедеона, епископа львовскаго. Явившись въ городской урядъ города Владиміра на Волыни, въ присутствіи князя Острожскаго и многихъ другихъ православныхъ русскихъ вельможъ, онъ подалъ запись, что непричастенъ дѣлу уніи: постановленіе о ней, говорилъ епископъ Гедеонъ, составлено въ противность правиламъ и обычаямъ нашей православной вѣры, нашимъ правамъ и вольностямъ, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, нашихъ духовныхъ начальниковъ, безъ совѣщаній духовнаго собора, а также безъ воли свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ старожитныхъ фамилій, такъ и простыхъ людей православной вѣры, безъ согласія которыхъ мы ничего дѣлать и рѣшать не желаемъ". По примѣру Гедеона отрекся потомъ отъ участія въ дѣлѣ уніи и другой владыка Михаилъ, епископъ перемышльскій. Послышались голоса противъ уніи отъ православнаго священства, церковныхъ братствъ и другихъ ревнителей въ Вильнѣ,

Новогрудкѣ, Львовѣ и проч. Такъ напримѣръ, виленское духовенство писало новогрудскому воеводѣ Скумину-Тышкевичу: „мы—все православное виленское духовенство—протестовали предъ Богомъ и всѣмъ христіанскимъ народомъ, какъ въ книгахъ нашихъ духовныхъ, такъ и во всѣхъ урядахъ свѣтскихъ, что мы о такомъ отступленіи отъ нашихъ святѣйшихъ патріарховъ не мыслили и не знали, и на то не сопзволяли, и обязуемся непоколебимо стоять при всемъ благочестіи святой Восточной соборной церкви. Извѣщая объ этомъ вашу милость, мы просимъ тебя быть, вмѣстѣ съ иными многими православными, защитникомъ и поборникомъ нашей благочестивой вѣры". Всѣ эти и подобные голоса противъ уніи раздались по Западной Руси еще до поѣздки и во время поѣздки Поцѣя и Терлецкаго въ Римъ. А когда Поцѣй и Терлецкій возвратились изъ Рима съ папскимъ посланіемъ объ уніи, то движеніе противъ нея и ея зачинщиковъ проявилось еще шире и настойчивѣе. Русскіе православные князья и дворяне на своихъ съѣздахъ въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ, минскомъ, новогрудскомъ, полоцкомъ и другихъ постановили подать чрезъ пословъ отъ всѣхъ этихъ воеводствъ на варшавскомъ сеймѣ просьбы королю, чтобы Поцѣй и Терлецкій лишены были духовнаго сана, такъ какъ они, безъ вѣдома православныхъ патріарховъ, ѣздили въ Римъ и самовольно отдались подъ власть папы и привезли оттуда великія перемѣны въ вѣрѣ. Послы это и сдѣлали. Король Сигизмундъ III не внялъ этимъ просьбамъ. Тогда послы отъ православныхъ во главѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ къ концу сейма торжественно объявили, что они и весь русскій народъ не будутъ признавать Поцѣя и Терлецкаго своими епископами и не потерпятъ ихъ духовной власти въ своихъ имѣ-

піяхъ. Свои записи они, по тогдашнему обычаю, внесли въ городскія книги и копіи (противни) такихъ записей разослали по воеводствамъ. Подобные протесты (заявленія) противъ уніи и поддавшихся на нее владыкъ учинили старшіе горожане въ Вильнѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ. Страхъ напалъ на зачинщиковъ уніи; но король обнадежилъ ихъ новыми грамотами на то, что они и въ уніи сохранятъ свои епископскія каѳедры съ ихъ имѣніями, ободрялъ ихъ новыми милостями. Но требовалось дѣло уніи, какъ дѣло церковное, рѣшить церковнымъ порядкомъ, то-есть церковнымъ соборомъ. Созыва собора требовалъ и папа въ своемъ посланіи объ уніи съ тою, конечно, мыслію, что она будетъ принята соборомъ. Но еще съ самаго начала требовали, а теперь еще болѣе желали созыва православные Западной Руси, съ мыслію обсудить на соборѣ дѣло уніи по сущей правдѣ, по настоящей церковной истинѣ. Итакъ, король, издавъ новый манифестъ о состоявшейся будто-бы уніи, поручилъ митрополиту Михаилу Рагозѣ созвать церковный соборъ. Этотъ издалъ окружное посланіе съ призывомъ на соборъ въ Брестъ на 6 октября 1596 г.

---

6. Брестскій соборъ 1596 г. Отверженіе православнымъ соборомъ уніи, принятой небольшимъ латино-уніатскимъ соборомъ.

Православные Западной Руси заранѣе озаботились, чтобы соборъ по дѣлу уніи былъ истиннымъ церковнымъ соборомъ. Ко времени собора, по ихъ старанію, прибыли въ Западную Русь экзархи, то-есть уполномоченные, отъ двухъ старѣйшихъ патріарховъ: константинопольскаго—Никифоръ и александрійскаго — Кириллъ. Оба эти духовные сановники, мужи ученые,

просвѣщенные, прибыли съ православными и на соборъ въ Брестъ, чтобы здѣсь дѣйствовать, по благословенію и уполномочію отъ патріарховъ. Чрезъ нихъ патріархи прислали свое благословеніе и всѣмъ православнымъ Западной Руси съ похвалою ихъ ревности по вѣрѣ православной и увѣщаніемъ твердо стоять въ ней, не взирая на бѣды и напасти отъ противниковъ. Прибыли на соборъ и другія лица съ православнаго Юго-Востока, какъ-то: Лука, епископъ бѣлградскій (изъ Сербіи), два архимандрита отъ горы аѳонской, имѣвшіе полномочія отъ епископовъ молдо-влахійскихъ. Изъ православныхъ Западной Руси прибыли на соборъ Гедеонъ, епископъ львовскій, и Мелетій, епископъ перемышльскій, архимандриты и игумены отъ разныхъ монастырей, начиная со старѣйшаго изъ нихъ—Кіево-Печерской лавры, протоіереи и священники изъ многихъ городовъ и областей, всего свыше ста лицъ духовнаго сана. Изъ мірянъ, во главѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, прибыли на соборъ многіе знатные сановники и дворяне, какъ послы отъ воеводствъ и повѣтовъ (уѣздовъ) литовскаго, кіевскаго, галицкаго, перемышльскаго, волынскаго, подольскаго, новогрудскаго, пинскаго, луцкаго, владимірскаго и другихъ, также послы отъ городовъ: Вильны, Кіева, Львова, Бѣльска, Пинска, Бреста, Каменца-Подольскаго, Минска, Слуцка и другихъ, и особые послы отъ церковныхъ братствъ—львовскаго, виленскаго и другихъ. Прибыли въ Брестъ и сообщники уніи митрополитъ Михаилъ Рагоза съ пятью владыками и нѣсколькими духовными лицами при нихъ. Какъ пособники ихъ, прибыли сюда же три латинскіе бискупа, да четыре іезуита, а потомъ еще три королевскихъ коммиссара изъ латино-польскихъ пановъ.

Приближался день, назначенный къ открытію собора. Православные все еще не хотѣли считать митро-

полита отпадшимъ отъ православія и, уважая его санъ, посылали избранныхъ лицъ привѣтствовать его и узнать о времени, мѣстѣ и порядкѣ дѣлъ на предстоящемъ соборѣ. Но прямого отвѣта отъ него не получили. Предъ самымъ днемъ собора послали привѣтствовать митрополита и бывшихъ съ нимъ владыкъ уже сами патріаршіе экзархи и приглашали ихъ явиться къ нимъ для совѣщанія о соборѣ. Но тѣ дали отвѣтъ: „подумаемъ, если слѣдуетъ явиться, явимся“,—и не явились. Была впрочемъ молва, что самъ-то митрополитъ готовъ былъ и даже хотѣлъ видѣться съ патріаршими экзархами, посовѣщаться и порадѣть съ ними объ огражденіи православія на соборѣ. Но главные зачинщики уніи съ своими пособниками іезуитами и біскупами, въ ночь предъ днемъ собора, такъ налегли на митрополита, что не въ мочь было ему исполнить свое желаніе.

Насталъ и день собора, 6-е октября въ среду. Православные хотѣли собраться въ какой-нибудь церкви, чтобы ожидать уже отъ самого митрополита приглашенія на соборъ. Но всѣ церкви въ Брестѣ оказались запертыми. Заперъ ихъ Поцѣй, имѣвшій тутъ власть какъ мѣстный владыка. Это было уже явное насиліе православнымъ. Будучи здѣсь въ великомъ числѣ, они могли бы силою занять и открыть для себя какую-либо церковь; но, какъ добрые христіане, не хотѣли прибѣгать къ силѣ. Спокойно собрались они въ одномъ большомъ домѣ, чтобы здѣсь ждать вѣсти отъ митрополита. Проходили часы за часами, а вѣсти не было. Тогда патріаршіе экзархи послали къ митрополиту шесть лицъ изъ старшихъ духовныхъ уже съ настоящимъ, по церковному обычаю, *письменнымъ извѣщеніемъ*, что они ждутъ митрополита для открытія собора въ томъ мѣстѣ, какое укажетъ онъ самъ. Посланные долго искали и не на-

шли митрополита и вручили извѣщеніе одному изъ бывшихъ съ нимъ владыкъ для передачи ему. Но еще не возвратились посланные, какъ дошла къ православнымъ вѣсть, что митрополитъ съ сообщниками уже открылъ соборъ. А сдѣлалъ это такъ: отслужилъ литургію въ церкви святаго Николая, прочиталъ молитвы обычныя предъ открытіемъ собора и сказалъ записать это, какъ первое дѣяніе собора. То, конечно, хорошо, что онъ помолился предъ началомъ собора; но хорошъ ли былъ самый соборъ? Устроился онъ тайкомъ отъ православныхъ, въ небольшомъ кружкѣ сообщниковъ, уже принявшихъ унію, уже отдавшихся въ волю римскаго папы, такъ-что они уже не имѣли своей воли разсуждать ни объ уніи, ни о православіи. Не смутились православные отъ такого неправаго уніатскаго собора и приступили къ открытію своего православнаго собора. И теперь, по христіанскому благоразумію, не хотѣли они силою врываться въ какую-либо изъ запертыхъ церквей. Открыли соборъ въ большой залѣ того же дома, гдѣ собрались: освятили ее по-церковному, какъ молельню, поставили аналой съ святымъ евангеліемъ, а епископы съ священниками прочитали молитвы, обычныя предъ открытіемъ собора. То былъ величественный соборъ: во главѣ его были два патріаршіе экзарха, принесшіе благословеніе собору; епископы и уполномоченные епископовъ съ сонмомъ священства, собравшагося изъ всѣхъ концовъ Западной Россіи. То былъ составъ собственно духовнаго собора. Міряне же составили особое собраніе, на подобіе братскихъ церковныхъ собраній, чтобы засвидѣтельствовать предъ духовнымъ соборомъ свою вѣрность православію и быть свидѣтелями дѣяній духовнаго собора. Избраны были должностныя лица для завѣдыванія порядкомъ соборныхъ дѣяній. Когда все было благоустроено, воз-

высилъ голосъ просвѣщенный Гедеонъ, епископъ львовскій. Онъ засвидѣтельствовалъ о непоколебимой вѣрности святой Восточной церкви всѣхъ собравшихся на соборъ, осуждалъ митрополита Рагозу и владыкъ, не пожелавшихъ явиться предъ лице патріаршихъ экзарховъ, и предложилъ разсмотрѣть дѣло уніи. Всѣ изъявили на то согласіе. А міряне съ своей стороны заявили, что имѣютъ наказы отъ своихъ собратій по областямъ и городамъ, и готовы прочесть ихъ во свидѣтельство вѣрности ихъ православію. Но какъ уже наступилъ вечеръ, то на этомъ и закончились дѣянія перваго дня и были записаны.

На слѣдующій день, 7-го октября въ четвергъ, православные опять собрались и рѣшили все еще пождать, не будетъ ли къ нимъ пословъ отъ митрополита съ объясненіемъ вчерашняго поступка его и съ приглашеніемъ ихъ на совѣщанія. Ждали, ждали и ничего не дождались. Тогда сербскій бѣлградскій митрополитъ, ставъ предъ соборомъ, сказалъ: „ваша святыня ясно изволите видѣть, что митрополитъ съ владыками самъ себя осуждаетъ; онъ, очевидно, не осмѣливается предстать предъ соборъ вслѣдствіе дѣлъ, имъ затѣянныхъ“. Всѣ признали справедливость этихъ словъ, но удержались произнесть соборное осужденіе митрополиту. Предсѣдатель собора, патріаршій экзархъ Никифоръ предложилъ отправить къ нему новое посольство изъ новыхъ шести духовныхъ лицъ со вторымъ увѣщаніемъ чрезъ грамату. Въ грамотѣ члены православнаго собора высказывали сожалѣніе, что митрополитъ присталъ къ латинянамъ, составилъ съ ними соборъ безъ совѣщанія съ православными, отвергали этотъ неправый соборъ и призывали митрополита раскаяться, подъ угрозой церковнаго суда. На этотъ разъ посламъ, хотя и нескоро, удалось найти митрополита. Но онъ принялъ

ихъ сердито и сказалъ, что отвѣта на грамату не будетъ. Такъ поступилъ онъ потому, что теперь вмѣшались въ дѣло прибывшіе въ Брестъ три королевскіе коммиссара, польскіе паны, взяли его подъ свою защиту и сказали вести соборъ безъ участія православныхъ. Когда послы ихъ возвратились отъ митрополита и сообщили имъ отзывъ его, то было уже поздно, и пришлось на этомъ закончить дневное дѣло собора.

Насталъ и третій день собора, пятница 8-го октября. Лишь только открылось соборное засѣданіе, какъ поднялись сильные голоса противъ митрополита и владыкъ за то, что оставили безъ вниманія два соборныя приглашенія. Но предсѣдатель собора предложилъ послать митрополиту и владыкамъ еще третій призывъ на соборъ, какъ того требуютъ церковныя правила. Избраны шесть старшихъ духовныхъ лицъ и посланы къ митрополиту съ этимъ призывомъ. На этотъ разъ они уже скоро нашли митрополита, скоро возвратились, но принесли отъ него такой отвѣтъ: „что сдѣлано, то сдѣлано, и иначе быть или передѣлаться не можетъ; хорошо или худо мы поступили, только мы отдались Западной церкви“. То былъ голосъ скорбной души! Скорбѣлъ митрополитъ, когда его лестію и силою втягивали въ унію; скорбѣлъ еще болѣе, когда увидѣлъ, что Поцѣй и Терлецкій привезли изъ Рима не ту унію, какую допускалъ онъ, оберегая остатки православія, а ту, какую далъ имъ въ Римѣ папа по всей волѣ своей. Не пустили его видѣться съ православными въ день предъ соборомъ, томили его въ ночь предъ днемъ собора, не давали ему опомниться; а теперь, когда къ льстецамъ и паспынкамъ изъ вожаковъ и ихъ совѣтниковъ—іезуитовъ и бискуповъ, присоединились папы коммиссары, у митрополита отнята была послѣдняя воля. И вотъ далъ онъ посламъ православныхъ свой пе-

чальный отвѣтъ, послѣднія слова котораго показывали, что несчастный митрополитъ уже не зналъ, что творитъ: „хорошо или худо поступили мы, только мы отдались Западной церкви!“ Послѣ такого отвѣта православному собору оставалось не ждать ничего болѣе. Предсѣдатель собора, патріаршій экзархъ, обратился къ нему съ обширною рѣчью. Онъ осуждалъ митрополита и предавшихся на унію владыкъ за ихъ отступничество и тѣ смуты, которыя произвели они своимъ отступничествомъ; хвалилъ православныхъ духовныхъ и свѣтскихъ за ихъ твердость въ православіи; предостерегалъ тѣхъ русскихъ пановъ, которые ради земныхъ выгодъ и почестей или же изъ боязни вдались бы потомъ въ измѣну вѣрѣ своихъ отцовъ, и наконецъ спросилъ: „когда и какимъ образомъ митрополитъ и владыки стали сговариваться на унію?“ Въ отвѣтъ на это кіево-печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ объяснилъ предъ соборомъ, когда и какъ началось и какъ велось это темное дѣло, а въ заключеніе сказалъ: „по всѣ мы православные, не только находящіеся здѣсь на соборѣ, но и оставшіеся по домамъ, рѣшительно не желаемъ уніи. Объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать и міряне, послы отъ областей и городовъ, имѣющіе инструкціи (наказы) отъ своихъ собратій“. Стали слушать эти инструкціи, которыхъ было нѣсколько десятковъ. Всѣ онѣ сходились въ слѣдующихъ мысляхъ: 1) духовные, отступившіе отъ власти патріарховъ, должны быть наказаны лишеніемъ сана, какой имѣли до подчиненія ихъ папской власти; 2) помѣстный соборъ въ Брестѣ не въ правѣ постановить рѣшеніе о соединеніи съ римскою церковію безъ согласія патріарховъ и всей Восточной церкви, безъ основательнаго соглашенія всѣхъ разностей по вѣрѣ между обѣими церквами, и только на основаніи, положенномъ

двумя владыками, желавшими, чрезъ отступничество въ унію, прикрыть свои преступленія и пріобрѣсть себѣ выгоды и почести; напротивъ, древнее христіанское вѣроисповѣданіе, переданное нашимъ предкамъ отъ церкви Восточной и содержимое доселѣ, подтвержденное законами, привилегіями и присягами королевскими, должно быть оставлено въ цѣлости и подтверждено, безъ перемѣны обрядовъ и прежней патріаршей власти. По выслушаніи такихъ инструкцій тотъ же кіево-печерскій архимандритъ отъ лица членовъ духовнаго собора сказалъ, что съ отступниками слѣдуетъ поступить по правиламъ святыхъ отцовъ. Предсѣдатель собора призналъ это справедливымъ. Но тутъ соборныя разсужденія были прерваны. Доложено было, что отъ королевскихъ коммиссаровъ принесено собору предложеніе выслать къ нимъ пословъ для выслушанія королевской воли. Въ числѣ принесшихъ предложеніе былъ іезуитъ Скарга, тотъ самый, который слылъ у своихъ великимъ мудрецомъ и первый пустилъ мысль объ уніи. Пока выбирали пословъ, хитрый іезуитъ успѣлъ заманить бывшихъ на соборѣ князя Константина Острожскаго и его сына въ особую комнату, и здѣсь въ тайной бесѣдѣ пытался соблазнить ихъ въ унію. Но онъ потерпѣлъ полную неудачу. Между тѣмъ выбраны и отправлены къ королевскимъ коммиссарамъ послы изъ духовныхъ лицъ и во главѣ ихъ епископы львовскій Гедеонъ и перемышльскій Михаилъ. Длинную рѣчь повели къ нимъ коммиссары, именемъ короля склоняя на унію. Тутъ же явились Скарга и другой іезуитъ, чтобы вызывать пословъ на споръ о вѣрѣ. Но послы благоразумно сказали: „мы пришли не для спора съ іезуитами и обязаны прежде всего передать собору то, что говорили здѣсь коммиссары отъ имени короля, чтобы соборъ далъ на это свой отвѣтъ“. Передъ вечеромъ

коммиссары получили отъ членовъ православнаго собора слѣдующій отвѣтъ: „мы принимаемъ, съ великою признательностію и благодарностію, попеченіе короля о водворепіи ненарушимаго согласія между его подданными и весьма рады приступить къ тому, какъ по христіанскому долгу, такъ и по желанію исполнить волю его королевской милости. Но мы видимъ изъ исторіи, что святое соединеніе церквей уже нѣсколько разъ было установляемо и столько же разъ было расторгаемо, потому что не были устраняемы всѣ къ нему препятствія. Не желая болѣе напрасно воздвигать такого непрочнаго зданія, мы желаемъ, чтобы къ соединенію церквей приступлено было съ возможною осмотрительностію, и избраны были надлежащіе пути и средства, и чтобы единеніе, созданное на прочномъ основаніи, могло существовать долго и, дай Боже, вѣчно. Но зная, какіе люди, въ настоящее время, подали поводъ къ переговорамъ о соединеніи церквей, зная, что нѣтъ на это согласія всей Восточной церкви и особенно патріарховъ, что переговоры объ уніи поручено вести владыкамъ, большею частію, подозрительнымъ, и что разности въ членахъ вѣры между обоими исповѣданіями не могутъ быть примирены здѣсь, мы не видимъ нынѣ добраго основанія для соединенія церквей. А чтобы наше несогласіе на унію не было объяснено королевскими послами въ дурную сторону и не навлекло на насъ королевской немилости, мы объявляемъ, что охотно приступимъ къ соединенію съ римскимъ костеломъ, когда согласится на то вся Восточная церковь и особенно патріархи, когда для этого избраны будутъ законные пути и приняты надлежащія мѣры, когда соглашены будутъ, въ самомъ основаніи, всѣ разности въ догматахъ и обрядахъ между Восточною и Западною церковію, и когда, такимъ образомъ, проложится до-

рога къ прочному и неразрывному ихъ соединенію". То былъ добрый, христіанскій отвѣтъ! Православные не отвергали мысли о соединеніи церквей, памятуя, что и православная церковь всегда молится „о мирѣ всего міра, о благостояніи святыхъ церквей и о соединеніи всѣхъ". Но они видѣли, что та унія, къ которой король хотѣлъ приневолить ихъ, не есть истинное единеніе, что она дѣло неправое и нечистое; потому, отвергая такую унію, предоставляли дѣло истиннаго единенія временамъ будущимъ и волѣ Божіей. Наступившій вечеръ прекратилъ занятія собора за истекшій день. Насталъ четвертый день собора, суббота 9-ое октября. Королевскіе коммиссары сказали русскимъ владыкамъ-уніатамъ и латинскимъ бискупамъ кончать дѣло уніи. И вотъ одѣлись они въ свои церковныя облаченія и съ кучкою приневоленныхъ на унію русскихъ духовныхъ, а также польскихъ пановъ, на глазахъ глазѣвшей толпы народа, при колокольномъ звонѣ, двинулись въ церковь святаго Николая. Отслужили молебствіе о соединеніи церквей. Потомъ усѣлись по одной сторонѣ латинскіе бискупы и королевскіе коммиссары съ іезуитами, а по другой, насупротивъ нихъ, митрополитъ и владыки уніаты. Одинъ изъ владыкъ прочиталъ грамату, по которой митрополитъ и владыки съ клятвою обязываются принять унію и признать власть папы. Какъ только кончилось чтеніе граматы, латинскіе бискупы кинулись лобызаться съ русскими владыками и затѣмъ всѣ воспѣли хвалебную пѣснь Богу за унію. Пошли затѣмъ въ латинскій костелъ и тамъ пропѣли. Но увы! лживыми окажутся эти знаки братанья латинянъ и уніатовъ. Обѣщано было русскимъ владыкамъ, что въ уніи они уравняются съ латинскими бискупами и получатъ заодно съ ними мѣста въ сенатѣ. Но потомъ не исполнено это обѣщаніе, не допустили бискупы уравнять съ

собою русскихъ владыкъ, хотя и уніатовъ. Обѣщано было, что не будутъ совращать русскихъ уніатовъ въ латинство, не будутъ забирать русскихъ уніатскихъ церквей на латинскіе костелы: далеко не сдержано и это обѣщаніе. Словомъ, обманули русскихъ владыкъ іезуиты, бискупы съ папою и королемъ во главѣ. А между тѣмъ, окончательно предавшись на унію, митрополитъ и владыки принялись сейчасъ же въ концѣ своего собора карать православныхъ. Они объявили православныхъ епископовъ и всѣхъ духовныхъ лишенными сана; изрекали на нихъ проклятіе, издали о томъ граматы и послали свое рѣшеніе на утвержденіе короля.

Рѣшительны были и дѣйствія православнаго собора въ этотъ послѣдній день его. Съ утра открывъ засѣданіе, онъ приступилъ къ суду надъ отступниками православія. Патріаршій экзархъ подробно изложилъ вины ихъ, указывая при этомъ и постановленія древнихъ святыхъ соборовъ, осуждающія такія вины. Выслушавъ это, соборъ потребовалъ, чтобы тотчасъ объявленъ былъ приговоръ надъ отступниками. Тогда экзархъ, какъ представитель патріарха, вставъ на возвышеніи и держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой Евангеліе, громко произнесъ: „святая Божія Восточная церковь повелѣваетъ намъ и настоящему собору, чтобы митрополитъ Михаилъ и сообщные съ нимъ владыки лишены были архіерейскаго достоинства и служенія, епископской власти и всякаго духовнаго сана“. Приговоръ подписали всѣ члены духовнаго собора и только они, какъ и слѣдовало по правиламъ церкви. Съ своей стороны православные міряне, какъ свидѣтели и послѣдователи рѣшеній духовнаго собора, въ союзѣ съ членами его составили и подписали слѣдующее заявленіе: „мы даемъ обѣтъ вѣры, совѣсти и чести, за себя и за

нашихъ потомковъ, не слушать этихъ, осужденныхъ соборнымъ приговоромъ, митрополита и владыкъ, не повиноваться имъ, не допускать ихъ власти надъ нами, напротивъ, сколько возможно, противиться ихъ опредѣленіямъ, дѣйствіямъ и распоряженіямъ, и стоять твердо въ нашей святой вѣрѣ и при истинныхъ пастыряхъ нашей святой церкви, особенно при нашихъ патріархахъ, тщательно сохраняя огражденное закопами общее спокойствіе и сопротивляясь всѣмъ притѣсненіямъ, насиліямъ и новизнамъ, которыми бы стали нарушать цѣлость и свободу нашего богослуженія, совершаемаго по древнему обычаю. Объявляемъ объ этомъ, прежде всего, предъ Господомъ Богомъ, потомъ и всему свѣту и, въ особенности, всѣмъ обитателямъ короны, великаго княжества литовскаго и русскихъ областей, къ коронѣ присоединенныхъ". Просьба къ королю и была отправлена еще съ собора чрезъ избранныхъ имъ пословъ. Посламъ данъ наказъ, чтобы, явясь къ королю, они отъ имени пославшихъ засвидѣтельствовали о ихъ вѣрноподданности королю, и затѣмъ сказали такъ: „собравшіеся въ Брестѣ на соборъ высшіе саповники, дворяне и другіе православные благодарятъ вашу королевскую милость за напоминаніе о соединеніи церквей. Они рады были бы пристать къ этому соединенію, если бы не видѣли изъ прошлыхъ временъ, что подобное соединеніе, часто замышляемое, потомъ рушилось, потому что не было построено на истинномъ и твердомъ основаніи. Они усматриваютъ и теперь важныя препятствія къ признанію подобнаго непрочнаго и безполезнаго соединенія. Первое: они признаютъ себя членами и частію православной Восточной церкви, въ послушаніи которой пребывали шесть сотъ лѣтъ слишкомъ, и безъ согласія же патріарховъ не могутъ входить въ соединеніе съ Западною церковью. Второе: они не мо-

гутъ признать того соединенія, которое затѣяли и устроили нѣсколько владыкъ, людей подозрительныхъ; они не довѣряютъ имъ, опасаясь, что это соединеніе построено ими на худомъ основаніи. Третье: римская церковь полагаетъ въ основѣ единенія власть папы, какъ будто бы единаго верховнаго и всеобщаго пастыря, а они, православные, не признаютъ такимъ пастыремъ никого, кромѣ Господа Іисуса Христа, котораго и апостолъ Петръ называетъ пастыреначальникомъ. Къ тому же православные опасаются, что за подчиненіемъ папѣ могутъ послѣдовать и другія нарушенія въ догматахъ вѣры и обрядахъ православной церкви. По всему этому они, давъ твердый обѣтъ стоять при своей вѣрѣ и церкви, усердно и смиренно просятъ короля не допускать нарушенія церковныхъ и гражданскихъ правъ ихъ, согласно обѣщаніямъ и присягамъ, даннымъ на это его предмѣстниками и имъ самимъ. Они покорно и усильно просятъ, чтобы митрополитъ и владыки, отдавшіеся на унію подъ власть папы, были, согласно рѣшенію православнаго духовнаго собора, устранены отъ ихъ мѣстъ, и чтобы церкви православной дозволено было избрать и поставить на ихъ мѣсто другихъ пастырей, вѣрныхъ православію.

Такъ кончился Брестскій соборъ, которымъ завершился первый свыше трехвѣковой періодъ борьбы Западной Руси за свою вѣру православную и неразлучную съ нею народность русскую. Не были уважены королемъ просьбы православнаго собора; напротивъ, слѣдуя внушеніямъ папы, іезуитовъ, латино-польскихъ епископовъ и пановъ, онъ всѣми мѣрами старался поддержать отступниковъ православія, помогать имъ распространить свою унію; а іезуиты и епископы, въ союзѣ съ папами, примутся распространять и самое латинство

среди православныхъ Западной Руси. Такимъ образомъ со времени Брестскаго собора начнется для нея другой свыше двухсотлѣтній періодъ новой, болѣе трудной и тяжкой борьбы за свою вѣру и народность. Много испытаетъ она страданій и потерь, но проявитъ и великіе подвиги вѣры и любви къ своей народности. Милость Божія не оставитъ ее. Придетъ ей на помощь единовѣрная и единоплеменная Восточная Россія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Борьба Западной Россіи за свою вѣру и народность послѣ Брестскаго собора до возстановленія въ ней православной іерархіи.

---

1. Бѣдственное положеніе православныхъ послѣ Брестскаго собора.

Со времени Брестскаго собора (6—10 октября 1596 г.) начался въ жизни Западной Руси второй свыше двухсотлѣтній періодъ борьбы за свою вѣру и народность—борьбы болѣе трудной и тяжелой, чѣмъ та, которую пережила она въ прежнее время. Умножились трудности и тягости этой борьбы съ появленіемъ въ Западной Руси такъ-называемой уніи, намъ уже извѣстной. На Брестскомъ соборѣ, какъ мы знаемъ, православными изъ всей Западной Руси, съ участіемъ и представителей православнаго Востока, отвергнута была эта унія, принятая небольшимъ и неправеднымъ соборомъ изъ

нѣсколькихъ отпавшихъ отъ православія западно-русскихъ владыкъ и ихъ сообщниковъ, при пособничествѣ латинскихъ епископовъ, іезуитовъ и пановъ. Знаемъ также, что православные, отвергнувъ унію, какъ дѣло неправедное, дали обѣтъ преданности своей св. православной вѣрѣ и церкви, объявили отступниковъ православія отлученными отъ церкви и лишенными ихъ сана, а короля польскаго покорно просили дозволить православной церкви избрать и поставить, взамѣнъ ихъ, другихъ православныхъ епископовъ и сохранить вообще права православной церкви въ Западной Руси. Просьбы православнаго собора не были уважены королемъ. Напротивъ, слѣдуя внушеніямъ римскаго папы, іезуитовъ, латино-польскихъ бискуповъ и пановъ, онъ не только оставилъ уніатскихъ владыкъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ, но и старался всѣми мѣрами поддерживать ихъ незаконную власть, помогать имъ распространять свою унію, повелѣвая православнымъ повиноваться этимъ отлученнымъ пастырямъ. Понятно, что они съ своими сообщниками принялись то лестью, то властью навязывать унію православнымъ въ своихъ епархіяхъ, преслѣдовать неповинующихся имъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. По слѣдамъ первыхъ отступниковъ пошли и ихъ преемники. И вотъ въ предѣлахъ Западной Руси, доселѣ составлявшей единую православную церковь, явилось церковное раздѣленіе. Подлѣ православной церкви явилась уніатская, своею уніею внесшая рознь и непріязнь въ среду братій по вѣрѣ и народности, какими доселѣ чувствовали себя православные Западной Руси. Пользовались этой рознью латино-польскіе бискупы, іезуиты и ксендзы въ союзѣ съ панами и королемъ и, не довольствуясь уніей, стали настойчивѣе увлекать православныхъ и въ самое латинство. Чрезъ отторженіе православныхъ Западной Руси отъ ихъ праотческой

вѣры, чрезъ завлеченіе ихъ въ унію и латинство, они думали упразднить въ нихъ чувство единства ихъ по вѣрѣ и народности съ Сѣверо-Восточною Россіей, объединить въ вѣрѣ съ Польшей, ополячить ихъ и такимъ образомъ навсегда прикрѣпить Западную Русь къ Польшѣ, навсегда слить ихъ въ одно польское государство, въ одинъ польскій народъ, и такимъ образомъ довершить дѣло Люблинской уніи 1569 года.

Итакъ настало теперь для Западной Руси время новыхъ, бо́льшихъ, чѣмъ прежде, смутъ и бѣдъ, новыхъ соблазновъ и притѣсненій ея вѣры и народности, почему и борьба ея за это дорогое праотеческое наслѣдіе становилась сложнѣе, труднѣе и тяжелѣе. Эта борьба ознаменовалась сильнымъ подъемомъ духа у лучшихъ людей Западной Руси, подвигами, трудами и страданіями ихъ для защиты и блага родной вѣры и церкви, страданіями за права своей народности. Въ этой борьбѣ понесетъ Западная Русь и печальныя утраты, увидитъ отпаденіе части русскихъ людей отъ родной вѣры и народности, переходъ ихъ въ унію, перерожденіе въ польскихъ латинянъ, увидитъ въ этихъ отпавшихъ новыхъ недруговъ и гонителей вѣры и народности своихъ бывшихъ братій и своихъ предковъ. Но она будетъ сильна своею правдою, упованіемъ на эту правду, упованіемъ на благой Промыслъ, въ судьбахъ котораго готовилась современемъ помощь и защита ей отъ единовѣрной и единоплеменной Руси Сѣверо-Восточной. Западная Русь въ новый свыше двухсотлѣтній періодъ борьбы ея за свою вѣру и народность переживала разныя состоянія, измѣнявшіяся по отдѣльнымъ кругамъ временъ. По этимъ кругамъ временъ мы и поведемъ здѣсь наши разсказы о ней. Первымъ изъ нихъ былъ около 25-тилѣтній кругъ жизни ея со времени Брестскаго собора до возстановленія въ ней отнятой у нея православной

іерархіи (епископовъ), которое совершилось въ Кіевѣ въ 1620 г. Сосредоточимъ вниманіе на тѣхъ силахъ и средствахъ, какими въ это время располагала и дѣйствовала она въ борьбѣ за свою вѣру и народность, отмѣтимъ тѣхъ достопамятныхъ дѣятелей, мужей и трудниковъ, которые особенно подвизались для защиты и блага церкви въ то тяжелое время.

---

2. Нравственная поддержка со стороны православнаю Востока; посланія и письма патріарха александрійскаю Мелетія.

Въ первое, самое тяжкое время борьбы Западной Руси за свою вѣру особенно важна была ей помощь православнаго Востока, съ которымъ она цѣлые вѣка пребывала въ союзѣ вѣры, признавая высшую церковную власть надъ собой константинопольскаго патріарха, чтобы не оставаться въ зависимости отъ иновѣрной власти польскаго короля. Еще на Брестскомъ соборѣ православные Западной Руси въ своей борьбѣ съ отступниками православія и устроителями уніи воспособлялись духовною силою православнаго Востока, особенно восточныхъ патріарховъ. На соборѣ были послы патріарховъ: константинопольскаго—Никифоръ протосинкелль, и александрійскаго—Кириллъ Лукарисъ, уполномоченные дѣйствовать ихъ духовною властью. Имѣя во главѣ собора такую власть, православные Западной Руси и могли на этомъ соборѣ объявить отлученными и лишенными сана тѣхъ западно-русскихъ владыкъ, которые отпали отъ православія въ унію, въ числѣ ихъ и самого митрополита Михаила Рагозу. Силу такого приговора понимали и творцы уніи и подняли гоненіе на патріаршихъ пословъ, особенно Никифора протосинкелла, который былъ главнымъ изъ нихъ на соборѣ, а

послѣ собора жилъ у князя Константина Острожскаго. Именемъ польскаго короля Сигизмунда III, іезуитскаго послушника, Никифоръ потребованъ былъ на судъ на варшавскомъ сеймѣ 1597 г. Тутъ взвели на него разныя обвиненія и клеветы,—будто онъ самозванецъ, турецкій шпіонъ, не имѣвшій власти отъ патріарха. Никифоръ правдиво защищалъ себя. Защищалъ его предъ королемъ и самъ князь Острожскій, защищая при этомъ и все дѣло Брестскаго собора. Въ трогательной рѣчи онъ напомнилъ королю о его клятвенныхъ обязательствахъ уважать права православной церкви въ Западной Руси, напоминалъ о своихъ заслугахъ королю и государству, просилъ справедливости для невинно судимаго Никифора, напоминалъ о судѣ Божіемъ за неправду. Но все было напрасно. Никифора осудили, заключили въ крѣпость, гдѣ и загубили. И вотъ первая жертва латинопольской неправды, совершенной въ обиду православному Востоку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Западной Руси, заручавшейся его помощью въ своей борьбѣ съ уніей и латинствомъ. Между тѣмъ, чтобъ устранить эту помощь, король Сигизмундъ III издалъ указъ, которымъ повелѣвалось не пропускать въ Западную Русь пришельцевъ и посланцевъ съ Востока, а тѣхъ, какіе явятся—гнать и преслѣдовать. Къ счастью, православные Западной Руси были еще настолько сильны, что могли сами поддерживать сношенія съ православнымъ Востокомъ, а король, хотя бы и хотѣлъ, не могъ пресѣчь эти сношенія. Итакъ они посылали на Востокъ добрыхъ и разумныхъ иноковъ съ вѣстями о бывшемъ соборѣ, съ описаніемъ дѣяній собора, съ увѣреніями о своей преданности православной церкви, о чемъ занесъ вѣсти туда и возвратившійся изъ Западной Руси Кириллъ Лукарисъ. Съ Востока послѣдовалъ рядъ посланій и писемъ въ утѣшеніе и ободреніе православныхъ Запад-

пой Русп. Особенно усердствовалъ въ этомъ дѣлѣ александрійскій патріархъ Мелетій, занявшій на нѣкоторое время мѣсто и константинопольскаго патріарха, оставшееся праздным. То былъ святитель мудрый, просвѣщенный и благочестивый, пламенный ревнитель православія. Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ его посланій и писемъ въ Западную Русь. Въ окружномъ посланіи ко всѣмъ православнымъ Западной Руси онъ писалъ такъ: „благочестивымъ и православнымъ Россамъ, живущимъ подъ державой польскаго королевича, возлюбленнымъ о Господѣ сынамъ нашего смиренія, благодать, милость и миръ отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Мужи россійскіе, воспитанники благочестія, защитники православія, а предъизволеніемъ уже и мученики, какъ противящіеся державнымъ властямъ ради благочестія. Впрочемъ, вы не поднимастесь противъ властей Богомъ установленныхъ, но любовь Божію предпочитаете всему прочему. Нѣчто особенное произошло у васъ. Тѣ, которые учинены были властвовать надъ вами, какъ пастыри, стали волками, отступили отъ добраго стада Христова, но они не смогли расточить васъ или погубить, напротивъ подвигли васъ къ большей ревности по вѣрѣ. О, христолюбивыя овчата Христова стада, отъ Христа научившіяся не слушать голоса чуждыхъ пастырей и не слѣдовать за ними! О, земные ангелы, подражающіе небеснымъ ангеламъ, не ниспадшимъ съ Денницею! Великое чудо благодати Божіей проявилось на васъ въ томъ, что она отвратила васъ отъ бывшихъ владыкъ вашихъ, которые возлюбили нынѣшній вѣкъ и отпали отъ благочестія и православія! Вы пребыли непоколебимыми въ богопреданномъ ученіи вѣры, ученіи Христовомъ, апостольскомъ, свято-отеческомъ. Вы вмѣстѣ со св. отцами и увѣнчаетесь вѣнцемъ правды, который, по слову св. Павла,

воздастъ Господь Богъ въ день праведнаго суда всѣмъ скончавшимъ свое теченіе и соблюдшимъ святую вѣру". Далѣе мудрый святитель Мелетій даетъ рядъ наставленій объ истинной церковной власти въ лицѣ патріарховъ и епископовъ, вѣрныхъ православію, о порядкѣ церковнаго управленія, о церковныхъ братствахъ, церковномъ проповѣдничествѣ и т. п., чтобы такимъ образомъ у православныхъ все было сообразно съ духомъ и чиномъ православной церкви.

Писалъ онъ Гедеону Болобану, епископу львовскому, который вмѣстѣ съ Михаиломъ, епископомъ перемышльскимъ, не послѣдовалъ за владыками-отступниками и особенно ревностно и мужественно защищалъ православіе въ своей епархіи. Похваляя и укрѣпляя его ревность, патріархъ облекъ его званіемъ своего экзарха, т.-е. уполномоченнаго на церковную власть во всей Западной Руси, чтобы такимъ образомъ имѣлась въ ней своя высшая церковная власть взамѣнъ отвергнутой власти митрополита, ставшаго уніатомъ. Еще чаще писалъ святитель Мелетій къ славному князю и великому поборнику православія Константину Острожскому. Князь прежде всѣхъ извѣстилъ патріарха о дѣлахъ Западной Руси послѣ Брестскаго собора чрезъ нарочитаго посланца, іеродіакона Кипріана, о которомъ Мелетій въ письмѣ къ князю выражается такъ: „Кипріанъ, будучи добръ и горя духомъ, бѣгомъ примчался отъ васъ къ намъ, все разсказалъ, все сдѣлалъ". А князю святитель говорилъ такъ: „слышимъ о подвигахъ твоей державной главы, совершаемыхъ для благочестія и за благочестіе православной церкви, украшаемой Божественною благодатью! О васъ носится такая слава поборничества за православіе, что по всей подсолнечной у всѣхъ воспѣвается ваше имя равное побѣдоносному вождю, т.-е. какъ бы имя нѣкоего новаго и великаго Константина!

За такіе подвиги да даруется вамъ неувядаемая старость отъ Бога, для Котораго благочестіе есть нѣчто свое и отъ Котораго намъ, людямъ, дано православіе. Не уставай со Святымъ Духомъ подвизаться за православіе Св. Духа. Побѣдитъ, хорошо знаю, Голіаѳа малый въ братіяхъ Давидъ пращею духа и камнями истины. Мы еще изъ Египта всячески поощряли васъ въ этихъ святыхъ подвигахъ, содѣйствуя вамъ и споборая вашимъ оружіемъ благочестія; потомъ опять изъ Ѳракіи разъ, два или же три *). И хотя насъ гнетутъ страданія церкви, хотя мы терпимъ великія искушенія и величайшія стѣсненія, такъ-что (видитъ Богъ) самая жизнь наша едва держится; однако мы не забываемъ о благочестіи и о тебѣ, подвизающемся за благочестіе. Ночью и днемъ молимся о васъ Человѣколюбцу, воздѣвая свои грѣшныя и какъ бы пособляющія вамъ руки и желая споборать вамъ, какъ только можно".

Въ другомъ письмѣ святитель говоритъ: „часто писали мы къ твоей свѣтлости, то восхваляя твою боголюбивую ревность и твои подвиги за благочестіе, то прося тебя, чтобы ты не оставлялъ своихъ предначинаній, взирая на вѣнцы, обѣщанные въ Евангеліи. Теперь, посылая тебѣ письмо съ возлюбленнымъ сыномъ Кипріаномъ, опять прошу держаться отце-преданнаго ученія, основываясь на томъ самомъ здравомъ размышленіи, что то, чему учитъ православная, т.-е. Восточная церковь, тому учила и церковь Западная, учило и все собраніе вѣрующихъ, утвержденное на семи вселенскихъ соборахъ, какъ на семи столбахъ дома премудрости. И какихъ наградъ достигли оные столь многіе и столь славные отцы, нисколько не уклонявшіеся отъ пути благочестія, такихъ сподобимся и мы. Тѣ же, ко-

*) Изъ Ѳракіи—разумѣется именно—изъ Константинополя.

торые (о, несчастные дни!), услаждаясь новизнами, удаляются отъ отеческаго ученія, окажутся лишенными и отеческой славы". Зная мудрость и благочестіе князя, патріархъ Мелетій назвалъ его своимъ экзархомъ, впрочемъ не для управленія церковью, а для защиты ея отъ внѣшнихъ напастей и для попеченія о ея благосостояніи. Писалъ патріархъ и многимъ другимъ православнымъ князьямъ и дворянамъ Западной Руси, также церковнымъ братствамъ разныхъ городовъ, похваляя твердость ихъ въ вѣрѣ православной, обличая неправды уніи и папизма, объясняя истину и правду церкви православной. Изъ многихъ мудрыхъ совѣтовъ, какіе давалъ онъ православнымъ, замѣчательны особенно частые и настоятельные совѣты его о заведеніи и умноженіи добрыхъ училищъ, печатаніи и распространеніи добрыхъ книгъ, чтобы чрезъ это росло и ширилось въ средѣ православныхъ просвѣщеніе, знаніе христіанскаго православнаго ученія, а съ тѣмъ вмѣстѣ росли и укрѣплялись добрые христіанскіе нравы. А какъ патріархъ, онъ своею духовною властью благословлялъ православныхъ на то, чтобы они, собравшись съ епископами, которые пребыли вѣрными православію, избрали и поставили достойныхъ мужей на мѣсто митрополита и епархіальныхъ владыкъ, отпавшихъ въ унію. Не скоро настанетъ время, когда православнымъ Западной Руси посчастливится исполнить этотъ завѣтъ патріарха. Теперь не позволялъ имъ этого король Сигизмундъ, слушаясь іезуитовъ, оберегая власть уніатскихъ митрополита и владыкъ. Верховодилъ между ними владиміро-волынскій епископъ Ипатій Поцѣй, завзятый уніатъ и папистъ. Святитель Мелетій попытался вразумить его, написалъ ему большое письмо, въ которомъ отечески объяснялъ ему неправоту папства и уніи, истину православія, и умолялъ покаяться и возвратиться къ право-

славію. Грубо отвѣчалъ патріарху этотъ гордецъ, похвалился своею уніей, посказалъ укоризнъ ему и всему православному Востоку. Но не могъ онъ повредить чести патріарха, котораго уважали не только православные, но и многіе изъ иновѣрцевъ. Зная это, король Сигизмундъ III задумалъ склонить патріарха на сторону папы и уніи, написалъ ему льстивое письмо, убѣждая патріарха признать римскаго папу тѣмъ, чѣмъ признаетъ себя самъ папа и чѣмъ уже признали его уніатскіе владыки, т.-е. главою всей вселенской церкви и намѣстникомъ Христа, какимъ былъ апостолъ Петръ, первый епископъ римскій. Патріархъ отвѣчалъ почтительно, но объяснилъ, что такого ученія о папѣ и св. апостолѣ Петрѣ не знала древняя и единая вселенская церковь, не знали древніе св. отцы и вселенскіе соборы, что нѣтъ такого ученія и въ словѣ Божіемъ, и затѣмъ просилъ короля возвратить права церкви православной въ Западной Руси и не преграждать ей сношеній съ православнымъ Востокомъ. Король, душою котораго владѣли іезуиты, остался глухъ къ словамъ патріарха, но не могъ, какъ уже сказано, помѣшать сношеніямъ Западной Руси съ православнымъ Востокомъ.

---

3. Участіе аѳонскихъ старцевъ въ скорбяхъ и бѣдствіи православныхъ Западной Россіи.

Изъ другихъ мѣстъ православнаго Востока помощнымъ ей оказался въ это тяжкое время особенно Аѳонъ. Св. Аѳонская гора со времени преп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ не прерывала сношеній съ Россіей. Теперь на Аѳонѣ находилась дружина и русскихъ иноковъ. И вотъ, когда принесена была на Аѳонъ вѣсть о Брестскомъ соборѣ, объ отступленіи митрополита и пяти

западно-русскихъ владыкъ въ унію, аѳонскіе иноки возгорѣли ревностью по вѣрѣ. Отъ всего Аѳона написано было сильное посланіе къ православнымъ Западной Руси съ увѣщаніемъ быть твердыми въ вѣрѣ православной и съ обличеніемъ на владыкъ, отступившихъ въ унію: „дошла къ намъ, писали аѳониты, плачевная вѣсть объ отступленіи, совершившемся у васъ. Какъ братолюбцы ваши, оплакиваемъ это паденіе, скорбимъ, болѣзнуемъ душею и тѣломъ. Сталось теперь у васъ такъ, что отъ тѣхъ, которые должны были бы озарять церковь свѣтомъ своего житія по Евангелію—отъ тѣхъ возникли мракъ, прелесть, соблазнъ. Но не смущайтесь, благочестивые! Мужайтесь, будьте тверды и непоколебимы въ вѣрѣ, страха людскаго не ужасайтесь. Если и тѣло убіютъ, то соблюдите главу, т.-е. вѣру, и вы прославитесь крестомъ. Ибо мы чаемъ другой жизни, жизни вѣчной, а за временныя скорби намъ уготована отъ Христа радость, если пребудемъ Ему вѣрны... Эту радость воспріимутъ всѣ подвижники—крестоносцы, исповѣдники, по слову св. апостола Павла: *теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его* (2 Тим. IV, 7—8). Не смущайтесь тѣмъ, что нѣкоторые пастыри ваши заблудили и отступили. Безъ такихъ пастырей можно вамъ быть. Самъ Богъ изгналъ ихъ изъ церкви, какъ недостойныхъ носить высокое имя пастырей. Они не были истинными пастырями и учителями; это были прелестники, занявшіе престолы лестью и хитростью, чтобы владѣть имѣніями, а не служить церкви. Дырою влѣзли они на церковныя пастырства, а не дверьми, какъ говорилъ о такихъ Христосъ. Не свѣтомъ чистаго житія, не смиреніемъ и подвижничествомъ достигли они епископства... Гдѣ добродѣтели

и христіанскіе подвиги ихъ?... Не всѣ ли они отъ юности до старости упражнялись въ ссорахъ, тяжбахъ, судахъ, и всякихъ житейскихъ ухищреніяхъ? Вчера воинъ, панъ, сластолюбецъ, а на завтра епископъ. Не для того искали они епископства, чтобы радѣть о церкви Божіей, а для того, чтобы имѣть больше богатства, больше слугъ, обильнѣе трапезы. На епископствахъ они богатятъ свою родню, отдаютъ дочерей въ богатыя замужества, величаются и высятся. Потому-то они и отбѣгли въ римскую церковь, чтобы не раздѣлять тѣхъ скорбей, гоненій и поруганій, какія терпятъ вѣрные православные отъ латинянъ и польскаго панства. Они отбѣгли въ латинскій покой, сулимый имъ подъ силою и славою папской. Но вы, братіе, нечистотѣ ихъ не прикасайтеся, а лучше терпите скорби и попошенія, по слову Христову: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и гонятъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Матѳ. V, 11—12). Въ числѣ западно-русскихъ иноковъ Аѳона славился особенно Іоаннъ Вишенскій. Этотъ ревнитель написалъ нѣсколько посланій и учительныхъ граматъ въ Русь. Сильное обличительное посланіе направилъ онъ къ самому митрополиту Михаилу Рагозѣ и владыкамъ-уніатамъ, и между прочимъ такъ говоритъ имъ: „покажите мнѣ вы, згоду (ушію) вяжущіе, кто изъ васъ соблюлъ вѣру и заповѣди Христовы? Не вы ли еще прежде разорили вѣру своими злыми дѣлами? Не вы ли воспитали въ себѣ похоть лихоимства и мірскаго стяжанія? Никакъ не можете насытиться, а все болѣе и болѣе болѣете алчбою и жаждою прибытковъ. Покажите мнѣ, кто изъ васъ исполнилъ шесть заповѣдей Христовыхъ: алчущаго накормить, нагаго одѣть, больнаго посѣтить и проч.? Не вы ли заставляете алкать и голодать вашихъ бѣдныхъ поддан-

ныхъ, носящихъ тотъ же образъ Божій, какъ и вы?... Не отнимаете ли вы у нихъ коней, воловъ, овецъ, выжимаете отъ нихъ дани, обпажаете ихъ, мучите, томите во всякое время, зимою и лѣтомъ, въ непомѣрныхъ трудахъ? А сами, какъ идолы, сидите на одномъ мѣстѣ, и если понадобится вамъ перенести свое идолотворенное туловище на другое мѣсто, то переносите безскорбно на колесницѣ, какъ бы сидя дома, тогда какъ бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятся и мучатся... Гдѣ вы послужили больнымъ? Не вы ли дѣлаете здоровыхъ больными, бьете ихъ, мучите, убиваете? Постучись только въ лысую свою голову, бискупе луцкій, сколько ты, во время своего священства, живыхъ послалъ къ Богу мертвыми, сколько изгналъ изъ этой жизни, однихъ сѣченіемъ, другихъ потопленіемъ, третьихъ паленіемъ огненнымъ! Вспомни и Филиппа маляра, многоденежнаго: кому достались его румяные золотые послѣ его насильственной смерти, и въ чьемъ кошелькѣ нынѣ находятся?... Кого вы посѣщали въ темницахъ? Не сами ли вы заключаете христіанъ въ темницы за правду? Не ваша ли милость позаботилась заключить въ темницу Никифора, чтобы вамъ безпечно паиствовать и не слышать изъ устъ его обличеній за свое отступленіе съ вашимъ папою?... Покажите мнѣ, кто изъ васъ отрекся міра и взялъ на себя крестъ Христовъ? Не больше ли вы имѣете теперь, чѣмъ прежде имѣли въ мірѣ?... Вотъ его милость Потѣй, хотя и каштеляномъ былъ, но только по четыре слуги волочилъ за собою, а нынѣ, когда бискупомъ сталъ, то больше десяти насчитаешь. Такъ же и его милость арцибискупъ, когда былъ простою рогозиною, не знаю, могъ ли держать и двухъ слугъ, а нынѣ больше десяти держитъ. Такъ же и Кириллъ, когда былъ простымъ попомъ, только дьячка за собою воло-

чилъ, а какъ сталъ бпскупомъ, догоняетъ числомъ слугъ двухъ первыхъ владыкъ"... Окончивъ свои обличенія владыкамъ-отступникамъ, Іоаннъ опровергаетъ разные толки ихъ и отговорки, которыми они старались оправдать свое отступничество, и въ заключеніе убѣждаетъ ихъ образумиться и покаяться. Въ посланіи къ князю Константину Острожскому и всѣмъ православнымъ Южной и Западной Руси онъ прежде всего благодаритъ Бога за ихъ твердость въ православной вѣрѣ, убѣждаетъ и впредь пребывать непоколебимыми въ ней и не бояться папы, его слугъ, а надѣяться на Бога, но только покаяться предъ Нимъ и исправиться. Затѣмъ преподаетъ разные совѣты касательно наставленія въ вѣрѣ, церковнаго благочестія, богослуженія, избранія достойныхъ пастырей, устроенія иноческаго общежитія, искорененія въ народѣ суевѣрій и дурныхъ обычаевъ, чтобъ такимъ образомъ оживить и поднять духъ вѣры и церкви въ народѣ. Пламенный ревнитель вѣры и благочестія написалъ еще общее обличеніе всему народу въ предѣлахъ тогдашняго польскаго государства. „Тебѣ, въ землѣ польской живущему, всякаго возраста, чина и состоянія народу русскому, литовскому и польскому, въ разныхъ сектахъ и вѣрахъ пребывающему, сей гласъ въ слухъ да достигнетъ", — такъ начинаетъ свое третье посланіе инокъ Іоаннъ Вишенскій, и затѣмъ продолжаетъ: „извѣщаю васъ, что земля, по которой ногами вашими ходите, плачетъ по васъ предъ Господомъ Богомъ и вопіетъ, да пошлетъ Онъ серпъ смертный на васъ, какъ древле на содомлянъ, желая лучше стоять пустою въ чистотѣ, нежели населенною вашимъ безбожіемъ и осквернепною вашими беззаконными дѣлами. Ибо гдѣ теперь въ польской землѣ вѣра, гдѣ надежда, гдѣ любовь? Гдѣ правда и справедливость суда? Гдѣ непорочное священство, гдѣ крестопос-

ное житіе иноческое? Гдѣ простое благоговѣйное и благочестивое христіанство? Зачѣмъ именемъ христіанскимъ называть себя безстыдно дерзаете, когда силы того имени не храните? О, окаянная утроба, которая такихъ сыновъ на погибель вѣчную породила! Нынѣ въ польской землѣ всѣ священники, какъ нѣкогда іезавелины жрецы, чревомъ, а не духомъ совершаютъ службу; папы же надъ своими подданными сдѣлались богами, высшими Самого Бога. Вмѣсто евангельской проповѣди, апостольской науки и святого закона, нынѣ поганскіе учители (Аристотели, Платоны и другіе имъ подобные) во дворахъ Христа Бога владычествуютъ. Вмѣсто суда и правды царствуютъ несправедливость, ложь, кривда; вмѣсто вѣры, надежды и любви—безвѣріе, отчаяніе, ненависть; вмѣсто цѣломудреннаго житія—скверная нечистота. Покайтесь же всѣ, жители земли той, покайтесь, да не погибнете двоякою погибелью, вѣчною и временною. А если не хотите покаяться всѣ, то вы, православные, будьте готовы отдѣлиться отъ этого погибельнаго и содомскаго рода, чтобъ быть истинно новымъ Израилемъ, а не язычниками. Ибо гдѣ, между язычниками, видны такіе плоды нечестія, какъ нынѣ въ землѣ польской? Не скорбите: Господь съ вами; имѣйте вѣру и надежду на Него непоколебимую; на пановъ же вашихъ русскаго рода, на сыновъ человѣческихъ, не надѣйтесь: въ нихъ нѣтъ спасенія, они отступили отъ Бога къ прелести еретической... Да будутъ прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себѣ изъ мѣстъ святыхъ подѣлали; сами, съ слугами своими и пріятелями, скотскую въ нихъ жизнь провождаютъ, грошй сбираютъ и на доходы, назначенные для богомольцевъ Христовыхъ, дочерямъ своимъ приданое готовятъ, сыновей одѣваютъ, женъ украшаютъ, слугъ

умножаютъ, пріятелей обогащаютъ, кареты устрояютъ... Владыки безбожные вмѣсто правила, книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господнемъ, день и ночь надъ статутами сидятъ и во лжи весь вѣкъ свой упражняются"... Послѣ другихъ, столько же рѣзкихъ обличеній, обращенныхъ ко всей землѣ польской, посланіе оканчивается новыми воззваніями къ покаянію, пока есть время. Отъ Іоанна Вишенскаго и другихъ ревнителей доходили въ Западную Русь и другія писанія въ обличеніе уніатскаго отступленія и латино-польскихъ соблазновъ, въ утѣшеніе и ободреніе православнымъ и въ назиданіе имъ.

---

4. Ревность православныхъ епископовъ Западной Россіи въ борьбѣ съ уніей.

Но, воспособляясь православнымъ Востокомъ, Западная Русь находила и въ себѣ самой силы и средства для защиты своей вѣры, имѣла и своихъ поборниковъ ея. Таковы были прежде всего епископы, оставшіеся вѣрными православію. Всего было ихъ два: Гедеонъ, епископъ львовскій, и Михаилъ, еп. перемышльскій (оба въ Галиціи). Но тѣмъ дороже они были православнымъ, послѣ отпаденія въ унію остальныхъ шести, въ числѣ ихъ и самого митрополита. Митрополитъ-уніатъ съ владыками-уніатами приговорилъ этихъ двухъ епископовъ къ отлученію и удаленію, и король подтвердилъ такой приговоръ. Но Гедеонъ и Михаилъ не убоялись этого неправеднаго приговора и удержали свои мѣста и свою власть, дружно поддерживаемые своими паствами и другими сильными лицами изъ православныхъ, каковъ особенно Константинъ Остроякскій. Оба эти епископа старались не допускать вторженія въ ихъ епархіи власти уніатскихъ митрополи-

товъ Михаила Рагозы и его преемника Ипатія Поцѣя. Особенно Гедеонъ львовскій отличался силою духа, ревностью въ борьбѣ съ отступниками и попеченіемъ о церкви во всей Западной Руси, имѣя на то и право по званію экзарха, какимъ облекъ его патріархъ Мелетій. Онъ поставлялъ діаконовъ, священниковъ, игуменовъ, архимандритовъ не только для своей епархіи, но и для другихъ епархій, въ которыхъ епископами были уніаты, непризнаваемые тамошними православными паствами. Безбоязненно онъ и самъ посѣщалъ такія епархіи, совершалъ освященіе церквей, антиминсовъ, рукоположенія въ священныя степени. Злобились на него уніатскіе владыки. Особенно сильно возставалъ на него Ипатій Поцѣй, сперва какъ епископъ владиміро-волынскій, а потомъ митрополитъ послѣ Рагозы. Онъ вопилъ и жаловался на Гедеона то королю, то папѣ, то сильнымъ бискупамъ и ксендзамъ; временами кидалъ проклятія на Гедеона. Но все было напрасно. Гедеонъ твердо стоялъ на своемъ мѣстѣ и въ своемъ долгѣ и устоялъ до конца. Какъ мудрый и ревностный пастырь, Гедеонъ назидалъ православныхъ и своей и другихъ епархій окружными посланіями; основалъ въ своемъ епископскомъ имѣніи Стрятинѣ высшую школу, устроилъ книгопечатню, издавалъ церковныя и учительныя книги, говоря, что дѣлаетъ это и по собственной ревности о духовной пользѣ православныхъ и по наставленію отъ блаж. патріарха Мелетія. Когда въ 1607 г. скончался ревностный архипастырь Гедеонъ Болобанъ, то латинскій львовскій арцибискупъ и король Сигизмундъ задумали отнять у православныхъ епископскую каѳедру въ Львовѣ и посадить на нее уніата. Но православные съ великими усиліями отстояли ее и избрали преемникомъ Гедеону вѣрнаго, благочестиваго Іеремію Тиссаровскаго, который по благосло-

венію константинопольскаго патріарха былъ посвященъ во епископа въ сосѣдней Валахіи. Возвратясь оттуда во Львовъ, онъ прежде всего утѣшилъ свою паству окружнымъ посланіемъ, въ которомъ заявлялъ свою вѣрность православію, увѣщалъ ее твердо стоять въ вѣрѣ православной, не смотря на бѣды и гоненія отъ враговъ ея. Не такъ посчастливилось перемышльской епархіи. Когда въ 1610 г. скончался православный архипастырь ея Михаилъ Копыстенскій, то король съ уніатскимъ митрополитомъ Ипатіемъ Поцѣемъ насильно, противъ воли православныхъ, посадилъ на перемышльскую каѳедру уніата, и притомъ человѣка негоднаго. Горевали православные перемышльской епархіи, но не смогли избавиться отъ насильника и только чуждались его, какъ лжпваго пастыря. Горько было и всѣмъ православнымъ Южной и Западной Руси, что теперь осталась у нихъ только одна изъ восьми епископскихъ каѳедръ и только одинъ епископъ, жившій притомъ въ далекомъ Львовѣ. Чувствовали они, что церкви нельзя быть безъ епископовъ, и потому нѣкоторые изъ православныхъ князей и монастырей пріючпвали у себя епископовъ пришлыхъ изъ Греціи, Болгаріи и Сербіи, которые и совершали для нихъ рукоположенія въ священныя степени. Но понятно, что такими пришлыми и временными епископами нельзя было довольствоваться. Необходимы были свои и постоянные. Вздыхали о томъ православные. Слышались среди нихъ слова скорби, но и надежды: „когда святый Богъ дастъ намъ епископовъ?“ И дастъ имъ Богъ епископовъ, какъ увидимъ потомъ.

5. Твердость православныхъ монастырей; насильственный захватъ уніатами нѣкоторыхъ православныхъ обителей.

Кромѣ епископовъ, пребывшихъ вѣрными православію, сильными поборниками за вѣру явились монастыри съ своими архимандритами, игуменами и братіею. Когда митрополитъ Рагоза съ пятью владыками отпали въ унію, то къ нимъ пристали всего два-три игумена или архимандрита, и то болѣе по принужденію, чѣмъ по доброй волѣ; всѣ же прочіе были непричастны этому неправедному дѣлу. Теперь уніатскіе митрополиты и владыки хотѣли прибрать къ своимъ рукамъ православные монастыри, чтобы насадить въ нихъ свою унію и завладѣть богатыми имѣніями, какія были у нѣкоторыхъ монастырей; требуя подчиненія отъ монастырей, ихъ игуменовъ и архимандритовъ, эти митрополиты и владыки ссылались на свою епископскую власть, а еще болѣе на власть короля, который щедро раздавалъ имъ граматы на монастыри, чтобы этимъ наградить отступниковъ за унію и пособить имъ насаждать ее въ монастыряхъ и въ православномъ монашествѣ. Но архимандриты, игумены и братства православныхъ монастырей справедливо разсуждали, что митрополитъ и владыки, отпавшіе въ унію и осужденные соборомъ, не могутъ имѣть власти надъ ними, да и король, клявшійся при коронованіи уважать права православной Руси, незаконно дѣлаетъ, отдавая монастыри отступникамъ. Такъ размышляя, православные монастыри и монашествующіе, насколько могли, отстаивали себя, защищая тѣмъ и свою вѣру. Особенно прославилась въ этомъ подвигѣ Кіево-Печерская лавра. Король Сигизмундъ III издалъ приказъ о взятіи лавры и ея имѣній подъ власть уніата м. Рагозы, чтобы наградить его за унію и насадить ее въ самой лаврѣ. Это онъ

сдѣлалъ по совѣту латинскихъ бискуповъ и съ одобренія папы, который прислалъ даже свою буллу (грамату) на подчиненіе лавры уніатскимъ митрополитамъ, какъ будто имѣлъ онъ какое-либо право до лавры, до чужого добра! Не разъ послѣ сего король присылалъ своихъ коммиссаровъ съ приказомъ взять лавру и ея имѣніе на имя м. Рагозы, который уже и звалъ себя архимандритомъ лавры. Но лаврская братія, во главѣ съ своимъ архимандритомъ Никифоромъ Туромъ, каждый разъ твердо отражали эти несправедливые приказы. Лаврскіе иноки не допускали коммиссаровъ даже въ ограду лавры, встрѣчали ихъ передъ воротами и говорили: „мы имѣемъ архимандрита, и новаго намъ не нужно, да и нѣтъ въ Кіевѣ митрополита; а Михаила Рагозу, котораго за отступничество отъ православія наши духовные низложили, мы не признаемъ митрополитомъ и не дозволимъ увязать его въ нашъ монастырь (т.-е. отдать монастырь въ его власть)“. Въ другой разъ они говорили королевскому коммиссару: „знаемъ, зачѣмъ ты пріѣхалъ и какіе листы имѣешь отъ короля; тѣхъ листовъ и слышать и видѣть не хотимъ и монастырь нашъ будемъ крѣпко охранять. Король ничего не имѣетъ до насъ, и мы не должны его слушать, такъ какъ онъ нарушаетъ наши права и вольности“. Преемникъ Никифора Тура († 1599 г.), благочестивый и просвѣщенный архимандритъ Елисей Плетенецкій, въ союзѣ съ братіей также твердо отстаивалъ лавру отъ притязаній преемника Рагозы, м. Ипатія Поцѣя, который беззаконно называлъ себя архимандритомъ лавры, хотя не смѣлъ и глазъ показать въ ней. Наконецъ за лавру вступилось православное дворянство кіевской области, настоятельно домогаясь, чтобы король отмѣнилъ свое распоряженіе о передачѣ ея уніату митрополиту. Король долженъ былъ уступить. Но

теперь бѣдный король долженъ былъ самъ просить папу, чтобы онъ отмѣнилъ свою буллу о передачѣ лавры уніатскому митрополиту. Не радъ былъ папа, но согласился на просьбу короля и только наказалъ ему за лавру вознаградить Поцѣя чѣмъ-нибудь другимъ, а о самой лаврѣ постараться, чтобы въ нее былъ назначенъ архимандритомъ уніатъ или римско-католикъ. Но не дождались того ни король, ни папа. Лавра никогда не была въ унiи. Не дались въ руки уніатамъ и другіе кіевскіе монастыри: Михайловскій, Никольскій, Кирилловскій и Межигорскій. Удалось имъ захватить на время только Выдубицкій монастырь. За то успѣли они силою, т.-е. съ помощью королевскихъ приказовъ и чиновниковъ, позахватывать монастыри въ другихъ городахъ и областяхъ Западной Руси, какъ напр. Свято-Троицкій въ Вильнѣ, Свято-Троицкій въ Слуцкѣ, Супрасльскій на Полѣсьѣ, Жидичинскій на Волыни, Спасскій въ Кобринѣ, Лавришевскій близъ Новогрудка, Лещинскій близъ Пинска и др., всего до 12 монастырей. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ монастырей уніатское монашество устроилось по образцу латинскаго. Такъ явились въ уніи монахи базиліане, похожіе во многомъ на іезуитовъ. Скоро они, руководимые іезуитами, стали вожаками въ уніи и причинили много бѣдъ и смутъ православной церкви. Впрочемъ большинство монастырей, захваченныхъ въ унію, было въ худомъ положеніи. Лучшіе иноки, вѣрные православію, были изгнаны или сами бѣжали изъ нихъ. Остались малодушные или распущенные, сдавшіеся на унію; новыхъ порядочныхъ иноковъ уніатовъ не откуда было набрать для нихъ. Слѣдуетъ замѣтить еще, что, довольствуясь чужимъ добромъ, т.-е. монастырями, отнятыми у православныхъ, уніаты не охотились устраивать новые монастыри, такъ что за все описываемое пятилѣтіе основался у нихъ всего одинъ новый монастырь (въ Минскѣ).

6. Просвѣтительная дѣятельность православныхъ монастырей; возникновеніе новыхъ обителей.

Лучше было состояніе монастырей и монашества у православныхъ. У нихъ во всей Южной и Западной Руси оставалось еще много монастырей, которые, крѣпко стоя при вѣрѣ православной, не дали себя въ руки уніатовъ, благодаря частію собственной стойкости, частію защитѣ со стороны православныхъ ктиторовъ изъ князей и дворянъ, городскихъ обществъ и братствъ. Сверхъ того у православныхъ возникло до десяти новыхъ монастырей, основанныхъ ревнителями православія и благочестія, каковы: въ Кіевѣ—Братскій-Богоявленскій, въ Вильнѣ—Свято-Духовскій, Братскій, въ Украинѣ—Прилуцкій-Густынскій, Лубенскій и др. Но главное то, что въ православныхъ монастыряхъ и монашествѣ сказался теперь подъемъ духовныхъ силъ въ подвигахъ иноческаго благочестія и въ служеніи защитѣ и благу церкви православной. Явились новые подвижники и учители иночества, и въ числѣ ихъ бывальцы св. Аѳонской горы, гдѣ они учились иноческой жизни, какъ прежде преп. Антоній Печерскій. Таковъ Іовъ Княгининскій, другъ Іоанна Вишенскаго, близкій къ епископу Гедеону и князю Константину Острожскому, много лѣтъ подвизавшійся на Аѳонѣ, а потомъ, возвратясь на родину въ Галицкую Русь, основавшій здѣсь три монастыря, отличавшіеся высокимъ духомъ иноческаго житія. Таковъ Исакій Борисковичъ, устроивший съ помощью того же Іова строгое общежитіе въ Дерманскомъ монастырѣ на Волыни, подъ покровительствомъ ктитора его, князя Острожскаго. Таковъ Исаія Копинскій, устроитель монастырей въ за-Днѣпровской Украинѣ или Полтавщинѣ, въ имѣніяхъ князей Вишневецкихъ, тогда еще вѣрныхъ православію. Замѣ-

чателенъ подъемъ духовной жизни и въ кіевскихъ монастыряхъ, особенно въ лаврѣ. Наиболѣе поревновалъ объ этомъ извѣстный уже намъ благочестивый и просвѣщенный архимандритъ ея Елисей Плетенецкій, имѣвшій помощниками того же Іова Княгининскаго, Исаію Копинскаго и другихъ, нашедшихся въ самой лаврѣ, или призванныхъ изъ другихъ добрыхъ монастырей. Здѣсь-то надобно сказать, что, ревнуя о подъемѣ духовной жизни въ монастыряхъ, всѣ упомянутые подвижники и пособники ихъ одушевлялись при этомъ не только собственною любовью къ подвижничеству, но и мыслію о благѣ всей церкви въ Западной Руси. Они помнили, что въ былое время жизнь въ монастыряхъ поослабѣла отъ разныхъ безпорядковъ и нестроенія, что эта слабость, эти безпорядки и нестроенія были бы теперь особенно опасны, когда церковь въ Западной Руси подпала новымъ бѣдствіямъ отъ уніи, что нужно поэтому покаяться, одуматься, начать лучшую жизнь, и этимъ укрѣпить православное монашество и вырастить въ немъ новыя силы для защиты вѣры и церкви и ея духовнаго преспѣянія. И дѣйствительно, теперь важнѣйшіе православные монастыри много болѣе прежняго стали назидать общество и народъ примѣромъ строгаго благочестія, укрѣплять въ вѣрѣ благоговѣйнымъ служеніемъ и пѣніемъ, имѣли у себя, особенно въ лаврѣ, добрыхъ проповѣдниковъ, заводили училища, типографіи, печатали церковныя и учительныя книги въ поученіе православнымъ и обличеніе противникамъ вѣры и церкви, устраивали богадѣльни и странноприимницы. Наконецъ въ монастыряхъ воспитаются для Западной Руси достойные избранники на епископство, которые и выступятъ сильнѣйшими поборниками вѣры и церкви, какъ увидимъ ниже.

7. Бѣдствія православнаго духовенства; подвиги мученичества.

Бѣлое духовенство, соборное и приходское, также ознаменовало себя въ борьбѣ за вѣру. Но борьба эта была для него тяжелѣе, чѣмъ для монашествующаго духовенства. Бѣлому духовенству труднѣе было противиться незаконнымъ уніатскимъ владыкамъ и ихъ уніи, потому что оно не было такъ сильно союзомъ и средствами, какъ монастырскія братства, а главное потому, что уніатскіе владыки, опираясь на польскія власти, имѣя толпы слугъ, могли изгонять и изгоняли священниковъ съ ихъ мѣстъ, а слѣдовательно лишали ихъ съ семействами средствъ къ жизни. Не разъ владыки учиняли и болѣе жестокія насилія надъ священниками, отвергавшими унію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и власть уніатскихъ владыкъ. Однако и этимъ владыкамъ далеко не легко удалось принудить духовенство къ уніи, а во многихъ мѣстахъ и совсѣмъ не удалось. Такъ въ митрополичьей епархіи, обнимавшей Кіевъ, Вильну, Троки, Минскъ, Новогрудокъ, Слуцкъ, Гродно и сосѣдніе города съ ихъ уѣздами, сопротивленіе уніи оказало прежде всего кіевское духовенство. Оно отказалось признавать власть м. Михаила Рагозы, какъ низложеннаго соборомъ за унію. А когда преемникъ его Ипатій Поцѣй въ 1610 г. прислалъ въ Кіевъ своего уніатскаго оффиціала (старшаго протопопа), и тотъ потребовалъ, чтобы въ недѣлю православія всѣ священники явились въ Софійскій соборъ, служили съ нимъ, поминая папу и м. Ипатія Поцѣя, то священники, собравшись предъ соборомъ, сказали, что не будутъ служить съ нимъ, не признаютъ власти уніата-митрополита, ни его уніи. Однако, съ помощью польской власти, Софійскій соборъ отданъ былъ уніатамъ, а прочія церкви почти всѣ остались за православными священниками, собо-

ромъ же ихъ была Успенская церковь на Подолѣ. За кіевскія церкви вступились и горожане, готовы были вступиться и козаки, такъ что уніатскіе митрополиты не отваживались и глазъ показать въ Кіевѣ. Боролось съ уніею духовенство и въ Вильнѣ. Но здѣсь сильна была польская власть; здѣсь сильнѣе налегалъ на него м. Ипатій Поцѣй. Поэтому, послѣ разныхъ колебаній въ борьбѣ православія съ уніею, значительная часть виленскихъ церквей взята была на унію, въ томъ числѣ и соборная Пречистенская церковь. Въ Слуцкъ митрополитъ Рагоза прислалъ сперва своего намѣстника съ властью налагать запрещеніе на всѣхъ священниковъ, несогласныхъ на унію, и запечатывать ихъ церкви. Когда затѣмъ прибылъ въ Слуцкъ и самъ митрополитъ Рагоза, то слуцкіе горожане готовы были забросать его камнями, за что, впрочемъ, они обложены были ежегодною пеней. Преемникъ Рагозы Поцѣй уже сильнѣе палегъ на слуцкое духовенство: „помните, писалъ онъ слуцкимъ священникамъ, я вамъ не Рагоза!“ И точно: Поцѣй былъ завзятѣе Рагозы, а теперь онъ имѣлъ за собою въ Слуцкѣ еще и власть латинника папа Ходкевича: и такъ вынужденно было слуцкое духовенство покориться намѣстнику Поцѣя и платить ему такъ-называемыя куницы, т.-е. своего рода подать. Въ Новогрудкѣ духовенству было еще труднѣе противиться уніи: самъ новогрудскій воевода Ѳедоръ Скумынъ-Тышкевичъ, бывшій православный, къ несчастію отпалъ въ унію и увлекалъ за собой и другихъ. Долѣе держалось противъ уніи минское духовенство, но также должно было уступить силѣ митрополичьей власти, особенно при митрополитѣ Поцѣѣ. Этотъ же Поцѣй еще грознѣе поступилъ съ духовенствомъ въ своей владиміро-волынской и брестской епархіи, которую онъ, по милости короля, удерживалъ за собой и тогда, когда сталъ ми-

троплитомъ. Такъ напр. въ Брестѣ онъ за непокорность уніи приказалъ схватить православнаго священника Павла и заключить въ смрадную темницу; другимъ священникамъ брилъ бороды и головы; третьихъ выгонялъ съ приходовъ, подвергалъ побоямъ и истязаніямъ. Во Владимірѣ-Волынскомъ при церкви святаго Василія былъ твердый въ православіи священникъ Мартинъ, безбоязненно совершавшій службы для своихъ православныхъ прихожанъ. Озлился на него Поцѣй. Въ 1600 г. наканунѣ Рождества Христова благочестивый Мартинъ совершалъ заутреню. Вдругъ, внезапно ворвались въ церковь съ шумомъ и крикомъ до двадцати вооруженныхъ слугъ Поцѣя, схватили о. Мартина и повлекли его къ Поцѣю. Поцѣй прежде всего собственноручно ударилъ его въ лицо, потомъ, вошедши въ самую церковь и ставъ на амвонъ, приказалъ представить ему о. Мартина въ полномъ облаченіи и съ чашею въ рукахъ; а когда о. Мартинъ былъ представленъ, Поцѣй отобралъ у него чашу, велѣлъ снять съ него священническія одежды и, взявъ ножницы, самъ остригъ его голову на четыре стороны, поручивъ тутъ же діакону выстричь ее всю. Подобно Поцѣю, и его главный сообщникъ Кириллъ Терлецкій насильничалъ надъ духовенствомъ въ своей луцкой и острожской епархіи. Такъ близъ Луцка при монастырской Спасской церкви былъ священникъ Стефанъ Добрянскій; онъ еще на Брестскомъ соборѣ 1596 года явилъ себя смѣлымъ противникомъ уніи и пришявшаго ее владыки Кирилла. Непоколебимо противился онъ уніи и теперь, когда Кириллъ сталъ силою вводить ее въ церквахъ и духовенствѣ г. Луцка. Потому православные изъ города стали обращаться къ о. Стефану за духовными требами. На что же отважился отступникъ Кириллъ? Онъ подослалъ своихъ людей, которые под-

стерегли о. Стефана, когда онъ возвращался изъ города въ свою подгородную церковь, схватили его и спустили подъ ледъ въ р. Стырь. Православные занесли жалобу, подтвердили ее свидѣтельскими показаніями объ убійствѣ, но справедливаго суда не дождались. Впрочемъ не всѣ владыки, принявшіе унію, были такъ ретивы въ распространеніи ея въ духовенствѣ и народѣ, какъ Поцѣй и Терлецкій. Такъ о полоцкомъ епископѣ Германѣ близкій современникъ говоритъ: „владыка Германъ не принуждалъ священниковъ къ уніи. Напротивъ, когда имъ (отъ имени короля) велѣно было подписываться на унію, а городской протопопъ Соломонъ и другой съ нимъ не захотѣли подписываться, то владыка разорвалъ листъ, на которомъ иные уже подписались было, заплакалъ, а протопопа Соломона взялъ себѣ въ духовники. Такимъ, т.-е. вѣрнымъ въ душѣ православію, остался Германъ до самой смерти. И въ епархіальномъ духовенствѣ, принужденномъ принять унію, громадное большинство оставалось въ душѣ вѣрнымъ православію и готово было въ первое же удобное время броспть насильно навязанную ему унію. Вотъ примѣръ на это. Въ одномъ округѣ митрополичьей епархіи, на Подлѣсьѣ, въ г. Заблудовѣ (близъ Бѣлостока) былъ знаменитый протопопъ Несторъ Козьмичъ, бывшій еще на Брестскомъ соборѣ въ числѣ главныхъ поборниковъ православія противъ уніи. Свѣдавъ о его ревности по вѣрѣ, константинопольскій патріархъ далъ ему званіе экзарха, т.-е. право именемъ патріарха охранять православіе и благочиніе въ духовенствѣ всей митрополіи. Когда въ 1609 г. со многихъ мѣстъ православные собрались занесть на варшавскомъ сеймѣ жалобы на неправды и жестокости Поцѣя, Несторъ Козьмичъ, по званію экзарха, издалъ окружное посланіе къ духовенству съ призывомъ

возревновать о православіи. И вотъ въ Слуцкѣ, Новогрудкѣ, Гроднѣ, Минскѣ, Трокахъ, Жировичахъ (недалеко отъ г. Слонима) и др. мѣстахъ духовенство, во главѣ съ своими протопопами, отказалось отъ уніи, изъяло свои церкви изъ-подъ власти уніата Поцѣя. Поцѣй испугался и горько завопилъ о помощи къ своимъ латино-польскимъ покровителямъ, а тѣ къ королю. Скоро Поцѣй опять увидѣлъ за собою силу, предъ которою волей-неволей духовенство должно было присмирѣть и терпѣть противную ему власть уніатскаго митрополита и его унію. Преемникъ Поцѣя Рутскій уже довольно спокойно пользовался своею властью надъ уніатскимъ духовенствомъ и старался привлечь къ уніи и забрать подъ свою власть остальное православное духовенство. То же дѣлали и другіе уніатскіе владыки въ своихъ епархіяхъ. Православное духовенство еще было численнѣе уніатскаго, за то послѣднее почти вездѣ заняло старшинство власти при каѳедральныхъ соборахъ, ибо къ такому старшинству допускали только уніатовъ, а православныхъ удаляли съ старшинства или вообще не допускали къ нему. Устроивъ свое старшее духовенство по образцу латинскихъ соборовъ или каптуловъ при бискупахъ, уніатскіе митрополиты и владыки желали создать изъ него новую силу для давленія на прочее духовенство, для утвержденія уніи и дальнѣйшаго распространенія ея. Итакъ борьба съ уніею становилась, чѣмъ далѣе, тѣмъ сложнѣе и тяжелѣе.

---

8. Православные князья и дворяне — защитники вѣры и русской народности.

Но въ борьбѣ съ уніей и латинствомъ не были одинокими православные архипастыри, не были безпо-

мощны ни монастыри, ни духовенство. Въ борьбѣ живое и сильное участіе принимали міряне, каковы прежде всего *православные князья и дворяне*. Во главѣ этѣхъ и другихъ, какъ прежде до Брестскаго собора и на соборѣ, такъ и теперь послѣ собора, стоитъ все тотъ же могущественный, просвѣщенный и благочестивый князь Константинъ Острожскій. Съ любовію нося данное ему патріархомъ высокое званіе экзарха, онъ являлся истиннымъ попечителемъ о церкви на всемъ пространствѣ Южной и Западной Руси. Не разъ предостерегалъ онъ короля отъ несправедливыхъ и обидныхъ православной церкви распоряженій, ходатайствовалъ предъ нимъ о ея дѣлахъ. Какъ кіевскій воевода, онъ оказывалъ покровительство православнымъ въ Кіевѣ, въ частности здѣшнимъ монастырямъ, церквамъ и духовенству. Какъ владѣтель громадныхъ имѣній, цѣлыхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ на Волыни, онъ въ этихъ имѣніяхъ поддерживалъ и обновлялъ монастыри, церкви, защищалъ ихъ отъ захвата уніатскихъ владыкъ. Онъ сносился съ православными всѣхъ концовъ края, увѣщевалъ своими посланіями, мирилъ распри, утѣшалъ въ скорбяхъ и гоненіяхъ, возбуждая къ терпѣнію и упованію на Бога. Онъ поддерживалъ свою острожскую школу и типографію, завелъ новую школу и типографію при Дерманскомъ монастырѣ, чтобы доставить церкви больше просвѣщенныхъ людей и учительныхъ книгъ и писаній для укрѣпленія въ вѣрѣ и отраженія навѣтовъ и соблазновъ противной стороны. Зналъ великую силу князя Константина самъ папа римскій и пытался совратить его въ унію, написавъ ему льстивое письмо. Князь отвѣчалъ почтительно, но отклонилъ соблазны. Еще упорнѣе пытался обольстить князя на унію митрополитъ Ипатій Поцѣй, сложивъ для сего весьма большое и хитрое письмо. По порученію князя

одинъ острожскій клирикъ составилъ на Поцѣево письмо сильную отпись. Поцѣй въ своемъ письмѣ восхвалялъ унію, какъ значущую единеніе, согласіе. Клирикъ многими примѣрами изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи показываетъ Поцѣю, что единеніе и согласіе можетъ быть и въ недобромъ дѣлѣ и не на добро; если оно несогласно съ волею Божіей, то оно противно Богу, гибельно для людей. „Не таково ли, отче владыко, говорилъ ему клирикъ, и ваше согласіе — унія? Посмотри окомъ и послушай слухомъ, что надѣлали вы своею уніею! Нѣтъ города, нѣтъ селенія, которыхъ не наполнили бы вы плачемъ и рыданіемъ людей, держащихся отеческаго преданія и вѣры... Какого не сдѣлали вы гоненія, какого поруганія, оплеванія, замѣшательства, какого не произвели кровопролитія, убійства, тиранства, мученія, насилія въ домахъ, училищахъ, церквахъ?... Вы изсушили взаимную любовь въ людяхъ, произвели раздоръ между родителями и дѣтьми, между братомъ и братомъ, поссорили господина съ крестьянами... Вы потеряли совѣсть, преступили клятву, обманули папу, присягали за всѣхъ насъ, отправляли отъ насъ посольство, о которомъ мы и не думали... Ты, отче владыко, внушаешь князю приступить къ восхваляемой тобою уніи. Но если бы это дѣло велось, какъ слѣдуетъ, то князь не допустилъ бы никому опередить себя... Ты говоришь, что вы ничего новаго не сдѣлали, а только возобновили флорентійское соединеніе, полтораста лѣтъ лежавшее въ забвеніи: и я также вижу, да и всѣмъ явно, что ваша нынѣшняя унія возобновила то, что сдѣлано было на томъ разбойническомъ сонмищѣ; а тамъ однихъ давили, другихъ топили, иныхъ морили голодомъ или узами, а иныхъ лишали жизни хитростью“.... Къ концу своей „отписи“ клирикъ устами князя съ силою утверждаетъ мысль, что ис-

тинная церковь есть не римская, а Восточная. До конца жизни князь ревновалъ о защитѣ и благѣ этой церкви, такъ что православные называли его „стражемъ святой Восточной, соборной и апостольской церкви“. Дѣлами благотворенія, подвигами молитвы вѣнчались добродѣтели и заслуги князя предъ Богомъ и церковью. Скончавшійся въ глубокой старости (около 80 лѣтъ), приснопамятный князь погребенъ въ своей замковой острожской церкви. Поощряемые примѣромъ князя или же собственною преданностью родной вѣрѣ и церкви, ревновали о защитѣ ихъ и другіе православные дворяне, заступавшіеся вмѣстѣ съ тѣмъ за свою русскую народность. Такъ на своихъ областныхъ съѣздахъ или сеймахъ, также на генеральныхъ или общихъ сеймахъ въ Варшавѣ, православные князья и дворяне изъ года въ годъ поднимали голоса противъ незаконной власти уніатскихъ владыкъ и ихъ уніи, требовали низложенія ихъ, дозволенія поставить православныхъ епископовъ, громко жаловались на разныя притѣсненія и обиды православнымъ. Чрезъ это православные дворяне не мало сдерживали латино-польскія и уніатскія неправды и насилія православной вѣрѣ и народности. Не разъ бывало даже такъ, что главные виновники уніи Поцѣй и Терлецкій привлекались къ суду и отвѣту на сеймахъ, подпадали осужденію, а православнымъ, по требованію дворянъ, давались полныя права на избраніе епископовъ. Сверхъ того православные дворяне, засѣдая въ урядахъ, судахъ, часто могли давать защиту обижаемымъ единовѣрцамъ и управу обидчикамъ. Но то была бѣда, что постановленія сеймовыя и судебныя въ пользу и защиту православныхъ и противъ уніатскихъ и латино-польскихъ неправдъ большею частію пріостанавливались, отлагались или даже совсѣмъ отмѣнялись властью короля,

судомъ и продѣлками латино-польскихъ пановъ, бискуповъ, іезуитовъ. Въ тогдашней Польшѣ правды трудно было добиться.

---

9. Основаніе православными дворянами новыхъ обителей.

Болѣе возможности имѣли дворяне ограждать православную церковь, монастыри и храмы въ своихъ имѣніяхъ на основаніи общихъ правъ своего дворянскаго сословія. На основаніи этихъ же правъ они могли строить новые монастыри и церкви на своихъ или купленныхъ земляхъ, могли дарить эти земли другимъ подъ постройку церквей и монастырей. И то особенно замѣчательно, что ктиторы новоустроенныхъ монастырей и церквей въ своихъ записяхъ по поводу строенія ихъ имѣли теперь обычай и считали нужнымъ заповѣдывать, чтобы эти монастыри и церкви оставались навсегда въ обладаніи православныхъ, и самымъ наслѣдникамъ своимъ запрещали отмѣнять правильное служеніе въ этихъ монастыряхъ и церквахъ подъ угрозою утраты правъ ктиторства. Изъ многихъ примѣровъ на это припомнимъ здѣсь два. Въ 1609 году князь Адамъ Корибутъ-Вишневецкій и жена его Александра, урожденная Ходкевичъ, основали въ своемъ имѣніи Брагинѣ-сельцѣ (нынѣ рѣчицкаго уѣзда, минской губ.) разомъ два монастыря: мужской общежительный Спасскій и женскій Благовѣщенскій. Въ своей записи объ этомъ они выражаются такъ: „желая, чтобы хвала милого Бога пребывала во вѣки, болѣе и болѣе разцвѣтала, множилась и неизмѣнно ширилась на этой юдоли земной, мы во славу святого Имени Его основали въ нашемъ сельцѣ Брагинѣ монастырь съ церковью Свя-

таго Спаса". Сказавъ, что монастырь отдается инокамъ на общежитіе по уставу св. Василія и для совершенія въ немъ ежедневно службы Божіей, перечисливъ земли и угодья, назначаемыя на содержаніе монастыря, ктиторы заповѣдуютъ: „а братія монастыря должны будутъ избирать себѣ въ архимандриты человѣка добраго, достойнаго вѣры, наставленнаго въ словѣ Божіемъ и духовной наукѣ, который бы училъ не по толку какой-либо секты или ложныхъ православныхъ учителей, а на основаніи слова Божія и св. отцевъ стародавней греко-восточной церкви, чтобы самъ онъ твердо хранилъ и людямъ показывалъ правдивую вѣру христіанскую... Если же бы между монахами нашего монастыря случайно объявились такіе, которые, не держась вполнѣ и строго христіанской восточной вѣры и богопреданныхъ писаній, увлеклись какими-либо ложными ученіями, старо или ново-выдуманными, такихъ я, ктиторъ, повиненъ буду (разумѣется, по требованію православныхъ иноковъ) тотчасъ смирять и удалять изъ монастыря. А если бы кто-либо изъ нашихъ потомковъ отступилъ отъ св. православно-христіанской вѣры и захотѣлъ бы исказить службу Божію (православнаго чина) въ этой церкви Св. Спаса и монастыря, то да будетъ на таковыхъ клятва св. отецъ и моя родительская; разсудятся они со мною на страшномъ судѣ. И мы, ктиторы, отчуждаемъ такихъ потомковъ отъ ктиторства, не должны они имѣть никакого права до этого моего монастыря и его имѣній, а я теперь симъ листомъ при моей жизни и навсегда по жизни моей ввѣряю этотъ монастырь во власть и оборону напередъ Господу Богу, а потомъ святому отцу патріарху константинопольскому, а патріархъ, какой будетъ тогда, имѣетъ всячески оборонять нашъ монастырь и стараться, чтобы никогда не нарушилась въ немъ служба

Божія по уставу православной Восточной церкви". Подобнымъ же образомъ ктиторы ограждаютъ въ своей записи сохранность православію и женскаго Благовѣщенскаго монастыря. Еще примѣръ. Въ 1611 г. въ минскомъ воеводствѣ жена маршалка (предводителя дворянства) Богдана Стеткевича Евдокія Григорьева, урождепная княжна Друцкая-Горская, пожертвовала въ г. Минскѣ три пляца (усадьбы) по Юрьевской улицѣ на устройство монастыря и церкви въ честь святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Сдавая пожертвованіе на руки игумену Павлу Домживу и его инокамъ, ктиторша заповѣдуетъ, чтобы будущій монастырь былъ общежительный, по уставу св. Василія; чтобы онъ вѣчно и неотступно состоялъ въ православіи подъ благословеніемъ цареградскаго патріарха. Опеку надъ своимъ монастыремъ жертвовательница поручила своему сыну Вильгельму Стеткевичу и своимъ роднымъ, которые всѣ были православными, а также князю Ивану Огинскому и всѣмъ православнымъ обывателямъ минскаго воеводства, прося ихъ содѣйствовать устроенію монастыря и быть всегда его защитниками и попечителями, какъ русскаго православнаго монастыря. Принявъ на себя такое опекунство, православные дворяне и земскіе урядники минскаго воеводства и другихъ повѣтовъ на своемъ съѣздѣ въ Минскѣ 1612 г. составили замѣчательное постановленіе. Они начинаютъ торжественнымъ за себя и всѣхъ православныхъ Западной Руси исповѣданіемъ, что въ лицѣ древнихъ предковъ своихъ они по волѣ и милости Божіей и по старанію святителей Восточной церкви приведены къ истинной, православной христіанской вѣрѣ и крещены въ ней; стали подъ благословеніе восточныхъ патріарховъ, снабжены отъ нихъ добрыми постановленіями, ограждены въ вѣрѣ уставами князей своихъ, потомъ князей

литовско-русскихъ, но удерживали права своей вѣры и церкви и при польскихъ короляхъ до нынѣшняго включительно. „Но вотъ въ настоящія плачевныя времена нѣкоторые владыки, безъ вѣдома и противъ воли всей нашей Руси, поступили противъ ученія восточной вѣры и церкви, отреклись отъ послушанія православному патріарху и отдались подъ никогда небывалую на Руси власть римскаго папы. Совѣсть наша не позволяетъ и никогда не позволитъ намъ, чтобы мы послѣдовали за такими пастырями. Итакъ, желая съ горячимъ сердцемъ и чистою совѣстью исповѣдать прежде всего нашу вѣру предъ лицемъ Господа Бога, въ Троицѣ Единаго, а также засвидѣтельствовать нашу преданность Восточной православной церкви и пребывать въ ней подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха, мы, пользуясь нашими дворянскими правами, основали на нашей дворянской землѣ монастырь и церковь св. апостоловъ Петра и Павла, съ тѣмъ чтобы въ немъ всегда были иноки православные, чтобы монастырь оставался подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха, чтобы въ монастырѣ была неизмѣнно православная церковная служба, доброе общежитіе иноческое, а также и школа для дѣтей ради умноженія въ церкви Божіей людей знающихъ и просвѣщенныхъ. Заклинаемъ за себя и за потомковъ нашихъ, чтобы никто не дерзалъ отчуждать этого монастыря отъ церкви православной и отъ благословенія православнаго патріарха подъ угрозою анаѳемы. А всѣхъ соотчичей нашихъ, людей православно-христіанской вѣры, смиренно и усердно просимъ на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ дѣлѣ оборонять нашъ монастырь отъ всякихъ посягательствъ, противныхъ нашей вѣрѣ и совѣсти, въ чаяніи воздаянія за сіе отъ Бога милосердаго“. Къ этому постановленію приложены печати и

подписи 52-хъ дворянъ, въ числѣ которыхъ были Огинскіе, Тышкевичи, Стеткевичи, Ратомскіе, Тризны, Сулятицкіе, Володковичи, Рагозы, Ваньковичи, Селявы, Станкевичи, Ейсманы, Крупки, Кохапы, Закревскіе, Пашковскіе, Лескевичи и друг. Много подобныхъ записей православныхъ дворянъ было по другимъ областямъ, особенно на Волыни. А сколько можно бы собрать еще одиночныхъ, фамильныхъ записей православныхъ западно-русскихъ дворянъ того времени, въ которыхъ они съ мольбою и клятвою завѣщаютъ своимъ дѣтямъ и всѣмъ потомкамъ не измѣнять праотеческой вѣрѣ и народности, грозя за это судомъ Божіимъ и своимъ неблагословеніемъ. Насколько дѣти и потомки будутъ помнить завѣты отцовъ и предковъ— это увидимъ потомъ. А теперь остается намъ сказать еще о городскихъ обществахъ и братствахъ, какъ поборникахъ за вѣру православную и русскую народность.

---

10. Православныя братства въ борьбѣ съ уніей.

Старѣйшія братства, начавшія борьбу за вѣру еще до Брестскаго собора, теперь послѣ собора повели эту борьбу живѣе и усиленнѣе. Борьба эта вызвала появленіе многихъ новыхъ братствъ по городамъ Западной Руси. Какъ прежде, такъ и теперь, братства состояли преимущественно изъ горожанъ, мѣщанъ, купцовъ. Но теперь болѣе, чѣмъ прежде, къ нимъ присоединялись ревнители изъ духовенства и дворянства, а потомъ и старшаго казачества. Болѣе чѣмъ прежде братства вступаютъ въ сношенія между собою для взаимной помощи въ борьбѣ съ общими противниками и опасностями, при чемъ старшіе служатъ примѣромъ и подпорою младшимъ. Такими въ описываемое время были львовское и виленское.

---

11. *Дѣятельность Львовскаго братства.*

Львовское братство, состоявшее при Успенской церкви въ гор. Львовѣ, было сильно уже тѣмъ, что это было братство ставропигіальное, т.-е. находилось въ ближайшей духовной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, чаще другихъ сносилось съ нимъ и православнымъ Востокомъ, помогая въ этихъ сношеніяхъ и другимъ братствамъ и всей вообще Западной Руси. Прежде были у него печальныя несогласія съ львовскимъ епископомъ Гедеономъ. Теперь, въ виду общей опаспости, они постепенно затихли, благодаря увѣщаніямъ патріарха, совѣтамъ князя Константина Остроэскаго и доброй волѣ епископа и братства. Итакъ, опираясь на власть патріарха, на союзъ вѣры съ епископомъ и собственную силу, братство отражало всѣ попытки уніатскихъ митрополитовъ подчинить его своей незаконной власти и привлечь къ уніи. За это ему пришлось терпѣть обиды и притѣсненія отъ латинопольскихъ властей. Но твердое въ своемъ подвигѣ для вѣры, оно встрѣчало поддержку въ дружныхъ съ нимъ православныхъ князьяхъ и дворянахъ. Такъ напр., въ 1600 г., одномъ изъ самыхъ тяжкихъ годовъ для братства, князь Константинъ Остроэскій писалъ ему: „Милые мои господа, львовскіе мѣщане! Весьма соякалѣю о крпвдахъ и стѣсненіяхъ, которыя вы терпите. Вѣсти о нихъ доходятъ къ намъ, какъ чрезъ ваши писанія, такъ и чрезъ устныя жалобы вашихъ милостей. Но теперь это и не дивно; ибо не только вамъ, но и всѣмъ намъ дѣлаются такія кривды, противныя праву и нашимъ вольностямъ. Вотъ недавно на большомъ варшавскомъ сеймѣ, въ отсутствіи насъ и нашихъ пословъ. издано постановленіе, весьма противное общественному праву, а еще болѣе святой справедливости. Потому и

вашей милости не могу дать другого совѣта, какъ тотъ, чтобъ быть терпѣливыми и ждать помилованія отъ Бога, склонитъ ли Онъ, по Своему милосердію, сердце короля къ чувству святой справедливости... Наконецъ будетъ другой сеймъ, тогда мы постараемся съ прочими послами отъ дворянъ изложить какъ наши обиды, такъ и ваши". Нѣсколько позже въ томъ же году писалъ братству знатный дворянинъ Богданъ Стеткевичъ отъ себя и своей супруги: „Честные и возлюбленные о Христѣ братія! Благодаримъ Бога всегда о васъ, помнная вашу вѣру, труды и подвиги, и терпѣніе для благочестія. Молимъ Господа, да утѣшитъ и утвердитъ вашу любовь и да поспѣшитъ вамъ во благое. Ибо умножились туне ненавидящіе православіе ваше и наше; но блаженны вы, по слову Господа, егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на васъ (Матѳ. 5, 11). Итакъ, ничтоже сумнящеся, подвизайтесь въ благочестіи, и Господь Богъ управитъ ваши подвиги. Онъ вашъ защитникъ и крѣпкій заступникъ. Ему слава и держава во вѣки". Крѣпкое своимъ союзомъ, поддерживаемое союзомъ съ ревнителями изъ духовенства и дворянъ, братство мужественно защищало права свои и права вѣры и народности русской предъ королемъ, польскими властями, судами и сеймами. Своею твердостью братство ободряло и другихъ. Православные г. Львова и Галицкой Руси много обязаны братству тѣмъ, что здѣсь теперь и надолго удержалась каѳедра православнаго епископа, когда всѣ прочія захвачены были на унію. А своею школою, книгопечатнею, трудами и писаніями своихъ учительныхъ людей братство оказывало духовную помощь не только Галицкой, но и всей Южной и Западной Руси.

12. *Бѣдствія виленскаго Свято-Духовскаго братства; Стефанъ Зизаній и Леонтій Карповичъ.*

Въ Западной Руси въ описываемое время наиболѣе подвизалось въ борьбѣ за вѣру и на помощь церкви—виленское братство. Для него въ первые годы борьба была еще тяжелѣе, чѣмъ для львовскаго. Въ Вильнѣ, тогда главномъ городѣ Западной Руси и западно-русской митрополіи, власть уніатскихъ митрополитовъ была ближе и сильнѣе. Здѣсь сильнѣе поддерживали ее король и латино-польскія власти; здѣсь же сильнѣе были іезуиты съ своею школою, готовые на всякія обиды и насилія православію. Виленское братство состояло при Свято-Троицкомъ монастырѣ. Но какъ бы предчувствуя, что его оттѣснятъ отсюда, братство еще до Брестскаго собора начало строить свою церковь во имя Святаго Духа, съ дозволенія короля, который тогда думалъ, что братство будетъ въ уніи. Теперь, слыша, что братство крѣпко стоитъ за православіе, король, по наущенію латинянъ, запретилъ ему продолжать постройку, обидно выражаясь, что церковь строится не столько для хвалы Божіей, сколько для распространенія ереси, т.-е. православія. Но братству помогли двѣ знатныя дворянки, жены областныхъ воеводъ Зеновича и Абрамовича, родныя сестры изъ фамиліи Воловичей. Онѣ закупили на свое имя тотъ „пляцъ“, т.-е. усадебное мѣсто, на которомъ строилась церковь, и братство отъ ихъ имени заявило, что церковь строится на пляцѣ этихъ дворянокъ; а дворяне тогда имѣли право строить на своихъ земляхъ какія угодно церкви. Въ началѣ 1597 г. церковь была окончена и освящена, и православные жители Вильны, у которыхъ не оставалось болѣе ни одной церкви въ городѣ, кромѣ этой, вновь сооруженной, готовились встрѣтить въ ней свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова.

Это-то время и избрали враги православія, чтобы нанести православнымъ самое тяжкое оскорбленіе. Подъ вечеръ въ великую субботу толпа студентовъ іезуитской академіи, человѣкъ въ пятьдесятъ, предводимая ксендзомъ Геліашевичемъ, пришла на братскій дворъ, гдѣ находилась и братская школа — „коллегіумъ“ и церковь. Сначала они зашли въ школу, и здѣсь Геліашевичъ съ гордостью вызывалъ на диспутъ жившаго въ школѣ черноца — учителя о. Никифора, а одинъ изъ студентовъ (Антонъ Десараній) завелъ споръ съ русскимъ педагогомъ Ольшевскимъ, который съ питомцемъ своимъ, сыномъ князя Богдана Огинскаго, подкоморія троцкаго, посѣщалъ братскую коллегію и теперь въ ней находился. Изъ школы отправились въ церковь, въ которой большія двери были уже заперты; вторглись въ алтарь съ крайнимъ безчинствомъ и сбросили съ престола крестъ и евангеліе; оттуда черезъ царскія двери выступили на средину храма, гдѣ стояла плащаница, схватили ее и бросали изъ стороны въ сторону, а когда слуги церковные, убиравшіе церковь къ празднику, стали уговаривать безчинниковъ, то подверглись отъ нихъ брани и даже побоямъ. На самый праздникъ Воскресенія Христова, когда началось богослуженіе, студенты снова явились толпою въ братскую церковь и, обступивъ плащаницу, пытались ее опрокинуть, издѣвались надъ церковными обрядами, толкали молящихся, а женщинъ кололи шпильками, и, выдвинувшись впередъ къ алтарю, не пропускали никого къ святому причащенію, такъ что священникъ Гераспмъ, вышедши изъ алтаря, едва упросилъ ихъ немного посторониться. Еще болѣе дерзости и наглости позволили себѣ буйные воспитанники іезуитовъ въ тотъ же день на вечерѣ въ братской церкви, куда пришли они теперь вооруженными. Они размѣстились кучками: одни стали у дверей церковныхъ, другіе

въ притворѣ, третьи посреди церкви, четвертые съ пѣвчими на клиросѣ, и вездѣ толкали людей и кололи шпильками, а женщинъ по устамъ, по лицу, по ушамъ потирали пальцами и руками, произнося постыдныя слова. Нѣсколько разъ наносили удары сзади діакону Михаилу во время его кажденія по церкви и, занявъ мѣсто вокругъ амвона, не пропускали туда священнослужителей для совокупнаго пѣнія, а когда баккалавръ (учитель) греческаго языка въ братской школѣ Демьянъ Канюшовскій попросилъ безчинниковъ немного податься, то его ударили въ лицо и повлекли было изъ церкви. Съ трудомъ уговорили ихъ оставить церковь; но изъ церкви они бросились въ братскій коллегіумъ и ранили здѣсь попавшагося имъ на встрѣчу слугу брестскаго воеводы Зеновича. Потомъ выбѣжали на улицу, гдѣ ждали ихъ нѣсколько сотъ ихъ товарищей-студентовъ и великое множество мѣщанъ, мастеровыхъ и торговцевъ римской вѣры. Вся эта толпа, вооружешая ружьями, луками, камнями, топорами, начала штурмовать коллегіумъ и сосѣдній домъ братскій, въ которомъ остановилась пріѣхавшая для богомолья жена смоленскаго воеводы Абрамовича. Буяны выломали ворота и желѣзныя рѣшетки, повыбили окна, повредили стѣны зданій, пробили кровлю на друкарнѣ, перераниди школьную и церковную прислугу. На другой день утромъ, во время литургіи, тѣ же студенты съ оружіемъ въ рукахъ, раздѣлившись на три группы, напали на домы братскіе, на коллегіумъ и на церковное кладбище; били и преслѣдовали мѣщанъ, шедшихъ въ церковь, ранили одного братчика и, наконецъ, вторглись въ самую церковь и произвели въ ней великую тревогу и замѣшательство. Цѣлая нападенія на братскую церковь, іезуиты разсчитывали, что православные не вытерпятъ, окажутъ сопротивленіе студентамъ въ самой церкви, произведутъ

смуту, кровопролитіе; а это послужитъ законнымъ основаніемъ для закрытія церкви. Но православные вытерпѣли, какъ ни горько было имъ поруганіе ихъ святыни; они плакали отъ огорченія и молились, но сопротивленія не оказали. Старосты виленскаго Свято-Троицкаго братства, которое отселѣ справедливѣе могло называться Свято-Духовскимъ по имени своей собственной церкви, а съ ними и жена смоленскаго воеводы Абрамовича, принесли (5 мая) жалобу на іезуитовъ въ трибунальный судъ. Но трибунальный судъ отказался разобрать это дѣло и опредѣлилъ отослать его на генеральный сеймъ. Тогда приносившіе жалобу обратились въ виленскій градскій судъ и просили, по крайней мѣрѣ, допросить свидѣтелей и занести ихъ показанія въ виленскія городскія книги. Это было сдѣлано, но злодѣяніе іезуитовъ осталось безнаказаннымъ.

Вскорѣ затѣмъ обрушились на братство напасти отъ Ипатія Поцѣя. Еще до Брестскаго собора былъ въ Троицкой братской церкви ревностный проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, громко говорившій противъ уніи и принявшаго ее митрополита Рагозы. Осужденный митрополитомъ Рагозою, гонимый королемъ, но оправданный православнымъ Брестскимъ соборомъ, Стефанъ Зизаній ждалъ времени, чтобы вновь выступить обличителемъ отступниковъ въ унію. И вотъ, когда по смерти Рагозы Поцѣй получилъ отъ короля митрополичью каѳедру, Стефанъ Зизаній явился въ Вильну и здѣсь въ братской Троицкой церкви сталъ сильно обличать унію и новаго лжемитрополита. Раздражились и король и Поцѣй: Троицкая церковь была запечатана, а Зизанію грозили смертнымъ боемъ, такъ что онъ едва спасся черезъ дымовую трубу и бѣжалъ изъ Вильны. Однако братство внесло протестъ (запись) въ городскія книги, въ которомъ отъ имени всѣхъ православныхъ жителей

Вильны заявило, что они не признаютъ Поцѣя своимъ пастыремъ и что онъ, не будучи ихъ пастыремъ, насильно привлекаетъ ихъ подъ свою власть. Но Поцѣй не унимался. Онъ задумалъ отнять у братства двухъ священниковъ, бывшихъ при Свято-Духовской церкви, которыхъ рукоположилъ, для братства Гедеонъ епископъ львовскій. Ктиторы церкви и члены братства изъ дворянъ, въ числѣ ихъ смоленскій воевода Абрамовичъ, князья Богданъ Матѳеевичъ и Богданъ Ѳеодоровичъ Огинскіе явились къ Поцѣю вмѣстѣ съ тѣми двумя священниками и сказали: „не только священники, но и всѣ православные жители Вильны всегда покорялись кіевскимъ митрополитамъ, доколѣ они сами находились въ православіи и послушаніи патріарху. Но когда ты и покойный митрополитъ Рагоза съ нѣкоторыми владыками поддались папѣ, желая увлечь за собою и мірянъ, то едва не все христіанство Восточной церкви во владѣніяхъ короля, равно и виленское братство, въ которомъ есть не мало князей, пановъ, сенаторовъ и всякихъ дворянъ, объявили себя противниками ихъ, заявляли о томъ на сеймикахъ и общихъ сеймахъ; мы и теперь остаемся при тѣхъ же заявленіяхъ, а какъ дворяне—имѣемъ право держать священниковъ при церквахъ, построенныхъ на нашихъ грунтахъ“. Противъ дворянъ Поцѣй не могъ пока ничего сдѣлать. Но священниковъ братскихъ присудилъ къ низверженію, а король, по доносу Поцѣя, осудилъ ихъ, какъ будто бы бунтовщиковъ, на изгнаніе. Итакъ братство осталось безъ священниковъ. Скоро лукавый Поцѣй отвлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ старшихъ лицъ изъ городскаго управленія, бывшихъ прежде въ Троицкомъ братствѣ, вмѣстѣ съ ними и съ помощью королевской власти сталъ причинять новыя обиды и стѣсненія братству, наконецъ отнялъ у него Троицкую церковь съ

монастыремъ, завелъ здѣсь уніатскую семинарію, которая потомъ отдана базиліанамъ, завелъ также уніатское братство. Но не пало православное братство: оно сосредоточилось при Свято-Духовской церкви и стало теперь называться Свято-Духовскимъ, пріобрѣло и новыхъ священниковъ для нея. Потомъ братство устроило здѣсь свой монастырь, добрую школу и типографію, собрало книжныхъ людей, учителей, проповѣдниковъ, и съ помощью ихъ много трудилось на пользу всей Западно-Русской церкви. За то много и страдало оно отъ противниковъ—уніатовъ и латинянъ. Особенно злобились на него уніаты, засѣвшіе въ отнятомъ у него Троицкомъ монастырѣ, бывшемъ какъ разъ насупротивъ Свято-Духовскаго съ другой стороны улицы. Почти не проходило дня и ночи, когда бы изъ Троицкаго монастыря не бросали камней, не пускали даже стрѣлъ въ Свято-Духовскій и въ тѣхъ, которые ходили туда для богомолья. Однажды поранили такимъ образомъ и зашибли болѣе двадцати дворянскихъ дѣтей, обучавшихся въ святодуховской школѣ; въ другой разъ пробили голову самому настоятелю Свято-Духова монастыря; въ третій бросали камнями въ двухъ знатныхъ госпожъ, ѣхавшихъ въ церковь Святаго Духа на богослуженіе: жену подкоморія троцкаго (князя Огинскаго) и жену подкоморія виленскаго. На всѣ такія обиды тогда же заносились протесты и жалобы въ трибунальныя, земскія и городскія книги. Православныхъ ремесленниковъ исключали изъ разныхъ ремесловыхъ цеховъ безъ всякой причины, за то единственно, что они ходили въ церковь Святаго Духа и присутствовали тамъ при богослуженіи. Русскаго бурмистра и трехъ райцевъ виленской ратуши за то же самое велѣли арестовать, подъ предлогомъ будто бы ихъ измѣны, потребовали къ расправѣ, и двухъ изъ нихъ впродолженіе нѣсколь-

кихъ недѣль держали въ ратушной тюрьмѣ. Въ Вильнѣ, стараніемъ троицкаго игумена или архимандрита Іосафата Кунцевича, уже принято было за общее правило: не избирать въ бурмистры и райцы и вообще не допускать на должности въ городскомъ магистратѣ никого изъ русскихъ, кромѣ уніатовъ; равно не принимать въ купеческія братства и ремесловые цехи или исключать изъ нихъ тѣхъ русскихъ, которые не представятъ удостовѣренія, что они содержатъ унію. А въ то же время уніатскіе книжники Троицкаго монастыря и его уніатской семинаріи пускали въ ходъ свои книжки, въ которыхъ злостно хулили православіе, бранили православныхъ, глумились надъ свято-духовскими братчиками, обзывая ихъ сапожниками, налпвайками и т. п. Конечно, и православное братство чрезъ своихъ ученыхъ мужей издавало книги въ защиту православія, въ обличеніе уніи и латинства. Но тогда какъ уніатамъ дозволялось все, православному братству грозили карами за его самозащиту. Не разъ были попытки уничтожить братскую типографію, были королевскіе приказы жечь книги, издаваемыя братствомъ въ обличеніе уніи и латинства, тяжкія кары постигали братскихъ учителей. Изъ нихъ особенно прославился Леонтій Карповичъ, мужъ благочестивый и просвѣщенный. Съ 1610 г. онъ въ санѣ іеромонаха сталъ устраивать при Свято-Духовской церкви общежительный монастырь по чину святаго Василія Великаго и въ то же время издавалъ въ братской типографіи книги на пользу церкви. По доносу враговъ православія и приказу короля, онъ былъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, заключенъ въ оковы. Волочили его по разнымъ судамъ, переводили изъ тюрьмы въ тюрьму, но онъ вездѣ непоколебимо стоялъ за права православія и православныхъ въ Западной Руси. Два года продолжались

эти неповинныя страданія, тѣмъ болѣе тяжкія, что страдалецъ былъ отъ природы слабаго сложенія. Отъ оковъ на тѣлѣ Карповича образовались язвы, слѣды которыхъ замѣтны были даже послѣ его смерти. Наконецъ, по сильному настоянію православныхъ, онъ былъ отпущенъ и возвратился къ своимъ со славою доблестнаго исповѣдника, измученнаго за вѣру. Въ 1615 году онъ былъ уже архимандритомъ и въ этомъ санѣ со славою подвизался, какъ проповѣдникъ. Въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ, между прочимъ, такъ защищаетъ православную церковь: „во всѣхъ догматахъ вѣры и въ каждомъ отдѣльно она (православная церковь) не отступаетъ ни на малѣйшую черту отъ словъ и ученія Христа Спасителя своего и отъ преданія свидѣтелей и самовидцевъ Его—апостоловъ, въ цѣлости и неповрежденности сохраненныхъ истинными ихъ преемниками, утвержденныхъ канонами святыхъ вселенскихъ соборовъ, Духомъ Святымъ собранныхъ, и запечатлѣнныхъ кровію мучениковъ. И въ таинахъ, не подлежащихъ слову и разумѣнію человѣческому, она не изслѣдуетъ хитросплетенными разсужденіями: она вѣруетъ, но не испытуетъ Непостижимаго, вѣруетъ, но не измѣряетъ Неизмѣримаго. Вѣруетъ, что превѣчный Сынъ и превѣчный Духъ—оба суть отъ превѣчнаго и единосущнаго Отца,—Сынъ превѣчнымъ рожденіемъ, а Духъ превѣчнымъ исхожденіемъ, но дознавать и изслѣдовать то, какимъ образомъ (сіе бываетъ),—она не позволяетъ. Она вѣруетъ, что Сей же единородный Сынъ, рожденный безъ матери отъ превѣчнаго Отца, напослѣдокъ времени родился отъ Святыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи,—но какимъ образомъ?—не испытуетъ. Она вѣруетъ, что подъ видомъ хлѣба вѣрнымъ преподается истинное Тѣло Его, а подъ видомъ вина истинная Кровь Его,—а какимъ образомъ?—она не до-

искивается, но говоритъ со святымъ Іоанномъ Златоустомъ: „если вѣрую, то просвѣщаюся душею; а если искушаю, то помрачаюся помыслами; если вѣрую истинно, то возвышаюся на небо; если же ищу съ искушеніемъ, то нисхожу въ бездну“. Короче сказать, (святая церковь,) пріявъ ризу, истканную отъ вышняго богословія, и однажды возложивъ ее на себя, никогда (ее) не слагала, и не только не запятнала (ее) никакою ересью, но и не обезобразила никакою пестротою нововведеній и вымысловъ человѣческихъ, и, нося ее на себѣ съ достодолжнымъ почитаніемъ, въ ней же исходитъ и въ срѣтеніе Жениха своего, паки грядущаго въ міръ сей съ силою и славою многою“. Еще пять лѣтъ подвизался блаженный учитель и исповѣдникъ, и свято почилъ въ томъ же монастырѣ, гдѣ и погребенъ при молитвахъ и плачѣ всего братства. Каковъ былъ духъ, каково было настроеніе братства при Леонтіи, это можно чувствовать по слѣдующему посланію къ львовскому братству, которое писано въ 1619 г., еще при жизни Леонтія:

«Возлюбленные о Христѣ господа и братія! Благодати Господа нашего Іисуса Христа, преспѣянія въ подвигахъ благочестія и благословеннаго успѣха въ домашнихъ попеченіяхъ вашему особо терпѣливому обществу отъ вседарствующаго Бога усердно желаемъ. Псалмопѣвецъ Божій, царь и пророкъ, созерцая очами своей богомысленной души образъ богонасажденной любви, воспѣваетъ красоту ея сердцемъ и устами, возглашая: *се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Псал. 132, ст. 1). Что возбраняетъ повторять то же съ псалмопѣвцемъ и намъ—братьямъ, порожденнымъ во Христѣ святою купелью, соединеннымъ союзомъ любви? Разстояніе мѣстъ не можетъ служить преградою нашему союзу въ благочестіи, по духу мира

и любви. Хотя далеки мы отъ васъ по мѣсту жительства, но любимъ васъ, честную братію нашу, ради Возлюбившаго насъ тупе; миръ имѣемъ съ вами ради Того, Кто оставилъ миръ всѣмъ намъ. Стараемся, сколько силъ нашихъ, ревновать вашимъ подвигамъ въ благочестіи, чтобы равномѣрно съ вами нести сладкое иго служенія Христу и, послѣдуя Ему здѣсь на землѣ, сподобиться сладостнаго общенія съ Нимъ на небесахъ. Нѣтъ бо́льшаго попеченія у васъ, какъ то, чтобы ходить по заповѣдямъ Христовымъ и хранить въ цѣлости догматы и преданія нашей матери—святой Восточной церкви. За сіе-то двойное попеченіе вы гонимые—терпите, хулимые—утѣшаетесь, укоряемые — благословляете. Отъ сего, по апостолу, не могутъ васъ отлучити ни мечъ, ни огнь, ни настоящая, ни будущая (Римл. 8, 35—39). Одушевляясь такою же ревностью, и мы, въ сопряженіи съ вами, склоняемъ наши выи подъ иго Христово, чтобы тянуть рало на нивѣ Божіей, нивѣ святой церкви, не озираясь вспять и углубляя борозды ея бѣдами, досажденіями, притѣсненіями, терпимыми ради Христа. Не думаемъ хвалиться этимъ, оставляя похвалу за вами, какъ предводителями въ этомъ дѣланіи. Не лучше ли намъ хвалиться въ немощахъ нашихъ, да совершается въ нихъ сила Христова? А еще лучше сказать, что похвала эта еще ни ваша, ни наша, а похвала братій нашихъ, благочестно совершившихъ земное теченіе свое и переселившихся въ небесныя обители. Мы еще въ подвигѣ, а они отчасти въ блаженствѣ. А если Божіей благодатію и мы сподобимся положить души свои въ познанной и принятой отъ Востока истинной вѣрѣ, то похвала сія достигнетъ и насъ. Итакъ, братіе, будемъ подвизаться, преуспѣвая на лучшее, и приносить плоды благочестія, обличая и исправляя неправовѣрныхъ. А все причитаемое намъ

отъ супостатовъ за вѣру Христову будемъ принимать въ терпѣніи и благодареніи Богу, взирая на начальника и совершителя вѣры Іисуса, Который оставилъ намъ образъ житія и, бывъ досаждаемъ, поруганъ, гонимъ, біенъ и убіенъ, все претерпѣлъ. Такъ мы должны поступать, если хотимъ получить вѣнцы славы и вселиться съ избранными въ небесномъ царствѣ, котораго сподоби насъ, Христе, Царю предвѣчный!“

Живо поддерживало виленское братство сношенія и съ другими младшими братствами въ Западной Руси, изъ коихъ нѣкоторыя отдавали себя подъ его покровительство, признавали его старшинство надъ собою.

---

13. Могилевское братство; декретъ Сигизмунда III, запрещавшій православнымъ Могилева имѣть свои церкви.

Въ Сѣверо-Западной Руси или Бѣлоруссіи, которая почти вся принадлежала къ епархіи полоцкой, особенно прославилось могилевское братство. Оно основалось при Спасскомъ монастырѣ по грамотѣ патріарха, имѣло свой уставъ, коимъ обязывалось, въ частности, содержать школу и ученыхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, для науки школьной и церковной проповѣди. Въ 1597 году оно добыло себѣ утвердительную грамату и отъ короля, который, давая ее, требовалъ, чтобы братство было подъ послушаніемъ владыки полоцкаго. Теперь это послушаніе было неопасно: ибо владыкою полоцкимъ былъ Германъ, который, какъ уже знаемъ, хотя и зачтенъ былъ въ уніаты, но только по имени былъ уніатомъ, а въ душѣ не любилъ уніи, потому и благопріятствовалъ православному братству. Новый послѣ Германа уніатскій полоцкій владыка Гедеонъ Брольницкій въ первое время повелъ себя не такъ: онъ по-

далъ королю жалобу на братство, что оно держитъ при Спасскомъ монастырѣ школу не уніатскую, а православную. Король поднялъ грозу на братство, оно оттѣснено было отъ Спасскаго монастыря, основалось на время при другой церкви (Входо-Іерусалимской), хотя и продолжало называться Спасскимъ. Въ тяжкомъ положеніи братства ему помогали своими утѣшеніями и совѣтами львовскій епископъ Гедеонъ и львовское братство. Впрочемъ и полоцкій владыка Гедеонъ Брольницкій подъ конецъ жизни помирился съ братствомъ, потому что и самъ охладѣлъ къ уніи, всенародно объявлялъ, что унія ему омерзѣла, и разрѣшалъ городамъ своей епархіи оставаться подъ послушаніемъ патріарха. Свѣдалъ обо всемъ митрополитъ Рутскій и по смерти Гедеона назначилъ епископомъ своего давняго друга, завзятаго уніата Іосафата Кунцевича, который предъ тѣмъ еще въ Вильнѣ прослылъ своею ревностью къ уніи и непріязнью къ православію. Въ 1618 году Кунцевичъ прибылъ въ Полоцкъ и торжественно встрѣченъ городскими властями и жителями. Но на встрѣчѣ одинъ изъ гражданъ сказалъ ему рѣчь и убѣждалъ защищать русскую вѣру, т.-е. православіе. А другой выразился такъ: „если ты идешь къ намъ съ доброю цѣлью, то гряди во имя Господне; если же нѣтъ, то лучше совсѣмъ не входи въ Полоцкъ“. По другому преданію владыкѣ говорено было такъ: „если ты къ намъ не съ уніей, то мы принимаемъ тебя, какъ ангела Господня; если же съ уніей, то чураемся тебя, какъ выходца изъ преисподней“. Въ первое время Кунцевичъ старался дѣйствовать въ Полоцкѣ духовными мѣрами для привлеченія духовенства и народа къ себѣ и уніи. Дружа съ іезуитами, которые сильны были въ Полоцкѣ, онъ въ то же время старался казаться ревнителемъ православныхъ обрядовъ, такъ что полочане могли пока

успокоиться и показывали ему послушаніе. За то въ другихъ городахъ епархіи онъ скоро сталъ прибѣгать къ насиліямъ надъ православными, если они противились уніи и его власти. Такъ въ Оршѣ онъ священниковъ выгонялъ изъ приходовъ, заковывалъ въ желѣзо, заключалъ въ темницы или совсѣмъ выгонялъ изъ епархіи, а міряпъ преслѣдовалъ судомъ. Слухъ обо всемъ этомъ дошелъ до Могилева и могилевскаго братства. Въ 1618 г., въ октябрѣ 9-го дня, подъѣзжалъ къ Могилеву и самъ Кунцевичъ. Какъ только узнали о томъ могилевскіе жители,—ударили въ вѣчевой колоколъ на ратушѣ и пропзвели общую тревогу; затворили всѣ городскія ворота и на валахъ вокругъ города разставили вооруженныхъ людей. Затѣмъ всѣ городскія власти, бурмистры, райцы и лавники, окруженные толпами народа, вышли изъ города,. съ цеховыми хоругвями и орудіями, навстрѣчу Кунцевичу и начали кричать, что не примутъ его къ себѣ, поносили его и проклинали, какъ вѣроотступника и злодѣя, и угрожали убить его, если онъ не удалится отъ Могилева. Кунцевичъ принужденъ былъ удалиться и чрезъ нѣсколько времени лично отправился въ Варшаву съ жалобою королю. Король, по разсмотрѣніи жалобы въ его задворномъ судѣ, издалъ декретъ (отъ 22 марта 1619 г.): а) всѣхъ главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ могилевскаго возмущенія предать смерти, и для того предварительно послать въ Могилевъ особыхъ коммиссаровъ, которые бы разслѣдовали дѣло на мѣстѣ и указали этихъ зачинщиковъ; б) всѣ церкви и монастыри въ Могилевѣ съ ихъ имѣніями, фундушами и доходами, равно всѣхъ поповъ и чернецовъ отдать архіепископу Іосафату Кунцевичу въ полную его власть, съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи шести недѣль со времени изданія декрета, могилевскіе граждане уже никакъ не вступались въ эти

церкви и монастыри, подъ страхомъ уплаты 20.000 злотыхъ польскихъ въ королевскую казну. Спустя полгода Кунцевичъ допустилъ было православнымъ совершать въ ихъ церквахъ свое богослуженіе, надѣясь этимъ снисхожденіемъ привлечь ихъ къ себѣ и къ уніи. Но когда увидѣлъ, что они дѣлаются еще болѣе непреклонными, отнялъ у нихъ всѣ церкви и отдалъ латинскимъ священникамъ.

При такомъ крайне печальномъ положеніи православія въ Могилевѣ, оно имѣло почти единственную опору въ братствѣ. Въ бурю гоненій отъ Кунцевича оно не загибло, а еще окрѣпло союзомъ въ немъ православныхъ шоковъ, священниковъ, мѣщанъ и дворянъ. Братство пріобрѣло домъ и плацъ отъ православной княгини Соломерецкой, чтобы на немъ основать церковь и монастырь. Это было еще до изданія королевскаго декрета, запрещавшаго православнымъ Могилева имѣть свои церкви.

Когда затѣмъ разразился надъ Могилевомъ этотъ злой и неправедный декретъ, братство поспѣшило сообщить о томъ виленскому братству и просило помощи. Виленское братство убѣдило своего смѣлаго князя Яна Богдановича Огинскаго признать купленный въ Могилевѣ плацъ своимъ, подарить его виленскому Свято-Духовскому братству, которое уже и предоставляло этотъ плацъ въ пользу могилевскаго братства съ правомъ строить при плацѣ, какъ уже дворянскомъ, церковь и монастырь. Новая церковь была заложена во имя Богоявленія Господня, и съ тѣхъ поръ могилевское братство стало называться Богоявленскимъ. А пока строилась церковь, православные жители Могилева, лишенные всѣхъ церквей, принуждены были въ воскресные и праздничные дни собираться на молитву въ построенные за городомъ изъ плетня шалаши. До-

блестное братство, строя церковь, продолжало держать и свою школу и типографію для духовной услуги всей Бѣлоруссіи.

---

14. Братства въ Минскѣ, Люблинѣ и Луцкѣ.

Послѣ могилевскаго извѣстно было въ Бѣлоруссіи другое братство — минское, основавшееся при уже упомянутомъ выше монастырѣ и церкви свят. Петра и Павла и называвшееся Петро-Павловскимъ. И это братство считало въ своемъ составѣ князей и многихъ знатныхъ дворянъ (Огинскихъ, Тышкевичей и др.); подобно могилевскому, оно опиралось на союзъ съ виленскимъ братствомъ, а также на поддержку городскаго управленія въ Минскѣ. Минскіе бургомистры, рядцы, во главѣ съ войтомъ, не разъ давали смѣлые отвѣты на требованія и угрозы со стороны королевской власти, которая въ угоду уніи и латинству хотѣла подавить православіе въ Минскѣ.

На окраинѣ Волыни (въ нынѣшней Холмской Руси) въ гор. Люблинѣ вновь основалось братство при Спасской церкви. Съ 1601 г. стали присоединяться къ нему и помогать ему многіе изъ волынской знати, въ томъ числѣ князья: Константинъ Острожскій, Адамъ Сангушко-Коширскій, Друцкій-Горскій, Друцкій-Любецкій, Юрій Чарторыйскій, Четвертинскій и друг. Подобный союзъ дворянъ и мѣщанъ городскихъ видимъ и въ другомъ новомъ братствѣ на Волыни. Это — братство луцкое. Въ гор. Луцкѣ силою власти всѣ церкви забраны были на унію, и православнымъ горожанамъ и дворянамъ, пріѣзжавшимъ въ городъ на областные сеймы, не было гдѣ помолиться. Случилось еще такъ, что остававшаяся у православныхъ богадѣльня съ больницей сгорѣла, и не было гдѣ имъ призрѣвать своихъ

бѣдныхъ и больныхъ. И вотъ одинъ благочестивый инокъ Герасимъ Мнкуличъ, бывшій игуменомъ Черничицкаго монастыря близъ гор. Луцка, убѣдилъ православныхъ основать братство, чтобы разомъ помочь всѣмъ нуждамъ православнаго общества. Это было въ 1617 г. За Герасимомъ вписались въ братство его преемникъ по игуменству Исакій Борисковичъ и друг. духовныя лица, многіе горожане и затѣмъ дворяне, въ томъ числѣ князья Черторыйскіе, знатные дворяне Гулевичи, знаменитый ревнитель православія, волынскій дворянинъ, королевскій чашникъ Лаврентій Древинскій, и друг. Дворяне только временами пріѣзжали въ г. Луцкъ изъ своихъ имѣній; поэтому строеніе церкви, богадѣльни и вообще завѣдываніе дѣлами братства они поручили луцкимъ мѣщанамъ, называя ихъ *меньшими братіями своими*. Луцкое братство имѣло свою школу, типографію, своихъ проповѣдниковъ, учителей, и вообще много трудилось для защиты и на помощь православной церкви и цѣлой Волыни; много оно терпѣло отъ уніатовъ и латинянъ.

---

15. Учрежденіе кіевскаго Братскаго монастыря; просвѣтительная дѣятельность Богоявленскаго братства.

Въ Южной Руси наиболѣе прославилось кіевское Богоявленское братство. Въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, братство явилось плодомъ созрѣвшей мысли о необходимости соединить и укрѣпить духовныя силы православнаго общества для борьбы за вѣру и народность. Въ то самое время какъ въ кіевскомъ обществѣ подъ возбужденіемъ духовныхъ учителей сложилась такая благая мысль, къ счастью для него засвѣтилась эта мысль въ душѣ благочестивой дворянки кіевской Гальшки Гулевичевны, по мужу Лозкиной. Прекрасно

и назидательно выражена эта мысль въ записи Гальшки на ея *фундацію*, т.-е. пожертвованіе своего двороваго мѣста въ Кіевѣ на Подолѣ для устройства монастыря, школы и страннопріимницы. Въ пору привесть здѣсь нѣсколько строкъ изъ этой достопамятной записи: „Я, Гальшка Гулевичевна, супруга его милости господина Стефана Лозки, мозырскаго маршалка, съ соизволенія его милости на все, что ниже написано, упомянуто и пояснено въ семъ листѣ, будучи здорова тѣломъ и разсудкомъ, явно и добровольно сознаю сею моею добровольною записью, что я, живя постоянно въ древней, святой, православной вѣрѣ Восточной церкви и пылая къ ней благочестивою ревностью, къ распространенію славы Бога, въ Троицѣ Единаго, изъ любви и приверженности къ братіямъ моимъ—народу русскому, для спасенія души своей, съ давнихъ временъ рѣшилась сдѣлать благо для церкви Божіей и дѣло милосердія показать жаждущимъ его. Теперь, приводя то въ исполненіе,—правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народа русскаго, въ повѣтахъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго состоящимъ, сословія духовнаго и свѣтскаго: шокамъ, священникамъ и діаконамъ, монашествующимъ и мірскимъ, также сіятельнымъ князьямъ, вельможнымъ господамъ, дворянамъ и всѣмъ,—какого бъ они сословія и званія ни были,—людямъ русскимъ (однако жъ тѣмъ только, которые неизмѣнно пребываютъ и пребывать будутъ въ православной благочестивой вѣрѣ церкви Восточной обряда греческаго, въ послушаніи и подъ благословеніемъ святѣйшаго константинопольскаго патріарха, собственнаго и законнаго, верховнѣйшаго пастыря народа россійскаго), я дала, подарила, записала и отказала, и вѣчнымъ, неизмѣннымъ даромъ, на вѣчныя времена, даю, дарю, записываю и отказываю мое собственное наслѣдствен-

ное имѣніе, пользующееся правами и вольностями дворянскими: дворъ мой собственный цѣлостно и землю, отъ помянутаго мужа моего въ вѣчный даръ мною полученные, находящіеся въ гор. Кіевѣ, все сіе на монастырь патріаршей ставропигіи общаго житія, по чину Василія Великаго, также и на школу для дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, и на всякій другой способъ богоугоднаго житія, который служилъ бы къ спасенію христіанскому и къ воспитанію призрѣваемыхъ учениковъ, — а притомъ и на гостиницу для странниковъ духовныхъ вѣры церкви Восточной; съ тѣмъ однакожъ, чтобы монастырь тотъ и школа и весь чинъ и строеніе распоряжаемы и устрояемы были по закону и чину каѳолической Восточной церкви греческаго обряда, по семи вселенскимъ соборамъ и по преданію святыхъ отцевъ греческихъ". Сама жертвовательница отдала пожертвованное сю мѣсто благочестивому іеромонаху Исаіи Копинскому, который съ другими иноками и сталъ устроивать здѣсь монастырь. Все прочее устроилось уже силами братства, основавшагося при этомъ монастырѣ. Достоинъ нашей памяти начальный *уставъ* въ этомъ братствѣ: „Во имя Святой, живоначальной, единосущной и нераздѣльной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго истиннаго Бога нашего, Которому да будетъ честь и поклоненіе, слава и хвала отъ вещественной и невещественной твари, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, по Своему велікому и человѣколюбному милосердію, устрояя на землѣ все къ нашему спасенію, и идя на вольное, спасительное для людей, страданіе, говорилъ Своимъ ученикамъ: „сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга: потому", сказалъ Онъ, „и узнаютъ васъ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою". И божественный, верховный Апостолъ Петръ, возшедши

на высоту добродѣтелей, въ своихъ божественныхъ посланіяхъ тоже любовь заповѣдуетъ: „соединяйте“, говоритъ онъ, „съ вѣрою вашею добродѣтель, съ добродѣтелью благоразуміе, съ благоразуміемъ воздержаніе, съ воздержаніемъ терпѣніе, съ терпѣніемъ благочестіе, съ благочестіемъ братолюбіе, съ братолюбіемъ любовь“; и опять: „братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите“. А послѣ спасительнаго вознесенія Христа Бога на небо, божественный апостолъ и евангелистъ Лука, прославляя дружелюбіе (первыхъ христіанъ), возвѣщаетъ о семъ Ѳеофилу, говоря: „у вѣрующихъ была одна душа и одно сердце, и не было между ними никого бѣднаго; ибо нуждамъ немущихъ пособляли руки сильнѣйшихъ“. И мы, грѣшные, послѣдуя сему божественному и спасительному и человѣколюбному наставленію и представляя въ умѣ страшный оный судъ и мздовоздаяніе, по благодати благаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, „хотящаго всѣмъ человѣкамъ спастися и въ познаніе истины пріити“, хотя и поздно, пробудившись отъ долговременнаго нерадѣнія и лѣности и мрачной суеты мірской, восхотѣли прозрѣть къ свѣту благоразумія. И предстательствомъ Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго креста и молитвами всѣхъ святыхъ, по благословенію и повелѣнію святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха, господина Тимоѳея, главнѣйшаго во Христѣ пастыря нашего, и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ: александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, начинаемъ сей душеспасительный дружелюбный союзъ, братство церковное, въ богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ: къ утѣшенію и утвержденію въ благочестіи нашего русскаго рода, сыновъ Восточнаго православія, обывателей воеводства кіевскаго, какъ всякаго духовнаго, такъ и свѣтскаго дворян-

ского сословія, мѣщанъ всей республики и всѣхъ христоименитыхъ людей; къ воспитанію христіанскихъ призрѣваемыхъ учениковъ, какъ духовныхъ—для умноженія и вкорененія христіанскихъ добродѣтелей честной иноческой жизни, для преподаванія полезныхъ наукъ и образованія дѣтей народа христіанскаго (отъ чего на землѣ умножается слава всемогущаго Бога, возникаетъ утѣшеніе родителямъ, образовавшимъ своихъ дѣтей, и для республики готовится и цвѣтетъ сильная защита и дивное украшеніе),—такъ и свѣтскихъ—для защиты вдовъ, сиротъ и для вспомоществованія всякимъ обѣднѣвшимъ людямъ. Для чего,—какъ существенное основаніе предпринимаемаго того святого братства милосердія, по волѣ Вседержителя Бога, — составляется упись и присяжный союзъ и соединеніе неразрывной братской любви, согласно съ уставами, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ короны польской, освящены ихъ благословеніемъ и утверждены. На сіе мы всѣ нижепоименованныя лица, люди обоихъ сословій: духовнаго и свѣтскаго, согласившись однимъ сердцемъ и одними устами и цѣловавъ крестъ каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго, держась православія и соединившись духомъ пламенной любви, для соблюденія нижеписанныхъ христіанскихъ братскихъ повинностей и порядковъ, въ сей братскій списокъ вписываемся". Младшее кіевское братство образовалось, какъ гласитъ начальный упись его, по примѣру и уставамъ старѣйшихъ братствъ львовскаго, виленскаго и др. и для одной и той же цѣли, какъ и другія братства. Но скоро въ жизни его проявились важныя особенности, придавшія ему и особенное значеніе въ исторіи борьбы Западной Руси за свою вѣру и народность. Главные дѣятели братства сосредоточили свое вниманіе на успленіи школы,

а съ ней православной науки. Братскій монастырь сталъ по преимуществу училищнымъ монастыремъ. Сюда стали собираться ревнители школьнаго образованія изъ другихъ мѣстъ, какъ напр. изъ Львова, откуда былъ и первый ректоръ кіево-братской школы Іовъ Борецкій. Со временемъ школа эта выроститъ великую духовную силу для церкви, дастъ цѣлый рядъ сильныхъ учительныхъ людей на служеніе и для защиты церкви. Другая важная особенность кіевскаго братства состояла въ томъ, что къ нему скоро примкнула новая народная сила, сложившаяся преимущественно въ Южной Руси. Это козачество, о которомъ и слѣдуетъ теперь сказать.

---

16. Южно-русское козачество; внутренняя его организація; гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный—защитникъ православія.

Южно-русское козачество образовалось изъ вольныхъ русскихъ людей, жившихъ по южно-русской Украинѣ, гдѣ имъ приходилось быть постоянно на-сторожѣ отъ крымскихъ татаръ, которые дѣлали частые набѣги на Южную Русь, опустошали села и города, избивали или уводили въ плѣнъ сотни и тысячи русскихъ христіанъ. Оттого въ козаческомъ населеніи развились отвага и воинственность, такъ что и само оно становилось грозною силою для самихъ татаръ и турокъ. Однимъ изъ главныхъ средоточій этой силы было Запорожье, гдѣ возникла славная козаческая Запорожская Сѣчь. Къ вольнымъ людямъ, образовавшимъ козачество, со временемъ прибывали крестьяне и другіе люди изъ подвластныхъ Польшѣ русскихъ областей, бѣжавшіе сюда отъ панскихъ притѣсненій. Такимъ образомъ росла и крѣпилась козацкая сила. Польское правительство хотѣло прибрать эту силу въ свои руки, чтобы имѣть въ козакахъ

защитниковъ подвластныхъ Польшѣ земель отъ татаръ. Но оно не умѣло обходиться съ нею, какъ должно. Козаки, какъ истые русскіе люди, были преданы вѣрѣ православной. Если въ ихъ общество или товарищество прибывали люди иноплеменные, напр. изъ самой Польши, то и тѣ должны были принимать православную вѣру. Она объединяла ихъ. Во имя вѣры, подъ знаменемъ креста, они вели борьбу съ татарами и турками. Но вотъ, когда польскія власти и паны стали тѣснить православную вѣру, насильно забирать на унію и латинство православные монастыри и церкви, тогда козаки возчувствовали свое призваніе заступиться за православную вѣру отъ новыхъ противниковъ и гонителей ея. Естественно, что козаки, какъ боевая вольница, наклонны были проявить свое заступничество преимущественно внѣшнею силою, даже насиліемъ, тѣмъ болѣе, что первые примѣры насилія подали противники,—уніаты и латиняне, уніатскіе владыки, іезуиты и паны. Уже со времени Брестскаго собора проявилось козацкое движеніе противъ предателей вѣры православной, однимъ изъ вожаковъ котораго былъ смѣлый атаманъ Наливайко. Козацкія дружины нападали особенно на тѣхъ русскихъ пановъ, которые, самп отпавъ въ латинство, обижали православныхъ. Когда королевскіе коммиссары хотѣли самую Кіево-Печерскую лавру взять на унію и подъ власть уніатскаго митрополита, то за нее готовы были вступиться и козаки. Когда въ 1610 году оффиціалъ Ипатія Поцѣя, имѣя въ своихъ рукахъ уже Кіево-Софійскій соборъ, хотѣлъ принудить кіевскихъ священниковъ служить съ нимъ, поминать папу и Поцѣя, то священники, отказавшись повиноваться беззаконнику, послали извѣстить о его дѣлахъ козаковъ Запорожской Сѣчи. И вотъ гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный отъ имени всего запорожскаго войска писалъ кіевскому

подвоеводѣ: „мы не допустимъ тому разстригѣ и беззаконнику дѣлать насиліе нашимъ духовнымъ въ Кіевѣ, хотимъ оборонять ихъ всячески; всѣ мы за нашу церковь; за нашу вѣру Восточную православную готовы и головы свои положить; говоримъ это предъ Богомъ и предъ вашею милостію, пане. А о томъ беззаконникѣ мы уже порѣшили, что, гдѣ бы онъ ни встрѣтился, такъ убить, какъ пса". Прискорбно видѣть подобную козацкую угрозу: но кто въ томъ виноватъ? кто первый далъ примѣръ насилія? Впрочемъ, далѣе гетманъ говоритъ, какъ подданный короля: называетъ свое войско войскомъ его королевской милости, сообщаетъ слухъ о готовящемся татарскомъ набѣгѣ, совѣтуетъ быть на-сторожѣ, обѣщаетъ это и самъ со своимъ войскомъ. Словомъ, и здѣсь видно, что козаки хотѣли быть вѣрными королю, какъ государю, лишь бы не дѣлались обиды и насилія ихъ вѣрѣ и русской народности. Лучшимъ и болѣе разумнымъ радѣтелемъ о церкви въ средѣ тогдашняго козачества явился славный гетманъ *Сагайдачный*. Умный и доблестный гетманъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкомъ образованнымъ, въ молодости учился въ острожской школѣ князя Константина, подобно ему былъ ревнителемъ православія. Вѣрно служилъ онъ со своимъ войскомъ королю, оказалъ ему и государству важныя услуги. Имѣя за собой и воинскую силу и заслуги, онъ могъ поэтому явиться сильнымъ заступникомъ православія. Въ немъ нашло своего заступника и новое кіевское братство съ его школою, великое значеніе которой онъ понялъ, имѣя самъ доброе школьное образованіе. Союзъ кіевскаго братства съ козачествомъ былъ весьма полезенъ и Кіеву и всей вообще Южной и Западной Руси. Теперь вожакамъ уніи уже было труднѣе, чѣмъ когда-либо прежде, утвердить свою унію въ Кіевѣ. Уніатскій митрополитъ Рутскій еще въ 1619 г. писалъ: „наибольшею помѣхою для

уніи въ Кіевѣ служитъ новое братство, основашое схизматиками (такъ онъ называлъ православныхъ) безъ позволенія короля... Трудно думать о чемъ-либо добромъ, если это братство не будетъ уничтожено. Уничтожить же его можно какъ властію воеводы (латинянина), такъ и позывомъ въ задворный королевскій судъ". Но ни власть воеводы, ни этотъ задворный судъ, столько извѣстный своими неправедными приговорами противъ православныхъ, не смогли уничтожить братства, сильнаго своимъ союзомъ и нашедшаго новую силу въ союзѣ съ козачествомъ. Напротивъ, кіевское братство въ союзѣ съ южно-русскимъ козачествомъ поможетъ всей Южной и Западной Руси возстановить то, что было отнято у нея уніею, и въ чемъ она наиболѣе нуждалась для правильнаго устройства своей церковной жизни и для дальнѣйшей борьбы за свою вѣру и народность,—поможетъ возстановить православную іерархію. Но объ этомъ послѣ. А теперь, по порядку, скажемъ, хотя кратко, о томъ, каково было положеніе самой уніи, которую Рутскій собирался утвердить въ Кіевѣ съ помощью засѣвшаго здѣсь латино-польскаго бискупа, кіевскаго латино-польскаго воеводы и королевскаго задворнаго суда, также латино-польскаго.

---

17. Видимые успѣхи уніи. Жалоба ревнителя православія, волынскаю дворянина Лаврентія Древинскаю, варшавскому сейму на насилія со стороны уніатовъ.

Къ концу описываемаго 25-ти лѣтія унія сдѣлала видимые успѣхи въ Западной Руси. Въ рукахъ уніатовъ были всѣ епископскія каѳедры, исключая львовской, много церквей и монастырей съ ихъ имѣніями; не мало уже привлечено къ уніи и жителей въ городахъ, мѣ-

стечкахъ и селахъ Западной Руси. Но всѣ эти успѣхи или прибытки уніи достались ей неправдою и насиліемъ. Мы видѣли примѣры на это при описаніи борьбы православныхъ за свою вѣру и народность, вызванной дѣйствіями этой неправды и насилія. Подобныхъ примѣровъ было еще много. Не станемъ приводить ихъ. Занесемъ здѣсь на память только слѣдующее общее свидѣтельство о причиненныхъ уніею неправдахъ и насиліяхъ данное во всеуслышаніе на варшавскомъ сеймѣ 1620 г. въ присутствіи короля посломъ отъ волынскаго дворянства, знаменитымъ ревнителемъ православія Лаврентіемъ Древинскимъ. Обращаясь къ королю, онъ говорилъ: „ктожъ, о, Боже живый! явственно сего не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній россійскій народъ въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ? Начну отъ Кракова. Какое распространеніе славы Божіей помощію сея новопзобрѣтенныя уніи является? Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ вмѣсто монаховъ скотъ запираютъ. Перейдемъ въ княжество литовское: тамъ въ пограничныхъ московскому государству городахъ то же самое дѣлается. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ то же учинено; монастырь Лещинскій въ питейный домъ превращенъ; вслѣдствіе сего дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ стерво, вывозятся; народъ безъ исповѣди, безъ пріобщенія святыхъ тайнъ умираетъ. Неужели сіе не Самому Богу обида? Неужели за то отмщевать не будетъ Богъ?.. Ваше королевское величество о томъ вѣдать не изволите, ибо божественнаго вездѣсущія въ себѣ не имѣете, будучи наряду съ прочими въ человѣчество облечены. То

только къ свѣдѣнію вашему доходитъ, что другіе или въ добрую, или въ худую сторону о насъ допосятъ. Воззримъ еще на братію и притѣсненіе ихъ, едва слыханное. Или то не притѣсненіе народу нашему россійскому, что, не говоря о другихъ городахъ, во Львовѣ дѣлается? Кто греческаго закона, и къ уніи не преклоненъ, тотъ въ городѣ жительствовать, купечество и продажу питей производить, и въ ремесленные цехи принятъ быть отнюдь не можетъ. Есть-ли же кто въ городѣ отважившись жить, умретъ, того тѣло мертвое по обряду церковному къ погребенію препроводить, до больнаго съ таинами Христовыми открыто идти—не вольно.—Въ Вильнѣ же не вопіющее ли притѣсненіе? слыханное ли до сего? Тѣло мертвое благочестиваго когда хотятъ за городъ проводить, то тѣ самыя ворота, коими всѣ ходятъ и ѣздятъ, даже жиды и татаре, запираютъ такъ, что принужденными себя находятъ православные въ тѣ ворота, коими смрадъ и одну токмо нечистоту городскую вывозятъ, мертвеца своего выносить. Даже въ полученіи воды бѣдные крайне нуждаются; монаховъ непреклонныхъ къ уніи ловятъ, бьютъ, и на вольной дорогѣ ихъ имая, въ узилища заключаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ за то только, что съ уніей не соединены, не производятъ; по простяками и невѣждами (такъ что иной не знаетъ, что есть правосудіе или справедливость), въ поношеніе сторонѣ россійской, праздныя мѣста наполняютъ. Суммы денежныя отъ невинныхъ благочестивыхъ, безъ всякой основательной причины, исторгаютъ. Коротко сказать: давно уже великія и неслыханныя притѣсненія россійскій нашъ народъ какъ въ Коронѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ переноситъ. Внутрешее таковой обиды непресѣченіе проистекаетъ отъ того, что ваше королевское величество противу

справедливости, противу правъ и вольностей нашихъ шляхетскихъ, на высокіе саны властей духовныхъ, яко несвѣдущь породы ихъ, производить изволите. Кто о семъ не вѣдаетъ, что нынѣ именуемый архіепископъ полоцкій, родившійся во Владимірѣ, есть сынъ купца нѣкоего сапожника, а оттуда образовавъ себѣ фамилію шляхетскую, Кунцевичемъ титулуетъ себя? Кто сего глазами не видитъ, что перемышльскій владыка, прозываемый Шишка, родился отъ пастуха, и нынѣ родный братъ отца его въ селеніи Влокѣ въ холопахъ у кіевскаго воеводы имѣется? Кто о семъ не знаетъ, что владимірскій владыка сынъ есть мѣщанки львовской Стецковой? Кому (свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ) не извѣстно, что холмскій владыка есть нѣкій, прозываемый Покоста, виленскаго купца сынъ, который у одного бургомистра виленскаго унесъ сукно, и если бы его не спасъ монашескій клобукъ, давно бы онъ пошелъ на висѣличный крюкъ. Такову-то пользу отъ уніи имѣть изволите ваше величество, что двадесяти лѣтъ возмущенія сея уніи не могутъ унпты доставпть кого-либо изъ урожденнаго шляхетства для возведенія по достоинству на высокіе тѣ саны. Да и нынѣ данъ намъ въ Луцкѣ, въ противность правъ и вольностей нашихъ, нѣкто Почаповскій, коего шляхетской породы хотя и не отрицаемъ, но въ разсужденіи лѣтъ его не только недостоинъ онъ такова сана, ниже діакопскаго, не говоря о священствѣ, а потому называть его отцемъ не можемъ; ибо еще и двадесяти лѣтъ не имѣетъ. Все же сіе неустройство происходитъ отъ того, что не отъ правпльнаго пастыря посвященіе пріемлютъ. Отступили симъ они отъ патріарха константинопольскаго, коему исконп въ семъ государствѣ вашего королевскаго величества власть сія припадлежала. Свидѣтельствуютъ то лѣтописи, свидѣтельствуютъ привплегіи предшественниковъ вашего

королевскаго величества, а что болѣе—свидѣтельствуетъ ваша привилегія, въ 1599 году данная самому патріарху константинопольскому на единственное управленіе въ семъ государствѣ греко-россійскаго исповѣданія духовенствомъ; свидѣтельствуетъ и другая данная въ 1607 году привилегія, въ коей ваше величество, по силѣ правъ и вольностей, церковныя имѣнія въ пользу религіи нашей раздать обѣщать благоволили; свидѣтельствуютъ наконецъ конституціи, въ томъ же и въ прочихъ годахъ учиненныя. Итакъ милосердія ради Божія, именемъ всея братіи нашея, всенижайше прошу ваше королевское величество сжалиться въ обидѣ не нашей, но Божіей. Уже отъ двадесяти лѣтъ на каждомъ сеймикѣ, на каждомъ сеймѣ и главномъ съѣздѣ горькими слезами молимъ, но испросить не можемъ, дабы мы при правахъ и вольностяхъ нашихъ сохранены остались; дабы братія наша таковыхъ несправедливостей не претерпѣвали: дабы, по послѣдней мѣрѣ, нынѣшній митрополитъ и владыки въ послушаніе прямаго своего въ вѣрѣ пастыря—константинопольскаго патріарха, а имѣнія церковныя, хотя не вдругъ за симъ, но непремѣнно по измертвіи нынѣшнихъ владѣльцевъ къ законнымъ помѣщикамъ своимъ привращены были. Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ!), если совершенное успокоеніе на семъ сеймѣ и уврачеваніе толь тяжелыхъ язвъ не послѣдуетъ, то принужденныхъ себя увидимъ съ пророкомъ возопить: суди ми, Боже, и разсуди прю мою".

---

18. Нравственный обликъ уніи; унія—мостъ для перехода въ католицизмъ; приниженное положеніе уніатскаго духовенства.

Въ рѣчи знаменитаго ревнителя православія и обличителя уніи дается намъ свидѣтельство не только о

тѣхъ неправдахъ и насиліяхъ, съ какими она вводилась, но отчасти и о внутреннемъ обликѣ самой уніи. Какъ дѣло неправды и насилія, унія хотя и успѣла пріобрѣсть послѣдователей, но эти послѣдователи, эти западно-русскіе уніаты были за немногими исключеніями, уніатами невольными, вынужденными или просто лицемѣрными, вообще не имѣвшими убѣжденія въ правотѣ уніи. Уже о первомъ уніатскомъ митрополитѣ Михаилѣ Рагозѣ говорили, что подъ конецъ жизни онъ горько каялся и стоналъ отъ печали, что принялъ унію. О полоцкомъ епископѣ Германѣ знаемъ, что онъ заплакалъ отъ печали, когда ему представили листъ съ данными, по приказу польской власти, подписями священниковъ на унію, и громко повторялъ, что жалѣетъ о своемъ предательствѣ на унію. А преемникъ его подъ конецъ жизни выразился, что ему омерзѣла унія. А сколько было такихъ лицъ въ духовенствѣ, которые то принимали унію изъ страха взысканій и насилій, то бросали ее, когда освобождались отъ страха, надѣялись на чью-либо защиту, то опять принимали, когда надежда смѣнялась новымъ страхомъ!... Простые же люди, вынуждаемые къ уніи или зачисленные въ уніаты, только въ сердцѣ таили скорбь о такой печальной необходимости. Конечно, между принявшими унію были и такіе, которые принимали ее не изъ страха, не вынужденно, а добровольно, изъ-за разсчета, изъ-за выгодъ. Это—люди низменные, люди мелкой совѣсти, которые чрезъ унію хотѣли выслужиться въ глазахъ главныхъ вожаковъ ея и польской власти, заполучить доходныя должности и мѣста. Такихъ-то людей вожаки уніи съ помощью польской власти дѣлали даже уніатскими епископами. О нихъ-то говоритъ въ своей рѣчи Лаврентій Древинскій. Говорили о нихъ и другіе. Канцлеръ Левъ Сапѣга не разъ напоминалъ Поцѣю, что онъ возводитъ на священныя

степени, даже епископскія, людей недостойныхъ. Поцѣй оправдывался тѣмъ, что нѣкоторые изъ такихъ негодныхъ людей возведены на епископскія каѳедры будто бы не имъ, а свѣтскими панами, что другіе негодные сносны по крайней мѣрѣ тѣмъ, что держатся уніи; хуже было бы, говорилъ онъ, если бы каѳедры ихъ достались схизматикамъ, т.-е. православнымъ. Такимъ образомъ для Поцѣя и негодный человѣкъ былъ пригоднымъ, лишь бы былъ уніатомъ, а не православнымъ. Но самъ преемникъ Поцѣя Рутскій уже жаловался, что такіе недостойные епископы служатъ укоромъ уніи въ глазахъ и православныхъ и уніатовъ. А между тѣмъ выслуживались черезъ унію и такіе люди, которые запятнали себя порочными дѣлами и вообще дурною жизнью. Таковъ былъ холмскій владыка Покоста, купчикъ, попавшійся въ воровствѣ, спасшійся отъ наказанія тѣмъ, что принялъ монашество въ уніи, гдѣ достигъ и епископства. Таковъ былъ виленскій діаконъ Антоній Грековичъ, изгнанный православными за бурную жизнь, а у Поцѣя ставшій оффиціаломъ, т.-е. старшимъ лицомъ въ духовенствѣ. Такими-то людьми должна была пробавляться унія за скудостью достойныхъ, которые остались въ православіи.

Но въ положеніи уніи была еще одна сторона, могущая вызывать уже и состраданіе къ ней. По начальной мысли объ уніи, она должна была состоять въ признаніи папской власти и въ единеніи вѣры и любви съ римско-католическою церковью, господствовавшею и въ Польшѣ. Но при этомъ уніатская церковь должна была остаться при своихъ русскихъ епископахъ, своемъ русскомъ священствѣ, удержать свои, забираемые отъ православія, монастыри и церкви, свои уставы и обряды богослуженія, совершаемаго на родномъ церковнославянскомъ языкѣ, общемъ ей и православію; словомъ,

она должна была оставаться все-таки русскою церковью. А за признаніе папской власти и единенія вѣры и любви съ римско-католическою церковью, она должна быть свободна отъ посягательствъ на нее со стороны римско-католической, т.-е. латино-польской церкви, и быть уравнена въ правахъ съ нею. Не такова была затаенная мысль у латино-польскихъ бискуповъ, іезуитовъ, ксендзовъ и пановъ. По старому іезуитскому слову, унія имѣла быть только *мостомъ къ латинству;* все шло исподволь къ олатиненію и ополяченію Западной Руси, чтобы окончательно слиться въ одно народно-государственное тѣло съ Польшею, какъ то задумано было еще на Люблинской уніи 1569 г. Поэтому унію они поддерживали на столько, на сколько она давала надежду на ослабленіе православія и неразлучной съ нимъ русской народности и на содѣйствіе къ достиженію упомянутой главной цѣли, т.-е. къ олатиненію и ополяченію Западной Руси. Сама же по себѣ унія съ уцѣлѣвшими въ ней остатками православія и чертами русской народности не внушала имъ *искренняго* доброжелательства и уваженія. Поэтому они всегда готовы были *убожить* унію, дѣлая на счетъ ея прибытки себѣ, т.-е. перехватывая то, что̀ доставалось или могло бы достаться ей отъ православія. Такъ стали перехватывать въ латинство тѣхъ бывшихъ православныхъ русскихъ князей и дворянъ, вообще людей богатыхъ и знатныхъ, которые по малодушію отпадали отъ православія. Въ первое время нѣкоторые изъ тѣхъ принимали унію, и уже потомъ сами или ихъ дѣти переходили въ латинство. Но чаще бывало такъ, что отступники православія изъ русской знати прямо переходили въ латинство. Унія казалась имъ ни православіемъ, ни латинствомъ, а какимъ-то межеумкомъ, на которомъ нечего останавливаться по отходѣ отъ православія. Вообще польское

латинство прельщало отступниковъ изъ русскихъ пановъ тѣмъ, что чрезъ него они могли лучше угодить королю, ближе сойтись и побрататься съ польскими панами, бискупами и ксендзами, весьма тогда сильными въ Польшѣ, вѣрнѣе достичь высшихъ почестей, доходныхъ мѣстъ и т. д. Разумѣется, бискупы, ксендзы и іезуиты одобряли и поощряли такіе разсчеты и мысли. Родственныя связи русскихъ пановъ съ польскими также увлекали ихъ въ латинство и ополячивали: ибо и тутъ всегда были на лицо ксендзы, которые орудовали и въ польскихъ семьяхъ. Но болѣе всего латинили и ополячили іезуиты русскую молодежь черезъ свои школы. Если іезуитамъ удавалось совратить поступавшихъ въ ихъ школы питомцевъ изъ русской знати, то они совращали ужъ никакъ не въ унію, а въ польское латинство. Подобно дворянамъ, и русскіе мѣщане, отпавшіе отъ православія, нерѣдко принимали не унію, а латинство. Такимъ образомъ для уніи оставался простой бѣднѣйшій людъ и только незначительная часть мѣщанства. На языкѣ гордыхъ польскихъ пановъ, а за ними и русскихъ ополяченныхъ, унія оказывалась хлопскою вѣрою, поставлена въ уничиженіе. Уничиженіе тяготѣло и надъ всею уніатскою церковью въ лицѣ ея іерархіи. Не оправдались надежды уніатскихъ митрополитовъ и владыкъ уравняться въ правахъ съ латино-польскими бискупами, имѣть наравнѣ съ ними мѣсто въ сенатѣ. Король, сулившій имъ такія права за предательство на унію, обманулъ ихъ. И самъ папа не могъ упросить или заставить исполнить обѣщанія, данныя уніатскимъ владыкамъ. Этому противились добрые латино-польскіе бискупы, ни за что не хотѣвшіе равнять съ собою русскихъ уніатскихъ владыкъ. За бискупами оказывали пренебреженіе къ нимъ и паны, а глядя на бискуповъ и пановъ, латино-польскія каѳедры

любили выситься, а то и живиться на счетъ русскихъ уніатскихъ пановъ. Достаточно припомнить, какъ горько на все это жаловался самъ митрополитъ Рутскій въ письмѣ своемъ въ Римъ. „Насъ, писалъ Рутскій, не признаютъ истинными епископами, равными бискупамъ латинскимъ, а считаютъ низшими ихъ, какъ бы хорепископами только и суффраганами; насъ не удостоиваютъ сдѣлать, наравнѣ съ ними, сенаторами. Нашъ митрополитъ и епископы не имѣютъ въ государствѣ никакого или почти никакого общественнаго авторитета и значенія. Въ собранія дворянства насъ вовсе не допускаютъ, и не позволяютъ намъ говорить въ защиту себя даже тогда, когда обвиняютъ насъ, какъ нарушителей общественнаго спокойствія; великимъ счастьемъ считается, если кому-либо бываетъ дозволено сказать нѣсколько словъ въ такихъ собраніяхъ, и нужно много покорности, просьбъ, заискиванія, чтобы получить тамъ мѣсто для сидѣнія, приличное нашему сану. Когда мы, съ большими издержками и вредомъ для здоровья, пріѣзжаемъ на сеймы, насъ заставляютъ тамъ стоять позади сенаторовъ, вмѣстѣ съ простыми священниками латинскаго обряда, къ униженію нашего іерархическаго сана и къ посмѣянію отъ схизматиковъ. Если случится намъ находиться въ засѣданіяхъ римскихъ бискуповъ, то они предпочитаютъ намъ своего какого-нибудь капошика; а если, по нуждѣ, намъ приходится пріѣхать къ кому-либо изъ нихъ, они скорѣе принимаютъ и выслушиваютъ послѣдняго своего клирика, нежели насъ, хотя мы епископы той же римской церкви. Наши священники очень бѣдны, живутъ только подаяніями отъ прихожанъ, сами воздѣлываютъ свои поля и платятъ подати наравнѣ съ поселянами. Мѣстные дворяне, считающіеся патронами церквей въ своихъ имѣніяхъ, наказываютъ этихъ духовныхъ пастырей, какъ хо-

тятъ, и даже сажаютъ въ карцеръ, а нѣкоторые заставляютъ ихъ даже работать вмѣстѣ со своими крестьянами. Настоятели латинскихъ костеловъ взимаютъ десятину и съ мѣстныхъ уніатовъ, а кое-гдѣ съ самихъ даже уніатскихъ священниковъ".

---

19. Внесеніе въ уніатскія церкви латинскихъ обрядовъ.

Ко всему этому скоро присоединилась и еще одна сторона въ положеніи уніи. Признавъ папство и союзъ вѣры съ римско-католическою церковью, уніатская церковь волею или неволею стала допускать въ себѣ искаженіе и того внѣшняго образа своего, который хотѣла сохранить, какъ русская церковь, начиная съ православной обрядности. Уже теперь началось вторженіе въ нее латинской обрядности, имѣвшее вести къ дальнѣйшему олатиненію уніи. Нѣкоторые уніатскіе владыки даже потворствовали этому, прельщаясь сами латинствомъ, или желая угодить латинянамъ. Но у другихъ, дорожившихъ остатками праотеческаго наслѣдія, доставшагося уніи отъ православія, такія вторженія латинства вызывали скорбь и жалобы. Вотъ напр., какъ говорили объ этомъ уніаты, прихожане церкви одного мѣстечка Ратна, въ своей просьбѣ митрополиту Рутскому. Обращаясь къ митрополиту Рутскому съ великою покорностью, они называютъ его пастыремъ-архіепископомъ русскаго народа, давая тѣмъ знать, что и сами, хотя и принявшіе унію, считаютъ себя русскими людьми. Затѣмъ выражаются такъ: „мы, убогіе мѣщане, вмѣстѣ съ нашими священниками и духовными отцами покорно просимъ вашей пастырской милости и благословенія на то, чтобы мы, убогіе и грѣшные люди, оставлены были при стародавнихъ и отъ

святыхъ и богоносныхъ отцевъ переданныхъ обрядахъ и уставахъ богослужебныхъ, обычныхъ святой Восточной церкви, какъ нашей матери, безъ всякаго нарушенія ихъ при насъ и потомкахъ нашихъ. Просимъ въ особенности, чтобы намъ оставлены были нашъ старый календарь и весь порядокъ нашихъ праздниковъ по церковному уставу. Просимъ также, чтобы наши священники совершали службы не въ костелахъ, а только въ своихъ церквахъ; чтобы дѣтокъ нашихъ крестили наши священники, а не ксендзы, какъ того они домогаются, чтобы мы исповѣдывались и причащались у своихъ священниковъ, а не принуждали насъ исповѣдываться и причащаться у ксендзовъ. А кто самъ захочетъ убѣжать до ксендза, того пусть ужъ будетъ вольно принять ксендзу“... Иначе и не могли говорить бѣдные мѣщане о такихъ бѣглецахъ отъ уніи въ латинство, ибо ксендзы, сманивавшіе ихъ, были тогда въ большой силѣ. И ксендзы не опустятъ стараться, чтобы такихъ бѣглецовъ было больше и больше, и чтобы чрезъ нихъ множить свои латинскія паствы на счетъ уніатскихъ паствъ. Итакъ, не смотря на видимые успѣхи уніи, положеніе ея было во многомъ печальнымъ, не предвѣщавшимъ ей свѣтлой и прочной будущности.

---

20. Вліяніе борьбы за вѣру и народность на укрѣпленіе въ средѣ православныхъ сознанія единства по вѣрѣ и крови съ братьями Сѣверо-Восточной Россіи.

Иное было положеніе православія и православныхъ въ Западной Руси. Въ борьбѣ за свою вѣру и народность имъ приходилось часто страдать; но эти страданія и были новымъ свидѣтельствомъ ихъ искренней и твердой преданности своей вѣрѣ и народности. Тѣ изъ нихъ, которые оставались въ своей вѣрѣ, оставались

по доброй волѣ, а не по принужденію, слѣдовательно были вообще лучшими хрістіанами. И вѣрныхъ православію въ Западной Руси все еще было болѣе, чѣмъ отпавшихъ въ унію. Еще не мало оставалось въ православіи князей, дворянъ, не поддавшихся соблазну ни отъ уніи, ни отъ латинства. Борьба за вѣру и народность подняла православный духъ вѣрныхъ православію, что проявилось особенно въ лицѣ достойныхъ подвижниковъ и ревнителей благочестія. Они повліяли на оживленіе образованія чрезъ учрежденіе новыхъ лучшихъ школъ, чрезъ радѣніе о наукахъ и. т. д. Уже извѣстный намъ Лаврентій Древинскій въ рѣчи своей 1620 года говорилъ: „если бы не совершилось отступленіе нѣкоторыхъ изъ нашего духовенства отъ своего законнаго архипастыря (то-есть цареградскаго патріарха), если бы изшедшіе отъ насъ (уніаты) не возстали на насъ,—то такія науки, такія училища, столь достойные и ученые люди никогда не открылись бы въ народѣ русскомъ, и ученіе въ нашихъ церквахъ попрежнему оставалось бы покрытымъ прахомъ нерадѣнія“. Борьба за вѣру и народность помогла развиться новой силѣ русской въ лицѣ козачества и подготовила оживленіе въ Южной и затѣмъ Западной Руси, единство ея по вѣрѣ и народности съ Сѣверо-Восточною Россіей. Этому отчасти помогла и сама Польша своими замыслами на завоеваніе уніи и латинству Сѣверной Руси, одновременно съ такими же замыслами на Западную Русь.

---

21. Замыслы польско-іезуитской политики въ отношеніи Сѣверо-Восточной Россіи.

Еще до начала уніи въ Западной Руси былъ въ Москвѣ папскій посолъ іезуитъ Антоній Поссевинъ, и пытался привесть царя Іоанна IV, а съ нимъ и Сѣверо-

Восточную Русь подъ власть папы чрезъ унію и латинство. Потерпѣвъ полную неудачу въ томъ, онъ, возвращаясь изъ Москвы чрезъ Западную Русь и Польшу, говаривалъ и писалъ, что Сѣверную Русь, имѣющую православнаго царя и сильно преданную своей вѣрѣ, трудно завоевать для папы, т.-е. склонить къ уніи или латинству; что нужно начать это дѣло съ Западной Руси, подвластной римско-католической Польшѣ и ея королю; здѣсь оно вѣрнѣе удастся; а когда удастся здѣсь, то съ помощью Польши и Западной Руси можно двинуться на завоеваніе и Сѣверной или московской Руси. И вотъ, когда началась унія въ Западной Руси и рядомъ съ нею прививалось и латинство, то это ободрило и папу съ іезуитами и Польшу въ ихъ замыслахъ на Сѣверную Русь. Новымъ поощреніемъ къ такимъ замысламъ послужили великія смуты, наставшія тогда въ Сѣверной Руси. То были смуты отъ такъ-называемыхъ самозванцевъ, а потомъ отъ безгосударія въ московской Руси. Не будемъ говорить подробно объ этихъ смутахъ, о которыхъ можно читать въ другихъ книжкахъ. Скажемъ только, что во время этихъ смутъ почти вся Сѣверо-Восточная Русь подпала страшному разоренію и отъ поляковъ и съ ними всякаго другого сброда гулящихъ людей, наѣздниковъ, грабителей, крамольниковъ и воровъ своихъ и чужихъ. Сама Москва съ ея кремлемъ попала было въ руки поляковъ къ великой радости папы и іезуитовъ. Сначала они думали воцарить въ ней польскаго королевича Владислава, сына Сигизмунда III. Русскіе бояре уже готовы были согласиться на это, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы королевичъ принялъ православную вѣру, женился на православной и короновался по православному въ Москвѣ, и чтобы вообще вѣра осталась ненарушимою и непоколебимою въ московской Руси, святая вѣра

православная, неразлучная съ народностью. Но это было не по душѣ ни Сигизмунду III, ни папѣ, ни іезуитамъ, ни вообще польскимъ бискупамъ, ксендзамъ и панамъ. Итакъ, по ихъ внушенію, онъ задумалъ занять московскую Русь силою, взять ее на себя, самому воцариться въ ней, чтобы и въ ней дѣлать то, что дѣлалъ въ Западной Руси. Въ ту пору, когда Москва была уже въ рукахъ поляковъ, Сигизмундъ съ войскомъ осаждалъ Смоленскъ. Подъ Смоленскъ и присланы были изъ Москвы къ королю послы во главѣ съ Филаретомъ Никитичемъ, архіепископомъ ростовскимъ для переговоровъ о королевичѣ Владиславѣ. Лукавый король, овладѣвъ Смоленскомъ, сказалъ увести въ плѣнъ святителя Филарета съ другими послами, и послалъ войска, чтобы занять Москву уже на свое имя и довершить завоеваніе русской земли. Но то былъ уже предѣлъ ея бѣдствіямъ. Благочестивые предки наши называли ихъ попущеніемъ на русскую землю за грѣхи,— пришли въ сокрушеніе, а отъ сокрушенія ожившись вѣрою, что Богъ не оставитъ ихъ. Воспрянувъ духомъ, воззвали они со всѣхъ концовъ земли русской о соединеніи въ вѣрѣ и братской любви и единодушно поднялись на спасеніе Москвы и ея святыни, на защиту вѣры православной и земли родной. То было въ вѣчнопамятный 1612 годъ. И подвигами доблести и самопожертвованія, съ помощью Божіею, спасли они Москву и землю русскую, изгнавъ изъ нея враговъ. А вскорѣ затѣмъ, по голосу святителей и всего народа, истиннѣе сказать, по устроенію Промысла Божія, призванъ и вѣнчанъ на царство юный Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ знатнаго боярскаго рода Романовыхъ, сынъ святителя и страдальца Филарета, который назывался Ѳеодоромъ, когда былъ въ мірѣ боярномъ. Король Сигизмундъ и его паны, подущаемые іезуитами, пытались войною

возвратить потерянное. Тяжко было это вообще для московской Руси, такъ уже много пострадавшей. И вотъ, для успокоенія и облегченія земли, царь Михаилъ, по совѣту бояръ, рѣшился уступить Польшѣ двѣ области: Сѣверскую съ Черниговомъ и др. городами ея и Смоленскую; а Польша обязывалась прекратить войну, возвратить плѣнныхъ и во главѣ ихъ отца государева Филарета. Это было въ 1618 году. И возвратился этотъ доблестный и мудрый святитель въ объятія сына-царя, который теперь упросилъ его быть патріархомъ всея Руси, чтобы устроять порядокъ церковный и помогать сыну-царю въ устройствѣ порядка земскаго, государственнаго. Какъ разъ въ это время прибылъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Θеофанъ съ обычнымъ прошеніемъ о милостыни и пособіи православному Востоку и его іерусалимской патріархіи при святомъ Гробѣ Господнемъ. Этотъ патріархъ Θеофанъ съ русскими епископами и совершилъ поставленіе Филарета на московское патріаршество. Торжество московской и Сѣверной Руси надъ папскими, іезуитскими и латино-польскими замыслами противъ нея было чрезвычайно важно и для судебъ единоплеменной и единовѣрной ей Западной Руси въ ея борьбѣ съ подобными же замыслами, но борьбѣ болѣе тяжкой и имѣвшей еще долго тяготѣть надъ ней вмѣстѣ съ польскою властью надъ нею. Въ торжествѣ Сѣверной Руси уже свѣтилась надежда на могущую современемъ явиться помощь отъ нея Южной и Западной Руси. А теперь, какъ бы знаменемъ такой надежды являлось то, что тотъ же патріархъ святаго града Іерусалима, который былъ свидѣтелемъ совершившагося торжества въ Москвѣ и послужилъ ей къ возстановленію патріаршей власти, явился, по устроенію Промысла, возстановителемъ православной іерархіи въ Руси Западной.

ГЛАВА II.

Западная Русь въ борьбѣ за свою вѣру и народность въ періодъ отъ возстановленія въ ней православной іерархіи до смерти короля Сигизмунда III.

---

1. Прибытіе въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Θеофана; радость православныхъ; призывъ патріархомъ братствъ на защиту вѣры.

Весною 1620 г., въ половинѣ великаго поста, около 22 марта, іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, на обратномъ пути изъ Москвы, прибылъ въ Кіевъ и остановился въ странноприимномъ домѣ Богоявленскаго братства при его братскомъ монастырѣ. Онъ имѣлъ полномочія отъ константинопольскаго патріарха заняться устройствомъ Западно-Русской церкви, признававшей надъ собою высшую духовную власть его. Обрадовались православные высокому и дорогому го-

стю. А славный гетманъ Сагайдачный, встрѣтившій патріарха еще на пути его къ Кіеву, снарядилъ своихъ козаковъ, которые провожали патріарха до Кіева, а здѣсь учредили изъ себя стражу вокругъ братскаго дома, гдѣ остановился патріархъ, и „аки пчелы матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастыря словесныя овцы его стражаху отъ волковъ противныхъ“. И нужно было охранять патріарха. Польскія власти стали подсматривать за патріархомъ, подозрѣвая, что онъ, какъ пріѣхавшій въ Москву изъ Турціи, которая была тогда въ явной враждѣ съ Польшею, а изъ Москвы въ Южную Русь къ козакамъ, могъ имѣть отъ Турціи порученіе поднимать Москву и козаковъ противъ Польши. Но патріархъ въ теченіе полутора мѣсяцевъ тихо жилъ въ братствѣ, не приступалъ пока и къ духовнымъ дѣйствіямъ въ ожиданіи того, какъ отзовутся на его прибытіе польскія власти и самъ король. Польскія власти одумались, оставили свои подозрѣнія и уже въ началѣ мая, съ вѣдома короля, сообщили кіевскому войту и гражданамъ, что они хорошо поступили, учтиво принявъ у себя такого великаго и знатнаго гостя. А когда послѣ того самъ патріархъ послалъ письмо къ королю, то и самъ король отвѣчалъ ему, что не имѣетъ теперь никакихъ подозрѣній на счетъ патріарха, дозволяетъ ему дѣлать свое дѣло, а къ отъѣзду патріарха назначилъ дворянина въ проводники ему до границы. Такою благосклонностью къ патріарху польскія власти и король хотѣли задобрить русскихъ православныхъ подданныхъ Польши, надъ которою собиралась уже военная гроза отъ турокъ и татаръ. А въ виду такой благосклонности патріархъ считалъ себя уже въ полномъ правѣ по просьбамъ православныхъ приступить къ духовнымъ дѣйствіямъ. Кіевскому братству онъ далъ благословенную грамату, которою отъ имени констан-

тинопольскаго патріарха и своего утверждалъ это братство, даровалъ ему право ставропигіи и въ знаменіе сего вручилъ свой крестъ, преподалъ наставленіе о вѣрѣ, любви и благочестіи, о дѣлѣ благотворенія и особенно о добромъ ученіи въ братской школѣ, назвавъ учащееся въ ней юношество „младенческимъ братствомъ“. Посѣщалъ онъ кіевскія церкви и монастыри, совершая молепія и преподавая благословенія. Между тѣмъ слухъ о патріархѣ разнесся по всѣмъ концамъ Западной Руси. Стали стекаться къ нему послы отъ городовъ и братствъ. Чрезъ нихъ онъ далъ благословенныя граматы братствамъ: виленскому, львовскому, луцкому, могилевскому, минскому, слуцкому, бѣльскому и друг. Все это служило къ великому утѣшенію православныхъ и укрѣпленію ихъ на подвиги борьбы за святую вѣру православную.

---

2. Тайная хиротонія патріархомъ епископовъ на православныя каѳедры: кіевскую, перемышльскую, полоцкую, владиміро-волынскую, холмскую и луцкую.

При такомъ всеобщемъ возбужденіи наступилъ храмовой праздникъ Кіево-Печерской лавры—Успенія Богоматери 15-го августа, къ которому, по обычаю, собралось много богомольныхъ людей изо всѣхъ концовъ Южной и Западной Руси. Тутъ православные приступили къ патріарху съ просьбою совершить то, что наиболѣе нужно было имъ,—поставить православныхъ епископовъ на захваченныя уніатами каѳедры. Патріархъ нѣкоторое время не соглашался исполнить эту просьбу, боясь короля и ляховъ. Но гетманъ Сагайдачный и козаки благочестиваго войска запорожскаго сказали, что „берутъ святѣйшаго патріарха на свои рамена и на свою опеку“. Патріархъ согласился и предоставилъ самимъ

православнымъ избрать лицъ, достойныхъ епископства. По мѣрѣ избранія происходили и посвященія, но осторожно, ибо дѣлалось это еще безъ позволенія короля. Первымъ рукоположенъ былъ во епископа на каѳедру перемышльскую межигорскій игуменъ Исаія Копинскій. Это происходило 6-го октября въ Богоявленской церкви кіево-братскаго монастыря ночью; окна церкви были закрыты и завѣшены; богослуженіе совершалось тихо при пѣніи одного патріаршаго пѣвца Гавріила. Въ рукоположеніи Исаіи, вмѣстѣ съ патріархомъ, принимали участіе болгарскій митрополитъ изъ Софіи Неофитъ, издавна уже пребывавшій въ Западно-Русскомъ краѣ, и стагонскій епископъ Авраамій, какъ и сказано въ пастольной граматѣ, данной тогда Исаіи. Спустя три дня, 9-го октября, въ той же братской Богоявленской церкви и такимъ же точно образомъ посвященъ былъ на митрополію кіевскую и галицкую игуменъ Златоверхаго Михайловскаго монастыря Іовъ Борецкій, бывшій прежде ректоромъ львовскаго училища и потомъ кіево-братскаго. Въ Кіевѣ же посвященъ былъ присланный изъ Вильны инокъ тамошняго братства Мелетій Смотрицкій на полоцкую епархію; а затѣмъ уже на пути изъ Кіева къ границѣ посвящены патріархомъ еще три епископа на епархіи: владиміро-волынскую, луцкую и холмскую.

---

3. Отъѣздъ патріарха на Востокъ; совѣтъ его козакамъ поддерживать православіе въ краѣ; увѣщательная грамата православнымъ повиноваться поставленнымъ отъ него епископамъ и изгнать изъ церкви нѣкоторые вредные обычаи.

Благодаря патріарха за все добро, какое онъ сдѣлалъ для Западной Руси, православные во главѣ съ

нѣкоторыми святителями, гетманомъ Сагайдачнымъ и его козаками провожали его до Валахіи. Здѣсь въ пограничномъ валашскомъ городѣ Бушѣ послѣдовало прощаніе съ патріархомъ. Оно было трогательно. Святители, гетманъ, его казаки и всѣ православные плакали. Патріархъ сталъ на площади и долго поучалъ святителей и мірянъ держаться твердо православія и любви и съ покорностію переносить гоненія и скорби; читалъ разрѣшительную молитву, тогда какъ всѣ преклонили предъ нимъ головы и пали ницъ на землю; снялъ съ козаковъ грѣхъ, тяготившій ихъ совѣсть и состоявшій въ томъ, что они недавно ходили, съ польскимъ королевичемъ Владиславомъ, на единовѣрную Москву, и убѣждалъ ихъ впередъ не ходить на Москву. Прощаясь съ Западно-Русскимъ краемъ, патріархъ Ѳеофанъ оставилъ свою грамату и всѣмъ православнымъ, въ немъ обитавшимъ. Здѣсь, призывая на православныхъ Божіе благословеніе, онъ, прежде всего, изрекалъ анаѳему на всѣхъ владыкъ, отступившихъ отъ православія въ унію, какъ уже умершихъ, такъ и живыхъ, которыхъ перечислялъ по именамъ, равно и на міряпъ, упорно пребывавшихъ въ отступничествѣ и уніи. Потомъ извѣщалъ, что онъ, по уполномоченности отъ константинопольскаго патріарха и имѣя при себѣ его экзарха и двухъ благочестивыхъ архіереевъ, поставилъ для кіевской митрополіи православныхъ митрополита и епископовъ, которыхъ также перечислилъ поименно, и убѣждалъ оказывать имъ всякую честь и послушаніе въ дѣлахъ церковныхъ, какъ истиннымъ пастырямъ. Далѣе завѣщавалъ, чтобы русскіе епископы, въ случаѣ смерти митрополита, по трудности сношеній съ цареградскимъ патріархомъ, сами поставляли новаго, законно избраннаго митрополита, а послѣдній уже послѣ, когда окажется удобнымъ, испрашивалъ себѣ

патріаршее утвержденіе, и чтобы учрежденныя теперь по разнымъ городамъ Западной Россіи ставропигіи цареградскаго патріарха, по невозможности постоянныхъ сношеній съ нимъ, оставались въ подчиненіи своимъ епархіальнымъ архіереямъ во всѣхъ дѣлахъ и судахъ церковныхъ. Наконецъ, объявлялъ всѣмъ, что онъ замѣтилъ въ Малой Россіи нѣсколько церковныхъ обычаевъ, противныхъ благочестію, и потому, вмѣстѣ съ находящимися при немъ архіереями и многими другими духовными лицами, опредѣлилъ исключить эти обычаи изъ церкви и запретить. Сейчасъ изъ-за границы, изъ Валахіи (12 марта 1621 г.), патріархъ писалъ къ московскому патріарху Филарету и выразился такъ: „вѣдомо тебѣ буди, пресвятѣйшій владыко, что мы, вашими молитвами и милостію благочестиваго царя и помощію всеблагаго Бога, освободились отъ сопротивныхъ нашей вѣрѣ; вмѣстѣ съ воинскими людьми, кіевляне проводили насъ до рубежа волошскаго, и нынѣ пребываемъ въ Волохахъ, величая державу царствія вашего“.

---

4. Первые шаги вновь поставленныхъ православныхъ архипастырей; совѣщаніе о благочестіи на кіевскомъ соборѣ.

Возстановленіе православной іерархіи имѣло чрезвычайно важное значеніе для всей Западной Руси. Она имѣла теперь церковь съ совершеннымъ устройствомъ, имѣла своихъ законныхъ архипастырей, святителей и учителей. И эти пастыри были совсѣмъ не похожи ни на тѣхъ владыкъ, какіе бывали до уніи, ни на тѣхъ, которые отпали въ унію, ни на тѣхъ, которые вновь наплодились въ уніи. Новые православные владыки вышли большею частью изъ среды иноковъ-подвижни-

ковъ, вообще же отличались благочестіемъ, духовнымъ просвѣщеніемъ и ревностью по вѣрѣ. Достойно первенствовалъ между ними мудрый и сильный духомъ Іовъ Борецкій, митрополитъ кіевскій. Однимъ изъ первыхъ подвиговъ его было созваніе церковнаго собора въ Кіевѣ въ 1621 г. Здѣсь первосвятитель держалъ со своими сопастырями „совѣтованіе о благочестіи“. Совѣщались именно о томъ, какъ укрѣпить духовныя силы церкви для дальнѣйшаго преспѣянія ея, оградить непрерывность возстановленнаго епископства въ Западной Руси и достоинство священства ея; какъ сохранять и утверждать въ западно-русскомъ народѣ вѣру и ученіе православной Восточной церкви, защищаться отъ противниковъ, вразумлять отступниковъ и возвращать ихъ къ православной вѣрѣ. Съ этою цѣлію на „совѣтованіи о благочестіи“ приняты были, между прочимъ, слѣдующія правила, достопамятныя по высотѣ духовной мудрости и силы: 1) прежде всего митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены и вообще все духовенство должны очиститься отъ грѣховъ и жить цѣломудренно и свято, и по правиламъ церковнымъ управлять самими собою, церквами и монастырями; 2) должны искренно, отъ всего сердца, любить вѣру Восточной церкви и патріарховъ и быть готовыми умереть за эту вѣру; 3) должны ревностно проповѣдывать ее въ церквахъ и по домамъ, и на всѣхъ мѣстахъ, какъ самп, такъ и чрезъ своихъ учениковъ, и повсюду явственно возвѣщать, что вѣра Восточной церкви есть истинная, и спасеніе въ ней несомнѣнное, а въ римской церкви и въ другихъ сборищахъ, отъ нея происшедшихъ, нѣтъ истинной вѣры и невозможно достигнуть спасенія; 4) на іерейство посвящать достойныхъ и несомнѣнныхъ ревнителей благочестія даромъ, а не изъ корысти; 5) возбуждать и приготовлять къ святому му-

ченичеству какъ самихъ себя, такъ и мірянъ, чтобы радостно переносили за вѣру расхищеніе своихъ имуществъ, притѣсненія отъ властей и оковы, и вкушали самую смерть; 6) писать и печатать въ защиту православія книги, но только прежде напечатанія представлять ихъ на разсмотрѣніе и одобреніе мужамъ богомудрымъ; 7) созывать, по церковнымъ правиламъ, соборы, на которыхъ епископы прежде сами должны себя исправлять, а затѣмъ устроять и то, что относится къ духовному клиру и мірянамъ; 8) учреждать по городамъ школы и братства; 9) стараться заблаговременно о достойныхъ и премудрыхъ преемникахъ и имѣть ихъ въ готовности, чтобы архіерейскія каѳедры тотчасъ же замѣщались, какъ только сдѣлаются праздными, и преемство епископовъ не прекращалось; 10) не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью, если бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-нибудь напомнили, или отъ чего ихъ предостерегали; 11) послать къ константинопольскому патріарху за благословеніемъ, помощью и совѣтомъ; равно и на святую гору аѳонскую, чтобы вызвать и привезти оттуда преподобныхъ мужей русскихъ: блаженнаго Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ, процвѣтающихъ жизнію и благочестіемъ; а также и впредь посылать русскихъ, расположенныхъ къ благочестію, на Аѳонъ, какъ въ школу духовную; 12) если уже нельзя обращать самихъ папистовъ и ихъ исчадіе, т.-е. аріанъ, евангеликовъ, лютеранъ, то, по крайней мѣрѣ, всѣми мѣрами стараться объ обращеніи русскихъ, отступившихъ отъ православія, и особенно дворянъ, которые, по отступленіи, сильно вредятъ своимъ бывшимъ единовѣрцамъ.

5. Окружное посланіе кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, съ оповѣщеніемъ о замѣщеніи православныхъ архіерейскихъ каѳедръ въ предѣлахъ Западной Россіи.

Спустя нѣкоторое время послѣ такого „совѣтованія о благочестіи“ съ своими сопастырями, святитель Іовъ обратился съ окружнымъ посланіемъ и ко всей духовной паствѣ своей въ Южной и Западной Руси, въ которомъ говорилъ такъ: „нѣтъ мѣста въ державѣ польскаго короля, гдѣ бы, въ теченіе уже 27-ми лѣтъ, апостаты—уніатскіе владыки не возбуждали короля и другихъ начальниковъ противъ вѣрныхъ и невинныхъ его поддапныхъ—православныхъ, и не подвергали ихъ самымъ тяжкимъ гоненіямъ. Но эти апостаты несправедливо домогаются быть отцами и пастырями русскаго народа, когда сами отступили отъ верховнаго пастыря и отца, константинопольскаго патріарха, возродившаго всю землю русскую святымъ крещеніемъ, и послѣдовать имъ—это значитъ смертельно согрѣшить и вмѣстѣ съ ними подпасть вѣчному проклятію. А потому, кто устоялъ противъ уніи, тотъ долженъ благодарить Бога; увлекшіеся же ею должны покаяться и возвратиться въ лоно матери—церкви. Теперь время къ тому самое благопріятное, такъ какъ Господь послалъ Западно-Русской церкви Свое благословеніе отъ святаго града Іерусалима. Теперь русскіе имѣютъ для всѣхъ своихъ епархій православныхъ епископовъ, законно поставленныхъ, и въ важнѣйшихъ своихъ духовныхъ нуждахъ могутъ притекать „до богоспасаемаго мѣста Кіева, втораго русскаго Іерусалима“, къ своему „властному (собственному) святителю“, митрополиту. Знаменательны эти слова святителя Іова о Кіевѣ: Кіевъ, начальный свѣточъ вѣры для всей Руси, второй Іерусалимъ ея по своимъ святынямъ, теперь, со времени воз-

становленія въ немъ именно православной іерархіи, становится главнымъ средоточіемъ силъ, главною опорою для всей Западной Руси въ ея борьбѣ за свою вѣру и народность. А борьба предстояла еще трудная и долгая.

---

6. Война Польши съ Турціей; варшавскій сеймъ; рѣчь Древинскаго въ защиту православія; обѣщанія короля; помощь Польшѣ со стороны козаковъ.

Предстояла борьба прежде всего за права возстановленной православной іерархіи, неразлучныя съ правами вѣры и народности. Въ ту пору, когда совершались въ Кіевѣ и Южной Руси упомянутыя поставленія православныхъ іерарховъ, польскія власти и король, хотя и могли бы слышать объ этомъ дѣлѣ, но помѣшать ему были не въ состояніи. Да и не до того имъ было. Приближавшаяся военная гроза отъ турокъ и татаръ наконецъ разразилась надъ Польшею. Въ битвѣ подъ Цицерою (7-го октября 1620 г.) польское войско потерпѣло страшное пораженіе, причемъ погибъ и самъ вождь его, гетманъ Ст. Жолкевскій, считавшійся славнѣйшимъ изъ польскихъ вождей. Ужасъ напалъ на Польшу и короля Сигизмунда III. Послалъ онъ къ иностраннымъ дворамъ просить о помощи, но не получилъ ея ни отъ кого. Созвалъ (въ ноябрѣ 1620 г.) онъ сеймъ въ Варшавѣ для совѣщаній о средствахъ обороны отъ грознаго непріятеля. Тутъ-то знаменитый Лаврентій Древинскій выступилъ съ рѣчью, отчасти намъ уже извѣстною. Изобразивъ всѣ притѣсненія и бѣдствія, какія терпѣли русскіе православные за свою вѣру, онъ смѣло сказалъ королю: „теперь, конечно, въ виду страшной опасности для республики, ваше вели-

чество едва ли не бо́льшую часть ратниковъ потребуете отъ народа греко-русскаго исповѣданія. Но какъ же этотъ народъ подставитъ свою грудь на защиту вашей державы, если останется неудовлетвореннымъ въ своихъ нуждахъ и просьбахъ? Какъ можетъ онъ употреблять свои усилія, чтобы добыть вамъ вѣчный миръ, не имѣя внутренняго мира и покоя въ своемъ домѣ? Станетъ ли онъ искренно, съ мужествомъ и ревностію гасить своею кровію горящія стѣны отечества, когда видитъ, что не хотятъ угасить пламени, отъ котораго пылаютъ его домашнія стѣны?“ Въ заключеніе Древинскій именемъ своей братіи умолялъ короля сжалиться надъ православными, сохранить права ихъ, подъ которыми разумѣлось и право имѣть своихъ православныхъ владыкъ. Король и сеймъ обѣщали это, а между тѣмъ постановили собирать силы и средства для отраженія турокъ, и для этого призвать на помощь и козаковъ. Король и краковскій бискупъ послали льстивыя письма къ самому патріарху Θеофану, бывшему уже на отъѣздѣ изъ Южной Руси, и просили его склонить козаковъ идти на помощь королю и Польшѣ. Письма эти застали патріарха въ Трехтемировскомъ монастырѣ, у котораго былъ при немъ гетманъ Сагайдачный со своими козаками. Патріархъ, убѣждая ихъ исполнить волю короля, говорилъ: „эта ваша покорность и знатная услуга можетъ такъ угодить королю, что онъ согласится признать и утвердить возстановленную мною вашу русскую іерархію, т.-е. митрополита и епископовъ, посвященныхъ мною на мѣсто отпавшихъ“. Сагайдачный и козаки приняли слова патріарха къ сердцу. Но вотъ къ половинѣ слѣдующаго 1621 года дошелъ новый страшный слухъ, что громадное турецкое войско (до 300 тысячъ) перешло Дунай и движется къ гор. Хотину (въ нынѣшней Бессарабіи). Король погналъ своего ксендза

къ козакамъ молить о помощи, давая всякія обѣщанія. Обѣщали помощь и козаки, но съ тѣмъ, чтобы король и Польша исполнили ихъ желаніе, т.-е. чтобы утверждены были въ своихъ достоинствахъ митрополитъ и епископы, посвященные патріархомъ. Вѣрно исполнили козаки свое обѣщаніе. Сагайдачный съ 40.000 козаковъ прибылъ на помощь польскому войску подъ Хотинъ, и здѣсь, благодаря доблести гетмана и козаковъ, турки были разбиты на голову и принуждены были заключить миръ (8 окт. 1621 г.).

---

7. Лукавство короля; новыя преслѣдованія православныхъ.

Какъ же теперь исполнялп свои обѣщанія король и польскіе паны? О! тутъ-то открылись обычный обманъ, обычная лживость обѣщаній ихъ. Лишь только выѣхалъ патріархъ Θеофанъ изъ Южной Руси, какъ уніатскій митрополитъ Рутскій завопилъ предъ королемъ, что то былъ не патріархъ, а самозванецъ и турецкій шпіонъ, что поэтому самозванцы и поставленные имъ православные митрополитъ и епископы. Зналъ король, что это ложь, клевета; но, какъ ученикъ и другъ іезуитовъ, считалъ дозволительною ложь и клевету, когда это понадобится для какой-либо цѣли. Итакъ прислалъ онъ на руки Рутскому грамату, которою повелѣвалось схватить православныхъ епископовъ, какъ самозванцевъ, измѣнниковъ, бунтовщиковъ. Нашелся болѣе умный панъ, литовскій канцлеръ (первый сановникъ) Левъ Сапѣга, который не одобрялъ этой граматы и посовѣтовалъ Рутскому поудержаться съ исполненіемъ, чтобъ не раздражать козаковъ, не знавшихъ пока о такомъ лукавствѣ короля. Рутскій удержался, но не надолго, не удержался и король; но, какъ то обычно лю-

дямъ лукавымъ, оба они, не затрогивая козаковъ, какъ сильныхъ, напали на слабыхъ. Беззаконная расправа началась съ Вильны, гдѣ жилъ тогда одинъ изъ поставленныхъ Ѳеофаномъ епископовъ Мелетій Смотрицкій, епископъ полоцкій. Въ Лазареву субботу пришла сюда грозная грамата короля. Съ понедѣльника страстной седмицы начали хватать самыхъ богатыхъ и знатныхъ православныхъ купцовъ города, тащили ихъ въ ратушу, которая обыкновенно на эту великую недѣлю запиралась; здѣсь допрашивали ихъ, подвергали пыткамъ, и однихъ сажали на ратушу, другихъ подъ ратушу, въ подземную темницу. Членовъ ратуши, которыхъ заподозрили въ приверженности къ православію, иныхъ отставили отъ лавицы, другихъ подвергли аресту въ самой ратушѣ. У ремесленниковъ отбирали ключи отъ ихъ привилегій и общихъ кассъ, а которые не хотѣли отдавать, тѣхъ принуждали пытками и, какъ измѣнниковъ, исключали изъ цеховыхъ сходокъ. И эти преслѣдованія и истязанія продолжались всю страстную седмицу. На улицахъ Вильны раздавались вопли и стоны православныхъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ просили, хоть на короткое время, освобожденія изъ темницы, чтобы въ такіе дни побывать въ церкви, исповѣдаться и пріобщиться святыхъ тайнъ, и предлагали за себя въ заложники своихъ женъ, дѣтей, но напрасно. На Свято-Духовскій монастырь дѣлали нападенія; въ ограду его бросали камни, горящія полѣнья, стрѣлы. Въ скорби и въ слезахъ встрѣтили православные великій праздникъ Воскресенія Христова и провели всю свѣтлую седмицу. Въ виду такой неправды и жестокости гонителей, виленское Свято-Духовское братство издало книгу подъ заглавіемъ „Оправданіе невинности“, въ которой сильно и прекрасно защищало честь патріарха Ѳеофана, правоту поставленія имъ право-

славныхъ епископовъ, правоту ихъ, права православной церкви, беззаконія уніатовъ, неправды польскихъ властей, и умоляло о справедливости для православныхъ. Уніаты писали свои лживые отвѣты на эту книгу, а православные немедленно обличали лживость ихъ. Но ничто не помогало. А когда, благодаря хотинской побѣдѣ козаковъ, король и Польша избавились отъ страха предъ турками, то гоненія на православныхъ еще увеличились и расширились. Православные епископы не могли являться или явно дѣйствовать въ своихъ епархіяхъ, а укрывались въ монастыряхъ подъ защитою братства или нѣкоторыхъ оставшихся вѣрными православію русскихъ дворянъ, но большею частью проживали въ Кіевѣ, гдѣ ближе была защита имъ отъ козаковъ. Здѣсь митрополитъ Іовъ смѣло дѣйствовалъ. Онъ вмѣстѣ съ владыками подалъ протестъ, въ которомъ, сказавъ о гоненіяхъ, какія терпѣли православные въ Вильнѣ, прибавлялъ: „въ Могилевѣ, Минскѣ и Оршѣ (у православныхъ) отобраны церкви; въ Перемышлѣ умерщвлены въ тюрьмѣ 24 человѣка мѣщанъ; въ Ярославлѣ, Кременцѣ, Гроднѣ и Пинскѣ отняты церкви; въ Брестѣ Дороѳея съ братьями выбросили въ колодезь; въ Красноставѣ ворвались въ каменную церковь и многихъ въ церкви убили; то же сдѣлали въ Сокалѣ, Бѣльскѣ и Бусни, и взрослыхъ безъ покаянія предавали смерти, а дѣтей безъ крещенія“.

---

8. Вступленіе козаковъ въ составъ братчиковъ кіевскаго Богоявленскаго братства; кончина гетмана Сагайдачнаго.

Съ горестію обо всемъ этомъ узнали козаки, прибывшіе послѣ хотинской побѣды въ Кіевъ со своимъ доблестнымъ гетманомъ Сагайдачнымъ, тяжко раненнымъ въ хотинской битвѣ. Здѣсь кіевскіе городскіе ко-

заки и обыватели подали гетману и всему войску запорожскому просьбу, въ которой, между прочимъ, говорили: старайтесь о митрополитѣ православномъ и о церкви святой Софіи, чтобы быть ему подъ благословеніемъ патріаршимъ... смилуйтесь о свободѣ угнетенныхъ братьевъ нашихъ и православныхъ церквей во Львовѣ, Перемышлѣ, въ Брестѣ, Вильнѣ, Могилевѣ и во всемъ королевствѣ польскаго короля, и сами промышляйте о христіанствѣ. А чрезъ своихъ пословъ, которыхъ мы посылаемъ до короля, мы никогда ничего не добьемся: ибо ляхи издавна привыкли больше обольщать насъ хитростью и обѣщаніями, нежели исполненіемъ обѣщанія". Это была вмѣстѣ просьба и отъ кіевскаго Богоявленскаго братства. И вотъ гетманъ самъ и отъ имени всего войска запорожскаго вписался въ это братство въ знакъ того, что козачество становится покровителемъ и защитникомъ православія во всемъ краѣ. Между тѣмъ король хотѣлъ задобрить козаковъ, оказавшихъ такую великую услугу Польшѣ своею доблестью подъ Хотиномъ. Онъ прислалъ имъ похвальную грамату и денежныя награды, а больному отъ ранъ Сагайдачному—своего врача. Сагайдачный благодарилъ короля письмомъ (отъ 15 февр. 1622 г.), но тутъ же жаловался на польскихъ пановъ, которые во время ухода козаковъ подъ Хотинъ крайне притѣснили прочихъ козаковъ, оставшихся дома. Вскорѣ затѣмъ, чувствуя, что ему уже не выздоровѣть отъ ранъ, гетманъ въ послѣдній разъ написалъ королю и просилъ, чтобы король не давалъ папамъ притѣснять козацкій народъ, не поддерживалъ уніи и предоставилъ православнымъ держаться своихъ древнихъ апостольскихъ и отеческихъ догматовъ и преданій. Готовясь теперь къ смерти, онъ сдѣлалъ послѣднее распоряженіе на пользу церкви: завѣщалъ знатныя суммы и вклады на кіев-

скій братскій монастырь и его школу, на школу львовскаго братства и на монастыри, церкви и школы въ другихъ мѣстахъ Западной Руси. Скончался доблестный мужъ, поборникъ вѣры православной и родной страны, 10-го апрѣля, и погребенъ митрополитомъ Іовомъ въ кіево-братскомъ монастырѣ при церкви дорогого ему училища. Вѣчная память о немъ сохранилась въ родной Руси; но очень коротка была память о немъ въ Польшѣ. Король первый забылъ о немъ, оставилъ безъ вниманія предсмертныя просьбы гетмана, не унималъ гоненій на православіе.

---

9. Неистовства фанатика Іосафата Кунцевича; увѣщательное письмо къ нему канцлера Льва Сапѣги.

Самымъ неистовымъ гонителемъ былъ теперь полоцкій уніатскій владыка Іосафатъ Кунцевичъ. Въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Витебскѣ и другихъ городахъ своей епархіи онъ отнималъ у православныхъ или закрывалъ ихъ церкви, изгонялъ священниковъ, тягалъ въ судъ и тюрьмы ихъ и мірянъ. Охуждали его за это даже литовско-польскіе, болѣе толковые паны, особенно канцлеръ Левъ Сапѣга. Давно уже онъ увѣщевалъ, предостерегалъ его, но все напрасно. Пробовалъ Сапѣга унять Кунцевича чрезъ митрополита Рутскаго, которому писалъ: „не одинъ я, но и другіе весьма охуждаютъ то, что ксендзъ владыка полоцкій слишкомъ жестоко началъ поступать въ дѣлахъ вѣры, и очень надоѣлъ и омерзѣлъ народу, какъ въ Полоцкѣ, такъ и вездѣ. Давно я предостерегалъ его, просилъ и увѣщевалъ, чтобы онъ такъ жестоко не дѣйствовалъ; но онъ, имѣя свои соображенія, болѣе упрямыя, нежели основательныя, не хотѣлъ слушать нашихъ совѣтовъ. Дай

Богъ, чтобы послѣдствія его суровыхъ дѣйствій не повредили Рѣчи Посполитой. Ради Бога, прошу вашу милость, вразуми его, чтобы онъ прекратилъ и оставилъ такую суровость и скорѣе добровольно уступилъ могилевцамъ ихъ церкви, не дожидаясь того, чтобы они сами и безъ просьбы отобрали ихъ у него.... Пожалуйста, ваша милость, держи его на вожжахъ". Но и Рутскій не удержалъ, да кажись, и не хотѣлъ удерживать своего сподвижника и любимца. Между тѣмъ уже не одинъ разъ православные мѣщане то въ Полоцкѣ, то въ Могилевѣ, то въ Витебскѣ готовы были сами подняться на расправу со свирѣпымъ гонителемъ, и только мѣстныя власти польскія охраняли его, но, по неразумію, не унимали его гоненій и даже потворствовали ему. А самъ Кунцевичъ вздумалъ еще пажаловаться на православныхъ, а себя во всемъ оправдывать въ письмѣ къ высшему сановнику, канцлеру Льву Сапѣгѣ. Въ отвѣтъ на это Сапѣга написалъ ему (отъ 12 марта 1622 г. изъ Варшавы) длинное и весьма замѣчательное письмо, которое и приведемъ здѣсь съ небольшими сокращеніями. „Не хотѣлъ бы я,—писалъ Сапѣга,—вступать съ вашимъ преосвященствомъ въ переписку и споры: но видя упорство, съ какимъ вы отстаиваете свои мнѣнія, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, нахожу себя вынужденнымъ отвѣчать, вопреки моему желанію, на неосновательное письмо ваше. Признаюсь, что и я заботился объ уніи..., но мнѣ никогда и на умъ не приходило то, что вы будете привлекать къ ней столь насильственными мѣрами... Вамъ трудно отрекаться отъ этого, когда васъ уличаютъ жалобы, поданныя русскими начальникамъ польскимъ и литовскимъ. Развѣ вамъ неизвѣстенъ ропотъ неразсудительнаго народа и выражаемое имъ желаніе лучше принять турецкое подданство, чѣмъ терпѣть такое при-

тѣсненіе своей вѣры и благочестія? По вашимъ словамъ, уніи противятся только нѣкоторые монахи изъ епархій Борецкаго и Смотрицкаго и нѣсколько лицъ изъ кіевской шляхты; по прошеніе королю, чтобы онъ утвердилъ въ тѣхъ епархіяхъ Борецкаго и Смотрицкаго, а васъ съ прочими удалилъ, подано не нѣсколькими монахами, а всѣмъ запорожскимъ войскомъ. Горе тому, кто легковѣренъ!... А мало ли получаемъ мы жалобъ на сеймахъ не отъ монаховъ только, но отъ всей Украйны и Руси? Руководясь не столько любовію къ ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы злоупотребленіемъ своей власти, своими поступками, противными священной волѣ и приказаніямъ „Рѣчи Посполитой“ *), зажгли тѣ опасныя искры, которыя всѣмъ намъ угрожаютъ пагубнымъ и всепстребляющимъ пожаромъ... Вы пишете „объ обращеніи отщепенцевъ“ и проч. Нужно заботиться объ ихъ обращеніи, но нужно это дѣлать благоразумно и сообразно съ обстоятельствами времени, какъ дѣло, зависящее отъ свободнаго согласія; нужно заботиться, чтобы наша ревность и желаніе единовѣрія основывались на правилахъ любви, по слову святаго Павла. Но вы уклонились отъ наставленій святаго апостола, а потому неудивительно, что находящіеся подъ вашею властію вышли изъ повиновенія вамъ. Что касается опасностей, угрожающихъ вашей жизни, на это можно сказать: каждый самъ бываетъ причиною своего несчастія... Прочитайте житія всѣхъ благочестивыхъ епископовъ, прочитайте творенія Златоустаго,—вы не найдете тамъ ни жалобъ, ни протестовъ, ни намека на судебные процессы и позвы къ суду..., а найдете только то, что способствуетъ къ умноженію славы Божіей, назиданію

*) Такъ называли поляки свое польское государство.

человѣческихъ душъ. А посмотримъ на ваши дѣянія: вы наполнили земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископскія канцеляріи позывами, тяжбами, доносами, чѣмъ не только нельзя распространить уніи, но можно расторгнуть и послѣдній союзъ любви въ обществѣ и наполнить сеймы и управы разладомъ и ссорами. Еще пишете: „если неправовѣрные нападаютъ на меня, то я поневолѣ долженъ защищаться“. Поистинѣ, не тому учитъ насъ Христосъ. Водомый яко овча на заколеніе, имѣя для своей защиты легіоны ангеловъ, Онъ молился за враговъ Своихъ: такъ должно поступать и вамъ. Долгъ мудраго—употребить всѣ мѣры благоразумія прежде, чѣмъ взяться за оружіе, и не писать колкихъ писемъ къ начальству его королевскаго величества, не отвѣчать угрозами, какъ это дѣлаете вы. Апостолы и другіе святые никогда такъ не поступали. Продолжаете: „вольно вамъ топить уніатовъ, рубить имъ головы“. Нѣтъ! не должно такъ поступать съ ними, потому что божественное евангеліе строго внушаетъ всѣмъ мстителямъ, въ томъ числѣ и вамъ: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ. Сколько апостоловъ, учениковъ Господнихъ, сколько христіанъ запечатлѣло своею кровію славу распятаго Господа, претерпѣло ради Его жесточайшія муки! И однако нигдѣ нѣтъ въ святыхъ писаніяхъ ни одной ихъ жалобы или протестовъ на Нероновъ, Тиверіевъ, Діоклеціановъ, но „идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти“. „На сеймахъ, продолжаете вы, поднимаются голоса не только вредные для уніи, но для всего правовѣрнаго духовенства римскаго“. Кто же тому причиною? Одна унія—виновница всѣхъ этихъ несчастій! Когда вы дѣлаете насиліе совѣсти человѣческой, запираете церкви для того, чтобы люди погибали безъ богослуженія, безъ христіанскихъ обря-

довъ и таинствъ, какъ невѣрные; когда злоупотребляете милостію и властію короля,—вы обходитесь безъ насъ; а когда нужно усмирять смуты, возбужденныя въ народѣ вашимъ безпутствомъ,—вы хотите нами запирать двери. Оттого противная сторона думаетъ, что мы съ вами составили заговоръ, направленный къ насилію совѣсти и нарушенію всеобщаго спокойствія, чего, конечно, не бывало. Довольно и того, что вы съ нами въ уніи, такъ и берегите эту унію про себя, и въ званіи, въ неже звани бысте, оставайтесь себѣ спокойно, не подвергайте насъ общенародной ненависти, а себя явной опасности и всеобщему нареканію. „Непринимающихъ уніи, пишете дальше, слѣдовало бы изгнать изъ государства“. Избави Богъ нашу отчизну отъ этого безразсудства! Давно уже въ нашихъ странахъ водворилась римско-католическая вѣра, и пока она не имѣла подражательницы себѣ въ дѣлѣ благочестія и подчиненія святому отцу (папѣ), до тѣхъ поръ славилась своею любовію къ спокойствію, могуществомъ внутри и внѣ государства. Но какъ только связалась съ какою-то сварливою и безпокойною подругой, терпитъ, по ея милости, на каждомъ сеймѣ, на каждомъ собраніи народномъ, на каждомъ уѣздномъ засѣданіи, разные раздоры и нареканія. Лучше бы, кажется, было сдѣлать разрывъ съ этою неугомонною союзницей; потому что мы никогда не видали въ нашей отчизнѣ такихъ нестроеній, какія посѣяла среди насъ эта благовидная унія.... „Отдавать, говорите, церкви на поруганіе“ и проч. Но печатать и запирать церкви и глумиться надъ кѣмъ-либо, развѣ не есть пагубное разрушеніе братскаго единомыслія и взаимнаго согласія?... Укажите, кого вы пріобрѣли, кого уловили такою суровостію вашею, строгостію, печатаніемъ и запираніемъ церквей. Окажется, что вы потеряли и тѣхъ, которые были вамъ послушны въ Полоц-

кѣ. Изъ овецъ вы превратили ихъ въ козлищъ, навлекли опасность на государство, а, можетъ быть, погибель и всѣмъ намъ католикамъ. Вмѣсто радости, пресловутая ваша унія надѣлала намъ только хлопотъ, безпокойствъ, раздоровъ, и такъ намъ опротивѣла, что мы желали бы лучше остаться безъ нея: такъ много, по ея милости, мы терпимъ безпокойствъ, огорченій и докукъ. Вотъ плодъ вашей пресловутой уніи! Сказать правду, она пріобрѣла извѣстность только смутами и раздорами, которые произвела въ народѣ и въ цѣломъ краѣ. Если—избави Богъ—отчизна наша потрясется (вы своею суровостію полагаете къ тому торную дорогу), что̀ тогда будетъ съ вашею уніею? „По крайней мѣрѣ, пишете вы, я получилъ въ этомъ дѣлѣ предписаніе верховнаго пастыря или его намѣстника“ и проч. Противиться верховному пастырю есть проклятое покушеніе; но я увѣренъ, что еслибы св. отецъ (папа) зналъ всѣ тѣ смуты, какія породила ваша унія въ нашей отчизнѣ, онъ далъ бы позволеніе на все, чему вы у насъ такъ упорно противитесь. Мы знаемъ изъ опыта снисхожденіе св. отца, который, будучи отцомъ, а не отчимомъ церкви Христовой, такъ мудро управляетъ ею, что весьма многое разрѣшилъ въ нѣкоторыхъ странахъ, для ихъ общественнаго блага, что̀ у насъ запрещено, какъ грѣхъ смертный. Въ силу всего сказаннаго, король приказываетъ вамъ распечатать и отпереть церковь ихъ (православныхъ) въ Могилевѣ, о чемъ и извѣщаю васъ, по его волѣ. Если же и послѣ настоящаго напомиванія вы этого не сдѣлаете, то, по повелѣнію его величества, я самъ прикажу распечатать и отдать церковь, дабы они въ своихъ церквахъ отправляли свое богослуженіе. Жидамъ и татарамъ позволено въ областяхъ королевства имѣть свои синагоги и мечети; а вы печатаете христіанскія церкви! Оттого

и ходитъ вездѣ молва, что они (православные) лучше хотятъ быть въ подданствѣ невѣрныхъ турокъ, чѣмъ терпѣть такое насиліе своей совѣсти. „Но,— возражаете, — справедливо ли дѣлать такое снисхожденіе для сомнительнаго спокойствія въ будущемъ?“ Не только справедливо, но и необходимо! Потому что, если мы станемъ еще болѣе стѣснять ихъ религію, то произойдутъ неизбѣжные раздоры въ обществѣ. Повсюду уже раздается молва, что они навсегда желаютъ разорвать всякую съ нами связь. Что касается до полочанъ и иныхъ противъ васъ возмутителей, то можетъ статься, они и въ самомъ дѣлѣ таковы, а все-таки скажу, что вы сами расположили ихъ къ возмущенію. Они были вамъ послушны, не оставляли вашей церкви, но вы сами отъ себя оттолкнули ихъ... Мы не хотимъ, чтобы эта, столь пагубная для насъ, унія до конца погубила насъ. Вотъ отвѣтъ на письмо ваше! Желалъ бы я на будущее время быть свободнымъ отъ состязанія съ вами. Прошу только Всевышняго о ниспосланіи вамъ духа кротости и любви къ ближнему“.

---

10. Жалобы православныхъ варшавскому сейму; вмѣшательство папы, воспрепятствовавшее разсмотрѣнію жалобъ.

Купцевичъ не образумился и продолжалъ свои неистовства. А митрополитъ Рутскій послалъ еще и жалобу папѣ, будто уніаты терпятъ обиды отъ православныхъ, и папа въ письмѣ къ королю просилъ его защищать уніатовъ. Но поднялн голосъ за правду и въ защиту вѣры и народности русской и всѣ западно-русскіе дворяне, тѣ т.-е., которые оставались еще вѣрными православію. Это было на варшавскомъ сеймѣ въ первыхъ мѣсяцахъ 1623 года. Отъ волынскаго дворянства

въ числѣ другихъ выступилъ здѣсь тотъ же извѣстный намъ ревнитель Л. Древинскій. А отъ всего православнаго дворянства въ предѣлахъ Западной Руси, Литвы и Польши прислана была на сеймъ петиція, т.-е. покорнѣйшая просьба, написанная весьма обстоятельно, сильно, въ защиту дѣла православія и русскаго народа. Здѣсь православные дворяне, между прочимъ, говорили: „Вотъ уже 28 лѣтъ, какъ мы заявляемъ и перечисляемъ на каждомъ сеймѣ тѣ великія несправедливости и нестерпимое угнетеніе, какимъ подвергаютъ насъ отступники отъ нашей вѣры—митрополитъ и епископы, и со слезами, съ рыданіями умоляемъ васъ употребить ваше мощное ходатайство предъ его величествомъ королемъ, чтобы онъ избавилъ русскій народъ отъ тяготѣющаго надъ нимъ гнета. Но доселѣ избавленія нѣтъ... Не чужаго проситъ русскій народъ, а своего собственнаго: проситъ о сохраненіи своихъ правъ, своихъ вольностей. И въ чемъ же? въ дѣлахъ вѣры, которою мы обязались предъ Богомъ и которую должны сохранить. Ее-то вырываютъ у насъ изъ души наши отступники... Нашъ русскій народъ соединился съ польскимъ, какъ равный съ равнымъ, какъ народъ свободный со свободнымъ. А въ чемъ же онъ свободный народъ, когда его могутъ принуждать даже въ вѣрѣ? Свобода и неприкосновенность его старожитной, греческой вѣры всегда была первою и важнѣйшею изъ всѣхъ его вольностей... Итакъ, исходатайствуйте намъ у его величества короля, чтобы онъ благоволилъ оставить намъ ту самую свободу вѣры, то самое право избранія іерарховъ, какія имѣла наша церковь прежде. Мы ничего не просимъ, кромѣ того, что̀ уже болѣе шестисотъ лѣтъ намъ принадлежитъ, что̀, какъ святыню, всегда сохраняли намъ польскіе короли, что̀ утвердилъ за нами и самъ нынѣшній король своею присягою при своемъ

восшествіи на престолъ и самымъ дѣломъ, предоставивъ нашему патріарху посвятить намъ митрополита". Рѣзкими чертами изображали далѣе русскіе дворяне тѣ бѣдствія, какія причиняла православнымъ унія. „Богъ свидѣтель, что̀ заставляютъ насъ переносить эти Пакосты, Шишки, Стецкіе, Душехваты, эти Палисвяты, Почаповскіе и Рутскіе, которые выдаютъ себя нынѣ за русскихъ епископовъ. Знаетъ то и король нашъ милостивый, знаете и ваша вельможность. Они возбраняютъ намъ свободное отправленіе нашего богослуженія, хватаютъ нашихъ священниковъ, мучатъ ихъ, заключаютъ въ темницы, и когда мы заступаемся за нашихъ духовныхъ, тревожатъ насъ самихъ судебными позвами и преслѣдованіями, вводятъ насъ въ убытки. Гродскія книги, когда мы желаемъ записать туда наши жалобы на нашихъ притѣснителей, заключаются предъ нами; гродскіе урядники не принимаютъ тогда нашихъ протестацій; возныхъ и уполномоченныхъ, которыхъ мы посылаемъ по этимъ дѣламъ, бьютъ и лишаютъ свободы. Но что еще несноснѣе, поносятъ нашу честь, которая для насъ дороже самой жизни; дерзаютъ, своими ложными доносами, наводить сомнѣніе на нашу вѣрность престолу, заставляютъ подозрѣвать насъ въ измѣнѣ... Въ Бѣлоруссіи полоцкій архіепископъ пять уже лѣтъ держитъ запечатанными православныя церкви Орши и Могилева. Граждане полоцкіе и витебскіе, которые не могутъ имѣть въ городѣ, по запрещенію того же архіепископа, ни церкви, ни даже дома для отправленія своего богослуженія, принуждены по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ выходить для того за заставы въ поле, да и то безъ священника, такъ какъ ни въ городѣ, ни близъ города имъ не позволено имѣть своего священнослужителя. Бѣдные люди, не привыкшіе къ иной вѣрѣ, кромѣ той, въ которой родились

и выросли, поставлены въ необходимость возить своихъ дѣтей для крещенія за десять миль и болѣе, и во время дальняго пути многія дѣти умираютъ некрещенными. Такъ же далеко принуждены ѣздить и всѣ, желающіе получить церковное благословеніе брака. Многіе во все это время лишены были возможности исповѣдать свои грѣхи и удостоиться святаго причащенія, и умирали безъ христіанскаго напутствія. Наконецъ, вотъ дѣло ужасное, невѣроятное, варварское и свирѣпое: въ прошломъ году, въ томъ же бѣлорусскомъ городѣ Полоцкѣ, тотъ же апостатъ-епископъ, чтобы еще болѣе досадить гражданамъ, намѣренно приказалъ выкопать изъ земли христіанскія тѣла, недавно погребенныя въ церковной оградѣ, и выбросить изъ могилъ на съѣденіе псамъ, какъ какую-либо падаль"... Въ заключеніе всего, русскіе дворяне, во имя цѣлости и благоденствія отечества, настоятельно просили, чтобы совсѣмъ выброшена была эта „кость раздора", которая зовется уніею (соединеніемъ) и ведетъ только къ раздѣленію и смутамъ, и чтобы король исполнилъ, наконецъ, на настоящемъ сеймѣ свои обѣщанія православнымъ, такъ часто повторяемыя, и не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, успокоилъ ихъ вѣру, явилъ свое благоволеніе къ ихъ духовнымъ архипастырямъ, которые такъ опозорены въ королевскихъ универсалахъ, и благоволилъ дать этимъ архипастырямъ ихъ архіерейскія каѳедры.

Но напрасны были всѣ просьбы православнаго русскаго дворянства. Римскій папа опять вмѣшался въ дѣло и уже прислалъ новое письмо къ королю, убѣждая его и польскихъ сенаторовъ защищать унію отъ схизматиковъ (такъ, по неразумію, называлъ онъ православныхъ), и съ согласія короля сеймъ постановилъ: успокоеніе людей Восточной вѣры отлагаемъ на будущій

сѣймъ, а теперь обѣщаемъ тишину для обѣихъ сторонъ (т.-е. православной и уніатской), уничтожая всѣ приговоры, распри, тяжбы, кои бы оказались съ обѣихъ сторонъ". Понятно, чрезъ такое постановленіе сторона преслѣдуемая, гонимая оказывалась въ обидѣ, а преслѣдующая, т.-е. уніатская, въ выигрышѣ.

---

11. Убійство Кунцевича; жестокая расправа съ гражданами гор. Витебска.

И дѣйствительно, уніаты, зная, что король на ихъ сторонѣ, продолжали свои гоненія. Кунцевичъ дошелъ до послѣдняго безумія. Мало того, что онъ поотнималъ у православныхъ всѣ церкви въ городахъ своей епархіи, онъ не позволялъ имъ совершать богослуженіе даже въ домахъ, даже въ шалашахъ за городомъ, схватывалъ православныхъ священниковъ, заключалъ въ тюрьмы, изгонялъ изъ епархіи и т. под. Болѣе благоразумные люди, даже изъ латинянъ, настоятельно предостерегали его, что за свои неистовства онъ кончитъ не добромъ. Изувѣръ хвалился, что за унію не боится и смерти. Итакъ самъ онъ напрашивался на смерть. Въ концѣ октября 1623 г. пріѣхалъ онъ въ Витебскъ, гдѣ уже прежде „омерзѣлъ" онъ всѣмъ православнымъ. Двѣ недѣли прожилъ онъ здѣсь, похваляясь, что ждетъ, пока его убьютъ. Не дождавшись, нашелъ поводъ ускорить дѣло. Утромъ въ воскресенье 13-го ноября православный священникъ Илія шелъ на служеніе въ свою загородную церковку. По приказанію Кунцевича, называвшаго эту церковку синагогою, слуги его схватили священника и заключили въ поварскую кухню. Спутникъ священника поднялъ крикъ. На всѣхъ церквахъ

Витебска раздался набатъ; собрались толпы бушующаго народа, бросились на архіерейскій домъ,—и Кунцевичъ былъ убитъ, а трупъ его съ привѣшеннымъ камнемъ брошенъ въ рѣку Двину въ самомъ глубокомъ мѣстѣ. Такая расправа была, конечно, преступленіемъ. Но самъ Кунцевичъ былъ главнымъ виновникомъ его; погибъ онъ не за вѣру, которую надлежало распространять кротостію, а за свои антихристіанскія жестокости и изувѣрства, которыми и накликалъ убійство. Смерть его—не смерть христіанскаго мученика, а нѣчто похожее на самоубійство. Конечно, жители Витебска заслуживали кары. Но и каратели дѣйствовали, какъ мстители, съ ненасытною яростью. Не сытъ былъ на кровавую месть римскій папа; свѣдавъ объ убійствѣ Кунцевича, онъ писалъ королю: „да будетъ проклятъ тотъ, кто удержитъ мечъ свой отъ крови схизматиковъ (т.-е. православныхъ)“! Но этотъ мечъ уже дѣйствовалъ въ Витебскѣ. Девятнадцати лицамъ отрублены головы, около ста другихъ, бѣжавшихъ изъ города, осуждены на смерть, имѣнія ихъ забраны; городъ лишенъ всѣхъ правъ; ратуша его разрушена, колокола отняты отъ всѣхъ церквей, уже прежде захваченныхъ на унію; разрушены два шалаша за городомъ, въ которыхъ православные собирались на молитву. Папа похвалилъ короля за такой судъ и расправу. Не вспомнили судьи и каратели, что тяжесть преступленія смягчалась звѣрскими жестокостями того, кто самъ вызвалъ на преступленіе, а слѣдовательно былъ главнымъ виновникомъ его. Забывая это, забывая правду и милость, они хотѣли только навести ужасъ на православныхъ, поразить православіе.

12. Попытки уніатскихъ епископовъ къ сближенію съ православными; отпаденіе въ унію православнаго епископа Мелетія Смотрицкаго; судъ надъ нимъ въ Кіевѣ.

Само собой понятно, что православные въ Западной Руси сильно опечалены были витебскимъ дѣломъ. Но они чувствовали, что не причастны преступленію, и не упадали духомъ. Болѣе потревожились уніаты. Увидѣли они, до чего доводитъ унія, посѣявшая рознь и вражду въ Западной Руси между братьями одного и того же русскаго народа, къ которому принадлежали и православные, и уніаты. И вотъ, стали уніатскіе владыки заговаривать о примиреніи съ православными, и не разъ зазывали ихъ на съѣзды для совѣщаній о примиреніи. Къ несчастію эти владыки чрезъ свою унію связаны были съ папствомъ, котораго ужъ никакъ не могли признать православные, храня чистоту и цѣлость своей вѣры. Потому и затѣя примиренія не состоялась. Удалось однако уніатамъ сманить на свою сторону одного изъ православныхъ епископовъ. Это былъ Мелетій Смотрицкій, поставленный патріархомъ Θеофаномъ на епархію полоцкую. До епископства и на епископствѣ онъ былъ усерднымъ защитникомъ православія, много писалъ въ защиту его. Живя большею частью въ Вильнѣ, укрываясь отъ гоненій, онъ и не видѣлъ своей полоцкой епархіи, гдѣ владѣлъ и свирѣпствовалъ Купцевичъ. И стали уніаты обвинять его, будто онъ-то возмущаетъ жителей Полоцка, Могилева, Витебска противъ уніи и Купцевича, будто онъ возмущаетъ и козаковъ. Тяжело было ему. Тяготило его и бѣдствіе православной церкви въ Западной Руси. А когда побывалъ онъ на Востокѣ, то и тамъ увидѣлъ печальное положеніе православныхъ подъ властью турокъ. Люди сильные не падали оттого духомъ, не поддавались соблазну, памятуя, что церковь

Христова и въ самыя первыя времена свои много страдала отъ гоненій. Но Мелетій хотя былъ и ученъ, не силенъ былъ духомъ. Итакъ, соблазняясь бѣдствіями православной церкви, поддался онъ и другому соблазну—соблазну примиренія съ уніатами. Возвратясь съ Востока и нося уже въ сердцѣ задатки измѣны православію, онъ примѣтилъ, что впадаетъ въ подозрѣніе у православныхъ, сталъ бояться ихъ и укрылся въ Дерманскомъ монастырѣ (на Волыни), который находился въ имѣніи знатнаго русскаго пана, но къ несчастію уже отступника латинника (князя Заславскаго). Случился тутъ и уніатскій митрополитъ Рутскій. Оба они налегли на Мелетія, обѣщая ему всякія милости, и онъ принялъ унію. Всѣ трое положили держать эту измѣну втайнѣ, чтобы тайный уніатъ, а по виду православный, могъ имѣть общеніе съ православными и совращать ихъ. Мечтали дѣйствовать и на самого митрополита Іова и другихъ важнѣйшихъ духовныхъ. Съ этою цѣлью Мелетій написалъ книжку о своемъ странствіи на Востокъ, въ которой, клевеща на Восточную церковь, защищалъ папскія ученія, принятыя въ унію. Надѣялись, что эта книжка, какъ писанная православнымъ (какимъ хотѣлъ еще слыть Мелетій), бывъ тайно распространяема, соблазнитъ многихъ. Но нашелся на Волыни другой измѣнникъ, игуменъ Кассіанъ Саковичъ, который не утерпѣлъ и поторопился напечатать эту книжку, и стала она извѣстна всѣмъ. Произошелъ всеобщій соблазнъ, но дѣло соблазна приняло оборотъ совсѣмъ не такой, какъ разсчитывали соблазнители. Твердый въ православіи и мудрый митрополитъ Іовъ созвалъ соборъ въ Кіевѣ, въ Кіево-Печерской лаврѣ, ко дню Успенія Божіей Матери 15 августа. На этомъ соборѣ были всѣ православные архіереи (кромѣ далекаго львовскаго). То были пастыри, славившіеся благоче-

стіемъ и ревностью къ вѣрѣ, каковы особенно: Исаія Копинскій—теперь архіепископъ черниговскій и смоленскій, Исакій Борисковичъ—епископъ луцкій, и др. Были на соборѣ архимандриты, игумены и избранные иноки, протоіереи, іереи изъ обѣихъ половинъ Южной Руси, изъ Волыни, Подоліи, Галицкой Руси, Бѣлоруссіи, Литвы, Подлѣсья и др. Между первыми были славный опытностью и просвѣщеніемъ Петръ Могила архимандритъ печерскій, и знаменитый подвижникъ Іовъ Желѣзо, игуменъ почаевскій (о нихъ еще скажемъ), между вторыми—извѣстны своею ученостью и твердостью въ вѣрѣ: волынскій протоіерей Лаврентій Зизаній и слуцкій—Андрей Мужиловскій. Были свидѣтелями и пособниками собора и многіе міряне, въ томъ числѣ члены нѣкоторыхъ братствъ и козаки. Прибылъ на соборъ и Мелетій, все еще не объявившій себя уніатомъ. Напрасно пытался онъ защищать себя и папскія ученія, изложенныя въ его книгѣ. Ученія эти изобличены какъ противныя православной церкви; листы его книжки преданы сожженію. Мелетій каялся, самъ жегъ листы своей книжки. Но покаяніе человѣка, попятившагося въ вѣрѣ, оказалось потомъ лицемѣрнымъ. Уѣхавъ изъ Кіева, онъ огласилъ, что каялся принужденно, изъ страха, и теперь уже явно перешелъ къ уніатамъ. Тутъ-то объявилась облыжность послѣднихъ, самого короля и папы. Всѣ они прежде не признавали Мелетія посвященнымъ архіереемъ, а называли самозванцемъ, какъ и другихъ архіереевъ, посвященныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ. А теперь всѣ они приняли Мелетія какъ архіерея, не требуя новаго посвященія его взамѣнъ того, какое онъ принялъ отъ патріарха Ѳеофана. Новая измѣна Мелетія, хотя и огорчила православныхъ, но не поколебала ихъ духа, твердаго въ православіи. А соборъ 1628 г. достигъ своей цѣли, пред-

остерегъ православныхъ отъ соблазна уніатовъ, зазывавшихъ ихъ въ унію подъ видомъ соглашенія и примиренія. Онъ укрѣпилъ союзъ между православными на всемъ пространствѣ Южной и Западной Руси. Съ этою цѣлью были изданы отъ собора и посланія ко всему православному народу Южной и Западной Руси, въ которыхъ излагалось все дѣло собора и члены его удостовѣряли, что они не думали ни о какомъ отступничествѣ, что и впредь клятвенно обѣщаются беречься его при помощи Божіей до самой кончины. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили и убѣждали всѣхъ православныхъ пребывать твердыми въ благочестіи и вѣрѣ, Богомъ преданной, апостолами проповѣданной, соборами вселенскими утвержденной и кровію мучениковъ запечатлѣнной.

---

13. Характеръ управленія Іова Борецкаго митрополіей; кончина его.

Послѣ собора 1628 года митрополитъ Іовъ еще три года управлялъ митрополіею Западной Руси. Во все время своего свыше-десятплѣтняго управленія онъ жилъ въ Кіевѣ, будучи для всей Западной Руси свѣтильникомъ вѣры, поборникомъ за православіе противъ соблазновъ и навѣтовъ противниковъ, ревнителемъ благоустройства и подъема духовныхъ силъ церкви. Своими трудами, учительными посланіями и соборами онъ привлекалъ къ Кіеву взоры православныхъ всей Западной Руси. Онъ же первый сталъ направлять Кіевъ и всю Южную Русь къ мысли о союзѣ съ Москвой и единовѣрной и единоплеменной Сѣверной Русью (о чемъ скажемъ еще ниже). Не смогъ онъ возвратить отъ уніатовъ захваченный ими каѳедральный Кіево-Со-

фійскій соборъ и потому жилъ въ Михайловскомъ монастырѣ, но не далъ захватить его уніатамъ, чего домогались они съ помощью короля и польскихъ властей. И предъ самою кончиною онъ помышлялъ о благѣ церкви православной, оставлялъ ей все свое достояніе и особенно напоминалъ о кіево-братскомъ училищѣ и о „просвѣщеніи христіанскихъ дѣтей, какъ дѣлѣ и церкви Божіей и всему православному народу россійскому потребнѣйшемъ“. Скончался онъ (2 марта 1631 г.) и погребенъ въ томъ же Михайловскомъ монастырѣ.

---

14. Избраніе на кіевскую митрополію Исаіи Копинскаго; увѣщательное посланіе его отступнику отъ православія князю Іереміи Вишневецкому.

Послѣ Іова сталъ митрополитомъ Исаія Копинскій, мужъ благочестивый, строгій подвижникъ, пламенный ревнитель православія и блага родной ему русской земли. Патріархъ Ѳеофанъ, какъ знаемъ уже, поставилъ его во епископа на каѳедру перемышльской епархіи. Но захватившіе ее уніаты не допустили туда Исаію. За то потомъ православные Южной за-днѣпровской Руси, въ томъ числѣ козаки, знавшіе о благочестіи и ревности по вѣрѣ Исаіи, пожелали имѣть его своимъ архипастыремъ. Митрополитъ Іовъ съ церковнымъ соборомъ внялъ ихъ желанію и назначилъ Исаію архіепископомъ черниговскимъ. Но и теперь, какъ во время епископства, Исаія проживалъ попеременно въ тѣхъ же задиѣпровскихъ монастыряхъ нынѣшней Полтавской губ., которые сталъ устраивать еще до епископства. Это монастыри Густынскій, Ладинскій и Лубенскій-Мгорскій, бывшіе во владѣніяхъ князей Корыбутовъ-Вишневецкихъ и устроенные при помощи пожертвованій отъ су-

пруги князя Михаила Корыбута-Вишневецкаго Раины Могилянки, двоюродной сестры Петра Могилы. Напомнимъ здѣсь, что родъ князей Вишневецкихъ, происходившій отъ литовскаго великаго князя Ольгерда (въ православіи Алексѣя), принадлежалъ къ тѣмъ знаменитымъ литовско-русскимъ (т.-е. литовскимъ, но обрусѣвшимъ) князьямъ, которые отличались преданностью къ вѣрѣ православной и народности русской. Извѣстны въ этомъ родѣ и козацкіе гетманы - богатыри, братья Димитрій и Михаилъ. Первый прославился и мученической смертью за вѣру въ Константинополѣ (1564 г.). Второй—мужъ отважный, набожный, любящій справедливость, отецъ сирыхъ и убогихъ, былъ благотворителемъ Кіево-Печерской лавры и погребенъ въ ней (1584 г.). Сынъ этого Михаила, тоже Михаилъ, по своей преданности былъ, какъ выражается одинъ знавшій его православный писатель, утѣшеніемъ церкви православной въ ту пору, когда постигли ее бѣды и напасти отъ уніи и латинства. Но еще большею преданностью вѣрѣ, ревностью по ней и благочестіемъ отличалась супруга его Раина (Ирина) Могилянка. Устраивая вмѣстѣ съ духовнымъ отцомъ своимъ Исаіею упомянутые заднѣпровскіе монастыри и церкви въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, дѣлая вкладъ имъ, она ограждала ихъ неприкосновенность граматами съ заклятіями: „а если кто въ послѣдующія времена захочетъ нарушить или уничтожить или отмѣнить эти вклады (фундаціи), которые мы разъ подали, или захотѣлъ бы нападать и отмѣнять нашу благочестивую, православную вѣру,—да будетъ на томъ клятва святыхъ отцевъ, да разсудится онъ со мною предъ престоломъ Божіимъ“. Сынъ Михаила и Раины, Іеремія, скрѣплялъ граматы матери своею подписью. Мать была тогда уже вдовою, а по смерти ея сынъ забылъ завѣты и клятвы матери. Побылъ

онъ въ іезуитской школѣ, гдѣ іезуиты и начали его совращеніе, а когда онъ женился на полькѣ Замойской, то съ ея помощью и довершили свое дѣло. Іеремія сталъ пренебрегать и родной вѣрой и русской народностью, латинился и полячился. Въ эту-то пору Исаія Копинскій, ставъ уже митрополитомъ кіевскимъ, счелъ своимъ долгомъ и правомъ усовѣстить молодого князя и написалъ ему длинное увѣщательное письмо, начавъ такъ: „Сіятельный, милостивый князь, панъ мой милостивый! Смиренно прошу, чтобы ваша княжеская милость приняли сіе посланіе мое милостиво, прочитали безъ душевнаго оскорбленія и со вниманіемъ: ибо я долженъ писать по своему пастырскому долгу. Великая жалость, милостивый князь, объемлетъ сердца всѣхъ насъ духовныхъ и всего православнаго христіанства при видѣ, что ваша княжеская милость, вожделѣнная утѣха нашей древней вѣры греческой, не послѣдуете предкамъ и родителямъ своимъ. Не менѣе плачетъ и рыдаетъ церковь Божія, мать наша, что ваша княжеская милость хотите презирать ее. Съ великою охотою всѣ мы ждали вожделѣнной утѣхи нашей: но она, сверхъ чаянія нашего, превращается для насъ въ скорбь. И что же ваша княжеская милость примѣтили въ церкви Божіей сомнительнаго, подозрительнаго, еретическаго? Не Іерусалимъ ли по Господѣ Бозѣ—глава всего свѣта? Не оттуда ли вѣра христіанская получила начало и основаніе? Отъ Сіона изыде законъ, и слово Господне отъ Іерусалима, какъ говоритъ пророкъ. Не тамъ ли Господь нашъ Іисусъ Христосъ совершилъ спасеніе наше святѣйшею кровію Своею? Не тамъ ли искупилъ свѣтъ дражайшею кровію? Не тамъ ли Самъ поставилъ перваго епископа, патріарха іерусалимскаго, Своимъ намѣстникомъ, какъ свидѣтельствуетъ преданіе? Не оттуда ли ученіе Христово распростра-

лось по всему свѣту отъ востока до запада солнца и дошло до самаго Рима? Чѣмъ Римъ лучше Іерусалима, и зачѣмъ пренебрегаютъ Іерусалимомъ—матерью всѣхъ церквей и обращаются къ Риму? Зачѣмъ уничтожаютъ Іерусалимъ и превозносятъ Римъ?..... Въ Іерусалимѣ умеръ Христосъ ради насъ, тамъ воскресъ изъ мертвыхъ, тамъ вознесся на небо, тамъ послалъ Святаго Духа на учениковъ Своихъ и апостоловъ. Тамъ совершилось наше спасеніе; тамъ Господь оставилъ и гробъ Свой на вѣчную память. Тамъ оставилъ послѣ Себя намѣстникомъ Своимъ и патріархомъ Іакова. Чѣмъ же Римъ лучше Іерусалима? Тутъ патріархъ намѣстникъ Іисуса Христа, а тамъ папа намѣстникъ святаго Петра; здѣсь намѣстникъ Самого Іисуса Христа, а тамъ намѣстникъ ученика и слуги Его; тутъ гробъ Іисусъ Христовъ, а тамъ гробъ Петровъ. Кто пренебрегаетъ Іерусалимомъ и намѣстникомъ Его, тотъ, подлинно, пренебрегаетъ и Самимъ Іисусомъ Христомъ. Почему же будемъ пренебрегать церковью Божіею, матерью нашею и матерью всѣхъ церквей? Что видимъ въ ней худаго или несовершеннаго? По благодати Божіей нѣтъ въ церкви нашей никакого заблужденія, не найдется никакой ереси. Какъ однажды приняла она члены вѣры, постановленные и утвержденные на семи вселенскихъ соборахъ, такъ и хранитъ ихъ до сего времени въ цѣлости, ничего не прибавляя и не убавляя. Не знаю, кто внушилъ вашей княжеской милости такое отвращеніе къ ней, или кто отвратилъ или отвращаетъ отъ нея вашу княжескую милость? Говорю искренно и правду: на томъ пребудетъ вѣчное неблагословеніе Божіе! Всѣ знаемъ, милость княжеская, какими страшными условіями въ отношеніи къ вѣрѣ, обязательствами и клятвами обязала васъ ваша мать, отходя отъ сего свѣта. На чью душу падетъ это? Господь Богъ вѣдаетъ и мы вѣдаемъ, что клятва

отцовская изсушаетъ, а материнская искореняетъ, какъ говоритъ писаніе. Какую утѣху, какую радость получили и получаютъ всѣ тѣ, которые отступаютъ отъ древней вѣры ради суеты этого жалкаго свѣта? Развѣ не видимъ своими глазами того, что дѣлается (съ ними)? Спросилъ бы я всѣхъ ихъ: для чего они отступаютъ отъ древней греческой вѣры, для чего пренебрегаютъ ею? Если для мудрости сего свѣта, то мудрость міра сего—буйство у Бога, какъ говоритъ апостолъ. Если ради какого-нибудь заблужденія (въ церкви): то, по благодати Божіей, никакого заблужденія въ церкви Христовой не найдется и не можетъ находиться. Скорѣе оно можетъ найтись тамъ, гдѣ каждый годъ что-нибудь новое прилагаютъ или отнимутъ. Если же отступаютъ отъ вѣры ради мірской славы, то это дѣло самое ничтожное. Впрочемъ, лучшую славу и уваженіе у всѣхъ имѣютъ тѣ, которые тверды въ своей вѣрѣ, чѣмъ тѣ, которые колеблются и не пребываютъ твердо въ ней и не хотятъ пребывать. Развѣ не великую славу имѣли князья Острожскіе—воевода Кіевскій и сынъ его воевода Волынскій, на которыхъ многіе засматривались? Развѣ не великую славу имѣлъ повсюду блаженной памяти родитель вашей княжеской милости Михаилъ Корыбутъ? Развѣ не во всѣхъ странахъ прослыла слава его мужества и доблестей рыцарскихъ? Развѣ не былъ онъ утѣшеніемъ и подпорою для всѣхъ правовѣрныхъ, и не засматривались ли на него всѣ противники? Развѣ не прославились въ Коронѣ польской рыцарскими доблестями предки вашей княжеской милости, начиная отъ Ольгерда прадѣда вашего—великаго князя литовскаго..... Всѣ они были вѣры греческой, и это ни мало не препятствовало, а еще содѣйствовало ихъ славѣ. Ужели теперь чрезъ вашу княжескую милость должна прекратиться искони слава знаменитаго дома вашего, великихъ князей ва-

шихъ предковъ, бывшихъ вѣры греческой? Предки вашей княжеской милости, блаженной памяти отецъ и мать, были по своему роду вѣры греческой, а ваша княжеская милость ужели хотите одни отъ нихъ отлучиться? Не дай Боже, чтобы чрезъ вашу княжескую милость столь славный домъ отступилъ отъ вѣры греческой! Если это для великаго братства, то оно въ рукахъ Божіихъ: Господь Богъ даетъ, кому что хочетъ. А мы просимъ Господа Бога и всегда должны просить, чтобы не допустилъ вашей княжеской милости отступить отъ древней апостольской вѣры. Зломыслящіе на насъ противники наши говорятъ, что греческая вѣра есть хлопская: если есть такъ, какъ они говорятъ, то цари греческіе и другіе великіе монархи были хлопской вѣры; хлопской вѣры были апостолы, патріархи и святые отцы Восточной церкви, которыхъ мы считаемъ великими, каковы они и суть. Итакъ смиренно прошу вашу княжескую милость именемъ всего христіанства, именемъ всей церкви: не давайте увлекать себя политическимъ разсчетамъ; вспомните, ваша княжеская милость, блаженной памяти своихъ родителей, какъ они были набожны, какого держались богослуженія, какой вѣры, не хлопской, не еретической, не заподозрѣнной. Они имѣли столько ума, были такъ свѣдущи въ вещахъ, но держались, говорю, вѣры древней, церкви Восточной, апостольской, чистой, не оскверненной и не поврежденной никакими человѣческими вымыслами. Почему же ваша княжеская милость не станете наслѣдовать вѣры предковъ своихъ, въ которой и вы родились? она ни въ чемъ не можетъ быть заподозрѣна. Вы обратитесь не до чужой, а до своей матери—церкви Божіей..... Во имя Божіе, всего духовенства, всего христіанства, смиренно и слезно просимъ—не пренебрегайте, ваша княжеская милость, своей вѣры, въ которой вы рождены

водою и Духомъ, но обратитесь къ церкви Божіей—природной матери своей и утѣшьте насъ всѣхъ. И когда ваша княжеская милость восхотите благочестиво сдѣлать это, то благословеніе Божіе и родительское всегда почивать будетъ на вашей княжеской милости, и вы утѣшите всю церковь, все христіанство древней вѣры, и, проведши счастливо и благополучно вѣкъ свой здѣсь—на землѣ, наслѣдуете животъ вѣчный по благодати Божіей. Аминь".

---

15. Совращеніе нѣкоторыхъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ въ католицизмъ.

Но гордый князь уже настолько пропитанъ былъ іезуитскимъ и польскимъ духомъ, что не внялъ смиренному голосу старца-архипастыря. Напротивъ, увлекаясь тѣмъ же духомъ, онъ сталъ злѣйшимъ врагомъ православія, русскаго народа, особенно козачества. Къ несчастію, отступничество въ средѣ бывшихъ православныхъ русскихъ князей и дворянъ продолжало ширяться, и обыкновенно тѣмъ же путемъ, какъ и прежде, т.-е. чрезъ іезуитское обученіе, чрезъ родственные союзы съ польскими родами и вообще увлеченіе польскимъ духомъ, польскими правами, съ разсчетомъ притомъ на королевскія милости и почести въ польскомъ государствѣ. Съ горестью писалъ митрополитъ Исаія Копинскій московскому патріарху Филарету: „благочестивыхъ князей нѣтъ уже у насъ: благородныхъ вельможъ оскудѣніе; всѣ отъ Восточнаго православія на Западъ уклонишася: едва кто уже отъ худыхъ и неславныхъ при благочестіи и православной вѣрѣ обрѣтается". И здѣсь опять нужно прибавить, что всѣ западно-русскіе князья и дворяне, отпадавшіе отъ православія, отпадали не въ унію, гдѣ еще держались слѣды

народной вѣры въ церковномъ чинѣ и богослуженіи, а въ польское латинство. Да и латино-польскіе бискупы и ксендзы попрежнему забирали себѣ въ свою паству такихъ знатныхъ и богатыхъ отступниковъ, а уніи оставляли мѣщанство, и то бѣднѣйшее, и простолюдье, которое называлось у пановъ хлопствомъ. Но если уніи пришлось оставаться при мѣщанствѣ, хлопствѣ, т.-е. простолюдьи, то православіе еще и теперь имѣло не мало вѣрныхъ ему русскихъ князей и дворянъ. Такъ въ рядахъ православныхъ видны еще теперь князья Четвертинскіе, Чарторыйскіе, Огинскіе, Соломерецкіе, Пузыны и др., знатные дворяне Древинскіе, Гулевичи, Шпаковскіе, Домашевскіе, Кисели, Проскуры-Сущанскіе, Стеткевичи, Войны, Далманы, Копти, Костюшки и др. Одни изъ нихъ учреждали новые монастыри и церкви или благотворили прежнимъ, причемъ обыкновенно приговаривали и заклинали, чтобы эти монастыри и церкви всегда оставались въ православіи, въ послушаніи православному константинопольскому патріарху или кіевскому митрополиту, или же отдавали ихъ въ опеку сильнѣйшимъ монастырямъ, каковы Кіево-Печерскій, виленскій Свято-Духовскій. Другіе были членами православныхъ братствъ, покровительствовали ихъ школамъ, а также труженикамъ изъ просвѣщенныхъ иноковъ, трудившихся надъ изданіемъ церковныхъ и учительныхъ книгъ на пользу церкви и въ защиту православія. Вообще же православные князья и дворяне почти изъ года въ годъ возвышали голосъ въ защиту православія на своихъ областныхъ сеймахъ и на общихъ сеймахъ въ Варшавѣ. Слѣдуетъ прибавить, что православные князья и дворяне, хотя уже вынуждены были заносить свои жалобы и просьбы на варшавскихъ сеймахъ на языкѣ польскомъ, но охраняли и свой родной русскій языкъ, какъ знамя своей народности, такъ-что этотъ языкъ

еще удержался и въ судебныхъ записяхъ или книгахъ такъ называемаго уряда градскаго и земскаго и въ законахъ русско-литовскихъ земель, извѣстныхъ подъ названіемъ „Статута“.

---

16. Твердость православныхъ братствъ въ борьбѣ съ католицизмомъ.

Еще тверже стояли на стражѣ православія церковныя братства въ городахъ, гдѣ они почти всегда состояли при монастыряхъ, имѣя ихъ въ своей оборонѣ и опекѣ и воспособляясь духовнымъ руководствомъ благочестивыхъ архимандритовъ, игуменовъ и иноковъ. И теперь, какъ прежде, они заботились объ устроеніи и поддержаніи самихъ монастырей и церквей, о школахъ, типографіяхъ, изданіи богослужебныхъ и отеческихъ книгъ, имѣли при себѣ просвѣщенныхъ проповѣдниковъ и учителей, словомъ и писаніями поучавшихъ народъ, обличавшихъ лжеученія папскія и уніатскія и защищавшихъ православную вѣру. Таковы особенно братства: виленское, львовское, луцкое и кіевское. Виленское братство при Свято-Духовскомъ монастырѣ было опорою православія для всей Сѣверо-Западной Руси, гдѣ имѣло подъ своей опекой до десяти монастырей и не мало членовъ изъ дворянства. За-то и злобились на него гонители православія и причиняли много обидъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ на это. Въ 1629 г. вечеромъ на праздникъ Богоявленія шло служеніе въ монастырѣ. Вдругъ уніатскіе монахи бывшаго насупротивъ Свято-Троицкаго монастыря вмѣстѣ со своимъ старшимъ ксендзомъ и толпою буяновъ открыто напали на Свято-Духовъ монастырь, стрѣляли и бросали камни въ ворота, стѣны, окна, и на дворъ монастыря, поранили

камнемъ въ голову слуцкаго протопопа Андрея Мужиловскаго, находившагося здѣсь для богомолья; не успѣвъ ворваться въ самый монастырь и произвесть здѣсь разореніе, кричали съ угрозами, что будутъ всегда и вездѣ нападать на всякихъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, старожитной Восточной вѣры, безчестить ихъ, бить и убивать. На это тогда же принесли жалобу настоятель Свято-Духова монастыря и ректоръ братской школы Іосифъ Бобриковичъ и старосты братства князь Янъ Огинскій и волынскій дворянинъ Древинскій, какъ сами отъ себя, такъ и отъ имени всѣхъ князей, дворянъ и гражданъ старожитной Восточной вѣры. Но жалоба осталась безплодною. Подобныя обиды терпѣли и другія братства.

---

17. Петръ Могила—попечитель и опекунъ кіевскаго Богоявленскаго братства.

Безопаснѣе было кіевское Богоявленское братство, имѣвшее ближайшую защиту въ митрополитѣ, мѣстныхъ дворянахъ и гражданахъ, но особенно въ козачествѣ. Согласно завѣту митрополита Іова, братство при его преемникѣ Исаіи Копинскомъ пріобрѣло мощнаго покровителя и опекуна въ лицѣ печерскаго архимандрита Петра Могилы. Этотъ знатный по происхожденію, просвѣщенный и ревностный по вѣрѣ духовный мужъ задумалъ основать въ лаврѣ высшее училище, собравъ для сего достойныхъ учителей изъ Львова и другихъ мѣстъ. Но въ 1631—1632 годахъ митрополитъ Исаія, православные епископы, архимандриты, игумены, протоіереи, іереи и иноки, вписные братья Богоявленскаго братства, просили Петра Могилу принять званіе старшаго и опекуна братства и перевесть свое лаврское училище въ братскій монастырь. Объ этомъ

еще прежде просили Могилу и всѣ православные дворяне, обыватели кіевскаго воеводства, вписные члены братства. Наконецъ объ этомъ же просили Могилу гетманъ Иванъ Петражицкій, эсаулы, полковники и старшины всего войска запорожскаго, обѣщаясь имѣть братскій монастырь, его училище, богадѣльню и все, къ нимъ относящееся, подъ своею защитою и стоять за нихъ до самой смерти. Склоняясь на такія просьбы, Петръ Могила принялъ званіе старшаго братчика, опекуна братскаго училища, соединилъ съ нимъ лаврское училище, перевелъ сюда учителей, сталъ благоустроять училище, вводя высшее и многостороннее обученіе, добрые порядки, и жертвуя на поддержаніе и преспѣяніе монастыря свои средства, помогая ему и изъ средствъ богатой лавры. Съ этой поры кіево-братское училище стало еще болѣе возвышаться и славиться на всю Южную и Западную Русь и было сильною помогою православнымъ въ борьбѣ ихъ за свою вѣру.

---

18. Союзъ козачества съ дворянами и братствами въ дѣлѣ защиты вѣры и русской народности; воплі ихъ къ единовѣрной и единоплеменной Москвѣ; смерть Сигизмунда III.

Въ дѣлѣ кіевскаго братства видимъ, что южно-русское козачество дѣйствуетъ для защиты вѣры и церкви въ союзѣ съ дворянами. Такъ оно дѣйствовало не одинъ разъ, посылая своихъ пословъ на вольные сеймы въ Варшаву для ходатайства о правахъ церкви православной и совмѣстно съ послами отъ дворянъ. Но какъ дворянскія, такъ и козацкія просьбы обыкновенно оказывались напрасными. По обычаю и король и польскіе паны отдѣлывались отговоркой, что теперь на сеймѣ есть другія спѣшныя дѣла, а дѣло православной цер-

кви отлагается до будущаго сейма. А между тѣмъ польскіе паны стремились ослабить козачество въ Южной Руси, вторгались въ нее съ польскимъ войскомъ, угнетая и порабощая вольный народъ и самихъ козаковъ. Такимъ образомъ оказывалось, что ни православные епископы и духовныя лица, ни дворяне, ни братства, ни козаки не могутъ дождаться правды и успокоенія отъ польскаго короля, польскихъ пановъ и вообще отъ Польши.

Оставалась надежда на помощь и защиту отъ единовѣрной и единоплеменной Сѣверной Руси и ея православнаго царя. Туда и начали обращаться православные. Счастливымъ поводомъ къ этому было то, что православная іерархія въ Западной Руси была возстановлена тѣмъ же патріархомъ Ѳеофаномъ, который былъ въ Москвѣ и поставилъ тамъ патріархомъ Филарета, отца царя Михаила Ѳеодоровича. И вотъ уже митрополитъ Іовъ сталъ посылать просьбы о помощи и защитѣ къ царю Михаилу и патріарху Филарету. Писали или сами ходили за тѣмъ въ Москву и другіе владыки, какъ-то: Исаія Копинскій, Исакій Борисковичъ; обращались туда за пособіями для своихъ монастырей, церквей, школъ и православныя братства. Уже теперь при подобныхъ сношеніяхъ высказывались тайныя желанія и надежды, чтобы пока хотя одна Южная Русь перешла подъ защиту и власть московскаго православнаго царя, что этого желаетъ и козачество. Въ Москвѣ къ сердцу принимали жалобы и просьбы православныхъ; царь, патріархъ и другіе радѣтели посылали свои пожертвованія на нужды православной церкви въ Южной и Западной Руси, даже отдаленной галицкой Руси, по просьбамъ тамошняго львовскаго братства. Но открыто и прямо подняться на вооруженную защиту Южной и Западной Руси московская Русь еще не могла. Ей самой

еще нужно было укрѣпиться послѣ бывшихъ смутъ, войнъ и разоренiй. Да и въ Южной Руси еще не было крѣпкой мысли и союза на переходъ подъ кровъ единой, единовѣрной и единоплеменной Россiи. Требовалось на все это время. А потому Южная и Западная Русь должна была пока доискиваться правъ своей вѣры, церкви и народности предъ теперешнимъ своимъ польскимъ правительствомъ. Къ счастью для нея открылось благопрiятное къ тому время. Слѣпой послушникъ iезуитовъ, всегдашнiй пособникъ уніатовъ и угнетатель православiя ради латинства и уніи, король Сигизмундъ III умеръ въ 1632 году (30 апрѣля). Вздохнули православные въ надеждѣ на облегченiе ихъ участи, на возстановленiе законныхъ правъ ихъ.

ГЛАВА III.

Положеніе православныхъ при Владиславѣ IV, до кончины Петра Могилы.

1. Приготовленія православныхъ къ варшавскому сейму, имѣвшему избрать Владислава королемъ.

По смерти Сигизмунда III начались въ Польшѣ и подвластной ей Западной Руси приготовленія къ избранію новаго короля. Такимъ королемъ имѣлъ быть сынъ Сигизмунда Владиславъ IV, но, по польскому обычаю, онъ могъ стать королемъ только чрезъ избраніе на сеймѣ въ Варшавѣ. По тому же обычаю на сеймѣ ставились условія, на которыхъ могло состояться избраніе короля. Хотя это былъ польскій обычай, причинившій Польшѣ много смуть и бѣдъ, но теперь православные Западной Руси считали благовременнымъ крѣпко опереться на этотъ обычай и обратить его въ свою пользу. Итакъ стали они совѣщаться и списываться между собою съ такой единой и общей мыслью, чтобы

предъ избраніемъ короля на сеймѣ потребовать возстановленія нарушенныхъ при прежнемъ королѣ правъ ихъ православной вѣры и русской народности. Въ такомъ смыслѣ даны были православными разныхъ городовъ, областей и сословій инструкціи или наказы своимъ депутатамъ или посламъ, отправляемымъ на избирательный сеймъ въ Варшаву (27 іюня). Отъ кіевскаго митрополита и всего духовенства избранъ былъ депутатомъ кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила, какъ знатнѣйшій, разумнѣйшій и ревностнѣйшій представитель отъ духовнаго сословія. Онъ сносился съ пшоками, православными дворянами, съ братствами, воодушевляя всѣхъ дѣйствовать согласно и твердо. Одному знатному пану онъ писалъ: „по истинѣ насталъ часъ и намъ, обиженнымъ, отозваться и добиться своего, что̀ намъ по справедливости принадлежитъ. Самъ Богъ тамъ, гдѣ правда, основа всѣхъ добродѣтелей, а она съ нами. Нужны намъ только согласіе и единодушіе... Со всѣмъ шляхетскимъ станомъ мы уже сносимся: паиболѣе же просимъ твоего мудраго совѣта и помощи“...

Волынскіе дворяне на своемъ съѣздѣ въ Луцкѣ избрали депутатами на сеймъ знаменитаго Лаврентія Древинскаго и князя Юрія Пузыну; въ своемъ наказѣ имъ, дворяне, называя себя русскимъ народомъ, поручаютъ сказать о притѣсненіяхъ и несправедливостяхъ, причиненныхъ ему при прежнемъ королѣ, требовать прекращенія ихъ, а прежде всего стараться о томъ, „чтобы православному митрополиту и епископамъ возвращены были епархіи и церковныя владѣнія, отнятыя уніатами, и чтобы православная церковь вполнѣ была удовлетворена во всѣхъ своихъ правахъ, а безъ того не приступать ни къ какимъ другимъ дѣламъ и къ самому избранію короля“. Такіе же наказы были отъ дворянъ и другихъ областей. Послали своихъ выборныхъ на сеймъ

и козаки, наказывая имъ добиваться полнаго успокоенія старожитной Восточной вѣры и расширенія своихъ, стѣсненныхъ при прежнемъ королѣ, правъ, какъ правъ и южно-русскаго народа. Изъ братствъ наиболѣе поусердствовало виленское братство. Оно составило и напечатало цѣлую книгу, заключавшую въ себѣ краткое описаніе правъ, какія въ болѣе давнія времена даны были литовскими князьями и польскими королями православному русскому народу въ Западной Руси, но были нарушены, а также изложеніе жалобъ на обиды и притѣсненія изъ-за вѣры и просьбъ о томъ, чтобы сенаторы и послы сеймовые благосклонно приняли эту книгу и оказали справедливость невинно-страждущему русскому народу. Во главѣ пословъ отъ братства былъ старшій его, настоятель Свято-Духова монастыря Іосифъ Бобриковичъ, который наиболѣе и потрудился въ составленіи этой превосходной книги. И вотъ, когда открылся избирательный сеймъ, то послы православные отъ всѣхъ областей и сословій, оказавшіеся въ большомъ числѣ, твердо объявили, что доколѣ не будутъ удовлетворены ихъ просьбы о правахъ ихъ вѣры и о защитѣ отъ обидъ и угнетеній со стороны уніатовъ, дотолѣ они не приступятъ ни къ какимъ другимъ дѣламъ. Волею-неволею польскіе сенаторы и послы сеймовые согласились разсмотрѣть ихъ просьбы, тѣмъ болѣе, что этого желалъ и королевичъ Владиславъ, ждавшій избранія его въ короли.

---

2. *Сеймовая коммиссія для разсмотрѣнія жалобъ православныхъ; примирительныя статьи ея.*

Итакъ, для разсмотрѣнія дѣла между православными и уніатами назначена была коммиссія изъ нѣсколькихъ сенаторовъ и пословъ подъ предсѣдатель-

ствомъ самого королевича. Православнымъ и уніатамъ предоставлено было устно и письменно защищать свои права предъ этой коммиссіей. Въ первомъ засѣданіи, по уполномоченіи отъ православныхъ и съ благословенія Петра Могилы, первымъ началъ рѣчь православный дворянинъ Михаилъ Кропивницкій. Онъ началъ ее словами псалма: „*сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь*“ (Псал. 17, 24). Въ рѣчи онъ, прежде всего, благодарилъ Бога, вложившаго мысль въ сердца королевича Владислава, сенаторовъ и пословъ выслушать изложеніе обидъ и правъ стороны угнетенной, а потомъ благодарилъ самого королевича, сенаторовъ и пословъ за принятый ими на себя трудъ и покорнѣйше просилъ выслушать все внимательно, положить конецъ обидамъ, которыя доселѣ терпѣли православные въ Литвѣ и Польшѣ, возвратить православнымъ митрополиту и епископамъ ихъ епархіи и имѣнія и совершенно успокоить старожитную греческую вѣру. Затѣмъ выступилъ съ рѣчью уніатскій митрополитъ Рутскій и, защищая свою унію, началъ ложью, будто главнымъ виновникомъ ея былъ славный князь Константинъ Острожскій, а затѣмъ говорилъ о насиліяхъ, учиненныхъ православными надъ уніатами, какъ-то убіеніи Кунцевича въ Витебскѣ, ударахъ Поцѣю въ Вильнѣ и проч. Изъ православныхъ отвѣчали сперва Лаврентій Древинскій, а потомъ Іосифъ Бобриковичъ. Безъ труда опровергъ онъ ложь о Константинѣ Острожскомъ, напомнивъ о томъ, какъ онъ ратовалъ противъ уніи во время Брестскаго собора, и приведя граматы и писанія князя въ защиту православія противъ уніи. О Кунцевичѣ же сказалъ такъ: то правда, что его убили, но за одного убитаго жестоко наказаны были сотни, и въ томъ числѣ многіе невинные. Жестоко наказанъ и бившій Поцѣя. Такъ говоря, онъ уже промолчалъ о

томъ, что сами же Поцѣй и Кунцевичъ своими неистовствами накликали на себя бѣду. Прочія ссылки Рутскаго на обиды отъ православныхъ оказались или не доказанными, или просто лживыми, къ великому стыду его. Съ своей стороны православные могли указать на несравненно болѣе длинный рядъ обидъ и насилій имъ изъ-за уніи и отъ уніатовъ. Въ длинной запискѣ ихъ, прочитанной въ коммиссіи, говорилось объ этомъ такъ: „у насъ еще въ 1596 г., тотчасъ послѣ Брестскаго собора, который низложилъ всѣхъ владыкъ-отступниковъ, принявшихъ унію, отняты были архіерейскія каѳедры и имѣнія, и, не смотря на всѣ наши просьбы впродолженіе столькихъ лѣтъ, на неоднократныя рѣшенія сеймовъ и обѣщанія короля возвратить намъ отнятое, доселѣ остаются за уніатами. Тогда же запрещено было королевскими универсалами пропускать къ намъ отъ константинопольскаго патріарха духовныхъ особъ, которыя могли бы ставить намъ священниковъ. Затѣмъ послѣдовали несносныя притѣсненія нашей совѣсти и нарушенія нашихъ правъ. У насъ отняты многіе монастыри и церкви, иныя доселѣ запечатаны, и намъ не дозволялось молиться Богу даже въ шалашахъ. Тѣхъ изъ насъ, кто служилъ въ ратушѣ, выгоняли изъ ратушъ и лишали права быть ихъ членами; изгоняли изъ ремесленныхъ цеховъ и лишали права заниматься торговлею, а въ королевскихъ городахъ намъ запрещено даже имѣть осѣдлость. Вслѣдствіе такихъ стѣсненій по вѣрѣ, многіе младенцы умирали безъ крещенія, а люди взрослые безъ церковнаго напутствія“... и проч. Переходя затѣмъ къ частностямъ, православные продолжали: „въ Кіевѣ церковь св. Софіи и другія опустошены, равно какъ и Выдубицкій монастырь, находящійся во владѣніи уніатовъ. Въ Луцкѣ церкви обращены въ корчмы. Въ Холмѣ, Львовѣ и

другихъ мѣстахъ запрещено ходить открыто со святыми таинами къ больнымъ и провожать тѣла умершихъ христіанъ до могилы. Въ Вильнѣ церкви обращены въ корчмы, кухни, гостинницы; православныхъ выгнали изъ магистрата и цеховъ, и людей невинныхъ заключали въ оковы, сажали въ подземныя тюрьмы ратуши; если кто отказывалъ, по духовному завѣщанію, что-либо на церковь, запрещено было принимать; на шляхетскихъ грунтахъ, по силѣ королевской граматы, не допускали ставить каменную церковь (разумѣется Свято-Духовская); приказами изъ падворныхъ судовъ и иными позвами людямъ невиннымъ причиняли всякое безпокойство и наносили имъ притѣсненія и обиды разными другими способами. Въ Минскѣ церковный плацъ отдали на татарскую мечеть. Въ Полоцкѣ принуждали къ уніи оковами, а другихъ выгнали изъ города. Въ Туровѣ насильно отобрали церкви съ имуществами, и православнаго владыку (т.-е. грека Авраамія стагопскаго) выгнали изъ города. Въ Пинскѣ священниковъ-неуніатовъ забивали въ бочки и мучили. Въ Оршѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ и разныхъ другихъ городахъ церкви запечатывали и не дозволяли молиться Богу даже въ шалашахъ. Въ Ковнѣ церковь разграбили и церковныя земли отобрали. Монастыри Трокскій, Лавришевскій, Гродненскій и другіе до крайности опустошены. Въ Вѣльскѣ состоялся такой декретъ: если кто изъ мѣщанъ не пойдетъ за процессіей изъ церкви въ костелъ, то будетъ казненъ смертью. Въ Мятзелѣ люди греческой вѣры были насильно принуждаемы къ уніи тамошнимъ старостой и осуждены, подобно аріанамъ, на изгнаніе изъ города... На все это есть вѣрныя доказательства, хотя и не все въ точности разслѣдовано на мѣстѣ. Что же касается нашего виленскаго братства, то всѣ причиненныя ему обиды и притѣсненія мы можемъ пере-

числить по порядку и подтвердить выписями изъ книгъ трибунальныхъ, земскихъ и гродскихъ".

Было еще четыре засѣданія коммиссіи, гдѣ въ подмогу Рутскому явился его викарій, уніатскій епископъ Корсакъ. Онъ уже не говорилъ ни о Константинѣ Острожскомъ, ни о наспіяхъ уніатамъ отъ православныхъ, а принялся за другое. Уніатамъ, говорилъ онъ, по праву должны принадлежать епископства, монастыри, церкви съ ихъ имѣніями въ Западной Руси, потому что унія дѣло давнее; даже святая Ольга и святый Владиміръ были въ уніи, т.-е. въ послушаніи папѣ; хотя потомъ она упала, но ее возобновилъ митрополитъ Исидоръ, принявшій и принесшій въ Русь флорентійскую унію; были-де въ старину и другіе уніаты митрополиты еще до Брестскаго собора; да и прежніе литовскіе князья и польскіе короли, когда давали граматы на права русскимъ епископамъ, монастырямъ и вообще православнымъ, то давали это ради уніи, которой держались тогда русскіе. Православнымъ не трудно было сейчасъ же обличить всю лживость и просто смѣхотворную нелѣпость такихъ ссылокъ и доводовъ. Они напомнили, что святая Ольга и святый Владиміръ приняли вѣру не изъ Рима, а съ православнаго Востока, что Исидоръ, хотя и явился было въ Русь со своею уніей, но былъ прогнанъ съ нею изъ Россіи, что вообще уніи не было въ теченіе болѣе пяти вѣковъ, а явилась она всего тридцать съ небольшимъ лѣтъ, а предъ тѣмъ во всемъ русскомъ народѣ Западной Руси существовала одна православная церковь, которой и давались тогда всѣ великокняжескія и королевскія граматы на епископства, монастыри и церкви съ ихъ имѣніями, что только со времени уніи все это стали отнимать у православныхъ, нарушая ихъ права, которыя и слѣдуетъ теперь возстановить. Волею-неволею должна была коммиссія при-

знать правду за православными. Но, склоняясь къ такому признанію, коммиссія стала однакоже на половинѣ справедливости и поставила раздѣлить епископскія каѳедры, монастыри и церкви между православными и уніатами и тѣмъ пока прекратить ихъ споры. Затѣмъ кончился и первый предначинательный сеймъ, и назначенъ къ концу сентября другой сеймъ, на которомъ должно было состояться уже самое избраніе короля. Между тѣмъ рѣшеніемъ коммиссіи остались недовольны и православные и уніаты. Православные имѣли право быть недовольными, ибо полная справедливость требовала, чтобы имъ возвращено было все, что̀ насильно захвачено у нихъ. А уніаты, уже привыкшіе жить неправдою, не желали уступить православнымъ и части того, что̀ у нихъ захватили. Они подняли вопль объ обидѣ имъ; заголосили въ пользу ихъ латино-польскіе бискупы и нѣкоторые паны; заголосилъ изъ Рима и папа, какъ будто имѣлъ онъ какое-либо право распоряжаться чужимъ добромъ въ Западной Руси.

Итакъ объ стороны, и православная и уніатская, готовились къ новой борьбѣ на предстоящемъ сеймѣ. Отъ православныхъ были здѣсь прежніе представители, прибавились и другіе. Бурные были споры во время сейма. Кончилось тѣмъ, что составлены были такъ называемыя „статьи для успокоенія русскаго народа“ или примиренія православныхъ и уніатовъ. Этими статьями: 1) признавались права православной вѣры и народности русской въ Западной Руси и Польшѣ, т.-е. что русскіе православные пользуются такими же правами, какъ уніаты и латиняне; 2) возстановлялись права православной іерархіи, т.-е. признавалось за православными право имѣть своего митрополита, епископовъ и прочее духовенство, и свои учрежденія на пользу церкви, какъ братства, школы и др.; 3) кіевскому митрополиту

возвращался Софійскій соборъ, бывшій доселѣ въ рукахъ уніатовъ, и всѣ монастыри и церкви въ Кіевѣ и извѣстные монастыри и церкви въ предѣлахъ митрополіи и епархій, простиравшихся до Вильны, Мінска, Слуцка, Гродна и т. д.; 4) предоставлялись православнымъ епископамъ каѳедры львовская, перемышльская, луцкая и могилевская, вновь учреждаемая теперь взамѣнъ полоцкой, имѣвшей остаться за уніатами. Уніатамъ оставлялась своя митрополія, также 4 епархіи, т.-е. полоцкая, владиміро-волынская, пинская и холмская. Положено было подѣлить православные монастыри и церкви между православными съ тѣмъ, что это сдѣлаютъ нарочитые королевскіе коммиссары, и что православные епископы могутъ вѣдать духовными дѣлами православныхъ въ сосѣднихъ епархіяхъ, отданныхъ уніатамъ, и обратно—уніаты дѣлами своихъ уніатовъ въ православныхъ епархіяхъ, что наконецъ предоставляется духовнымъ и мірянамъ тѣхъ и другихъ свободно заявлять, къ какой сторонѣ они хотятъ принадлежать.

Королевичъ Владиславъ утвердилъ эти статьи своею подписью (1 ноября 1632 г.) и приказалъ занести ихъ въ актовыя книги гор. Варшавы. Сеймъ пока еще не утвердилъ этихъ статей, латинскіе бискупы и уніатскіе владыки протестовали противъ нихъ, а послѣдніе послали жалобу и папѣ, но королевичъ остался при своей доброй волѣ; и когда затѣмъ, при участіи православныхъ, состоялось (9 ноября) избраніе его королемъ, то онъ клятвою подтвердилъ, что исполнитъ „статьи успокоенія“. Все описанное дѣло имѣло величайшую важность для православныхъ. Они торжествовали. Послѣ долгой и трудной борьбы, они достигли возстановленія, хотя и не въ полномъ объемѣ, правъ своей вѣры и народности, изъ коихъ важнѣйшимъ было право имѣть свою православную іерархію, признанную

правительствомъ. Но такъ какъ оно не признало уже бывшихъ у нихъ іерарховъ, поставленныхъ патріархомъ Θеофаномъ, потому что они были поставлены безъ дозволенія короля, то православнымъ предстояло избрать и поставить новыхъ. И они немедленно приступили къ этому еще въ самой Варшавѣ.

---

3. Избраніе новыхъ православныхъ епископовъ; Петръ Могила — митрополитъ кіевскій.

Началп избраніемъ кіевскаго митрополита. Въ избраніи его, какъ верховнаго архипастыря всей Западной Россіи, участвовали духовные и свѣтскіе представители изъ воеводствъ и повѣтовъ: кіевскаго, галицко-русскаго, волынскаго, подольскаго, виленскаго, троцкаго, новогрудскаго, брестскаго, минскаго, пинскаго, витебскаго, полоцкаго, мстиславскаго, оршанскаго и др. Тутъ-то видно было, какъ еще много было у православія западнорусской знати изъ князей и дворянъ. Въ актѣ избранія всѣ они называютъ себя людьми *русскаго народа*, вѣры православной, находящимися въ послушаніи православному константинопольскому патріарху. Высказывая свою радость, что, послѣ долгаго и скорбнаго времени, возстановлены „нашему русскому народу“ древнія права и въ особенности право имѣть своихъ митрополита и епископовъ, они продолжаютъ: „избираемъ тѣхъ, кого Самъ Господь Богъ указалъ нашимъ сердцамъ, какъ мужей, соединяющихъ въ себѣ съ знатностью происхожденія, съ высокими добродѣтелями, благочестіемъ и мудростью— постоянство и ревность по вѣрѣ православной“. На митрополію избранъ былъ Петръ Могила, какъ наиболѣе отличавшійся такими достоинствами и наиболѣе потрудившійся въ дѣлѣ возстановленія правъ православной

церкви и іерархіи. Затѣмъ бывшіе на сеймѣ мѣстные обыватели предоставляемыхъ православнымъ епископій избрали: Іосифа Бобриковича—кандидатомъ на епископію могилевскую и мстиславскую, и князя Александра (въ монашествѣ Аѳанасія) Пузыну—на епископію луцкую и острожскую. Впослѣдствіи избранъ былъ кандидатъ и на епископію перемышльскую—Сильвестръ Гулевичъ.

---

4. Краковскій сеймъ; протестъ папы противъ статей примиренія.

Между тѣмъ въ февралѣ 1633 года открылся новый сеймъ уже въ Краковѣ, для самаго коронованія Владислава IV. Къ этому времени приспѣли изъ Рима въ Варшаву письма отъ папы. Онъ хотѣлъ замутить дѣло. Порицалъ короля за „статьи успокоенія“, и своему нунцію (послу) и уніатскому митрополиту Рутскому приказывалъ требовать, чтобы онѣ были отмѣнены или не приводились въ исполненіе. И пошли жаркіе и долгіе споры. Латиняне и уніаты вопили: „мы не можемъ согласиться на утвержденіе какихъ-либо статей безъ одобренія ихъ папой“. Православные отвѣчали: „статьи скрѣплены королемъ, это уже законъ для насъ, и слушаемъ мы не папы, а константинопольскаго патріарха. Да и напередъ знаемъ, что папа не одобритъ этихъ статей, чего же намъ ждать? Мы не приступимъ ни къ чему на сеймѣ, пока эти статьи, данныя королемъ для успокоенія нашей вѣры, не будутъ утверждены“. И польскій сеймъ, слушая папы и мутителей, не утвердилъ статей! За то король сдержалъ свое слово и клятву. Скоро послѣ коронаціи онъ далъ граматы всѣмъ избраннымъ на право каѳедры, утверждая ихъ избра-

ніе и прочія права. Черезъ два года, на повомъ сеймѣ 1635 года, удалось православнымъ, хотя съ великими усиліями, добиться того, что статьи были утверждены и сеймомъ, впрочемъ, уже съ оговорками къ выгодѣ уніатовъ. А латино-польскій архіепископъ и уніатскій митрополитъ Рутскій, ссылаясь на повелѣнія своего папы, опять заявили протестъ противъ „статей примиренія“, присоединяя, что уніатскіе владыки добровольно не отдадутъ православнымъ захваченныхъ у нихъ церквей и церковныхъ имѣній, не откажутся отъ новыхъ захватовъ, но уступятъ только тамъ, гдѣ будутъ вынуждены къ тому силою. Все это не предвѣщало православнымъ спокойствія или близкаго конца борьбы ихъ за права своей вѣры и народности. Но пока они довольствовались тѣмъ, чего теперь достигли, и старались воспользоваться полученными правами для лучшаго устройства своихъ церковныхъ дѣлъ.

---

5. Каноническое возведеніе Петра Могилы и другихъ избранныхъ кандидатовъ въ архіерейскій санъ.

Петръ Могила, тотчасъ по утвержденіи королемъ избранія его на кіевскую митрополію, испросилъ чрезъ нарочитаго посла требуемую давнимъ обычаемъ благословенную грамату отъ константинопольскаго патріарха. Затѣмъ для принятія архіерейскаго посвященія онъ отправился въ галицко-русскій Львовъ, гдѣ имѣлся на лицо признаваемый польскимъ правительствомъ архіепископъ и патріаршій экзархъ Іеремія Тиссаровскій, и куда прибыли съ Петромъ Могилой и три епископа изъ посвященныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ. Радостно привѣтствовали его православные жители Львова съ братствомъ во главѣ. Въ братской Успенской

церкви, въ присутствіи членовъ братства и множества православныхъ изъ дворянъ и горожанъ, совершилось торжество посвященія Петра Могилы въ санъ епископа, облеченнаго и властію митрополита. Въ послѣдующее ближайшее за тѣмъ время уже самъ онъ соборне совершалъ посвященія и другихъ новоизбранныхъ православныхъ епископовъ. Въ началѣ іюля 1633 года митрополитъ Петръ Могила прибылъ въ престольный городъ митрополіи Кіевъ, гдѣ опять встрѣчаемъ былъ торжественно, какъ полноправный архипастырь, оказавшій великія услуги церкви въ защитѣ ея правъ предъ королемъ и сеймами въ Варшавѣ. Выразителями благодарности ему отъ имени всего русскаго народа явились лавра и коллегія (т.-е. высшее училище) кіевскаго Богоявленскаго братства. Опѣ выразили ее въ двухъ книгахъ, напечатанныхъ къ пріѣзду митрополита въ Кіевъ. Братское училище въ своей книгѣ обращалось къ архипастырю, между прочимъ, съ такими словами: „ты своимъ нждивеніемъ, своими заботами, своимъ бодрствованіемъ даровалъ тишину православному русскому океану, волновавшемуся впродолженіе цѣлыхъ столѣтій, и доказалъ, яснѣе полуденнаго солнца, на избирательномъ и коронаціонномъ сеймахъ права православной церкви, твердыя по силѣ, какъ алмазъ, золотыя по своей драгоцѣнности, святыя по своей древности. Доказавъ неправду, которая тяготѣла надъ нами столько лѣтъ, ты уничтожилъ ее въ прахъ предъ помазанникомъ Божіимъ... Теперь пожелай только отправиться до Вильны и другихъ городовъ русскаго и литовскаго міра, и увидишь, какъ встрѣтятъ тебя радостно тѣ, которыми полны были темницы, полны были ратуши, полны были темничныя подземелья за пречистую Восточную вѣру, какъ встрѣтятъ тебя (въ Вильнѣ) и проводятъ до своего руководителя въ

терпѣніи, предводителя въ благочестіи, подобнаго Златоусту въ витійствѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ скончавшагося архимандрита Леонтія Карповича. Увидѣвъ нетлѣнныя мощи его, увидѣвъ ближнихъ за вѣру пострадавшихъ, ты почувствуешь, какимъ великимъ дѣломъ услужилъ ты несчастному народу нашему. То же самое, вѣрно, подтвердятъ тебѣ Перемышль, Луцкъ, Холмъ, Бѣльзъ, Минскъ, Брестъ, Витебскъ, Могилевъ и множество другихъ городовъ".

---

6. Труды Петра Могилы на пользу гонимаю православія.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій митрополита въ Кіевѣ было возвращеніе отъ уніатовъ захваченныхъ ими здѣсь церквей и обновленіе какъ этихъ, такъ и другихъ древнихъ, но запущенныхъ отъ бывшихъ невзгодъ церквей и монастырей. Онъ началъ съ каѳедральнаго Кіево-Софійскаго собора, который, по изгнаніи изъ него уніатовъ, оказался въ крайнемъ разореніи. Петръ Могила обновилъ его на свои средства и при пособіи благочестивыхъ жертвователей. Не успѣвъ самъ исполнить эту благую мысль, завѣщалъ ее послѣдующимъ родамъ. За то, раскапывая развалины бывшей церкви, онъ открылъ драгоцѣнное сокровище—гробъ святаго Владиміра и мощи его (главу). Такъ оживилъ онъ память о великомъ просвѣтителѣ Россіи и начальномъ воспріятіи имъ съ Востока христіанской православной вѣры, бывшей втеченіе вѣковъ единою вѣрою всего русскаго народа. Заботился онъ объ умноженіи благолѣпія въ богослуженіи, просвѣщенія, благочестія и благочинія въ духовенствѣ и народѣ; собралъ подлѣ себя сподвижниковъ, особенно изъ благочестивыхъ и просвѣщенныхъ иноковъ въ лаврѣ, въ Никольскомъ

монастырѣ, въ братскомъ училищномъ монастырѣ. Трудился онъ самъ, и подъ его руководствомъ трудились и они въ проповѣди и школьномъ учительствѣ, въ исправленіи и изданіи богослужебныхъ книгъ, въ составленіи и изданіи книгъ учительныхъ, особенно книгъ въ объясненіе и защиту ученія, обрядовъ и установленій православной церкви и въ обличеніе латино-уніатскихъ клеветъ на нее и собственныхъ лжеученій противниковъ ея. Особенно важно составленное имъ и разсмотрѣнное на соборахъ въ Кіевѣ и на Востокѣ „Православное исповѣданіе вѣры“. Оно изложено въ видѣ катихизиса въ вопросахъ и отвѣтахъ, чтобы православные лучше и тверже усвояли значеніе ученія православной вѣры и могли всегда найти отвѣтъ ея противникамъ. По мысли Петра Могилы, сподвижники его описывали житія кіево-печерскихъ подвижниковъ и святыхъ и чудеса отъ нихъ въ увѣреніе и православнымъ и иновѣрцамъ о силѣ и святости и благодати Божіей въ православной церкви. Они собирали надписи надъ гробами погребенныхъ въ лаврѣ лицъ изъ западнорусскихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, чтобы напомнить о нихъ потомкамъ ихъ, неразумно отпадавшимъ отъ вѣры предковъ. Какъ первосвятитель всей Западной Руси, Петръ Могила созывалъ церковные соборы для общаго совѣщанія о дѣлахъ церкви, каковъ особенно соборъ 1640 года, на которомъ между прочимъ разсмотрѣно было упомянутое „Православное исповѣданіе вѣры“. Онъ назидалъ православное населеніе Западной Руси окружными посланіями, учительными письмами къ братствамъ разныхъ городовъ, временами и самъ посѣщалъ города и братства въ предѣлахъ своей митрополіи, повсюду ободряя православныхъ къ твердому стоянію за свою вѣру. По примѣру митрополита дѣйствовали и епархіальные епископы: созывали соборы

изъ духовенства своихъ епархій для наставленія его, а чрезъ него и народа, въ правилахъ веры, благочестія и церковнаго благочинія. Такими подвигами ознаменовали свое служеніе особенно Афанасій Пузына, епископъ луцкій и острожскій, и Сильвестръ Коссовъ.

---

7. *Внутреннее благоустройство монастырей и братствъ при Петре Могиле; просветительная ихъ деятельность.*

Перейдя къ речи о монастыряхъ и братствахъ времени Петра Могилы и ихъ участіи въ борьбе за веру православную, напомнитъ прежде речь о томъ самого Петра Могилы и его сотрудниковъ въ ответъ на клеветы и хулы со стороны одного дерзкаго отступника. Говорили они такъ: „вместо того, чтобы порицать православныхъ, посмотри лучше на свою братію уніатовъ, что они делаютъ съ монастырями и церквами, которые наделены были именіями. Мало ли было фундушей у славнаго монастыря въ Литве *Супрасльскаго?* А теперь до чего онъ доведенъ уніатами? Тамъ было, когда онъ находился во владеніи православныхъ, до ста или, по меньшей мере, до осмидесяти человекъ братіи, при архимандрите, кроме певчихъ, а ныне живетъ едва несколько монаховъ. И, что еще хуже, тамъ светскій господинъ владеетъ церковнымъ имуществомъ и селами, которыми прежде управлялъ архимандритъ, и чрезъ своего слугу выдаетъ монахамъ какое хочетъ жалованье, а все доходы съ несколькихъ десятковъ селъ обращаетъ на свой пожитокъ,—и уніаты ни мало о томъ не заботятся. Спроси только въ томъ монастыре: где те древнія иконы, которыя со всехъ сторонъ обиты были серебряными позлащенными досками? И узнаешь, что уніаты употребили ихъ на свои прихоти, а въ церкви,

вмѣсто серебряныхъ, поставили иконы полотняныя италіанскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ: за позлащенное серебро даютъ Ему полотно малеванное! Посмотри на монастырь *Лаврашевскій*, который съ давнихъ временъ богато надѣленъ былъ имѣніями, и гдѣ, подъ нашимъ управленіемъ, жило нѣсколько десятковъ иноковъ и каждый день славилось имя Божіе. Нынѣ онъ стоитъ пустой; въ немъ не живетъ ни одного человѣка. Посмотри на монастырь *Новогродскій*, къ которому отчислили села и имѣнія лаврашовскія: несомнѣнно, тамъ не найдешь больше четырехъ или пяти иноковъ, а въ церкви этого монастыря, которая есть каѳедральная митрополичья, увидишь бумажныя иконы. Посмотри на монастырь *Черейскій*, гдѣ, подъ нашимъ управленіемъ, обитало нѣсколько десятковъ иноковъ, а теперь едва ли найдешь тамъ десятокъ. Посмотри на монастырь, названный *Лещъ* (Лещинскій): тамъ увидишь едва одного монаха, а иногда и одного не бываетъ. Посмотри на монастыри *Онуфріевскій* и *Пустынскій*: увидишь, что, гдѣ прежде жило нѣсколько десятковъ православныхъ иноковъ, тамъ живетъ нынѣ особнякомъ одинъ Корсакъ. А сколько у тѣхъ двухъ монастырей крестьянъ? Опускаю иные, меньшіе монастыри въ Литвѣ, которые вашею унією до основанія ниспровергнуты. Пойди еще на Волынь и спроси, что дѣется въ старожитномъ *Жидичинскомъ* монастырѣ, много ли живетъ тамъ иноковъ, что тамъ за чинъ. Посмотри на старожитный монастырь *Дорогобужскій:* не одного ли только архимандрита съ послушникомъ увидишь ты тамъ? И скажи, что за богослуженіе отправляется теперь тамъ, гдѣ прежде, при нашемъ управленіи, бывало, по крайней мѣрѣ, до двадцати иноковъ съ архимандритомъ. Посмотри и на мірскія церкви, изъ которыхъ иныя надѣлены были богатымъ имуществомъ, а иныя скуднымъ: до чего до-

ведены онѣ подъ управленіемъ вашихъ уніатовъ? Пойди только въ Вильну и спроси: кто теперь живетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ построена была церковь *св. Параскевы мученицы?* Тебѣ укажутъ, что тамъ стоитъ теперь корчма и домъ позорный. Пойди въ Минскъ и спроси: на какомъ мѣстѣ стоитъ мечеть татарская? Ты узнаешь, что—на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была церковь во имя *Рождества Господа нашего Іисуса Христа*... Такъ-то уніатская ревность о благочестіи умножаетъ славу Божію на Руси! Взгляни жь теперь здравыми, безпристрастными очами на наши убогіе православные монастыри, не имѣющіе фундушей, утѣсняемые различными бѣдствіями и нуждою. Посмотри въ землѣ кіевской (не упоминаю о монастыряхъ, имѣющихъ фундуши) на монастырь *Межигорскій:* тамъ болѣе полутораста иноковъ живетъ въ общинѣ, питаясь трудами рукъ своихъ, по примѣру великаго Антонія пустынножителя. Посмотри за Днѣпръ, и тамъ увидишь монастыри *Мгарскій* и *Густынскій* (о меньшихъ монастыряхъ не упоминаю), въ которыхъ братія благочестиво проводятъ жизнь свою въ общинѣ и въ тѣснотѣ. Посмотри на монастырь *Григорскій*, также общежительный, и тамъ найдешь до осмидесяти иноковъ, пребывающихъ въ великомъ смиреніи и тѣснотѣ. Иди на Покутье въ Скитъ (т.-е. скитскій монастырь): тамъ найдешь до двухсотъ ангеловъ во плоти, живущихъ вмѣстѣ и подражающихъ житію древнихъ пустынниковъ. Посмотри на монастырь *Крехоскій* подъ Львовомъ, и тамъ увидишь, какъ и въ Скиту, нѣсколько десятковъ иноковъ, благочестиво живущихъ безъ всякихъ фундушей. Посмотри еще на Бѣлую Русь: тамъ, подъ Оршею, въ *Кутеинскомъ монастырѣ* найдешь до двухсотъ братій, точно также подражающихъ въ тѣлѣ житію ангельскому. То же увидишь и въ монастырѣ *Буйницкомъ;* не упоминаю о многихъ другихъ. Посмотри

еще и на православныя братства: виленское, львовское, кіевское, луцкое и многія другія въ Коронѣ и въ Литвѣ: какъ они, по благодати Божіей, процвѣтаютъ въ строгомъ благочестіи! И согласись, волею или неволею, что, какъ было во времена апостольскія, среди бѣдствій и всякихъ притѣсненій, и во времена гоненія, такъ дѣется нынѣ и у насъ, православныхъ русскихъ: сила Божія въ немощахъ совершается".

Справедливо митрополитъ Петръ Могила похвалялъ, какъ сейчасъ мы видѣли, ревность по вѣрѣ и благочестію западно-русскихъ братствъ его времени. Опираясь на состоявшееся на сеймахъ 1632—1633 годовъ, благодаря усиліямъ Петра Могилы и его сподвижниковъ, признаніе правъ православной церкви, братства пріободрились. Они старались укрѣпить за собой эти права, какъ неразлучныя съ правами церкви православной, для блага и защиты которой они трудились. Съ этою цѣлію они испрашивали отъ короля граматы на право имѣть свои церкви, монастыри, строить новые, содержать школы, типографіи, богадѣльни и т. д., и все это дѣлали. И теперь, какъ прежде, славились такою дѣятельностью старѣйшія братства: виленское Свято-Духовское, львовское Успенское, потомъ кіевское Богоявленское, наиболѣе подвизавшееся подъ опекою митрополита Петра Могилы въ дѣлѣ образованія и науки на пользу и защиту церкви православной, также братства могилевское Спасское, бѣльское Богоявленское, луцкое Крестовоздвиженское. Ободряемые примѣромъ этихъ братствъ, жители другихъ городовъ основали у себя новыя братства, каковы, наприм., пинское Богоявленское и кремепецкое Богоявленское съ монастырями при нихъ. Теперь, какъ и прежде, братства имѣли своихъ союзниковъ и сочленовъ въ средѣ дворянъ, оставшихся вѣрными православію. Здѣсь еще разъ упомянемъ о знаменитомъ ревнителѣ православія,

знатномъ волынскомъ дворянинѣ Лаврентіи Древинскомъ, который въ теченіе почти сорока лѣтъ, начиная съ Брестскаго собора 1596 года, подвизался на защиту вѣры православной и народности русской, и подвиги свои, въ послѣдніе годы жизни, увѣнчалъ содѣйствіемъ къ основанію братства въ Кременцѣ съ церковью и монастыремъ, школою и типографіею при немъ, получивъ на все это благословеніе и митрополита Петра Могилы. На Волыни славились своею вѣрностью православію и союзомъ съ братствами князья Пузыны, Четвертинскіе, дворяне Булевичи и другіе. Въ Бѣлоруссіи, въ предѣлахъ могилевской епархіи, прославились тѣмъ же особенно дворяне Огинскіе и Стеткевичи, основавшіе вмѣстѣ со своею роднею нѣсколько общежительныхъ монастырей, какъ Богоявленскій въ Могилевѣ, Кутеинскій, Баркалабскій и Буйницкій. Они же, какъ и нѣкоторые другіе, были союзниками и помощниками виленскаго Свято-Духовскаго братства. Было еще не мало дворянъ, у которыхъ вѣрность и усердіе православію сказывалось дѣлами ктиторства и союзничества съ братствомъ. Но, къ сожалѣнію, ряды такихъ дворянъ продолжали рѣдѣть, о чемъ впрочемъ будетъ рѣчь ниже. А здѣсь докончимъ рѣчь о братствахъ времени Петра Могилы. Братства и теперь, какъ прежде, старались скрѣпить союзъ между собою, при чемъ старшія служили примѣромъ младшимъ въ уставахъ, порядкахъ и учрежденіяхъ, удѣляли имъ достойныхъ лицъ на игуменства и архимандритства въ братскихъ монастыряхъ; а нѣкоторые изъ братскихъ монастырей имѣли даже въ своемъ послушаніи и опекѣ другіе монастыри. Особенно извѣстенъ этимъ былъ теперь виленскій Свято-Духовскій монастырь, въ послушаніи котораго считались монастыри Петропавловскій въ Минскѣ, Евейскій въ воеводствѣ троцкомъ, Цеперскій и Сновскій въ воевод-

ствѣ новогрудскомъ, Новодворскій и Купятицкій въ пинскомъ уѣздѣ, Силецкій въ воеводствѣ минскомъ и др. Это послушаніе отнюдь не исключало общей іерархической власти митрополита и епархіальныхъ владыкъ, ибо братства, въ томъ числѣ и старѣйшія, теперь болѣе, чѣмъ прежде, дорожили возстановленною въ своихъ правахъ іерархическою властію церкви, а такой сильный и всѣми высокочтимый первоіерархъ, какъ Петръ Могила, твердо внушалъ братствамъ какъ своей митрополичьей епархіи, такъ и другихъ епархій, оказывать должное, требуемое канонами, послушаніе іерархической власти. И братства внимали его властному голосу, чувствуя, что союзъ братствъ между собою укрѣпляется союзомъ послушанія общей іерархической власти, и что все это служитъ къ укрѣпленію силъ церкви православной въ ея борьбѣ съ противниками.

---

8. Заботы Петра Могилы объ окончательномъ утвержденіи «статей примиренія»; двоедушіе Владислава IV.

Борьба эта, какъ уже сказано, не прекращалась и послѣ возстановленія правъ православной церкви, состоявшагося на сеймахъ 1632—1633 годовъ и утвержденнаго королемъ Владиславомъ IV подъ названіемъ „статей примиренія“. Самыя статьи эти требовали новаго подтвержденія, въ виду сопротивленія имъ со стороны уніатскихъ владыкъ и латино-польскихъ біскуповъ, занесшихъ свои жалобы въ Римъ къ папѣ, откуда поэтому ожидался еще отвѣтъ. И вотъ, когда приближался новый сеймъ 1635 года, православные стали опять сноситься между собою и собираться съ силами, чтобы отстаивать то, чего достигли на прежнихъ сеймахъ. И теперь, какъ прежде, призывалъ ихъ на такой

подвигъ митрополитъ Петръ Могила. Онъ обратился къ братствамъ съ призывною граматою, въ которой говорилъ такъ: „Не тайны для васъ, думаемъ, наши труды и издержки, которые мы охотно понесли, не безъ пособія отъ всего благочестиваго народа, для блага церкви Божіей и успокоенія всего православія, на двухъ прошлыхъ сеймахъ во время междуцарствія и на третьемъ, во время счастливой коронаціи нашего милостиваго короля. Вы теперь утѣшаетесь, что имѣете въ насъ своего пастыря упривилегированнаго, равно и другихъ боголюбивыхъ епископовъ, которые внимательно, ревностно, дѣятельно заботятся о душахъ вашихъ. Дай Богъ, чтобы и на приближающемся сеймѣ мы съумѣли отстоять наши права,—и тогда настанутъ для нашего народа россійскаго давнія утѣхи. Но, истощивъ до великаго убожества, въ три первыя наши экспедиціи на сеймы, и наши собственные, отцовскіе достатки, и средства нашего монастыря, тѣмъ болѣе, что на эти средства реставрируемъ и церковь святой Софіи, нашу митрополитанскую, которая вся было опала, мы усердно просимъ васъ не только о томъ, чтобы вы явились на сеймъ, но и о томъ, чтобы вы оказали намъ вспомоществованіе, какъ для нашего путешествія на сеймъ, такъ и для обновленія нашей каѳедральной митрополитанской церкви“.

Подвигъ митрополита Петра Могилы увѣнчался успѣхомъ, хотя и не полнымъ. Въ февралѣ 1635 года „статьи примиренія“ утверждены сеймомъ; но когда затѣмъ пришлось выдавать граматы на нихъ, то король издалъ грамату прежде въ пользу уніатовъ (14-го марта) и уже потомъ (18-го марта) въ пользу православныхъ, причемъ въ первой граматѣ оказались прибавки въ угоду уніатамъ и въ обиду православнымъ. Такъ наприм., король говоритъ, что онъ утверждаетъ статьи примиренія не для

того, чтобы утвердить права схизмы (т.-е. православія), а для общественнаго блага, что остается болѣе благосклоннымъ къ уніатской церкви, какъ соединенной съ римскою; въ частности король, вопреки обѣщанію, что церкви по городамъ и епархіямъ будутъ распредѣлены между уніатами и православными соразмѣрно числу ихъ, запретилъ православнымъ имѣть свои церкви въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Новогрудкѣ, хотя здѣсь было еще много православныхъ. Такъ поступилъ король потому, что боялся польскихъ бискуповъ, пановъ и папы. И боялся онъ не напрасно. Тогда какъ православные удовольствовались тѣмъ, что̀ получили, терпѣливо снеся обиду, уніаты и латино-польскіе союзники ихъ заявили, что они и теперь не соглашаются на статьи примиренія и будутъ еще ждать, одобритъ ли ихъ папа. Конечно, одобренія отъ папы нельзя было ожидать, и потому утвержденіе статей примиренія не могло принести мира. Задумалъ король достичь его другимъ способомъ. Предложилъ онъ православнымъ и уніатамъ сообща поставить для всей Западно-Русской церкви патріарха, подобно тому, какъ поставленъ былъ (1589 г.) патріархъ въ Москвѣ для Россіи Сѣверной. Разсчетъ былъ тотъ, что чрезъ поставленіе патріарха разорвется въ православныхъ Западной Руси союзъ послушанія съ константинопольскимъ патріархомъ, за который стояли православные именно ради сохраненія православія и независимости отъ иновѣрной власти. Разсчитывалось и на то, что удастся провесть въ патріархи Западной Руси такого человѣка, который втайнѣ обѣщаетъ стать уніатомъ и затѣмъ объявитъ себя имъ, когда достигнетъ патріаршества. Въ эти лукавые разсчеты входилъ и папа, надѣясь, можетъ быть, что и самъ митрополитъ Петръ Могила захочетъ быть патріархомъ, согласясь притомъ признать унію и власть папы. Съ этою цѣлью

онъ въ письмахъ къ разнымъ знатнымъ лицамъ въ Западной Руси расточалъ похвалы Петру Могилѣ, а потомъ писалъ льстивыя письма и ему самому. Но вся эта затѣя кончилась ничѣмъ. Петръ Могила, православные епископы и другіе съ ними остались вѣрными православію и союзу съ константинопольскимъ патріархомъ, выражавшемуся и въ томъ, что митрополитъ Петръ Могила назывался также экзархомъ патріаршаго константинопольскаго престола въ знакъ своей іерархической полноправности въ предѣлахъ всей Западно-Русской церкви.

---

9. Жалобы Петра Могилы на чинимыя православнымъ насилія и обиды.

За то, какъ самъ митрополитъ Петръ Могила, такъ и другіе православные епископы и паствы ихъ продолжали испытывать обиды и гоненія отъ уніатовъ и латинянъ. Отъ времени до времени имъ приходилось хлопотать въ защиту своихъ правъ на сеймахъ въ Варшавѣ. Чего стоили поѣздки на сеймъ и хлопоты на немъ, можно видѣть наприм. изъ слѣдующаго письма Петра Могилы къ членамъ минскаго братства, писаннаго въ 1640 году предъ поѣздкою на сеймъ: „въ виду новыхъ гоненій на православную церковь, я приготовился ѣхать на сеймъ и готовъ отдать послѣднее мое здоровье на услугу вамъ, если вы меня поддержите. Не безъизвѣстно вамъ, сколько потрудился я на прежнихъ сеймахъ для нуждъ церкви, и какъ издержался: всѣ сокровища моихъ предковъ-господарей на то пошли, и у меня не осталось ничего изъ золота и серебра и драгоцѣнностей отцовскихъ; а монастырскія имѣнія всѣ истощены и опустошены во время не-

давнихъ войнъ и набѣговъ татарскихъ. Прошу васъ сдѣлать складчину и прислать мнѣ помощь въ Варшаву; безъ поддержки отъ васъ я, показавшись въ Варшавѣ, тотчасъ долженъ былъ бы воротиться назадъ, ничего не достигнувъ. Обѣщаю вамъ приложить всякое стараніе и докучать посламъ, чтобы они исходатайствовали всѣмъ намъ успокоеніе". Чрезъ годъ, на сеймѣ 1641 года, дѣйствительно состоялось постановленіе въ огражденіе правъ церкви православной. Но уніатскій митрополитъ и нѣкоторые польскіе бискупы и сенаторы заявили свой протестъ противъ этого, что̀ уже ослабляло надежду на исполненіе постановленія. Такъ шло дѣло и далѣе, и Петръ Могила до конца жизни не свободенъ былъ отъ печали видѣть насилія и посягательства на вѣру и народность русскую со стороны латинянъ-уніатовъ. Перечислять такія насилія и посягательства на всемъ пространствѣ Западной Руси было бы долго. Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ на это, начиная съ Кіева. Здѣсь во время Петра Могилы былъ воеводою Янъ Тышкевичъ, потомокъ русскаго православнаго рода, но теперь ярый полякъ и католикъ. И вотъ что писалъ въ 1640 году о немъ Петръ Могила минскому православному братству: „Я терплю всякое преслѣдованіе отъ пана воеводы; въ Кіевѣ вновь начали чинить надъ нами насилія и проливать кровь. Досадуя, что въ моемъ коллегіумѣ обучается великое множество (громада) молодежи русской, и опасаясь, что юноши эти, изучивъ науки, могутъ показать правду всему свѣту и могущественно оборонять святую церковь, воевода приказалъ своему замковому намѣстнику взвести клевету на какого-либо студента въ важномъ преступленіи, чтобы студенты, устрашившись, всѣ разбѣжались по другимъ училищамъ, въ которыхъ прежде учились. И вотъ, въ первый понедѣльникъ ве-

лпкаго поста, когда студентъ Ѳедоръ Гоголевскій шелъ черезъ площадь, его схватили и повлекли въ за́мокъ. Тамъ слуга намѣстника Сепачъ удостовѣрялъ, будто ночью, когда онъ съ другими находился въ корчмѣ, студенты сдѣлали нападеніе на домъ и кого-то ранили. Намѣстникъ, вмѣсто того, чтобы произвесть разслѣдованіе, приказалъ тотчасъ студента обезглавить,—и это случилось въ мое отсутствіе изъ Кіева".

---

10. Іезуиты и латинскіе монахи въ Кіевѣ; преслѣдованіе православныхъ въ Луцкѣ, Бѣльскѣ, Парчовѣ и другихъ мѣстахъ; подвиги мужества брестскаго игумена Аоанасія Карповича.

Въ Кіевѣ въ это время уже успѣли осѣсться латинскіе монахи доминикане и бернардины, имѣвшіе свои два монастыря на Подолѣ. Соблазнять православныхъ имъ не удавалось. И вотъ Янъ Тышкевичъ вызвалъ сюда изъ Кракова болѣе искусныхъ соблазнителей—іезуитовъ. Одинъ изъ нихъ, слывшій между своими великимъ ученымъ, тотчасъ принялся въ проповѣдяхъ говорить противъ ученія православной церкви о томъ, что Святый Духъ исходитъ отъ Отца, какъ то̀ учитъ и Самъ Спаситель въ Евангеліи (Іоан. 15, 26). Но ректоръ братскаго училища (Иннокентій Гизель) не побоялся учености іезуита, вызвалъ его на богословскую бесѣду и обличилъ папское лжеученіе. Тогда іезуиты, при помощи Тышкевича, завели свое училище въ Кіевѣ, чтобы переманивать въ него учениковъ изъ братскаго училища. Но не долго пришлось продержаться іезуитамъ въ Кіевѣ, какъ увидимъ ниже.

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ іезуиты засѣли и укрѣпились ранѣе, не было мѣры дерзостямъ ихъ и

ихъ школьниковъ. Вотъ примѣръ. На Волыни, въ городѣ Луцкѣ, 24 мая 1634 года, совершалась по городу латинская процессія со святыми дарами, по случаю праздника тѣла Господня. Процессія миновала уже Крестовоздвиженскій монастырь луцкаго православнаго братства, какъ вдругъ до двѣнадцати оо. іезуитовъ луцкой іезуитской коллегіи, а съ ними множество слугъ и разныхъ городскихъ ремесленниковъ, всего около ста человѣкъ, съ саблями, кортиками, ружьями, иные же съ кольями и камнями, ворвались во дворъ православнаго монастыря подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы въ монастырѣ не производилось тогда колокольнаго звона. Одни бросились на колокольню и начали звонить и кричать неистово, чѣмъ привлекли новыя толпы народа. Другіе вторглись въ церковь, опрокинули въ ней подсвѣчники, посрывали завѣсы, ковры и проч. Еще иные устремились на училище, на богадѣльню, на братскія кельи, и били, рубили, увѣчили бѣдныхъ мальчиковъ-учениковъ, богадѣльныхъ старцевъ и старухъ, монаховъ и всѣхъ, кто попадался; самому игумену Исаакію нанесли удары камнями и кирпичами по рукѣ, спинѣ и шеѣ; учителю Босынскому отрубили палецъ на правой рукѣ; многимъ побили головы, выбили зубы и глаза и проч. Потомъ разбили два сундука съ деньгами, одинъ богадѣльный, другой церковный, и похитили деньги; повыбили окна въ церкви, училищѣ, богадѣльнѣ, повыломали двери и сломали гонтовую крышу на оградѣ. Спустя четыре дня, 28-го мая, они снова собрались, вооруженные, и сперва напали на домъ одного православнаго, Николая Лихновича, ни въ чемъ неповинпаго, и заставили его спасаться бѣгствомъ; потомъ, расхаживая по улицамъ, хватали всякаго попадавшагося русскаго, били его и сѣкли; а въ сумерки схватили дворянина Ивана Ломинскаго, слу-

жившаго при луцкомъ православномъ епископѣ Аѳанасіи Пузынѣ, и предъ квартирою ксендза Ласскаго, съ его благословенія, и предъ глазами его и многихъ другихъ людей, нѣсколько разъ принимались бить палками и мучить этого дворянина, пока не убили совершенно. Православный епископъ отъ себя, и его родичи князья Георгій и Михаилъ Пузыны отъ имени всѣхъ мѣстныхъ православныхъ дворянъ, занесли на все это жалобы въ городской урядъ. Назначенные урядомъ слѣдователи (возные) подтвердили справедливость жалобъ. Но былъ ли и чѣмъ кончился судъ надъ виновными, осталось неизвѣстнымъ.

А вотъ что было въ городѣ Дрогичинѣ (Гродненской губерніи). Здѣсь православнымъ предоставлены были три церкви. Но мѣстный староста Лещевольскій отнялъ у нихъ эти церкви, выгналъ всѣхъ трехъ православныхъ священниковъ изъ города, лишивъ ихъ имущества, а мѣщанъ православныхъ преслѣдовалъ разными притѣсненіями, побоями, тюремнымъ заключеніемъ. Король, получивъ жалобу объ этомъ, не похвалилъ старшины, приказалъ возвратить церкви и имущества православнымъ и не притѣснять ихъ. Но королевскіе приказы плохо исполнялись своевольными панами. Тяжко было православнымъ и въ городѣ Бѣльскѣ (Гродненской губерніи), который, какъ и Дрогичинъ, числился тогда въ епархіи православнаго луцкаго епископа Аѳанасія Пузыны. Сперва уніаты пытались принудить здѣшнихъ православныхъ священниковъ къ уніи. Не успѣвъ въ этомъ, они пригласили польскаго ротмистра Яна Сокола, имѣвшаго при себѣ свыше ста человѣкъ пѣхоты, напали вооруженною силою сперва на Богоявленскую церковь, потомъ на Николаевскую и Воскресенскую, овладѣли ими, отняли ихъ у православныхъ и запечатали своими печатями,

и при этомъ безчестили православныхъ, иныхъ избили, другихъ ранили оружіемъ, а намѣстника о. Паисія взяли подъ стражу, дергали за бороду, заключили въ оковы. Все это подтвердилъ на судѣ коронный возный, бывшій очевидцемъ случившагося, вмѣстѣ съ двумя дворянами. Церкви православнымъ были возвращены въ Бѣльскѣ, но притѣсненія отъ уніатовъ не прекращались. Въ 1644 г., 9-го января, священникъ Николаевской церкви, іеромонахъ Никодимъ Ѳедоровичъ, принесъ жалобу на уніатскаго троицкаго священника Ивана Малишевскаго, что онъ издавна преслѣдуетъ православныхъ, отнимаетъ у нихъ скотъ, подвергаетъ аресту тѣла ихъ умершихъ, нападаетъ на ихъ священниковъ среди улицы, и недавно отнялъ у одного серебряный крестъ, и что на дняхъ, когда приносящій жалобу возвращался отъ больного со святыми дарами домой, Малишевскій, вмѣстѣ со другими своевольными людьми, заступилъ ему дорогу на улицѣ, поносилъ его всякими безчестными словами, билъ, таскалъ по землѣ за волосы, давилъ его колѣнами, стащилъ съ него епитрахиль и иное одѣяніе, отнялъ у него потиръ съ лжицею и воздухами, во время побоевъ пролилъ на землю изъ потира непотребленныя больнымъ частицы тѣла и крови Христовой, и все отнятое взялъ себѣ. Справедливость и этой жалобы подтвердилъ возный съ двумя дворянами свидѣтелями. Еще не разъ повторялись подобныя насилія надъ православными въ Бѣльскѣ. Въ городѣ Холмѣ и Холмскомъ краѣ гонителемъ православныхъ былъ особенно уніатскій владыка Меѳодій Терлецкій, человѣкъ ученый, но злой изувѣръ, въ родѣ Іосафата Кунцевича. Когда, на основаніи „статей примиренія“, прибыли въ Холмъ королевскіе коммиссары, чтобы раздѣлить церкви между православными и уніатами, то оказалось, что православныхъ въ Холмѣ и

Холмскомъ краѣ больше, чѣмъ уніатовъ, слѣдовательно первымъ слѣдовало по правдѣ оставить и больше церквей. Но Терлецкій не соглашался уступить имъ ни одной церкви въ Холмѣ, и когда коммиссары заняли силою церковь Успенскую въ предмѣстіи города и передали ее православнымъ города, то епископъ поспѣшилъ туда съ толпою своихъ священниковъ, шляхты и народа, и отнялъ церковь у неуитовъ, рѣзко порицая коммиссаровъ. Православные рѣшились соорудить себѣ новую церковь на купленной ими площади, свезли строительные матеріалы и приступили къ работѣ: епископъ велѣлъ забрать весь этотъ матеріалъ къ своей соборной церкви, а площадь отдалъ на странноприимный домъ. Православные, естественно, оказали сопротивленіе, добивались воротить себѣ отнятое: Меѳодій обвинилъ ихъ, какъ бунтовщиковъ, и своими судебными преслѣдованіями довелъ до того, что несчастные принуждены были покориться ему и клятвенно отречься отъ схизмы за себя и за своихъ потомковъ. То же повторилось и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ: Краснославѣ, Парчовѣ, Островѣ, Тышовѣ, Грубешовкѣ, Сокалѣ, Люблинѣ, Брускѣ. Вездѣ коммиссары только силою могли отбирать отъ уніатовъ нѣкоторыя церкви и передавали неуитамъ, и вездѣ епископъ также силою отнималъ эти церкви у православныхъ. И какъ только послѣдніе, выведенные изъ терпѣнія, возставали, чтобы возвратить себѣ отнятое, онъ преслѣдовалъ ихъ судомъ, какъ возмутителей, а суды подвергали ихъ самымъ тяжкимъ приговорамъ: однихъ присуждали къ обезглавленію, другихъ къ сѣченію розгами у позорнаго столба, третьихъ къ отсѣченію рукъ, къ конфискаціи имуществъ и под. Несчастные, въ виду такихъ приговоровъ, невольно смирялись, просили прощенія у епископа, а онъ требовалъ отъ нихъ отреченія отъ православія и клят-

вѣчнаго обязательства быть уніатами, и прощалъ. Можно было бы привесть еще много примѣровъ подобныхъ насилій православнымъ отъ латинянъ и уніатовъ въ разныхъ мѣстахъ Западной Руси. Но оставимъ ихъ и покончимъ на этотъ разъ разсказомъ объ одномъ подвижникѣ и страдальцѣ за православіе Аѳанасіи Филипповичѣ. Онъ происходилъ изъ почтенной и зажиточной русской семьи; въ молодости онъ получилъ хорошее образованіе, пройдя тогдашнія русско-церковныя науки, имѣлъ познанія въ языкахъ русскомъ, польскомъ и латинскомъ, такъ что могъ обучать имъ и другихъ. Движимый благочестіемъ, Аѳанасій (въ 1627 году) принялъ монашество въ виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ, потомъ проходилъ иноческія послушанія въ Кутеинскомъ монастырѣ въ Бѣлоруссіи, Межигорскомъ близъ Кіева. Искренній подвижникъ и ревнитель православія былъ затѣмъ поставленъ въ намѣстники Дубойской обители близъ гор. Пинска, угрожаемой напастями отъ враговъ православія. Въ 1636 году, по распоряженію канцлера Радзивила, обитель насильно взята и отдана іезуитамъ, а православные изгнаны изъ нея. Тогда Аѳанасій перешелъ въ намѣстники въ недалекій отсюда Купятицкій монастырь, гдѣ была ветхая церковь, но славилась чудотворной Купятицкой иконой Божіей Матери, къ которой Аѳанасій возымѣлъ особенное благоговѣніе. И здѣсь не было покоя отъ папистовъ и уніатовъ. Ревнитель вѣры, онъ возымѣлъ благую мысль помочь монастырю и церкви и предпринялъ странствія въ Бѣлоруссію, а оттуда въ Москву, для собиранія милостыни на это. Много трудностей и невзгодъ испыталъ онъ въ своихъ странствіяхъ, но укрѣплялъ себя усердно молитвою, упованіемъ на милость Божію и покровъ Божіей Матери. Въ Москвѣ онъ представилъ царю Михаилу Ѳеодоровичу о своей печальной судьбѣ, о бѣд-

ствіяхъ православія, но и о своемъ упованіи на покровъ Пресвятыя Богородицы. Возвратясь изъ Москвы въ свой монастырь съ собранною милостынею, онъ вскорѣ призванъ былъ на игуменство въ брестскій православный монастырь, при которомъ существовало нѣкогда и православное братство, но уже вытѣсненное уніатскими владыками. И вотъ, задумалъ ревнитель ходатайствовать предъ королемъ въ Варшавѣ о граматѣ на возстановленіе православнаго братства при монастырѣ съ школою и богадѣльнею. Король далъ грамату, но польскій канцлеръ и подканцлеръ не захотѣли приложить къ ней печати, безъ чего, по польскому обычаю, грамата не могла имѣть своей силы. Аѳанасій не упадалъ духомъ. Онъ укрѣплялъ себя подвигомъ благочестія, укрѣплялъ и монастырскую братію, убѣждая вмѣстѣ съ тѣмъ не соблазняться лжеученіями и навѣтами отъ враговъ и пребывать твердыми въ православіи. Самъ онъ дни и ночи проводилъ въ молитвѣ, а каждую субботу читалъ акаѳистъ Божіей Матери. Въ заботливости о монастырѣ и братствѣ онъ вторично отправился въ Варшаву просить о приложеніи печати, но, не видя успѣха и вообще насмотрѣвшись на неправды уніатовъ и латинянъ, явился на сеймъ предъ королемъ со спискомъ чудотворной Купятицкой иконы Божіей Матери и сказалъ: „представляю вашему величеству сей чудотворный образъ для того, чтобы была искоренена унія; если унію искорените, а православную вѣру успокоите, то поживете счастливыя лѣта; а если нѣтъ, то постигнетъ васъ гнѣвъ Божій. Выбирайте себѣ, что хотите, пока есть время“. За это онъ былъ взятъ, содержался въ заключеніи и потомъ отправленъ въ Кіевъ къ митрополиту Петру Могилѣ. Митрополитъ не одобрилъ горячности ревнителя, но потомъ утѣшилъ и отправилъ на то же игуменство въ Брестъ, наказывая пылкому ревнителю быть осторожнѣе.

Онъ готовъ былъ послушаться своего архипастыря. Но его вывели изъ терпѣнія новыя насилія враговъ православной вѣры. Іезуитскіе школьники и уніатскіе ксендзы нѣсколько разъ нападали на его монастырь, преслѣдовали самого Аѳанасія на улицахъ, били и запрещали ходить со святынею. А когда однажды Аѳанасій послалъ своихъ монаховъ съ какими-то вещами въ Купятицкій монастырь, то на пути въ гор. Кобринъ схватилъ ихъ уніатскій архимандритъ, отнялъ у нихъ коней и все имущество, у священника отрѣзалъ бороду, а діакона, ограбивъ до-нага, нагимъ и прогналъ. Аѳанасій съѣздилъ въ Краковъ съ жалобою на это; но едва возвратился оттуда домой, какъ взятъ уже былъ въ Варшаву, заключенъ въ тюрьму за выдуманную вину и пробылъ болѣе года. Изъ тюрьмы онъ не разъ посылалъ свои записки съ сильными и смѣлыми обличеніями, а порою съ просьбами объ успокоеніи православія. Когда взведенная на него вина оказалась напраслиною, онъ былъ отпущенъ въ Кіевъ, а оттуда опять отправленъ былъ въ Брестъ на свое игуменство. Но здѣсь скоро опять схватили его и заключили въ тюрьму, судили, требуя, чтобы пересталъ обличать и проклинать унію, но онъ не пересталъ, за что подвергнутъ жестокимъ пыткамъ, жженъ огнемъ, но не отрекся отъ православной вѣры, какъ того требовали отъ него. Такъ святой исповѣдникъ вкусилъ и мученическую смерть 5-го сентября 1648 года. Но предъ кончиною онъ въ духѣ предвѣдѣнія сказалъ: „конечно, отступники отъ святой вѣры, надменные ложною мудростію, еще не малое время будутъ преслѣдовать исповѣдниковъ истины небесной; но будетъ время, когда въ Брестѣ и во всей странѣ процвѣтетъ православіе, и слава его уже не померкнетъ и козни отступниковъ останутся безсильны“. То были пророчески-вѣщательныя слова! Знаменательна въ нихъ сила вѣры въ непоко-

лебимость и будущее торжество православія во всей западной Руси. Съ такою вѣрою умирали и другіе поборники православія въ Южной и Западной Руси.

---

11. Завѣщаніе Петра Могилы.

Ярко свѣтилась эта вѣра въ душѣ и главнаго поборника его, какимъ былъ митрополитъ Петръ Могила. Видится свѣтъ ея и въ его духовномъ завѣщаніи, которое онъ составилъ за нѣсколько дней до кончины. Здѣсь онъ говорилъ о своей любви и непоколебимой преданности святой православной вѣрѣ, въ которой онъ родился, взросъ, воспитанъ, провелъ всю жизнь, и въ которой теперь часть стать предъ престоломъ Божіимъ. Съ молитвеннымъ благодареніемъ исповѣдуетъ милость Божію, даровавшую ему много потрудиться для защиты православной русской церкви и русскаго народа, для возстановленія храмовъ Божіихъ, для просвѣщенія во благо церкви русской. Съ особенной любовью говорилъ онъ о своей братской школѣ, съ утѣшеніемъ свидѣтельствовалъ, что изъ нея вышло много людей ученыхъ и благочестивыхъ. Вѣруя, что его труды и жертвы для церкви не пропадутъ и въ будущемъ, онъ все свое родовое и пріобрѣтенное имущество завѣщалъ на храмъ Божій и на школу. Знатныхъ русскихъ людей изъ князей и дворянъ онъ Божіимъ милосердіемъ умолялъ имѣть попеченіе о его школѣ, о учащей братіи, заповѣдалъ трудиться для нея, всѣхъ же просилъ молиться о немъ по его кончинѣ († 31-го декабря 1646 года). Не напрасно знаменитый святитель, ввѣряя свое училище покровительству вѣрныхъ православію и русской народности западно-русскихъ князей и дворянъ, выразился, что умолятъ ихъ о томъ Божіимъ

именемъ, Божіимъ милосердіемъ. Со скорбію видѣлъ онъ, что такихъ дворянъ оставалось уже меньшинство, а большинство дворянъ уже отпало отъ праотеческой вѣры и народности, окатоличилось и ополячилось. Но, какъ гласитъ преданіе, онъ уже предвидѣлъ, что на борьбу за эту вѣру и народность поднимется новая великая сила изъ среды южно-русскаго народа въ лицѣ козачества, и эта сила, по волѣ Промысла Божія, приведетъ народъ Южной, потомъ и Западной Руси къ союзу съ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народомъ всей великой Россіи подъ мощную власть ея православныхъ царей.

ГЛАВА IV.

Подъемъ южно-русскаго народа на борьбу за свою вѣру и народность и присоединеніе Малороссіи къ Великой Россіи.

1. Успѣхи римскаго католичества въ средѣ западно-русскаго дворянства.

Въ теченіе 50-лѣтія со времени Брестскаго собора западно-русское дворянство въ значительнѣйшей части своей уже переродилось въ польское шляхетство. Еще до конца этого 50-лѣтія одинъ иностранецъ (французскій инженеръ Боплапъ), служившій въ Польшѣ, бывавшій и въ подвластной ей Руси, говорилъ: „Дворянство русское походитъ на польское и стыдится исповѣдывать иную вѣру, кромѣ римско-католической, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ приверженцевъ, не смотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ свой родъ отъ русскихъ“. Католичились и полячились западно-русскіе вельможи и дворяне, увлекаясь мнимою прелестію польскихъ

вольностей, желаніемъ быть въ милости у королей, блистать при польскомъ дворѣ и на польскихъ сеймахъ, пріобрѣтать видныя и доходныя мѣста службы, избавиться отъ непріязни къ нимъ и насмѣшекъ надъ ними польскихъ пановъ, біскуповъ и ксендзовъ и заискать похвалы отъ нихъ. Полячились цѣлыя фамиліи русскія чрезъ браки съ польскими фамиліями, ибо жены ихъ польки, по внушенію ксендзовъ, всегда старались ополячить если не мужа, то дѣтей. Еще больше на перерожденіе русскаго дворянства дѣйствовало воспитаніе. Многіе изъ западно-русской молодежи учились въ польскихъ римско-католическихъ школахъ и за-границею, на Западѣ; и тамъ, большею частью, они попадали въ руки іезуитовъ, а возвратясь оттуда, относились уже съ пренебреженіемъ къ своей вѣрѣ и народности и становились римско-католиками и поляками. Многіе молодые и взрослые, живя и на родинѣ, подпадали внушеніямъ польскихъ іезуитовъ и др. ксендзовъ, начинали стыдиться своего бѣднаго и угнетеннаго русскаго духовенства, своего единовѣрія съ простымъ русскимъ народомъ и затѣмъ уже легко отпадали отъ своей вѣры и народности, латинились и полячились. Перерождаясь въ латино-польское шляхетство, бывшее западно-русское дворянство не замедлило усвоить и его дурные нравы и обычаи. А какіе были эти нравы и обычаи, о томъ знаемъ отъ многихъ свидѣтелей, въ числѣ ихъ и отъ самихъ польскихъ писателей.

---

2. *Бѣдственное положеніе крестьянъ отъ гнета пановъ и польскихъ жолнеровъ.*

Польскіе паны имѣли тогда неограниченное право надъ своими крестьянами, которыхъ называли подданными, хлопами и всячески угнетали. Одинъ изъ поль-

скихъ же ксендзовъ (іезуитъ Скарга) говорилъ о томъ такъ: „Нѣтъ государства, гдѣ-бъ подданные и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ подъ безпредѣльною властью шляхты. Разгнѣванный земянинъ (владѣлецъ) или королевскій староста не только отниметъ у бѣднаго хлопа все, что̀ у него есть, но и самого убьетъ, когда захочетъ и какъ захочетъ, и за то ни отъ кого слова дурного не потерпитъ“. Между польскимъ панствомъ завелась тогда чрезмѣрная роскошь, мотовство, кутежи, что̀ все требовало огромныхъ издержекъ. „Никто у насъ, говорилъ одинъ изъ болѣе правдивыхъ польскихъ писателей, Старовольскій, не хочетъ жить трудомъ, всякъ норовитъ захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всякъ только о томъ думаетъ, чтобы поразмашистѣе покутить; заработки убогихъ людей, содранные съ ихъ слезами, иногда со шкурою, истребляютъ они, какъ гарпій или саранча: одна особа съѣдаетъ въ одинъ день столько, сколько множество бѣдняковъ заработаютъ въ долгое время, все идетъ въ дырявый мѣшокъ—брюхо. Смѣются надъ поляками, что у нихъ пухъ вѣрно имѣетъ такое свойство, что на немъ могутъ спать спокойно“ (не мучась совѣстью). Онъ же говоритъ: „отъ сенатора до шляхтича всѣ проживаютъ свое состояніе, потомъ входятъ въ неоплатные долги“. Къ тому же паны содержали при дворахъ своихъ толпы шляхтичей, которые существовали на счетъ господъ и вовсе ничего не дѣлали. Точно также и знатная панья окружала себя толпою шляхтепокъ. Такихъ дармоѣдовъ въ иномъ домѣ было по нѣсколько тысячъ. Все это падало на крестьянскій классъ.

„Крестьяне въ Польшѣ, говоритъ современникъ, мучатся, какъ въ чистилищѣ, въ то время, когда господа ихъ блаженствуютъ, какъ въ раю“. Кромѣ обык-

повенной панщины, зависѣвшей отъ произвола пана, „хлопъ“ былъ обремененъ различными работами. Помѣщикъ бралъ у него въ дворовую службу дѣтей, не облегчая повинностей семейства; сверхъ того крестьянинъ былъ обложенъ поборами: три раза въ годъ, передъ пасхою, пятидесятницею и рождествомъ онъ долженъ былъ давать такъ-называемый *осыпъ*, т.-е. нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей; со всего имущества: съ быковъ, лошадей, свиней, овецъ, меда и плодовъ, долженъ былъ отдавать десятую часть, и, кромѣ того, каждый улей въ его пчельникѣ былъ подвергнутъ пошлинѣ подъ именемъ *очкового*, каждый волъ—пошлинѣ подъ названіемъ *роговаго*; за право ловить рыбу платилъ онъ *ставщину*, за право пасти скотъ—*спасное*, за право собирать желуди—*жолудное*, за ловленіе рыбы и звѣрей—*десятину*, за измолъ муки—*сухомельщину*, и т. под. Крестьянамъ не дозволялось не только приготовлять у себя въ домахъ напитки, но даже покупать въ иномъ мѣстѣ, кромѣ панской корчмы, отданной обыкновенно жиду въ аренду, а тамъ продавали хлопамъ такое пиво, медъ или горилку, что и скотъ пить не станетъ; „а если, говоритъ Старовольскій, хлопъ не захочетъ отравляться этою бурдою, то панъ велитъ нести ее къ нему во дворъ, а тамъ хоть въ навозъ выливай, а заплати за нее“. Случится у пана какая-нибудь радость—подданнымъ его печаль: надобно давать поздравительное; если панъ владѣетъ мѣстечкомъ, торговцы должны были въ такомъ случаѣ нести ему матеріи, мясники—мясо, корчмари—напитки; по деревнямъ хлопы должны были давать „стацію“ его гайдукамъ и козакамъ. Ѣдетъ ли панъ на сеймикъ или на богомолье въ Ченстохово, или на свадьбу къ сосѣду—на его подданныхъ налагалась всегда какая-ни-

будь новая тягость. Куда ни проѣдетъ панъ со своимъ своевольнымъ оршакомъ (свитою), тамъ истинное наказаніе для бѣднаго хлопа: панскіе слуги шляхетскаго происхожденія портятъ на поляхъ хлѣбъ, забираютъ у хлопа куръ, барановъ, масло, колбасы, „а пойдетъ хлопъ жаловаться пану, говоритъ Старовольскій, такъ его за то по ушамъ отшлепаютъ, зачѣмъ безпокоитъ его милость, тѣмъ болѣе, что самъ панъ привыкъ поступать какъ его слуги“. Наберетъ у купца товаровъ, сдѣлаетъ ремесленнику заказъ—и тому и другому не платитъ. Таковъ былъ панскій обычай. Не умѣя или лѣнясь управлять лично имѣніями, паны отдавали, какъ родовыя, такъ и коронныя, имъ пожалованныя въ жизненное владѣніе, мѣстности на аренды, обыкновенно жидамъ, а сами или жили и веселились въ своихъ палаццахъ, или уѣзжали за границу и тамъ выказывали передъ иноземцами блескъ польской аристократіи. Жиды вымышляли новые поборы, какіе только могли прійти въ голову корыстолюбивой разсчетливости. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его, не заплатя пану такъ-называемаго *дудка*; если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь, прежде долженъ былъ заплатить поемщизну. Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, нерѣдко и умирало безъ таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанья. Кромѣ того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жида-арендатора. Жидъ, принимая въ аренду имѣніе, получалъ отъ владѣльца право судить крестьянъ, брать съ нихъ денежныя пени и казнить смертію.

Великія угнетенія народу происходили еще отъ польскихъ жолнеровъ (солдатъ). Нашъ жолнеръ—говоритъ Старовольскій—не знаетъ ни вѣры, ни отечества: получитъ отъ Рѣчи Посполитой жалованье и пропьетъ его въ одинъ вечеръ, а потомъ достаетъ себѣ платье, упряжь и продовольствіе отъ убогихъ людей, награбитъ у нихъ всякой всячины и везетъ въ обозъ, а тамъ раскинетъ палатку и продастъ награбленное, потомъ кричитъ на гетмана, жалуется, требуетъ, чтобы войско отпустили на гиберны (зимовыя квартиры), получаетъ жалованье по четвертямъ и не помнитъ того, что получилъ не въ зачетъ за четверть. Жолнеры составляютъ конфедераціи, расписываютъ самовольно квартиры, собираютъ на себя королевскіе доходы и такимъ образомъ тотъ, кто обязанъ защищать отечество, дѣлается его разорителемъ. На войну-ли идутъ жолнеры—обдираютъ бѣдныхъ людей; съ войны возвращаются—то же самое; одна хоругвь пріидетъ въ село, грабитъ его, за нею другая, третья, и нѣтъ такого села, гдѣ-бы не перебывало тридцать, сорокъ хоругвей. Люди плачутъ, кричатъ, разбѣгаются. „Много намъ разсказываютъ о турецкомъ рабствѣ“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, „но это касается военноплѣнныхъ, а не тѣхъ, что жительствуютъ у турокъ подъ властью, обработываютъ землю или занимаются торговлей. Послѣдніе, заплативъ годовую дань, или окончивши положенную на нихъ работу, свободны такъ, какъ не свободенъ у насъ ни одинъ шляхтичъ. У насъ въ томъ свобода, что всякому можно дѣлать то, что захочется: отъ этого и выходитъ, что бѣднѣйшій и слабѣйшій дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго, сильный наноситъ слабому безнаказанно всякія несправедливости, какія ему вздумается. Въ Турціи никакой паша не можетъ того дѣлать послѣднему мужику, иначе по-

платится за то головой; и у москвитянъ думный господинъ и первѣйшій боярипъ, и у татаръ мурза и высокій уланъ не смѣютъ такъ оскорблять простаго хлопа, хотя бы и иновѣрца; никто и не подумаетъ объ этомъ: всякъ знаетъ, что его самого могутъ повѣсить передъ домомъ обиженнаго. Только у насъ въ Польшѣ вольно все дѣлать и въ мѣстечкахъ и въ селеніяхъ. Азіатскіе деспоты во всю жизнь не замучатъ столько людей, сколько ихъ замучатъ каждый годъ въ свободной Рѣчи Посполитой".

---

3. Отдача евреямъ православныхъ храмовъ въ аренду.

Но всего тяжелѣе было русскому православному народу терпѣть преслѣдованіе за свою вѣру, видѣть поруганіе этой святой вѣры со стороны польскихъ пановъ, ксендзовъ и друг. До чего наконецъ дошло это поруганіе, показываетъ слѣдующее обстоятельство: польскіе паны и отступники изъ русскихъ, отдавая жидамъ въ аренду свои имѣнія, отдавали въ ихъ власть и бывшіе въ этихъ имѣніяхъ православные храмы. И вотъ жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину, не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальство и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изпуренные работою и поборами, не въ состояніи были платить, а священники, не получая содержанія и при томъ терпя оскорбленія отъ жидовъ, разбѣгались; тогда приходъ приписывали къ уніатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ уніатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила въ руки жидовъ. Римско-католическіе духовные подстрекали отда-

вать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ уніи или латинству.

То, что сказано здѣсь о польскомъ панствѣ, слѣдуетъ сказать о тѣхъ изъ западно-русскихъ дворянъ, которые отпали отъ своей вѣры и народности, окатоличились и ополячились. А такихъ становилось все больше и больше. И къ несчастію, эти отступники бывали иногда хуже коренныхъ польскихъ латинянъ, ибо непріязнь къ оставленной вѣрѣ и народности у отступниковъ бываетъ жестче, и хотѣлось имъ еще показать и ревность къ новопринятому польскому латинству, чтобъ заслужить похвалу отъ польскихъ пановъ и ксендзовъ.

---

4. Возстаніе козаковъ на защиту вѣры и русской народности.

Понятно, какъ тяжко было жить русскому народу при господствѣ надъ нимъ такого испорченнаго, своевольнаго и непріязненнаго къ нему польскаго панства. Но не замерло въ этомъ народѣ чувство вѣры и народности, чувство своихъ человѣческихъ правъ, а также и чувство своей народной силы. Живѣйшимъ образомъ оно сказалось въ томъ же запорожскомъ и южнорусскомъ или украинскомъ козачествѣ, которое проявило свою мощь при славномъ гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ. Когда въ Польшѣ забыли великія заслуги, какія оказалъ ей Сагайдачный съ своими козаками, когда къ угнетенію православныхъ по всей Западной Руси присоединилось усиленное угнетеніе русскаго народа на Украйнѣ, которую польскіе паны наводнили своими жолнерами, ксендзами и жидами; тогда изъ среды козаковъ выступили одинъ за другимъ сильные вожди-атаманы на защиту и козачества и всего право-

славнаго русскаго народа. Въ ряду такихъ вождей въ 30-хъ годахъ XVII вѣка извѣстенъ особенно Павлюкъ. Въ его время, стоявшій со своимъ войскомъ въ Украйнѣ, польскій гетманъ Конецпольскій грозилъ истребить навсегда самое имя козачества. Тогда Павлюкъ издалъ (11-го октября 1637 г.) такое воззваніе: „Карпъ Павловичъ, полковникъ войска его королевскаго величества, старшой на всей Украинѣ и на Задпѣпріи. Панамъ атаманамъ городовымъ и всему товариществу нашему, жительствующему какъ въ городахъ его королевскаго величества, такъ и въ княжескихъ, шляхетскихъ, и всему вообще посполитому народу рода хрістіанскаго, жительствующему въ Украинѣ, на Задпѣпріи и во всей Сѣверщинѣ: желаемъ отъ Бога добраго здоровья и во всемъ счастливаго благополучія. Дошло до насъ вѣрное извѣстіе, что непріятели нашего христіанскаго народа русскаго и нашей древней греческой вѣры, ляхи, задумавши зло и забывши страхъ Божій, идутъ въ Украйну и за Днѣпръ и хотятъ, какъ войско его королевскаго величества, такъ и подданныхъ королевскихъ, княжескихъ и панскихъ обратить въ ничто, пролить кровь христіанскую, учинить поруганіе надъ женами и дѣтьми нашими и окончательно насъ поработить; поэтому именемъ моимъ и старшинства моего и именемъ всего войска запорожскаго повелѣваемъ вамъ и убѣждаемъ васъ, чтобы вы всѣ единодушно, отъ мала до велика, кто только называетъ себя товарищемъ и хранитъ святую благочестивую истинную вѣру, покинули всѣ свои занятія и немедленно собирались ко мнѣ. Поручаю васъ Богу“. Издавъ такое воззваніе, Павлюкъ отправился въ Запорожскую Сѣчь, откуда потомъ возвратился съ дружинами запорожскихъ козаковъ въ Украйну, гдѣ къ нимъ присоединились и козаки украинскіе.

Другіе вожди козацкіе подняли на борьбу съ ляхами дружины козаковъ украинскихъ. Но и ляхи собрали большія и сильно вооруженныя войска, которыми, подъ главнымъ начальствомъ гетмана Конецпольскаго, предводительствовали другіе паны, въ числѣ ихъ Николай Потоцкій и Іеремія Вишневецкій, недавній отступникъ православія, злой и жестокій врагъ козаковъ. Начавшаяся жестокая борьба велась на этотъ разъ несчастно для козаковъ, потому что поляки, болѣе сильные вооруженіемъ, умѣли ссорить и разъединять козацкихъ вождей и ихъ дружины; притомъ же польскій гетманъ обѣщалъ имъ помилованіе, если они покорятся и выдадутъ своихъ главныхъ вождей. Къ этому же уговаривалъ козаковъ и королевскій коммиссаръ, православный русскій панъ Адамъ Кисель, именемъ короля обѣщая имъ прощеніе и милосердіе отъ него. Кончилось тѣмъ, что козаки сдались, просили прощенія, а болѣе сговорчивые выдали и главныхъ вождей, въ числѣ ихъ Павлюка. Но вслѣдъ затѣмъ польскіе паны забыли всѣ обѣщанія о прощеніи и милосердіи и стали жестоко казнить козацкихъ вождей; а главнѣйшихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и Павлюка, въ оковахъ отправили въ Варшаву. Въ февралѣ 1638 г. здѣсь собрался польскій сеймъ. Польскіе паны заговорили о козакахъ съ страшнымъ ожесточеніемъ и требовали стереть ихъ съ лица земли. Для Павлюка они требовали такой по истинѣ безчеловѣчной казни: надѣть ему на голову раскаленную желѣзную корону и дать въ руки раскаленную желѣзную палку, чтобы, казня его, еще и насмѣхаться, будто онъ хотѣлъ быть царемъ Украйны. За несчастныхъ козаковъ вступился тотъ же православный панъ Адамъ Кисель. „Они, говорилъ онъ, сдались добровольно, я поручился, что Рѣчь Посполитая даруетъ имъ жизнь, иначе они бы

защищались до послѣдней возможности. Если теперь, не смотря на мое поручительство, ихъ казнятъ, то это подорветъ вѣру въ слово не только поручителя, но и довѣрителя, т.-е. Рѣчи Посполитой". Протестъ Киселя не уважили. Но король отмѣнилъ комическую казнь, приготовленную Павлюку: ему и его сообщникамъ, привезеннымъ въ Варшаву вмѣстѣ съ нимъ, отрубили головы, и потомъ воткнули ихъ на колы. Затѣмъ сеймъ издалъ самыя тяжкія постановленія противъ козаковъ, втайнѣ разсчитанныя на то, чтобы уничтожить ихъ, какъ свободное сословіе, и обратить въ польскихъ рабовъ или хлоповъ. Въ согласіи съ такимъ злымъ умысломъ дѣйствовали польскіе паны и жолнеры, бывшіе въ Украйнѣ. Жолнеры дѣлали безчинства выше мѣры и предѣловъ; повсюду видѣлись висѣлицы съ трупами и колья съ воткнутыми на нихъ головами, въ городахъ и селахъ слышались стоны бичуемыхъ до крови и старыхъ и малыхъ за то единственно, что они русскаго рода; церкви того вѣроисповѣданія, во имя котораго русскіе поднимали оружіе, предавались поруганію. Отъ такихъ утѣсненій народъ толпами бѣжалъ въ московское государство, гдѣ царь давалъ украинцамъ привольныя земли для поселенія; другіе бѣжали въ Запорожскую Сѣчь, а оставшіеся въ Украйнѣ должны были клапяться полякамъ, выжидая лучшаго времени и вѣстей изъ Запорожской Сѣчи. И вотъ оттуда поднимаются новые вожди съ новыми дружинами козаковъ, къ которымъ на Украйнѣ присоединяются другіе вожди и дружины козаковъ. Опять идетъ борьба и опять несчастная для козаковъ. И стали они уходить то въ Сѣчь, то въ московское государство, и селиться на привольныхъ и плодоносныхъ поляхъ нынѣшней Курской и Харьковской губерніи. А оставшіеся по прежнему страдали и мучились. Безъ удержу изли-

валась польская шляхетская злоба надъ несчастнымъ русскимъ народомъ Украйны. „Церкви и церковные обряды жидамъ запродали—говоритъ украинская лѣтопись—дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ вытискали“. То же повѣствуетъ другой лѣтописецъ: „что мучительство фараоне противъ ляшскому тиранству? Дѣтей въ котлахъ варяху, женамъ сосцы древіемъ изгнетаху и иная непсповѣдимая творяху бѣды“. Объ этихъ варварствахъ того времени сохранилось извѣстіе и въ великорусскихъ актахъ: „Польскіе и литовскіе люди ихъ (украинцевъ) христіанскую вѣру нарушили, и церкви ихъ и людей сбирая въ хоромы пожигаютъ, и пищальное зеліе насыпавъ имъ въ пазуху зажигаютъ, и сосцы у женъ ихъ рѣзали, и дворы ихъ и всякое строенье разорили и пограбили“. Козаки уже не въ силахъ были шевельнуться: они сами стали почти хлопами. „Ни чести имъ, ни славы не было—говоритъ украинскій лѣтописецъ—бѣда ихъ сталась хуже турецкой неволи; полковники и всѣ старшины шляхтичи обращались съ ними какъ съ рабами, приказывали топить себѣ печи, ходить за лошадьми и собаками, чистить дворы свои. То же дѣлали съ ними старосты и подстаросты“. Проговаривались о такихъ насиліяхъ надъ Украйною и нѣкоторые изъ польскихъ свидѣтелей ихъ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ одинъ польскій ксендзъ: „увлекаемые непомѣрною роскошью, распространившеюся во всей Польшѣ, паны утѣсняютъ бѣдныхъ подданныхъ, продаютъ ихъ въ работы жидамъ, отдавая имъ въ аренды имѣнія, а въ Украйнѣ не дозволяютъ схизматикамъ вступать въ бракъ и крестить младенцевъ, не заплативъ жиду особаго налога; а это особенно дурно потому, что жиды ищутъ дѣтской крови“.

Такъ вынужденъ былъ говорить этотъ ксендзъ по-

тому, что уже видѣлъ надвигающуюся надъ Польшею грозу въ новомъ, болѣе сильномъ и всеобщемъ подъемѣ южно-русскаго народа на борьбу за свою вѣру и народность, за свое освобожденіе отъ польскаго господства и гнета. Возсталъ изъ среды козаковъ и новый вождь, славный Богданъ Хмѣльницкій.

---

5. Богданъ Хмѣльницкій; пораженія поляковъ при Желтыхъ Водахъ и Батуринѣ.

Хмѣльницкій происходилъ изъ доброй русской и славной семьи. Онъ былъ образованъ, уменъ, предпріимчивъ и смѣлъ. Не разъ выдавался онъ своимъ умомъ и доблестію въ козачьихъ возстаніяхъ при Павлюкѣ и потомъ былъ пожалованъ войсковымъ писаремъ, а потомъ сотникомъ Чигиринскаго полка. Умѣлъ онъ обходиться и съ польскими панами, такъ что не подмѣчали въ немъ будущаго грознаго противника ихъ. Извѣстенъ онъ былъ и королю Владиславу IV. Этотъ король, какъ уже было сказано, хотѣлъ быть справедливымъ къ православнымъ, къ козакамъ и вообще къ русскому народу, но его добрыя намѣренія разбивались о злое сопротивленіе своевольныхъ пановъ. Унижаемый ими, король хотѣлъ и самъ опереться на силу козаковъ, тайно далъ на руки одного козацкаго атамана грамату, по которой возстановлялись права ихъ, увеличивалось число такъ-называемаго реестроваго, т.-е. вписного козацкаго войска. Эту грамату добылъ себѣ Хмѣльницкій и до времени таилъ ее. Но вотъ довелось Хмѣльницкому и на себѣ самомъ испытать польскую неправду и насиліе. Былъ у него хуторъ Суботово, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чигирина. А по сосѣдству былъ у него врагъ, шляхтичъ Чаплинскій, служившій при знатномъ панѣ Конецполь-

скомъ (сынѣ гетмана), бывшемъ тогда чигиринскимъ старостою. Сталъ этотъ шляхтичъ наговаривать старостѣ на Хмѣльницкаго, какъ опаснаго козака, и просилъ отнять у Хмѣльницкаго хуторъ и отдать ему, Чаплинскому. „Позвольте мнѣ самому, говорилъ онъ гетману, расправиться съ этимъ козакомъ. Я нападу на него, выгоню изъ дома и овладѣю хуторомъ. Если же онъ придетъ къ вамъ съ жалобой, то вы скажите, что ничего не знаете, что я сдѣлалъ это безъ вашего позволенія; если онъ хочетъ удовлетворенія, то пусть ищетъ судомъ. А онъ судомъ ничего со мной не сдѣлаетъ, потому что я польскій дворянинъ". Гетманъ согласился. И вотъ прошло нѣкоторое время, какъ Хмѣльницкій, жившій тогда въ Суботовѣ, услышалъ, что Чаплинскій собралъ команду и идетъ наѣздомъ на его хуторъ. Покинувъ жену и дѣтей въ Суботовѣ, Хмѣльницкій бѣжалъ въ Чигиринъ просить защиты у старосты. Въ тотъ же день Чаплинскій вступилъ въ Суботово, занялъ мельницу, запялъ пасѣку, гумно, гдѣ было до 400 копъ хлѣба, и ворвался въ домъ. Меньшой сынъ Богдана, десятилѣтній мальчикъ, сказавшій что-то смѣлое Чаплинскому, былъ засѣченъ такъ немилосердно, что на другой день умеръ. А жену Богдана Чаплинскій взялъ себѣ и обвѣнчался съ нею у ксендза. Когда Хмѣльницкій явился съ жалобою къ Конецпольскому, тотъ безсовѣстно отвѣчалъ: „я ничего не знаю и знать не хочу; нападеніе сдѣлано безъ моего вѣдома, а по собственной волѣ Чаплинскаго. Можешь судиться съ нимъ законнымъ порядкомъ". Хмѣльницкій обратился къ суду, но тамъ покончили отвѣтомъ: „можешь отправиться въ Варшаву и подать просьбу на сеймѣ". А это значило, что правдиваго суда не добиться отъ поляковъ. Хмѣльницкій, какъ воинъ, вызвалъ Чаплинскаго на поединокъ. Лукавый шляхтичъ подговорилъ еще трехъ, чтобы вчет-

веромъ напасть на Хмѣльницкаго. Предвидя такое коварство, Хмѣльницкій надѣлъ на себя панцырь, безвредно отразилъ удары враговъ, самъ напалъ на нихъ и разогналъ. „Маю саблю въ руці: ищє козацька не умерла матп!“ воскликнулъ побѣдитель. Посрамленный Чаплинскій передалъ эти слова Конецпольскому, указывая, что въ нихъ виденъ возмутительный замыселъ. Хмѣльницкаго посадили въ тюрьму, а старшаго сына его Тимоѳея высѣкли палками посреди Чигирина. Но изъ тюрьмы освободила Хмѣльницкаго прежняя жена его, бывшая теперь женою Чаплинскаго. Хмѣльницкій отправился въ Варшаву съ жалобою предъ сеймомъ; отправился туда и Чаплинскій. И что же? Сеймъ не отдалъ Суботово Хмѣльницкому; принялъ лживое показаніе Чаплинскаго о публичномъ наказаніи палками сына Хмѣльницкаго, будто это клевета; а на рѣчь объ отнятой женѣ только посмѣялся. Тогда Хмѣльницкій обратился съ жалобою къ самому королю, разсказывая ему при этомъ и вообще о тяжкихъ притѣсненіяхъ козакамъ отъ пановъ. Король отвѣчалъ: „извѣстно мнѣ твое чистое сердце; я помню твою службу, увѣренъ, что твое дѣло право... Но ты ничего не выиграешь судебнымъ порядкомъ. Вижу, что Чаплинскій неправъ и притомъ сдѣлалъ тебѣ насиліе. Силѣ слѣдуетъ противопоставить силу: ты также воинъ. Если Чаплинскій могъ найти себѣ пріятелей и товарищей, и ты можешь найти. Знаю и объ утѣсненіяхъ козаковъ, но помочь вамъ не въ силахъ. Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы воины; у васъ есть сабли: кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? Я же, съ своей стороны, всегда буду вашимъ благодѣтелемъ“.

Такихъ словъ короля было достаточно, чтобы показать Хмѣльницкому, что̀ онъ можетъ и долженъ дѣлать.

На возвратѣ изъ Варшавы, проѣзжая Украину, Хмѣльницкій слышалъ въ народѣ разсказы и самъ разсказывалъ о нестерпимыхъ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ и обнадеживалъ близкимъ наступленіемъ Божіей кары утѣснителямъ. Свои мысли онъ открывалъ и русскимъ духовнымъ. „Пусть будетъ вамъ извѣстно, говорилъ Онъ, что я рѣшился мстить папамъ - ляхамъ войною, не за свою только обиду, но за попраніе вѣры русской и за поруганіе народа русскаго! Я безсиленъ; но вы, братія, мнѣ помогите. Сберитесь и пошлите мнѣ хоть по два, или по три человѣка съ каждаго села“. Живо обѣщали ему это, говоря: „ежечасно молимъ мы Бога, чтобъ онъ послалъ кого-нибудь для избавленія насъ отъ несчастій! Принимай оружіе, станемъ съ тобою: поднимется земля русская, какъ никогда еще не поднималась“. Есть преданіе, что еще прежде и самъ митрополитъ Петръ Могила незадолго до своей кончины, благословилъ Хмѣльницкаго на борьбу за вѣру и права русскаго народа. Въ Украинѣ Хмѣльницкій собралъ нѣсколько десятковъ знатнѣйшихъ козаковъ гдѣ-то въ рощѣ, показалъ имъ королевскую грамату и на вопросъ, чѣмъ кончилось его дѣло, отвѣчалъ: „Нѣтъ справедливости въ Польшѣ: вмѣсто должнаго разсмотрѣнія дѣла, меня на сеймѣ осмѣяли, а король предоставляетъ намъ расправиться съ нашими врагами силою, какъ они съ нами поступаютъ. Просьбой вашей пренебрегли: васъ ожидаютъ горшія поруганія. Ужели долѣе будемъ терпѣть? Ужели оставимъ въ бѣдствіи братьевъ нашихъ, русскихъ, православныхъ? Проѣзжая по Руси, вездѣ я видѣлъ страшныя утѣсненія, тиранства; несчастный народъ вопитъ о помощи; всѣ готовы взять оружіе; всѣ обѣщаютъ стать съ нами заодно“. Въ откликъ на эти слова козаки заговорили: „Чего не претерпѣли мы! вольности наши уничтожены, грунты наши отняты, большая часть свободныхъ ры-

царей обращена въ хлоповъ; они работаютъ панщину, ходятъ за лошадьми, топятъ печи панамъ, смотрятъ за собаками, какъ рабы посылаются съ письмами. Съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить козачество, число реестровыхъ уменьшено до шести тысячъ, да и тѣмъ — жизнь не лучше рабовъ. Полковники, сотники—все начальство у насъ не выбранные нами, а изъ шляхты. Они употребляютъ козаковъ какъ собственныхъ подданныхъ для своихъ домашнихъ работъ. Жалованье, положенное издавна отъ короля и Рѣчи Посполитой, по тридцати золотыхъ на каждаго козака, они берутъ себѣ и даютъ только тѣмъ, кто заодно съ ними. Въ походъ-ли пойдутъ и козакъ завоюетъ татарскаго коня—тотчасъ отнимутъ, языка-ли поймаетъ козакъ—полковникъ пошлетъ его къ коронному гетману съ жолнеромъ, и скажетъ, будто отличился жолнеръ, а козацкую отвагу нарочно скрываютъ. Нерѣдко бѣдный козакъ долженъ идти съ раросомъ или раструбомъ *) чрезъ дикія поля, неся подарокъ какому-нибудь пану, подвергаясь опасности быть пойманнымъ татарами, и на это не смотрятъ: пропалъ козакъ—и былъ таковъ! А сколько разъ убивали козаковъ варварскими казнями за малѣйшую вину, умерщвляли даже дѣтей! А сколько разъ чинили ругательства и насилія надъ женами и дочерьми нашими!... А какъ страдаютъ простые люди подъ вымыслами своихъ старостъ, дозорцъ и особенно жидовъ!... Ослѣпленные подарками арендаторовъ, владѣльцы отдали бѣдный народъ жидамъ, не видя, что ихъ мажутъ по тѣлу собственнымъ саломъ; не такъ бы еще подданнымъ было жалко, еслибъ ихъ обиралъ одинъ панъ, а то какой-нибудь подлецъ—жидъ обогащается, заводитъ по нѣскольку цуговъ лошадей, выдумываетъ разные поборы,

*) Родъ ястребовъ и соколовъ.

поволовщины, дуды, осынь, мѣрочки сухія, плату съ жернововъ, отнимаетъ хутора наши. Но всего ужаснѣе—преслѣдуютъ вѣру нашу, принуждаютъ насъ къ уніи, разоряютъ наши церкви, продаютъ жидамъ утварь церковную, ругаются надъ святынею и священниками, изгоняютъ архипастырей. Нѣтъ возможности терпѣть долѣе! пора взяться за сабли; пора скинуть съ себя ярмо ляшское!“ Такъ восклицали старые козаки, жившіе по границѣ русской земли, поближе къ степямъ, подалѣе отъ пановъ, и оттого смѣлые.

Но были и не такъ смѣлые, говорившіе, что своей силы у козаковъ не достаточно для борьбы съ ляхами, что нужна бы еще помощь отвнѣ, а гдѣ ее искать? „Я думаю, сказалъ Хмѣльницкій, ни у кого намъ нельзя просить помощи, кромѣ москалей и татаръ. Сказалъ бы я, лучше просить москалей: они православные и, ради одной съ нами вѣры, могли бы за насъ вступиться; но они еще не оправились отъ бывшихъ войнъ съ ляхами. Просить помощи у татаръ? Но вѣдь они поганые, а мы будемъ воевать противъ христіанъ; объ этомъ надобно подумать“. Думали, думали и порѣшили, что, скрѣпя сердце, нужно поладить съ крымскими татарами и призвать ихъ на помощь. „Чего тутъ ждать? Поляки считаютъ насъ хуже собакъ, пусть же и отъ насъ узнаютъ такую честь. Отнынѣ признаемъ тебя нашимъ гетманомъ и просимъ тебя, чтобы ты самъ уговорился съ татарами“. Поблагодаривъ за довѣріе, Хмѣльницкій сказалъ: „Соединимся, братія, возстанемъ за церковь и вѣру православную, истребимъ ересь и напасти, возстановимъ золотую свободу и будемъ единодушны. Призывайте козаковъ и всѣхъ земляковъ нашихъ; я буду вашимъ предводителемъ, потому что вы этого желаете. Надѣюсь, что всѣ козаки, гдѣ бы они ни были, при-

станутъ къ намъ. Мы возложимъ упованіе на Всевышняго: онъ поможетъ намъ!“

„Умремъ другъ за друга!“ воскликнули одушевленные козаки—„отомстимъ за обиды наши, защитимъ вѣру и церковь нашу, освободимъ отъ ярма братій нашихъ! Соберемся, начнемъ! поможетъ намъ Всевышній“.

Въ декабрѣ 1647 года Хмѣльницкій былъ уже въ Запорожской Сѣчи. Между тѣмъ польскій гетманъ Потоцкій, по слуху о замыслахъ Хмѣльницкаго, осудилъ его на смерть, послалъ и погоню за нимъ до Сѣчи, откуда Хмѣльницкій удалился на время. Но когда храбрые козаки отразили погоню, онъ возвратился и въ кругу козацкомъ держалъ такую рѣчь: „поругана наша святая вѣра; у честныхъ епископовъ и иноковъ отнятъ хлѣбъ насущный; надъ священниками ругаются; уніаты стоятъ съ ножемъ надъ шеею; іезуиты съ безчестіемъ преслѣдуютъ нашу вѣру отеческую. Надъ просьбами нашими сеймъ поглумляется, отвѣчая намъ поноснымъ презрѣніемъ къ имени схизматиковъ. Нѣтъ ничего, чего бы не рѣшился съ нами сдѣлать дворянинъ. А что дѣлаетъ войско? Мало того, что заѣдаютъ наши безвинныя головы: подъ предлогомъ укрощенія непокорности, ходятъ по селамъ и часто цѣлыя мѣстечки истребляютъ до тла, какъ будто замыслили истребить весь родъ нашъ!... Въ довершеніе всѣхъ мучительствъ, отдали насъ въ рабство проклятому роду жидовскому! Смотрите на меня, писаря войска запорожскаго, стараго козака: я уже ожидалъ отставки и покоя, а меня гонятъ, преслѣдуютъ, только потому, что такъ хочется тиранамъ; сына у меня варварски избили, жену посрамили, достояніе отняли; лишили даже походнаго коня и, напослѣдокъ, осудили на смерть. Нѣтъ для меня иной награды за кровь, проли-

тую для ихъ же пользы; ничего не остается для тѣла, покрытаго ранами, кромѣ невинной смерти подъ рукою палача. Къ вамъ упошу душу и тѣло: укройте меня, стараго товарища; защищайте самихъ себя: и вамъ то же угрожаетъ!"

„Пріимаемо тебе, Хмѣльницкій пане, хлѣбомъ - солью и щиримъ сердцемъ!" кричали козаки.

Быстро стали собираться козацкія дружины Запорожья; пришла и татарская подмога, за которою самъ Хмѣльницкій отправлялся въ Крымъ къ хану. Когда двинулись къ Украйнѣ козацкія дружины, то къ нимъ, какъ къ братьямъ, пристали и козаки украинскіе. Все козацкое ополченіе соединилось подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго, какъ общаго козацкаго гетмана. Двинулось и ляшское войско подъ предводительствомъ нѣсколькихъ знатныхъ пановъ, во главѣ съ короннымъ гетманомъ Потоцкимъ. Гордо выступили паны, презрительно говорили о козакахъ, какъ хлопахъ, думая безъ труда разбить ихъ, и въ этой гордой увѣренности не переставали пиршествовать въ своихъ лагеряхъ. Въ маѣ 1648 года произошли страшныя битвы между козаками и поляками при потокѣ Жовты-Воды, потомъ подъ гор. Корсунемъ (Кіевск. губ.), и въ обѣихъ битвахъ поляки были разбиты на голову, многіе паны пали или взяты въ плѣнъ, а въ битвѣ подъ Корсунемъ взяты въ плѣнъ и главные вожди польскіе, въ числѣ ихъ и самъ гетманъ Николай Потоцкій. Пріуныли паны, а козаки торжествовали. Хмѣльницкій отправилъ благодарственный молебенъ за побѣду, роздалъ награды козакамъ изъ богатой военной добычи отъ побѣжденныхъ, послалъ дары въ Запорожскую Сѣчь и богатый вкладъ въ Сѣчевую церковь. Плѣнныхъ гетмановъ отправили въ Крымъ къ татарскому хану, котораго впрочемъ просилъ Хмѣльницкій принять ихъ мило-

ствo и отъ котораго потомъ пришлось имъ выкупиться большою цѣною.

Но, побѣдивъ утѣснителей, Хмѣльницкій хотѣлъ однако показать, что онъ поднялъ оружіе только противъ нихъ, а отнюдь не противъ короля и польскаго народа, и что онъ готовъ пойти на миръ. Съ такою мыслію отправлено было посольство къ королю съ письмомъ, въ которомъ говорилось такъ: „Смиренно повергаемъ къ стопамъ вашего величества нашу вѣрность, подданство и козацкую нашу службу; хоть мы ужъ и наскучили своими безпрестанными жалобами вашей королевской милости о нестерпимыхъ обидахъ, какія намъ дѣлаютъ господа старосты и помѣщики украинскіе; но негдѣ намъ искать обороны: только на Господа Бога, да на милосердіе вашего величества полагаемъ надежду. Вотъ ужъ сколько лѣтъ они дѣлаютъ намъ, по своему произволу, нестерпимыя обиды и поруганія. И въ турецкой неволѣ христіанство не терпитъ такихъ обидъ, какія причиняются намъ. Мы знаемъ, что такія обиды дѣлаются въ противность вашей королевской милости; но обидчики кричатъ намъ: „мы вамъ дадимъ короля! А что,—помогаетъ онъ вамъ?...“ Итакъ мы не могли уже болѣе терпѣть... Самъ Богъ свидѣтель, что мы, будучи вѣрными поддаными, не сдѣлали никакого своеволія. Но когда паны пошли на насъ съ большими войсками, поневолѣ должны мы были просить помощи у хана крымскаго, а тотъ намъ помогъ. По Божьей волѣ, случилось такъ, что при сухихъ дровахъ досталось и сырымъ. А кто этому причиною?—Господь Богъ разсудитъ, а мы какъ прежде были вѣрными подданными вашей королевской милости, такъ и теперь готовы жертвовать жизнію за честь вашего величества“. Козацкому посольству поручено было также представить польскому правительству подробное изложеніе какъ

обидъ, терпимыхъ козаками, такъ и просьбъ въ ограждение правъ ихъ и русскаго народа. Въ числѣ просьбъ была такая: „Просимъ усерднѣйшіе за духовенство древней греческой религіи, просимъ, чтобъ она ни въ чемъ не была нарушаема, чтобы всѣ тѣ святыя церкви, которыя были насильно обращены къ уніи—въ Люблинѣ, Красноставѣ, Санокѣ, Владимірѣ, во всей Литвѣ и вездѣ оставались въ своей древней свободѣ". Козацкое посольство въ Варшаву отправлено было въ іюнѣ 1648 года, когда короля Владислава IV уже не было въ живыхъ; скончался онъ еще въ маѣ. Хмѣльницкій зналъ это, но посольствомъ онъ хотѣлъ показать, что вооружился не противъ власти короля, а только противъ пановъ угнетателей; онъ хотѣлъ, чтобы просьбы козацкія были вѣдомы польскому сейму и правительству, пока будетъ въ Польшѣ новый король.

---

6. Народная месть. Гайдамаки.

Но пока думали и раздумывали правившіе въ Варшавѣ паны, поднятое козаками движеніе быстрою волной охватило всю Южную и Юго-западную Русь до самой Литвы. Правду сказать, что къ общему возстанію призывали народъ и сами православные священники. „Приспѣлъ часъ, желанный часъ! вопіяли они. Время возвратить свободу и честь нашей вѣры! Вѣка проходили и православная вѣра терпѣла постыдное униженіе. Намъ не давали даже убѣжища для молитвы. Всѣ наши приходы, церкви, обители, епархіи—въ рукахъ латинъ и унитовъ... Латинамъ даютъ доходныя мѣста, а бѣдные православные восточнаго благочестія страдаютъ въ нищетѣ. Жиды для пановъ лучше насъ; жиды управ-

ляютъ ихъ имѣніями и попираютъ бѣдныхъ христіанъ. Пора, пора! Ополчитесь за свою жизнь! Богъ благословитъ васъ и поможетъ вамъ". И народъ ополчался, но теперь уже трудно было удержать его отъ крайностей. Накипѣвшее отъ долгихъ страданій ожесточеніе прорывалось съ неудержимою силою. Во главѣ ополченцевъ явились гайдамаки, начавшіе необузданную и жестокую расправу съ панами, іудеями и ксендзами латинскими и уніатскими. Особенно тяжко досталось іудеямъ; множество ихъ безъ милосердія перебито въ Украйнѣ, на Волыни и Подоліи. Нельзя не сказать, что поводъ къ такому преступленію дали и сами они своими грабежами народа, оскорбленіями, доведшими его до крайняго ожесточенія; виноваты тутъ были и паны, отдававшіе своихъ крестьянъ въ полную власть арендаторамъ-евреямъ съ правомъ брать всякіе поборы, наказывать ихъ даже смертію. Къ тому же случилось и такъ, что паны, осаждаемые козаками (какъ было напр. въ городѣ Тульчинѣ на Подоліи), самихъ себя спасали отъ бѣды выкупомъ, а іудеевъ, недавнихъ друзей, выдавали на мщеніе и казни козакамъ.

Хмѣльницкій и болѣе благоразумные изъ козацкихъ старшинъ старались унять болѣе свирѣпыхъ гайдамаковъ. Но это было тѣмъ труднѣе, что и сами польскіе паны, когда и гдѣ удавалось имъ осиливать козаковъ, не знали пощады и милосердія въ своихъ казняхъ надъ ними, какъ то дѣлалъ особенно Іеремія Вишневецкій.

---

7. Звѣрства ренегата Іереміи Вишневецкаго.

Недавній отступникъ отъ православія, съ ненавистію ренегата къ старой вѣрѣ, вѣрѣ хлопской, Іеремія со-

единялъ ненависть польскаго пана къ хлопамъ, усугубленную теперь возстаніемъ и кровавыми подвигами гайдамаковъ. Онъ цѣлыми тысячами истреблялъ русскій народъ, выдумывалъ самыя жестокія казни, самъ присутствовалъ при нихъ и кричалъ палачамъ: „мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ“. Одинъ изъ козацкихъ предводителей (Кривоносъ) горько жаловался украинскому воеводѣ Владиславу-Домшику, князю Острожскому, на звѣрства Вишневецкаго: „онъ мучитъ людей, отсѣкаетъ головы, на колъ сажаетъ; въ каждомъ городѣ среди рынка—висѣлица; попамъ нашимъ буравомъ просверливаетъ глаза“. Жестокія мѣры Вишневецкаго только усиливали раздраженіе. На мѣсто одной истребленной гайдамацкой шайки являлась новая; послѣ истребленія одного города или деревни, другой городъ, другая деревня напрашивались на истребленія, или истребляли поляковъ. Рвались всѣ связи, соединявшія Русь съ Польшею. Все польское въ Западной Россіи, что насаждалось вѣками и, повидимому, достигло устойчивости, превращалось въ груды труповъ и развалинъ.

---

8. Переселенія южно-руссовъ въ предѣлы московскаго государства.

Настояла необходимость разрѣшить задачу русско-польскаго вопроса, и угнетенный народъ рѣшилъ ее по своему. Онъ сталъ укладывать свои пожитки на возы, запиралъ избы или предавалъ ихъ пламени, чтобъ не доставались остатки ихъ *худобы* врагамъ, и двинулся къ востоку за Днѣпръ, въ предѣлы Московскаго государства, испрашивая здѣсь—въ нынѣшней Курской, Полтавской, восточной части Екатеринослав-

ской и въ Харьковской губерніяхъ мѣста для поселеній. Движеніе это поднялось не только въ ближайшихъ, при-днѣпровскихъ странахъ, но по всей Малороссіи, даже въ западной ея части, на Волыни, еще сильнѣе, потому что здѣсь особенно тяжела была жизнь отъ множества польскихъ пановъ и отъ близости настоящей Польши. Напрасно жолнеры заступали имъ дороги и казнили, на страхъ прочимъ, тѣхъ, кто попадался имъ въ руки. Возвращенные снова уходили, сходились съ новыми обозами и нерѣдко жестокимъ боемъ прокладывали себѣ дорогу изъ стараго отечества, покупая кровію новое. Менѣе, чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, основались многія слободы, изъ которыхъ потомъ образовались города и богатыя мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и проч. Иные подвигались къ югу, въ глубь степи, по рѣкамъ Донцу, Харькову, Коломаку. Въ числѣ слободъ былъ нынѣшній Харьковъ. Основанный среди болотъ и лѣсовъ въ безопасномъ мѣстѣ, онъ сдѣлался полковымъ городомъ, съ украинскимъ устройствомъ. Поселенія назывались вообще слободами, отчего эта земля, заселенная новоприбывшими южноруссами, получила названіе Слободской Украйны, Украйны свободной, въ противоположность старой Украйнѣ, гдѣ жители терпѣли отъ поляковъ. Этому-то направленію, этому голосу народа, объявившаго, что спасеніе для него—въ Восточной Россіи, былъ вынужденъ послѣдовать и Хмѣльницкій, страшившійся остаться съ малымъ числомъ народа на жертву польскимъ панамъ.

9. *Сношенія Хмельницкаго съ Москвою.*

Въ мартѣ 1652 года Хмѣльницкій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою о заступничествѣ. „Пожалѣй насъ, государь православный“, писалъ гетманъ, „умилосердись надъ православными Божьими церквами и нашею невинною кровію. Ничего не исполняютъ поляки, что̀ съ нами постановили: святыя Божьи церкви, какія обѣщали отдать намъ изъ уніи, не отдали, да еще обращаютъ въ унитскія и тѣ, которыя оставались у насъ. Они хотятъ искоренить православную вѣру въ народѣ нашемъ, и для того собрали на насъ коронныя войска свои; они ругаются надъ святынею, мучатъ христіанъ православныхъ духовнаго и мірскаго чина и дѣлаютъ такія жестокости, что вашему царскому величеству и слушать будетъ тяжело. Со слезами просимъ твое царское величество, не дай, великій государь, клятвопреступникамъ и мучителямъ разорить насъ до конца; прими насъ подъ свою крѣпкую руку“. Въ Москвѣ не спѣшили однако удовлетвореніемъ „слезнаго“ моленія Хмѣльницкаго, такъ какъ принятіе козаковъ въ русское подданство непзбѣжно повело-бы къ войнѣ, а московское правительство не располагало въ данное время достаточными для этого средствами. Поэтому послу гетмана дали понять, что „великій государь не желаетъ нарушать спокойствія и совѣтуетъ гетману и всему войску запорожскому стоять на томъ, на чемъ помирились съ поляками“. Но Хмѣльницкій, если бы и хотѣлъ, не могъ стоять на томъ, на чемъ помирился съ поляками. Послѣ несчастнаго сраженія подъ Берестечкомъ, Хмѣльницкій былъ вынужденъ подписать Бѣлоцерковскій договоръ, въ которомъ объ уничтоженіи уніи и представительствѣ православной іерархіи на польскихъ сеймахъ не бы-

ло и помина, и которымъ число реестровыхъ козаковъ ограничивалось 20 тысячами, вмѣсто сорока тысячъ, устаповленныхъ Зборовскимъ миромъ. Народъ заволновался, когда узналъ объ этомъ договорѣ. Спова началась рѣзня по всей Украйнѣ и бѣгство парода за Днѣпръ, въ предѣлы Россіи. Къ довершепію бѣдствія, Польша купила помощь крымскихъ татаръ, предоставивъ имъ въ продолженіе сорока дней грабить, разорять и уводить въ плѣнъ русскихъ жителей, кромѣ поляковъ. И тогда крымскія и погайскія орды разсѣялись по брацлавскому и подольскому воеводствамъ, и весь край до самаго Люблина загорѣлся и задымился огнемъ и кровію. „О, какое горе!“ восклицаетъ лѣтописецъ, „какой плачъ, какое стенаніе! Языкъ не можетъ выразить всего ужаса этихъ дней: растлѣніе дѣвицъ, посрамленіе супругъ, лишеніе имуществъ, стыдъ неволи и цѣпей“. Такое же разореніе постигло и козацкую Украйну. „Зажурылась“ Украйна и увидѣла, что негдѣ ей дѣться; орда топтала конемъ маленькихъ дѣтей, рубила старыхъ, уводила въ плѣнъ молодыхъ.

---

10. Земская Дума въ Москвѣ; переяславская рада и присоединеніе Малороссіи къ Россіи.

„Въ соумышленіи съ поляками бусурманы хотѣли погубить до конца русскій народъ, но Богъ, запинаяй лукавыхъ въ коварствѣ, обрати и поставп якоже бѣ Ему звѣстно въ непзслѣдимомъ совѣтѣ“. Стонъ обагренной кровію Украйны достигъ Москвы. 1 октября 1653 года, въ Грановитой Палатѣ, была созвана Земская Дума изъ знатнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ. Присутствовалъ и царь Алексѣй Михайловичъ.

Думный дьякъ „вычиталъ“ жалобы Хмѣльницкаго на притѣсненія поляками вѣры православной и просьбу его принять Украйну подъ высокую руку государя московскаго. Бояре подали мнѣніе: гетмана, со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями слѣдуетъ принять подъ высокую руку государя, чтобъ не допустить ихъ въ подданство турецкаго султана или крымскаго хана. То же сказали лица прочихъ сословій, а патріархъ Никонъ и духовенство благословили государя и всю державу, и сказали, что они будутъ просить Бога, Пресвятую Дѣву и всѣхъ святыхъ о пособіи и одолѣніи.

Послѣ такого приговора Земской Думы царь послалъ трехъ пословъ: боярина Бутурлина, окольничаго Алферьева и думнаго дьяка Лопухина въ Переяславль для принятія Украйны подъ покровительство московскаго государя. 8 января 1654 г. гетманъ собралъ въ г. Переяславлѣ общую раду и обратился къ ней съ слѣдующей рѣчью: „Панове полковники, есаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! Всѣмъ вамъ извѣстно, какъ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имени русскаго не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ стало это несносно и, видно, нельзя намъ жить болѣе безъ царя. Поэтому мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобы вы съ нами избрали себѣ государя изъ четырехъ, кого захотите: первый—царь турецкій, который много разъ призывалъ насъ подъ свою власть чрезъ своихъ пословъ; второй—ханъ крымскій; третій—король польскій, который и теперь можетъ принять насъ въ свою милость, если сами захотимъ; четвертый — царь православный Великой Руси, царь восточный, котораго уже

шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паномъ. Котораго хотите, того и выбирайте. Царь турецкій — бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья, православные греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ; хотя мы, по нуждѣ, и свели съ нимъ дружбу, однако приняли чрезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненія и нещадное пролитіе крови христіанской. Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ непадобно и сказывать: сами знаете, что они почитали лучше жида и собаку, чѣмъ нашего брата христіанина. А православный христіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ Великой Руси едино тѣло Церкви, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ-то великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной Церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣвъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ теперь къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ къ намъ своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою милостію. Возлюбимъ его съ усердіемъ! Кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благоотишнѣйшаго пристанища. Кто насъ не хочетъ послушать, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ: вольная дорога!“

Тысячи голосовъ отвѣчали: „Волимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганому!“

Переяславскій полковникъ началъ обходить майданъ кругомъ, и спрашивалъ: „Чи всі такъ сонзволяете?“— „Всі“! кричалъ народъ. Возвысилъ голосъ и гетманъ: „Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкой рукою“!—„Боже, утверди“! отвѣчалъ народъ. „Боже, укрѣпи, чтобъ мы навѣки вси были едино“. Въ

тотъ же день козаки и переяславскіе жители дали присягу на вѣрность царю московскому. Для приведенія къ присягѣ жителей остальныхъ городовъ и полковъ Украйны были посланы стольники и стряпчіе, а сами послы для той же цѣли посѣтили главнѣйшіе города: Кіевъ, Черниговъ и Нѣжинъ. Въ Кіевѣ имъ былъ оказанъ торжественный пріемъ. Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, окруженный сонмомъ духовныхъ лицъ, встрѣтилъ пословъ рѣчью. „Вы приходите“, говорилъ онъ, „отъ благочестиваго царя съ желаніемъ посѣтить наслѣдіе древнихъ великихъ князей русскихъ, къ сѣдалищу перваго благочестиваго русскаго великаго князя, и мы исходимъ вамъ въ срѣтеніе; въ лицѣ моемъ привѣтствуетъ васъ опый благочестивый Владиміръ, привѣтствуетъ васъ святый апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстившій на этомъ мѣстѣ сіяніе великой Божіей славы, привѣтствуютъ васъ начальники общежительства, преподобные Антоній и Ѳеодосій и всѣ преподобные, изнурившіе для Христа жизнь свою въ пещерахъ. Войдите въ домъ Бога нашего, на сѣдалище первѣйшаго благочестія русскаго, и пусть вашимъ присутствіемъ обновится, какъ орлія юность, наслѣдіе благочестивыхъ русскихъ князей“. Изъ Кіева бояре отправились въ Нѣжинъ, гдѣ полковникъ Золоторенко, зять Хмѣльницкаго, принялъ ихъ со всѣми почестями, и городъ присягнулъ безъ сопротивленія. Затѣмъ, 28-го января, послѣдовала присяга жителей Чернигова, и послы, окончивъ свое дѣло, уѣхали въ Москву. Вскорѣ послѣдовала жалованная грамата царя Алексѣя Михайловича гетману Хмѣльницкому и всему войску запорожскому. Въ ней царь говорилъ: „Мы, великій государь, наше царское величество, подданнаго нашего Богдана Хмѣльницкаго, гетмана войска запорожскаго, и все нашего царскаго величества войско

запорожское пожаловали, велѣли имъ быть подъ нашею царскаго величества высокою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привилегіямъ, каковыя имъ даны отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ правъ и вольностей нарушивати ничѣмъ не велѣли, и судитись имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ.

---

11. *Подчиненіе кіевской митрополіи власти московскаго патріарха.*

За политическимъ воссоединеніемъ Малой Россіи съ Великою не замедлило послѣдовать и іерархическое объединеніе кіевской митрополіи подъ властію московскаго патріарха. 8 іюля 1685 года на кіевскую каѳедру былъ избранъ луцкій епископъ Гедеонъ князь Четвертинскій. Въ октябрѣ слѣдующаго года Гедеонъ прибылъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ съ большою честію, и 8-го ноября московскимъ патріархомъ Іоакимомъ поставленъ на престолъ кіевской митрополіи. Благословенною грамотою патріарха Гедеону велѣно именоваться, по прежнему, *Малыя Россіи митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ*, и по достоинству кіевской митрополіи, которая признана между великороссійскими митрополіями *первоначальною*, занимать мѣсто выше всѣхъ архіереевъ россійскихъ, носить двѣ панагіи и „ради той сторонѣ обычности“ митру съ крестомъ, а въ путныхъ шествіяхъ въ своей епархіи носить предъ нимъ греческій крестъ; ради же единочинства съ россійскими митрополитами данъ ему бѣлый клобукъ, „яко въ той странѣ таковое у митрополитовъ пошеніе упразднися“. Въ 1687 году на подчиненіе кіевской митрополіи власти московскаго патріарха изъявилъ согласіе и константинопольскій

патріархъ Діонисій. Такимъ образомъ окончилось раздѣленіе русской церкви, продолжавшееся со времени Витовта около двухъ съ половиною столѣтій. Впрочемъ, актомъ возсоединенія кіевской митрополіи единство русской церкви возстановилось не вполнѣ: отъ нея остались отторгнутыми литовскія области и Галиція, очутившіяся теперь въ самомъ жалкомъ положеніи. Потерявъ свою прежнюю поддержку въ Малороссіи, онѣ остались послѣ этого одинокими и совершенно безпомощными противъ враговъ православія и подвергались всѣмъ ужасамъ католическаго и уніатскаго фанатизма.

ПОПРАВКА.

На стран. 53-й, строка 9-я, вмѣсто *до Владиміра* нужно читать *до Казиміра*.

ОГЛАВЛЕНІЕ и СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I. Западная Русь при русскихъ галицко-волынскихъ князьяхъ и при первыхъ литовско-русскихъ князьяхъ. Православіе и русская народность въ Литвѣ. . . 1—31

1. Начальное единство русской земли или Россіи.—2. Начальная подготовка раздѣленія ея на Западную и Восточную.—3. Объединеніе Сѣверо-Восточной Россіи или Великороссіи подъ властію московскихъ великихъ князей.—4. Объединеніе Юго-Западной Россіи или Малороссіи подъ властію галицко-волынскихъ князей.—5. Литва и начальныя связи ея съ сосѣднею Русью.—6. Начало литовскаго государства: князь Миндовгъ, первый основатель его.—7. Борьба его и Литвы съ рыцарями ливонскаго и тевтонскаго орденовъ.—8. Дѣла его съ галицко-волынскими князьями. Сынъ его Воишелгъ—православный христіанинъ.—9. Литовскій удѣльный князь Довмонтъ, въ православіи Тимоѳей, и его княженіе въ Псковѣ.—10. Витенъ и Гедиминъ, новые основатели литовско-русскаго государства.—11. Уваженіе Гедимина къ христіанской вѣрѣ русскихъ; сыновья и дочери его въ православіи.—12. Ольгердъ Гедиминовичъ, великій князь литовско-русскій: объединеніе подъ его властью областей Западной и Южной Россіи.—13. Православіе и русская народность

въ литовскомъ великокняжескомъ родѣ.—14. Русская народность и православная вѣра въ столицѣ литовско-русскаго государства — Вильнѣ.—15. Православные христіанскіе мученики въ Вильнѣ: святые Іоаннъ, Антоній, Евстафій.—16. Распространеніе православнаго христіанства среди литовскихъ поселеній.—17. Русская митрополія, какъ охранительница союза Юго-Западной и Восточной Россіи.

Глава II. Борьба Западной Россіи за свою вѣру и народность при первыхъ литовско-русскихъ князьяхъ, отпавшихъ отъ православія въ латинство . . . 32—58

1. Зачатки этой борьбы въ галицкой Руси еще при галицко-волынскихъ князьяхъ и въ ближайшее послѣ нихъ время.—2. Соединеніе Литвы, а чрезъ нее и Западной Россіи съ Польшею при Ягайлѣ и отпаденіе его въ латинство.—3. Латинство или римское католичество въ Литвѣ и Жмуди.—4. Мѣры Ягайлы (1387—1434 г.) къ подчиненію православныхъ римской церкви и твердость ихъ въ своей вѣрѣ.—5. Витовтъ, защитникъ независимости литовско-русскаго государства отъ Польши, но сторонникъ римской церкви.—6. Охраненіе православія западно-русскими епископами при Витовтѣ.—7. Преграды Витовту со стороны поляковъ къ пріобрѣтенію короны, какъ знака независимости его литовско-русскаго государства отъ Польши.—8. Борьба Литвы и Западной Руси за свою государственную независимость послѣ Витовта до Казиміра.—9. Флорентійская унія.—10. Раздѣленіе единой русской митрополіи на двѣ: московскую и кіевскую.

Глава III. Начальное время отдѣльной кіевской митрополіи въ Западной Россіи или время правленія польско-литовскихъ государей Казиміра Ягайловича и Александра Казиміровича (до начала XVI вѣка) . . 59—77

1. Потребность усиленныхъ попеченій со стороны православныхъ Западной Руси о своей церкви.—2. Охраненіе союза ея съ православнымъ Востокомъ и въ частности съ константинопольскимъ патріархомъ.—3. Заботливость объ огражденіи правъ вѣры и церкви и ея іерархіи.—4. Ктиторство или патронатство и благотворенія церкви.—5. Охраненіе русскаго языка, какъ государственнаго и народнаго, и русскихъ земель, какъ отдѣльныхъ отъ Польши.—6. Обиды и притѣсненія православнымъ князьямъ и другимъ со стороны литовскихъ латинянъ при Казимірѣ.—7. Обращеніе обидимыхъ и притѣсняемыхъ подъ защиту московскаго государя.—8. Александръ Казиміровичъ, его бракъ съ Еленою Іоанновною и обязательство не стѣснять свободы вѣры жены и другихъ православныхъ; нарушеніе обязательства.—9. Заступничество Іоанна III за дочь, война съ зятемъ, переходъ подъ власть Іоанна Сѣверской земли; улучшеніе положенія Елены и православныхъ Западной Руси.—10. Митрополитъ Макарій, священномученикъ.

Глава IV. Борьба Западной Россіи за свою вѣру и народность при послѣднихъ Ягеллонахъ—Сигизмундѣ I-мъ и Сигизмундѣ II-мъ Августѣ . . . . 78—118

1. Сигизмундъ I-й или старый.—2. Война Сигизмунда съ Москвою; присоединеніе Смоленска къ державѣ московскаго государя.—3. Митрополитъ Іосифъ Солтанъ и виленскій соборъ 1509 г.—4. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и его покровительство православной церкви.—

5. Александръ Ивановичъ Ходкевичъ, ктиторъ Супрасльскаго монастыря.—6. Начальныя братства въ Вильнѣ.—7. Начальное братство въ Львовѣ.—8. Возстановленіе православной епископіи въ Львовѣ.—9. Русская народность въ Литвѣ и Западной Россіи и борьба ихъ за свою государственную независимость отъ Польши при послѣднихъ Ягеллонахъ.—10. Люблинскій съѣздъ 1569 года и состоявшаяся на немъ политическая (гражданская) унія Литвы и Западной Россіи съ Польшею.

Глава V. Новыя опасности вѣрѣ и народности православныхъ западно-руссовъ, возникшія при послѣднихъ Ягеллонахъ и первыхъ короляхъ польскаго избирательнаго правленія . . . . . 119—140

1. Реформація и сектантство въ Польшѣ, Литвѣ и сосѣднихъ съ ними областяхъ Западной Россіи.—2. Іезуиты въ Польшѣ, Литвѣ и Западной Россіи. Борьба ихъ съ сектантами; замыслы противъ церкви православной.—3. Опасности для православія отъ умноженія безпорядковъ въ церковномъ управленіи.

Глава VI. Новыя мѣропріятія со стороны православныхъ Западной Россіи къ охраненію и защитѣ своей вѣры и церкви . . . . . 141—181

1. Труды для предостереженія отъ соблазновъ сектантскихъ и іезуитскихъ и для обличенія неправославныхъ ученій. Труды старца Артемія. Труды князя Курбскаго. Трудъ острожскаго священника Василія.—2. Средства къ оживленію и подъему общаго просвѣщенія и въ особенности просвѣщенія духовнаго или образованія религіоз-

наго. Списываніе книгъ. Пересопницкое четвероевангеліе. Книгопечатаніе. Труды Скорины по книгопечатанію. Книгопечатники Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславцевъ. Типографія графа Ходкевича въ Заблудовѣ; Учительное евангеліе. Типографія въ городѣ Львовѣ. Типографія въ городѣ Острогѣ, основанная княземъ Константиномъ. Ѳедоровъ и другіе сотрудники его. Острожская Библія.—3. Новыя училища. Острожское училище и другія.—4. Заботы православныхъ объ огражденіи благоустройства церквей.—5. Посѣщеніе Западной Россіи восточными патріархами Патріархъ Іеремія. Новыя церковныя братства въ Вильнѣ, Львовѣ и другія. Дѣйствія патріарха Іереміи для благоустройства западно-русской церкви.—6. Брестскій соборъ 1590 года.

Глава VII. Унія и отверженіе ея православными всей Западной Россіи . . . . . 182—212

1. Усиленіе преслѣдованій православныхъ, особенно епископовъ, послѣ Брестскаго собора 1590 года.—2. Усиленіе обольщеній.—3. Тайныя и явныя соглашенія нѣкоторыхъ епископовъ на унію, при понужденіяхъ со стороны короля Сигизмунда III-го.—4. Поѣздка двухъ епископовъ въ Римъ по дѣлу уніи и объявленіе ея въ Римѣ.—5. Усилія православныхъ Западной Руси не допустить введенія уніи.—6. Брестскій соборъ 1596 года. Отверженіе православнымъ соборомъ уніи, принятой небольшимъ латино-уніатскимъ соборомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Борьба Западной Россіи за свою вѣру и народность послѣ Брестскаго собора до возстановленія въ ней православной іерархіи . . . . . 215—291

1. Бѣдственное положеніе православныхъ послѣ Брестскаго собора.—2. Нравственная поддержка со стороны православнаго Востока; посланія и письма патріарха александрійскаго Мелетія.—3. Участіе аѳонскихъ старцевъ въ скорбяхъ и бѣдствіи православныхъ Западной Россіи. — 4. Ревность православныхъ епископовъ Западной Россіи въ борьбѣ съ уніей.—5. Твердость православныхъ монастырей; насильственный захватъ уніатами нѣкоторыхъ православныхъ обителей.—6. Просвѣтительная дѣятельность православныхъ монастырей; возникновеніе новыхъ обителей.—7. Бѣдствія православнаго духовенства; подвиги мученичества.—8. Православные князья и дворяне—защитники вѣры и русской народности.—9. Основаніе православными дворянами новыхъ обителей.—10. Православныя братства въ борьбѣ съ уніей.—11. Дѣятельность львовскаго братства.—12. Бѣдствія виленскаго Свято-Духовскаго братства; Стефанъ Зизаній и Леонтій Карповичъ.—13. Могилевское братство; декретъ Сигизмунда III-го, запрещавшій православнымъ Могилева имѣть свои церкви.—14. Братства въ Минскѣ, Люблинѣ и Луцкѣ.—15. Учрежденіе кіевскаго Братскаго монастыря; просвѣтительная дѣятельность Богоявленскаго братства.—16. Южно-русское козачество; внутренняя его организація; гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный — защитникъ православія.—17. Видимые успѣхи уніи. Жалоба ревнителя православія, волынскаго дворянина Лаврентія Древинскаго, вар-

шавскому сейму на насилія со стороны уніатовъ.—18. Нравственный обликъ уніи; унія—мостъ для перехода въ католицизмъ; приниженное положеніе уніатскаго духовенства.—19. Внесеніе въ уніатскія церкви латинскихъ обрядовъ.—20. Вліяніе борьбы за вѣру и народность на укрѣпленіе въ средѣ православныхъ сознанія единства по вѣрѣ и крови съ братьями Сѣверо-Восточной Россіи.—21. Замыслы польско-іезуитской политики въ отношеніи Сѣверо-Восточной Россіи.

Глава II. Западная Русь въ борьбѣ за свою вѣру и народность въ періодъ отъ возстановленія въ ней православной іерархіи до смерти короля Сигизмунда III-го. 292—335

1. Прибытіе въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана; радость православныхъ; призывъ патріархомъ братствъ на защиту вѣры.—2. Тайная хиротонія патріархомъ епископовъ на православныя каѳедры: кіевскую, перемышльскую, полоцкую, владиміро-волынскую, холмскую и луцкую.—3. Отъѣздъ патріарха на Востокъ; совѣтъ его козакамъ поддерживать православіе въ краѣ; увѣщательная грамата православнымъ повиноваться поставленнымъ отъ него епископамъ и изгнать изъ церкви нѣкоторые вредные обычаи.—4. Первые шаги вновь поставленныхъ православныхъ архипастырей; совѣтованіе о благочестіи на кіевскомъ соборѣ.—5. Окружное посланіе кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, съ оповѣщеніемъ о замѣщеніи православныхъ архіерейскихъ каѳедръ въ предѣлахъ Западной Россіи.—6. Война Польши съ Турціей; варшавскій сеймъ; рѣчь Древинскаго въ защиту православія; обѣщанія короля; помощь Польшѣ со стороны козаковъ.—7. Лукавство короля; новыя преслѣдованія православныхъ.—8. Вступленіе козаковъ въ составъ братчиковъ кіевскаго Богоявлен-

скаго братства; кончина гетмана Сагайдачнаго.—9. Неистовства фанатика Іосафата Кунцевича; увѣщательное письмо къ нему канцлера Льва Сапѣги.—10. Жалобы православныхъ варшавскому сейму; вмѣшательство папы, воспрепятствовавшее разсмотрѣнію жалобъ.—11. Убійство Кунцевича; жестокая расправа съ гражданами гор. Витебска.—12. Попытки уніатскихъ епископовъ къ сближенію съ православными; отпаденіе въ унію православнаго епископа Мелетія Смотрицкаго; судъ надъ нимъ въ Кіевѣ.—13. Характеръ управленія Іова Борецкаго митрополіей; кончина его.—14. Избраніе на кіевскую митрополію Исаіи Копинскаго; увѣщательное посланіе его отступнику отъ православія князю Іереміи Вишневецкому.—15. Совращеніе нѣкоторыхъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ въ католицизмъ.—16. Твердость православныхъ братствъ въ борьбѣ съ католицизмомъ.—17. Петръ Могила—попечитель и опекунъ кіевскаго Богоявленскаго братства.—18. Союзъ козачества съ дворянами и братствами въ дѣлѣ защиты вѣры и русской народности; вопли ихъ къ единовѣрной и единоплеменной Москвѣ; смерть Сигизмунда III-го.

Глава III. Положеніе православныхъ при Владиславѣ IV, до кончины Петра Могилы . . . 336—370

1. Приготовленія православныхъ къ варшавскому сейму, имѣвшему избрать Владислава королемъ.—2. Сеймовая коммиссія для разсмотрѣнія жалобъ православныхъ; примирительныя статьи ея.—3. Избраніе новыхъ православныхъ епископовъ; Петръ Могила—митрополитъ кіевскій.—4. Краковскій сеймъ; протестъ папы противъ статей примиренія.—5. Каноническое возведеніе Петра Могилы и другихъ избранныхъ кандидатовъ въ архіерейскій санъ.—6. Труды Петра Могилы на пользу гонимаго православія.—7. Внутрен-

нее благоустройство монастырей и братствъ при Петрѣ Могилѣ; просвѣтительная ихъ дѣятельность.—8. Заботы Петра Могилы объ окончательномъ утвержденіи «статей примиренія»; двоедушіе Владислава IV.—9. Жалобы Петра Могилы на чинимыя православнымъ насилія и обиды.—10. Іезуиты и латинскіе монахи въ Кіевѣ; преслѣдованіе православныхъ въ Луцкѣ, Бѣльскѣ, Парчовѣ и другихъ мѣстахъ; подвиги мужества брестскаго игумена Аѳанасія Карповича.—11. Завѣщаніе Петра Могилы.

Глава IV. Подъемъ южно-русскаго народа на борьбу за свою вѣру и народность и присоединеніе Малороссіи къ Великой Россіи . . . . . 371—402

1. Успѣхи римскаго католичества въ средѣ западно-русскаго дворянства.—2. Бѣдственное положеніе крестьянъ отъ гнета пановъ и польскихъ жолнеровъ.—3. Отдача евреямъ православныхъ храмовъ въ аренду.—4. Возстаніе козаковъ на защиту вѣры и русской народности.—5. Богданъ Хмѣльницкій; пораженіе поляковъ при Желтыхъ Водахъ и Батуринѣ.—6. Народная месть. Гайдамаки.—7. Звѣрства ренегата Іереміи Вишневецкаго.—8. Переселенія южно-руссовъ въ предѣлы московскаго государства.—9. Сношенія Хмѣльницкаго съ Москвою.—10. Земская Дума въ Москвѣ; переяславская рада и присоединеніе Малороссіи къ Россіи.—11. Подчиненіе кіевской митрополіи власти московскаго патріарха.

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ.

Цѣна 60 коп.

61

Начертаніе церковно-библейской исторіи, Филарета, Митрополита Московскаго. въ бум. 40 к., въ колом. 50 к., въ корешк. 55 к., въ коленк., 70 к.

Исторія русской церкви, Филарета, Архіеп. Черниговскаго, въ бум. 50 к.

Исторія о расколахъ въ русской церкви, Игнатія, Архіеп. Воронежскаго, въ бум. 60 к.

Исторія православной церкви до начала раздѣленія церквей, К. П. Побѣдоносцева, въ бум. 75 к.

Тоже на чешскомъ яз. въ переводѣ О. Яреша, въ бум. 40 к.

Руководство по исторіи русской церкви, П. Знаменскаго, въ бум. 1 р.

Исторія русскаго самосознанія, проф. М. О. Кояловича, въ бум. 2 р.

Чтенія по исторіи Западной Россіи, его же, въ бум. 1 р. 20 к.

Иннокентій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ, И. Барсукова, въ бум. 5 р.

Жизнь Іосифа Сѣмашки, Кипріановича, въ бум. 3 р.

Краткій очеркъ о жизни Высокопреосвященнаго Іосифа, Митрополита Литовскаго, его же, въ бум. 60 к.

Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи, Чистовича, въ бум. 2 р.

Очеркъ изъ исторіи американской православной миссіи, въ бум. 80 к.

Собраніе сочиненій Е. М. Крыжановскаго. Томъ I. Очерки и изслѣдованія по русской церковной исторіи. Бытовые очерки. Цѣна 2 р.

Томъ II. Волненія уніатовъ въ Подлясьѣ. Князь Черкасскій и холмскіе уніаты. Нѣсколько документовъ о Подлясьѣ до 1595 г. Забужная Русь. Православная дружина въ Лѣснѣ. Остзейскій вопросъ и православіе въ Остзейскомъ краѣ. Чехи на Волыни. Цѣна 2 р.

20070059146